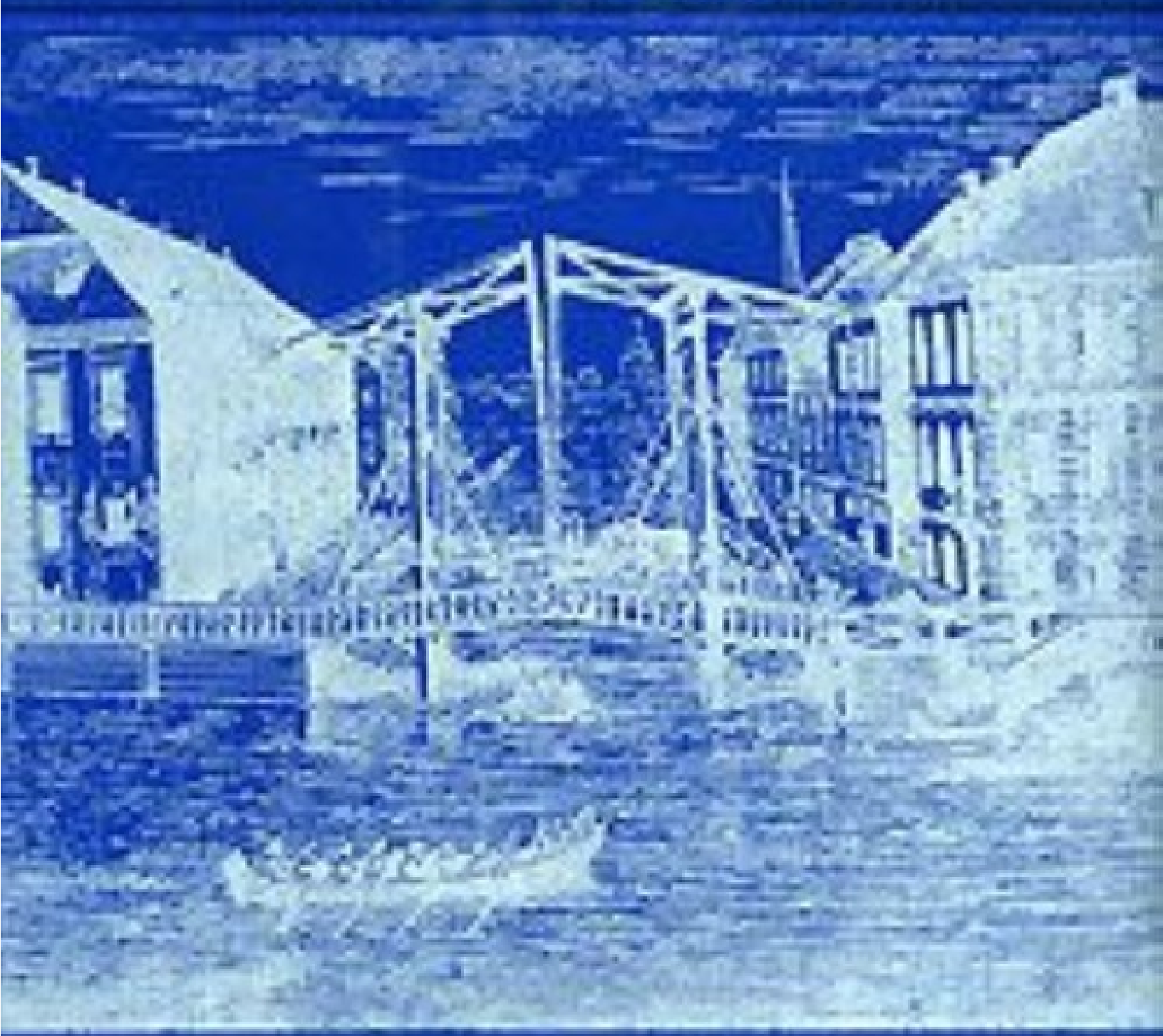

СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Annotation

Эта книга — первая современная история Санкт-Петербурга — подробно рассказывает о северной столице второй половины XVIII века, охватывая время царствования Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Много нового узнает читатель о быте простых горожан и вельмож, о создании различных памятников искусства и культуры.

•

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ МИРА

ПЁТР КОШЕЛЬ

ТРИ ВЕКА СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Том II

С ТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История Санкт-Петербурга второй половины XVIII века

Москва

РУБЕЖИ XXI

Эта книга — первая современная история Санкт-Петербурга — подробно рассказывает о северной столице второй половины XVIII века, охватывая время царствования Елизаветы Петровны, Петра I, Екатерины II и Павла I.

**В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.**

А. Пушкин

НЕВЕСТЫ НОВОГО ИМПЕРАТОРА

Вновь соловьи засвищут в тополях,
И на закате, в Павловске иль в Царском,
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском.

Г. Иванов

С кончиной Петра I многое, начатое им, осталось незавершенным. Его преемники, Екатерина I и Петр II, ничего не сделали для Петербурга. Петр II думал даже столицу перенести в Москву. В феврале 1728 г. двор уже переехал в Москву. И это сразу отразилось на состоянии Петербурга. Начался отток населения из города. Вслед за двором потянулось в Москву «благородное шляхетство», уезжали купцы. В Москве и Подмосковье находились родовые гнезда потомков боярской аристократии XVII в., их дома, дворы. Сюда тянули их старинные связи: отсюда правили русским государством их отцы, деды, прадеды. Петербург пустел. Здания не ремонтировались, многие были брошены недостроенными. Выросший вместе с Петербургом Балтийский флот погибал. Верховный

тайный совет не отпускал денег и провинта, во всем приказывал «обождать», «далеко не плавать». Петр II говорил, что гулять по морю, как дед, он не намерен. В армии было не лучше. Из-за экономии часть офицеров распустили по домам.

Торговля тоже приходила в упадок.

Такое запустение города вызвало со стороны правительства принудительные меры, и в 1729 г. явился указ, по которому заселение Петербурга опять сделалось поголовным: велено было немедленно выслать на бессрочное житье в Петербург всех выбывших из него купцов, ремесленников и ямщиков, с семьями, а за неисполнение или медлительность повелено было отбирать все имущество и ссылать в вечную каторгу. Эти строгие меры не привели ни к чему, народ тяготился житьем в Петербурге, и, по всей вероятности, это и было причиной, что в Петербурге образовались шайки поджигателей, наводившие панику на всех жителей.

Петр II старую петровскую гвардию не любил. Близких людей у него, кроме сестры Натальи, не было. Прожила она, к сожалению, всего 14 лет. Но и за эти годы в ней просматривались ум, здравость. Испанский посол вспоминал:

«В день восшествия царского на престол был большой съезд ко двору для принесения поздравления великой княжне, сестре его величества. Ее высочество сделала мне честь, приказав остаться обедать у нее, и за столом была весьма милостива ко мне. Здоровье ее было не в очень хорошем состоянии: врачи думали, что у нее чахотка, и вследствие сего лечили ее так, будто у нее грудная болезнь. Но не чахотка была причиной ее болезни, и только один врач мог ее вылечить, именно брат ее. Его величество по восшествии своем на престол имел такое доверие к сестре, что делал для нее все и не мог ни минуты оставаться без нее. Они жили в

величайшем согласии, и великая княжна давала удивительные советы своему брату, хотя только одним годом была старше его. Мало-помалу, однако же, царь привязался к своей тетке, принцессе Елизавете, а фаворит его и другие придворные, кои не любили великой княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцам, всячески старались выхвалять принцессу, которая не любила своей племянницы, и сделали то, что через полгода царь не говорил уже с ней ни о каких делах.

Великая княжна, у которой душа была превосходнейшая, чрезвычайно страдала оттого, что брат удалился от нее, и это страдание усугублялось еще тем, что тетка совсем перестала ходить к ней и обращалась с нею весьма холодно. Вот настоящая причина ее болезни».

Но посол ошибался. Петр II души не чаял в сестре.

А между тем в петербургских дворцах плелись интриги. Каждый пытался занять место у трона.

Княжна Мария Меншикова выросла в роскоши самого лучшего петербургского дворца, получила по тем временам более чем прекрасное образование: она знала языки, умела танцевать, поддерживать светский разговор.

Отец присмотрел ей жениха: это был красавец польский граф Ян Сапега, единственный сын богатого воеводы. Старый Сапега надеялся с помощью России получить польскую корону, а Меншиков рассчитывал на герцогство курляндское, бывшее в ленной зависимости от Польши.

Молодой граф все свободное время проводил у Меншиковых, и Мария, конечно, скоро по уши влюбилась в него. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, архиепископ Феофан Прокопович, в присутствии императрицы Екатерины и двора обручил их. Екатерина

пожаловала невесте сто тысяч рублей и несколько деревень с угодьями и крестьянами.

Казалось бы, все складывалось хорошо. Но сорокадвухлетняя Екатерина I позавидовала счастью юной княжны: уж больно хорошо был граф. И скоро Ян Сапега становится фаворитом императрицы. Он постоянно находится при ней. Екатерина осыпает графа подарками, дарит ему огромный дом со всей мебелью. Наконец она решает женить его на своей племяннице Софье Скавронской.

Марию Меншикову прочат в невесты наследнику престола Петру Алексеевичу. А почему и нет, если императрицей стала служанка пастора?

Екатериною составлено завещание, где говорилось, что «цесаревнам и администрации вменяется в обязанность стараться о сочетании браком великого князя с княжной Меншиковой».

Вельможи, недовольные таким поворотом дела, поскольку Петр должен был жениться на принцессе царской крови, биты кнутом и сосланы.

Меншиков вошел в азарт.

Когда он объявил дочери о перемене ее участи, она упала в обморок.

Историк В. Бантыш-Каменский пишет: «Какая печаль, какое отчаяние овладело сердцем княжны Марии, еще недавно бившемся от радости, когда отец объявил ей решительную, непременную волю, чтобы она забыла своего Сапегу и готовилась быть императрицею! Слезы, убеждения, болезнь несчастной — ничто не поколебало честолюбца... Мария не могла любить императора, дав сердце другому, и Петр II, взаимно смотря на холодность ее, на слезы, невольно катившиеся из прекрасных глаз, на принужденную улыбку, не мог любить ее».

Через неделю после смерти Екатерины I состоялось обручение. Мария стала императорским высочеством. У

нее теперь был свой двор, на содержание которого отпускалось тридцать четыре тысячи рублей.

Летом Меншиков заболел. Воспользовавшись этим, активизировались его врага князя Долгоруковы, перетянув на свою сторону воспитателя императора Остермана, имевшего большое влияние на юношу.

Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн); (1686 – 1747) – гос. деятель. Выходец из Вестфалии, приехавший в 1704 г. на службу в Россию. Участвовал в переговорах на Аландском (1718-1719) и Ништадском (1721) конгрессах. В 1726-1730 гг. член Верховного тайного совета. Содействовал возведению на престол Анны Иоанновны. После воцарения в 1741 г. на престол Елизаветы Петровны был арестован за сокрытие завещания Екатерины I и сослан в Березов.

К осени раздражение Петра II против Меншикова достигло кризиса: император не отвечал на его поклоны, когда тот заговаривал — отворачивался.

Наконец, Верховный тайный совет объявил Меншикову, что он отставлен от всех должностей и состоит под домашним арестом.

Всех Меншиковых отправили в ссылку. Насчет Марии последовало распоряжение, «чтобы впредь обрученной невесты, при отправлении службы Божией, не упоминать и о том во все государство отправить указы от синода».

Выезжал Меншиков огромным поездом: шестнадцать колясок, четырнадцать фургонов и т. д. Семью сопровождало множество прислуги, одних поваров было двенадцать, конюхов — двадцать пять... Поселились Меншиковы в собственном доме в маленьком городке Рязанской губернии Раненбурге.

Не пробыли они там недолго. В Москве у Спасских ворот нашли подметное письмо, «наполненное всякими плутовскими и лживыми внушениями, доброхотствуя и

заступая за бывшего князя Меншикова». Долгоруковы занервничали, и не замедлил себя ждать высочайший указ, по которому Меншикова с семьей должно сослать в сибирский городок Березов, все имущество отобрать, оставить прислуги десять человек. На содержание выделялось по рублю на человека.

И потянулись по весенней грязи три рогожные кибитки: в первой — князь с ослепшей от потрясения женой, во второй сын и в последней — дочери Мария с Александрой. В каждой кибитке сидели еще по два солдата.

Не успели они толком отъехать от Раненбурга, как кибитки догнал капитан с приказом осмотреть путников: не везут ли они чего лишнего. Лишнего нашлось так много, что Меншикова оставили с тем, что на нем надето было. У княжен отобрали все теплые вещи. Марии оставили тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтан, белый корсет и на голове белый атласный чепчик. Посомневавшись, на случай холодов — тафтяную шубу. Из посуды — медный котел, три кастрюли, несколько оловянных плошек и тарелок, и ни одного ножа, ни одной вилки.

Княгиня Меншикова, когда-то красавица-амазонка, гарцующая рядом с мужем под шведскими ядрами, теперь сразу постарела, ослепла. Она не выдержала дороги и скончалась в крестьянской избе.

Березов представлял собой в то время малолюдный поселок среди непроходимых болот. Летом — комары и гнус, зимой — мороз в 50 градусов.

Жил Меншиков в Березове свободно, получал на содержание десять рублей ежедневно, что было большой суммой. Возле острога он выстроил на свои деньги церковь, сам тоже помогая с топором и пилой. В этой церкви Меншиков исполнял обязанности дьячка. Сидя на берегу Сосьвы, он любил порассуждать с местными крестьянами о божественном, о святых

мучениках. Крестьяне его почитали как великого праведника. Прожив два года в Березове, Меншиков умер в возрасте 56 лет. Через 92 года по распоряжению тобольского губернатора была вскрыта могила Меншикова. Гроб лежал в слое вечной мерзлоты и в нем почти сохранившиеся останки. После этого местные жители объявили князя святым.

Через месяц после отца скончалась княжна Мария — ровно в день своего рождения. Ей исполнилось 18 лет. Скончалась «не столько от оспы, сколько от печали».

За десять дней до ее смерти Петр II распорядился освободить из ссылки Меншиковых-детей. Сына предполагалось записать в полк, а дочерей поселить в деревне, дав им на кормление сто крестьянских дворов. Но милость императора по отношению к Марии опоздала.

Александр и Александра были возвращены в столицу. Анна Иоанновна вернула им большую часть отцовского имущества; Александр стал служить в элитном гвардейском Преображенском полку, а Александра, став фрейлиной, вышла замуж за младшего брата герцога-регента генерал-аншефа Густава Бирона.

Есть неустановленные точно сведения, что в Березов вслед за Меншиковыми приехал тайно князь Федор Долгоруков, давно влюбленный в Марию. Они тайно обвенчались. В семье березовского священника долго хранился барсовый плащ, будто бы подаренный Долгоруким в благодарность за венчание. Говорили, что Мария скончалась не от оспы, а от родов. У нее была двойня. С этими детьми ее и похоронили.

Когда в 1825 г. искали могилу Меншикова, нашли два маленьких гробика с костями младенцев. Гробики стояли на большом гробу из кедра, в котором лежала женщина, покрытая зеленым атласным покрывалом. Сняли его, и «покойник открылся почти свежий; лицо

белое с синеватостию; зубы все сохранившиеся; на голове шапочка из шелковой алой материи; на лбу шелковый венчик; шлафрок из шелковой алой материи; на ногах башмаки с высокими каблуками».

По смерти Федора Долгорукова в березовскую церковь прислали по его завещанию золотой медальон с прядью светло-русых волос. Прядь принадлежала, по всей видимости, княжне Марии Меншиковой.

Второй невесте императора не повезло, как и Меншиковой. Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова родилась в 1712 г. и была правнучкой Марьи Долгорукой – жены Ивана Грозного. Правда, Марья пребывала в этом качестве всего один день: царь, обнаружив, что она не девственница, очень огорчился.

Княжна Екатерина провела детство в семье деда, бывшего дипломата в Варшаве, «вкусами и наклонностями она скорее соответствовала западноевропейской цивилизации, нежели чисто русским нравам и обычаям».

В одних воспоминаниях дан портрет Екатерины: «Высока, стройна, с тонкой талией, с роскошными черными волосами, с выразительными глазами, полными страсти. Она была не лишена ума, но горда, надменна, заносчива, бессердечна – характера крутого, энергичного и недоброго, а позднее, в Березове, ее дурное поведение причинило много бедствий семье».

Как и Меншиков, семейство Долгоруковых решило покрепче связать молодого императора с собой. И несмотря на то, что Екатерина была влюблена и готовилась выйти замуж за молодого австрийского графа Милиссимо, ее сделали невестой Петра II.

Леди Рондо рассказывает об этом дне так:

«Все лица высшего круга были приглашены, и, собравшись, сели на скамейках в большой зале: с одной стороны государственные сановники и знатные русские,

с другой – иностранные министры и знатные иностранцы. В глубине залы был поставлен балдахин и под ним два кресла, а перед креслами аналой, на котором лежало Евангелие. Много духовенства стояло с каждой стороны анаоя.

Когда все разместились, император вошел в залу и говорил со многими лицами; княжну с матерью и сестрой привезли в императорской карете; впереди невесты в карете ехал брат ее, обер-камергер, а за ней следовало множество императорских экипажей. Брат проводил княжну до дверей залы, где ее встретил царственный жених и отвел к одному из кресел, а в другое сел сам.

Прекрасная жертва (леди Рондо имеет в виду Екатерину Долгорукову) была одета в платье из серебряной ткани, плотно охватывавшее ее стан; волосы, расчесанные на четыре косы, украшенные множеством алмазов, падали вниз, маленькая корона венчала голову, длинный шлейф ее платья не был несен. Княжна имела вид скромный, но задумчивый и лицо бледное».

Император объявил, что берет княжну в жены, обменялся с ней кольцами. Потом они оба поцеловали Евангелие и архиепископ Феофан Прокопович прочитал молитву. Император назначил фрейлин и кавалеров к двору невесты с тем, чтобы они сразу же приступали к своим обязанностям.

Началось целование руки невесты. Петр держал ее правую руку в своей, давая целовать проходившим придворным.

Леди Рондо пишет:

«Наконец, к великому удивлению всех, подошел несчастный покинутый юноша; до тех пор она сидела с глазами, устремленными вниз, но тут быстро поднялась, вырвала руку из рук императора и дала ее поцеловать своему возлюбленному, между тем как тысячи чувств

изобразились на ее лице. Петр покраснел, но толпа присутствующих приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человека нашли случай удалить его из залы, посадить в сани и увезти поскорей из города. Поступок этот был дерзок, в высшей степени безрассуден и неожиданен для нее».

Назавтра графа Милиссимо отправили за границу и больше он в Россию не возвращался.

Был назначен день свадьбы, но именно в этот день император, заболев оспой, умер.

Долгоруковы хотели подбить Петра II на завещание в пользу невесты, но тот уже был не в состоянии ясно соображать.

Тогда Долгоруковы стали утверждать, что помолвка равносильна браку и как Екатерина I наследовала трон Петра I, так и невеста Петра II должна занять престол.

Такие сомнительные права они решили подкрепить фальшивым завещанием, подделав подпись Петра II.

На Верховном совете Долгоруковы пытались пустить в ход эту фальшивку, но им было заявлено, что «никто не в праве вступать на престол, пока имеются налицо женские члены императорского дома».

Правительницей России стала племянница Петра I, дочь его брата, герцогиня Курляндская Анна Иоанновна.

Один иностранец, посетивший в это время Екатерину Долгорукову, нашел ее «совершенно покинутой всеми, кроме одной только служанки и лакея, который служил ей с детства». Княжна сказала, что «ее молодость и невинность, а также и известная доброта той, которая наследовала престол, заставляют ее надеяться, что она не будет подвергнута никакому публичному оскорблению, а что бедность в частной жизни для нее ничего не значит, так как ее сердце занято единственным предметом, с которым ей будет приятно и уединенная жизнь. Предполагая, что под

словами «единственный предмет» могут подразумевать ее первого жениха, она поспешно прибавила, что запретила своему сердцу думать о нем с того мгновения, когда это стало преступным, но что она имела в виду свою семью, образ действий которой, как она думает, будет порицать, и что она не может преодолеть в себе единственной привязанности, хотя и была принесена в жертву обстоятельствам, которые теперь делаются причиной гибели ее семьи».

Но надежды оказались напрасными. Долгоруковых лишили чинов, должностей, имений и отправили в ссылку в тот же Березов.

Старый князь с женой через три года умерли, остались четверо сыновей, трое дочерей да невеста старшего сына.

Сын Иван, привыкший к праздной жизни, стал пьянствовать, завел дружбу с местными, особенно с офицеров Овцыным и тобольским подьячим Тишиным. Между Екатериной и Овцыным возникли, как говорится, особые отношения. Тишин, которому такая удача не обломилась, написал донос. Из Петербурга прислали проверку и было арестовано около двадцати человек – за послабления Долгоруковым и «прикосновенность к вредительским и злым словам князя Ивана».

Пострадали все более менее связанные с Долгоруковыми: воевода, священнослужители, служивые люди... В Березове даже появилась пословица: «Кто у Долгоруковых съел блин, того в Тобольск к ответу».

Бирон Долгоруковых особенно ненавидел и требовал подробных донесений об их поведении. Когда княжна Елена на свой день ангела заказала обедню, протопопа сослали за это в Илимский острог. Узнав, что Долгоруковы высмеивают Анну и Бирона, их разъединили, а после судили в Тобольске, приговорив к новой ссылке.

Князя Алексея сослали матросом на Камчатку, Николая, бив кнутом и урезав язык, — в Охотск, Александра — после кнута и урезания языка тоже на Камчатку, Ивана отвезли в Новгород и колесовали. Девушек постригли в монахини, определив им жить по разным монастырям.

Екатерину сослали в девичий монастырь близ Томска. Там у скотного двора стоял маленький домик с узкими оконцами. В нем и поселили княжну. Дверь круглосуточно была заперта на замок.

Екатерина провела взаперти два года. Когда однажды игуменья замахнулась на нее четками, она подняла высоко голову и, указывая на дверь, сказала:

— Уважь свет и во тьме! Я — княжна, а ты холопка!

Но вот на престол вступает Елизавета Петровна, и дверь монастырской темницы отворяется.

Княжна была возвращена в столицу, пожалована во фрейлины.

Императрица Елизавета подыскала ей и мужа — генерала графа Алексея Брюса, племянника знаменитого астролога. Он был вдовцом.

После свадьбы Екатерина поехала в Новгород поклониться могиле казненного брата. Там она заложила церковь в его память.

Остальные братья, живя скитальческой жизнью, даже и не ведали о помиловании. Через два года на Камчатке о нем случайно узнал Алексей.

Но обратном пути Екатерина сильно простудилась и вскоре скончалась. Уже умирая, она велела принести все свои наряды и сжечь их в камине:

— Не хочу, чтобы после меня кто-нибудь их носил!

Такая вот печальная история, возросшая на петербургской почве.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПРИ АННЕ ИОАННОВНЕ

Невзирая на все старания, употребленные на приведение России в настоящее положение, которое так близко связало ее с остальной Европой и придало ей такой вес в европейских делах, я, признаюсь, усматриваю в ней только грубую модель чего-то, что предполагается усовершенствовать со временем, в чем составные части не сложены, не пригнаны одна к другой, не спаяны, а только наскоро подперты были сначала одной подпоркой, которая впоследствии заменена другой, и стоит только отнять подпорку, как все немедленно рушится...

Э. Финч, английский посол в Петербурге в 1740-х годах

Императрица Анна Иоанновна вступила на престол уже в зрелом возрасте, испытав до этого много горя, неприятностей и унижений. С детства не любимая матерью, она выросла на руках мамок, среди распущенной дворни и разного рода ханжей, юродивых и святош, постоянно наполнявших дом царицы Прасковьи Федоровны, прозванный Петром I «госпиталем всевозможных уродов и пустосвятов». Хотя царица и нанимала для своих дочерей учителей-иностранцев: немца Иоанна-Дитриха Остермана и француза Рамбурха, – но учение этих педагогов принесло царевнам мало пользы; по крайней мере, Анна Иоанновна, несмотря на то что впоследствии долгое время жила в Курляндии, окруженная немцами, никогда не выучилась свободно говорить по-немецки и тщательно избегала объяснений на этом языке. Семнадцати лет Анна Иоанновна была выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха-Карла и через два месяца после брака овдовела. Петр I поселил молодую вдову в Митаве под надзором гофмейстера Петра Бестужева-Рюмина и приказал отпускать ей на

содержание из курляндских доходов «столько, без чего прожить нельзя», так что герцогиня всегда нуждалась в деньгах и для приобретения их должна была прибегать к униженным просьбам и займам.

Русский двор, отличавшийся при Петре I своей малочисленностью и простотой обычаев, совершенно преобразился при Анне Иоанновне. Императрица хотела непременно, чтобы двор ее не уступал в пышности и великолепии всем другим европейским дворам. Она учредила множество новых придворных должностей и завела многочисленный штат служителей, итальянскую оперу, балет, немецкую труппу, два оркестра музыки-приказала выстроить вместо довольно тесного императорского зимнего дома большой трехэтажный каменный дворец, вмещавший в себе церковь, театральную и тронную залы и семьдесят покоев различной величины, роскошно меблированных и отделанных. При дворе начались торжественные приемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминации, фейерверки и тому подобные увеселения. Любовь императрицы к пышности и блеску не только истощила государственную казну, но вовлекла в громадные расходы придворных и вельмож, которые, соревнуясь друг с другом, старались угодить вкусам Анны Иоанновны и тем обратить на себя ее внимание.

Анна Иоанновна (1693 – 1740) – русская императрица 1730-1740 гг., дочь царя Ивана V Алексеевича, племянница Петра I. Возведена на престол Верховным тайным советом. Фактически при ней правила придворная немецкая клика Бирона.

«Многие из знатных людей, — говорит современник князь М. М. Щербатов, — стали иметь открытые столы; вместо сделанной из простого дерева мебели начали не иную употреблять, как английскую, сделанную из

красного дерева мегагеня; дома увеличились и вместо малого числа комнат уже по множеству стали иметь; стали дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая непристойным иметь комнату без обоев; зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большие стали употреблять. Экипажи тоже великолепиие восчувствовали, богатые, позлащенные кареты, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахромами, лучшие и дорогие лошади; богатые, тяжелые, позлащенные и посеребренные шоры, с кутасами шелковыми и с золотом или серебром, также богатые ливреи стали употреблять. Всякая роскошь приключает удовольствие и некоторое спокойствие, а потому приемлется всеми с охотою и по мере приятности своей распространяется. А от сего, от великих перенимая малые, повсюду начала она являться. Вельможи, проживаясь, привязывались более ко двору, яко к источнику милостей, а низшие — к вельможам, для той же причины».

Щербатов Михаил Михайлович (1733 – 1790) – князь, дворянский историк, автор семитомной «Истории Российской от древнейших времен», вышедшей в 1770 – 1791 гг. в Петербурге. Выступая защитником дворянских привилегий, рассматривал русскую историю с монархических позиций.

Правда, попойки, которыми прежде непременно оканчивались всякие торжества и собрания, теперь были совершенно изгнаны из придворных обычаев, потому что Анна Иоанновна не могла видеть и боялась пьяных; но зато при дворе появились азартные игры, и нередко в одну ставку в фараон или квинтич проигрывалось до двадцати тысяч рублей. Сама императрица не была пристрастна к игре, и если играла, то для того, чтобы проиграть. В таких случаях она держала банк, и ставить могли лишь те, кого она

называла. Выигравший тотчас же получал деньги, а с проигравшего императрица никогда не требовала уплаты. Кроме карт, на придворных банкетах играли еще в шахматы и на бильярде, для чего были даже устроены особые комнаты, носившие названия шахматной или бильярдной.

Угощение на придворных празднествах было всегда обильное, хотя и довольно однообразное; к обеду или ужину обычно подавались во всевозможных видах говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинные стерляди, щуки и другие рыбы, грибные блюда, паштеты, кабаньи головы в рейнвейне, шпергель (спаржа), гороховые стручья и т. д. Все кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздикой, перцем, мускатным орехом и даже «тертым оленьим рогом». Из сладостей употреблялись: «шалей», т. е. желе, мороженое, конфеты, цукерброд, разнообразные варенья, пастилы и мармелады, имбирь в патоке; затем фрукты, каштаны, орехи и т. п. Из напитков подавались водки разного сорта, например, «приказная», «коричневая», «гданская», «боярская», ратафия; вина: шампанское, рейнвейн, сект, «базарак», «корзик», венгерское, португальское, шпанское, волошское, бургонское, пиво, полпиво, мед, квас, кислые щи и т. п. На расходы по придворному столу указом 1733 г. было велено отпускать ежегодно по 67 000 руб.

При парадных обедах скатерти искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками, а столы украшались разными фигурами и «атрибутами», была даже устроена особая «гора банкетная деревянная, сверху корона с крестом, и скипетр и мечи золоченые». Кроме того, ставились в пирамидах и искусственные цветы, большой запас которых постоянно хранился у кухеншрейбера, — так в 1739 г. у него имелось: 9525 цветов, сделанных из перьев «на итальянский вкус», и

8750 штук цветов «малых, китайских, бумажных, на проволоке, разным манером»; залы освещались восковыми свечами «с золотом и без золота», а на свечи надевались «налепы банкетные, большой и малой пуки, белые, желтые и др.».

В дворцовой театральной зале представлялись итальянские оперы, комедии и интермедии с балетами. Итальянская труппа, которой управлял известный тогда композитор-капельмейстер Арайя, была выписана в Россию в 1733 г. В ее состав входили «комедианты», певчие, танцоры и музыканты, исполнявшие концертную музыку и игравшие во время торжественных обедов. Постановкой балетов заведовал учитель танцев в шляхетском корпусе Ланде; он завел собственную танцевальную школу, в которую императрица сама выбрала из дворцовой прислуги двенадцать красивых девочек и двенадцать мальчиков; из них впоследствии вышли очень хорошие танцовщики и танцовщицы. Немецкая труппа существовала с 1738 по 1740 г.; она была выписана из Лейпцига и представляла комедии и фарсы. Русские пьесы, большею частью «сказки в лицах и диалогах», ставились редко и разыгрывались придворными кавалерами и дамами. Кроме того, при дворе числился «комедиант персидского манера» по фамилии Лазарев. Какого рода было его мастерство, неизвестно, но из того обстоятельства, что он обучал своих учеников «разным штукам» и что для представления его требовались такие предметы, как сабли, перчатки и т. п., можно заключить, что он был фокусник и акробат; любопытно, что в числе учеников находилась одна капральская дочь. Места в театральные представления раздавались безденежно, по чинам и званиям зрителей.

Императрица Анна Иоанновна графу С. А. Салтыкову.

Семен Андреевич! Уведомились мы, что в Москве на Петровском кружале (кабаке) стоит на окне скворец, который так хорошо говорит, что все люди, которые мимо идут, останавливаются и его слушают, того ради имеете вы одного скворца купить и немедленно сюда прислать, и пребываю в милости – Анна.

Свнктпетербург, 1 марта 1739 г.

Известно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По этому поводу Манштейн занес в свои записки следующую остроту, сказанную австрийским посланником Остейном: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит, как человек, когда же он говорит о людях и с людьми, то выражается, как лошадь».

Бирон Эрнст Иоганн (1690 – 1772) – глава немецкой реакционной клики, захватившей в 30-х гг. XVIII в. власть при русском дворе; фаворит императрицы Анны Иоанновны. Фактически неограниченный правитель, в 1740 г. регент империи. В ноябре 1740 г. был свергнут гвардией, долгое время находился в ссылке, возвращен при Петре III, при Екатерине II стал герцогом Курляндским.

Императрица поручила знаменитому архитектору Растрелли воздвигнуть вблизи дворца огромный манеж, или, как тогда называли, «конскую школу», роскошно украшенную снаружи и внутри. Конюшенный штат состоял из 393 служителей и мастеровых и 379 лошадей, содержание которых обходилось ежегодно в 58 000 руб. Одних только седел по списку 1740 года хранилось 212 штук, и в числе их значились, например, такие: «Седло турецкое с яхонтами и изумрудами, при нем серебряные, вызолоченные стремяна с алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголов и наперст с золотым с алмазами набором, решма серебряная, вызолоченная, с алмазами, чендарь глазетовый, шитый серебром». Анна Иоанновна,

посещавшая манеж сперва из угождения своему любимцу, потом сама приистрастилась к лошадям и, несмотря на свои сорок лет и полноту, даже выучилась ездить верхом. В манеже для нее была отделана особая комната, где она нередко занималась делами и давала аудиенции.

Анна Иоанновна очень любила всяких птиц, и в особенности певчих и ученых, и была страстной ружейной охотницей. Почти во всех комнатах дворца висели клетки, в которых пели и стрекотали разные канарейки, чижи, соловьи, скворцы, снегири, перепела, египетские голуби и т. д. При попугаях состояла особая смотрительница, немка Варленд, обучавшая их говорить. В одном из дворцовых садов были выстроены отдельные здания, называвшиеся менажериями, где содержались и размножались всевозможные породы птиц. Очень часто птиц этих выпускали в сад, примыкавший к дворцу, и императрица забавлялась тем, что стреляла их из ружья или из лука.

Придворная охота составляла предмет особенной заботы Анны Иоанновны, и она лично делала по ней все распоряжения. Неоднократными указами всем частным лицам строжайше воспрещалось под страхом ссылки на каторжные работы охотиться на расстоянии 30 верст от Петербурга и близлежащих мест. Придворные охоты содержались в Петербурге, Петергофе и Москве; они находились в ведении канцелярии егермейстерских дел, и на них ежегодно расходовалось до 18 000 рублей. По всей России покупались, ловились и доставлялись в «зверовые дворы» всевозможные звери: медведи, волки, кабаны, олени, дикие козы, лисицы, барсуки, рыси, зайцы и так далее. О количестве их можно судить по тому, что, например, в 1740 г. из одной Москвы было прислано 600 штук русаков. Охотничьи собаки были самых разнообразных пород: борзые, гончие, меделянские, датские, легавые, таксели

(таксы), бассеты, биклеса, хорты, русские и т. п. По яхт-штату определено было содержать только 138 собак, но в действительности число их всегда значительно превышало эту норму; так, в 1740 г. наш посол в Париже князь Кантемир купил для императрицы за 1100 рублей 34 пары собак бассетов, а вслед за тем посол в Англии князь Щербатов прислал приобретенные им за 2234 рубля 63 пары гончих, биклесов, борзых и хортов. При собаках состояли: один обер-егерь, четыре егеря, шесть пикеров, десять охотников, восемь наварщиков, три тенетника и четыре служителя.

Любимым местом охоты императрицы был Петергофский парк. Для охоты в парке обыкновенно расставлялись полотна, между которыми гончие собаки гоняли зверей; полотен этих требовалось такое громадное количество, что для хранения их был выстроен отдельный цейхгауз, находившийся в ведении цейхкнехта. Практиковался еще способ охоты, называвшийся парфорс-яхт. Он заключался в том, что первоначально устраивалась облава, а затем целое общество охотников травило и стреляло разного рода зверей; для доставления охотников к месту охоты держались особые экипажи, яхт-вагены. Ружья для императрицы изготовлялись преимущественно на Сестрорецком заводе и отличались богатой отделкой, золотыми насечками, фигурными ложами; во время охоты они заряжались всегда обер-егерем Бемом, причем пули вкладывались в гильзы, смазанные салом.

Императрица стреляла отлично, почти без промаха, и нередко убивала пулей птиц в лет. Об охотничьих ее подвигах иногда сообщалось в «Ведомостях»; так, в 1740 г. напечатано следующее известие: «С 10-го июня по 26-е августа ее величество, для особого своего удовольствия, как парфорс-яхтою, так и собственноручно, следующих зверей и птиц застрелить изволила: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374

зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц». Кроме охоты, летом Анна Иоанновна развлекалась ужением рыбы, катаньем на шлюпках, из которых была составлена небольшая флотилия с 24 матросами под командою флотского офицера, или катанием по парку «в качалках» — маленьких колясочках, запряженных малорослыми лошадками.

Обычные дни, когда не было при дворе приемов, императрица любила проводить в комнатах любимца Бирона или у себя в спальне, среди шутов и приживалок. Надев капот из турецкой материи небесно-голубого или зеленого цвета, предпочитаемого ею другим, и повязав по-мещански голову красным платком, она вышивала с женой Бирона, с которой была очень дружна, в пальцах или играла с ее детьми в мяч, волан, пускала им змей, забавлялась их шалостями и выходками, часто грубыми и дерзкими, но всегда проходившими безнаказанно для этих испорченных баловней. Шутов и приживалок разного рода состояло при императрице множество. Среди них были карлы, карлицы, татарчата, калмычата, калмычки, персиянки, арабки, монахини, разные старухи, называвшиеся сидельницами, и т. п. Иные из них носили особые прозвища, указывающие на их физические недостатки или особенности, например: Мать Безножка, Дарья Долгая, Акулина Лобанова, Девушка Дворянка, Екатерина Кокша, Баба Материна и проч. Все они были обязаны болтать без умолку, и Анна Иоанновна просиживала целые часы, слушая их болтовню и смотря на их кривлянья. Личностей, обладавших завидным для многих даром говорить не уставая всякий вздор, разыскивали по всей России и немедленно препровождали ко двору.

В государственном архиве сохранилось несколько собственноручных писем Анны Иоанновны, доказывающих ее заботу о пополнении своего

интимного штата разными болтунями и дурами. Так, например, императрица писала в Москву: «У вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живет одна княжна Вяземская, девка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобы она не испугалась, то объяви ей, что я беру ее из милости, и в дороге вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, как сказывают, что она много говорит». В другой раз она писала в Переславль: «Поищи в Переславле из бедных дворянских девок или из посадских, которая бы похожа была на Татьяну Новокщенову, а она, как мы чаем, что уже скоро умрет, то чтобы годны были ей на перемену; ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые бы были лет по сорока и так же б говорливы, как та, Новокщенова, или как были княжны Настасья и Анисья Мещерские».

До нас дошел любопытный рассказ жены управляющего дворцовым селом Дединовым Настасьи Шестаковой о том, как в июне 1738 г. она провела день во дворце у императрицы. Рассказ этот так ярко и вместе с тем безыскусственно рисует домашний быт Анны Иоанновны, что мы приводим его целиком:

«Божиею милостью и заступлением пресвятыя Богородицы и повелением ее императорского величества приведена была во дворец летний, и привели меня в дежурную к Андрею Ивановичу Ушакову, а его превосходительство велел меня проводить через сад в покои, где живет княгиня Аграфена Александровна Щербатая, и как шла садом, стоял лакей на дороге и спросил: «Не вы ли Филатовна?». И я о себе сказала: «Я». И взял меня лакей и довел меня до крыльца перед почивальню и привел к княгине. Княгиня пошла и доложила обо мне, и изволили ее императорское величество прислать Анну Федоровну Юшкову: «Не скучно ли тебе, Филатовна, посиди» — и посадила со мною от скуки говорить Анну Федоровну Волкову, полковницу. А как пришло время

обедать, посадили за стол с княгиней Голицыною, с полковницею Анною Васильевною, с Марьею Михайловною Возницыною, с камор-юнфорою Матреною Ефстифьевною, с Маргаритою Федоровною, с матерью Александрю Григорьевною, а иных и не упомяну.

А как пришел час вечерни, изволила ее величество прислать Анну Федоровну Юшкову: «Ночуй-де у меня, Филатовна!». И я сказала: «Воля ее императорского величества». А как изволила откусать ввечеру и изволила раздеться, то меня княгиня привела в почивальную пред ее величество и изволила меня к ручке пожаловать и тешилась: взяла меня за плечо так крепко, что с телом захватила, ажно больно мне было. И изволила привести меня к окну и изволила мне глядеть в глаза, сказала: «Стара очень, никак была Филатовна — только пожелтела». И я сказала: «Уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась белилами, брови марала, румянилась». И ее величество изволила говорить: «Румяниться не надобно, а брови марай». И много тешилась и изволила про свое величество спросить: «Стара я стала, Филатовна?». И я сказала:

«Никак, матушка, ни маленькой старинки в вашем величестве!» — «Какова же я толщиною — с Авдотью Ивановну?» И я сказала: «Нельзя, матушка, сменить ваше величество с нею, она вдвое толще». Только изволила сказать: «Вот, вот, видишь ли!». А как замолчу, то изволит сказать: «Ну, говори, Филатовна!». И я скажу: «Не знаю, что, матушка, говорить: душа во мне трепещется, дай отдохнуть». И ее величеству это смешно стало, изволила тешиться: «Поди ко мне поближе». И мне стала ее величества милость и страшна и мила, упала перед ножками в землю и целую юбочку. А ее величество тешится: «Подымите ее». А княгиня меня тащит за рукав кверху, я и пуще не умею встать. И так моя матушка светла была, что от радости ночь плакала и спать не могла. «Ну, Филатовна,

говори!». — «Не знаю, матушка, что говорить». — «Рассказывай про разбойников!». Меня уже горе взяло: «Я, мол, с разбойниками не жила». И изволила приказывать: что я делаю, скажи Авдотье Ивановне. И долго вечером изволила сидеть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла к себе, а княгиня живет перед почивальнею.

А поутру меня опять привели в почивальную перед ее величеством в десятом часу, и первое слово изволила сказать: «Чаю, тебе не мягко спать было?». И опять упала я в землю перед ее величеством, и изволила тешиться: «Подымите ее; ну, Филатовна, рассказывай!». И я стала говорить: «Вчера, матушка, день я сидела, как к исповеди готовилась: сердце все во мне трепетало». И ее величество тешилась: «А нынча что?». — «А сегодня, матушка, к причастию готовилась». И так изволила моя матушка светла быть, что сказать не умею. «Ну, Филатовна, говори!» И я скажу: «Не знаю уже, что говорить, все милостивая». — «Где твой муж и у каких дел?» И я сказала: «В селе Дединове в Коломенском уезде управителем». Матушка изволила вспомнить: «Вы-де были в новгородских?». — «Те, мол, волости, государыня, отданы в Невский монастырь». — «Где же-де вам лучше, в новгородских или в коломенских?» И я сказала: «В новгородских лучше было». И ее величество изволила сказать: «Да для тебя не отнимать их стать. А где вы живете, богаты ли мужики?». — «Богаты, матушка». — «Для чего ж вы от них не богаты?» — «У меня, мол, муж говорит, все милостивейшая государыня, как я лягу спать, ничего не боюсь, и подушка в головах не вертится». И ее величество изволила сказать: «Эдак лучше, Филатовна: не пользуется имение в день гнева, а правда избавляет от смерти». И я в землю поклонилась. А как замолчу, изволит сказать: «Ну, говори, Филатовна, говори». И я скажу: «Матушка, уже все высказала». — «Еще не все

сказала: скажи-ка, стреляют ли дамы в Москве?» — «Видела я, государыня, князь Алексей Михайлович (Черкасский) учит княжну стрелять из окна, а поставлена мишень на заборе». — «Попадает ли она?» — «Иное, матушка, попадает, а иное кривенько». — «А птиц стреляет ли?» — «Видела, государыня, посадили голубя близко к мишени и застрелила в крыло, и голубь ходил на кривобок, а другой раз уже пристрелила». — «А другие дамы стреляют ли?» — «Не могу, матушка, до-несть, не видывала». Изволила мать моя милостиво расспрашивать, покамест кушать изволила. А как убраться изволила, то пожаловала к ручке: «Прости, Филатовна, я опять по тебя пришлю: поклонись Григорью Петровичу, Авдотье Ивановне». И изволила приказать Анне Федоровне Юшковой: «Вели отвезти Филатовну на верейке лакеям, да и проводить». И пожаловала мне сто рублей; изволила сказать: «Я-де помню село Дединово: с матушкою ездила молиться к Миколу». А я молвила: «Ну-тко, мол, матушка, ныне пожалуй к Миколу-то Чудотворцу помолиться». И ее величество изволила сказать: «Молись Богу, Филатовна, как мир будет». Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: «Погляди, Филатовна, моих птиц».

И как привели меня в сад, и ходят две птицы величиною и от копыт вышиною с большую лошадь, копыта коровьи, коленки лошадиные, бедра лошадиные, а как подымет крыло — бедра голы, как тело птичье, а шея, как у лебедя, длинна, мер в семь или восемь, длиннее лебяжьей; головка гусятая и носок меньше гусятый; а перье на ней такое, что на шляпах носят. И как я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: «Как-та их зовут», то остановил меня лакей: «Постой». И побежал от меня во дворец, и прибежал ко мне возвратно: «Изволила государыня сказать: эту птицу зовут строкофамил; она-де яйца те несет, что в церквах по паникадилам привешивают».

Состоявшие при императрице приживалки и шуты, болтая, сообщали ей сплетни, ходившие по городу, и интимные дразги из семейной жизни придворных; но Анна Иоанновна этим не удовлетворялась: ее интересовали не одни только петербургские сплетни, но и московские; с этой целью она вела постоянную переписку с родственником своим, московским генералом-губернатором С. А. Салтыковым, поручая ему тайно узнавать и доносить ей о домашних делах разных лиц. В свои комнатные фрейлины она выбирала преимущественно таких девиц, которые имели хорошие голоса. Когда императрица оставалась в своей опочивальне, фрейлины должны были сидеть в соседней комнате и заниматься рукоделием, вышиванием, вязанием. Соскучившись, Анна Иоанновна отворяла к ним дверь и говорила: «Ну, девки, пойте!» — и девки пели до тех пор, пока государыня не кричала: «Довольно!» Иногда она требовала к себе гвардейских солдат с их женами и приказывала им плясать по-русски и водить хороводы, в которых заставляла принимать участие присутствовавших вельмож.

Она не чуждалась и литературных развлечений: узнав как-то, что Тредиаковский написал стихотворение игривого содержания, она призвала автора к себе и велела ему прочитать свое произведение. Тредиаковский в одном из своих писем так рассказывает об этом чтении: «Имел счастье читать государыне императрице, у камина, стоя на коленях перед ее императорским величеством, и по окончании оного чтения удостоился получить из собственных ее императорского величества рук все милостивейшую оплеушину».

Анна Иоанновна вообще была очень строга к своим приближенным и обращалась с ними крайне сурово. Так, например, однажды две фрейлины, сестры Салтыковы, которых она заставила петь целый вечер,

осмелились наконец заметить ей, что они уже много пели и устали. Императрица, не терпевшая никаких возражений, до такой степени разгневалась на бедных девушек, что тут же прибила их и отправила на целую неделю стирать белье на прачечном дворе. В другой раз, узнав, что на одном частном балу какие-то дамы очень хорошо танцевали, она послала за ними и приказала танцевать в своем присутствии. Дамы начали танец, но, смущенные грозным видом государыни, смешались, перепутали фигуры и в нерешительности остановились. Императрица молча поднялась с своего кресла, подошла к помертвевшим от страха танцоркам, отвесила каждой по пощечине и затем, возвратившись на место, велела снова начать танец. Анна Иоанновна очень благоволила к статс-даме графине Авдотье Ивановне Чернышевой, потому что она хорошо умела рассказывать городские новости и анекдоты; но, несмотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себе. Однажды Чернышева, разговаривая с императрицей, почувствовала себя дурно и едва могла стоять на ногах.

Анна Иоанновна, заметив это, сказала своей собеседнице: «Ты можешь опереться на стол, служанка заслонит тебя и, таким образом, я не буду видеть твоей позы».

Шуты при дворе Анны Иоанновны не имели того значения, которым пользовались при Петре I. Петр держал шутов не для собственной только забавы и увеселения, но как одно из орудий насмешки, употреблявшейся им иногда против грубых предрассудков и невежества, коренившихся в тогдaшнем обществе. Шуты Петра очень часто резкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребления лиц, даже самых близких к государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишком бесцеремонное обхождение шутов, он отвечал: «Что вы

хотите, чтобы я с ними сделал? Ведь они дураки!». Шуты же Анны Иоанновны не смели никому высказывать правды в глаза и по доброй воле или принуждению исполняли роль простых скоморохов, потешая свою повелительницу забавными выходками, паясничеством, сказками и прибаутками.

По свидетельству Гаврилы Державина, всякий раз, как императрица слушала обедню в придворной церкви, шуты ее садились на лукошки в той комнате, через которую ей нужно было проходить во внутренние покои, и кудахтали, подражая наседкам. Иногда Анна Иоанновна заставляла их становиться гуськом, лицом к стене, и по очереди толкать один другого изо всей силы; шуты приходили в азарт, дрались, таскали друг друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а в угоду ей и весь двор, восхищались таким зрелищем и помирали со смеху. Для поощрения и награждения своих шутов Анна Иоанновна учредила даже особый шутовской орден «св. Бенедикта», весьма схожий с крестом ордена св. Александра Невского и носившийся в петлице на красной ленте.

Официальных шутов при императрице находилось шесть человек: Балакирев и д'Акоста, унаследованные ею от Петра I, Педрилло, граф Апраксин, князь Волконский и князь Голицын. Появление при дворе в роли шутов лиц из родовитой русской знати восходит к XVII столетию. У Ивана Грозного был шут, князь Осип Гвоздев, которого грозный царь и убил, шутя. В шутовских обрядах, свадьбах и маскарадах петровского времени главными актерами с титулом «князь-папы» и «князь-игуменьи» фигурировали: думный дьяк Н. М. Зотов, боярин П. И. Бутурлин, вдова окольничего Д. Г. Ржевская, статс-дама княгиня Н. И. Голицына и другие. Анна Иоанновна имела свои причины продолжать такое унижение старинного боярства, помня хорошо, как оно

стремилось при ее воцарении ограничить самодержавие в свою пользу.

Чтобы можно было составить некоторое понятие о личности шутов Анны Иоанновны, мы постараемся сгруппировать те немногие и отрывочные сведения о них, которые разбросаны в документах и мемуарах того времени.

Иван Емельянович Балакирев, сын бедного дворянина, был сперва стряпчим в Хутынском монастыре близ Новгорода, а потом, вытребованный в 1718 г. наравне с другими дворянами в Петербург на службу, определен «к инженерному учению». В столице он случайно познакомился с царским любимцем камергером Монсом, понравился ему своим веселым характером, балагурством и находчивостью и сделался его домашним человеком. Монс, уже тогда владевший сердцем императрицы Екатерины I, устроил Балакиреву место камер-лакея, поручал ему выведывать и выслушивать придворные новости и разговоры и при его содействии продавал разным лицам свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутом, бывший стряпчий сумел обратить на себя внимание Петра I и получил право острить и дурачиться в его присутствии. Однако Балакиреву недолго пришлось пользоваться выгодами своего нового положения. Арестованный в 1724 г. вместе с Монсом, он подвергся пытке и за «разные плутовства» был наказан нещадно батогами и сослан в Рогервик в крепостные работы.

По вступлении на престол Екатерины I Балакирев был возвращен из ссылки и определен в Преображенский полк солдатом. Несмотря на все старания и хлопоты, он только в царствование Анны Иоанновны попал снова ко двору и получил звание придворного шута. Наученный горьким опытом, Балакирев вел себя очень осторожно и заботился более всего о том, чтобы обеспечить себя на черный день.

Анна Иоанновна, по-видимому, благоволила к нему; по крайней мере когда в 1732 г. Балакирев женился на дочери посадского Морозова и не получил обещанных ему в приданое 2000 руб., императрица приказала немедленно и не принимая никаких отговорок «доправить» эти деньги с Морозова и отдать их Балакиреву. В другой раз он вздумал разыграть лотерею, и Анна Иоанновна усердно хлопотала о раздаче билетов. «При сем посылаю вам, — писала она в Москву Салтыкову, — бумажку: Балакирев лошадь проигрывает в лот, и ты изволь в Москве приказать, чтоб подписались, кто хочет и сколько кто хочет, и ты пожалуй подпиши, а у нас все пишут». Кстати заметим, что многочисленные анекдоты о Балакиреве большей частью выдуманы или заимствованы из польских книжек подобного же содержания. Ни один из современных Петру I писателей, рассказывая о царских забавах, даже не упоминает имени Балакирева.

Ян д'Акоста, португальский еврей, несколько лет странствовал по Европе, перебиваясь мелкими аферами; держал маклерскую контору в Гамбурге и наконец пристал в качестве приживальщика к бывшему там русскому резиденту, с которым и приехал в Россию. Смешная фигура и умение говорить на всех европейских языках принесли ему место придворного шута. Он был чрезвычайно хитер и превосходно знал Священное Писание. Петр I любил вступать с ним в богословские споры и за усердную шутовскую службу пожаловал ему титул «самоедского короля» и подарил безлюдный и песчаный остров Соммерс, один из средних островов Финского залива.

Пьетро Мира, обыкновенно звавшийся сокращенно Педрилло, родом неаполитанец, явился в Петербург в начале царствования Анны Иоанновны петь роли буффа и играть на скрипке в придворной итальянской опере. Не поладив, однако, с главным оперным

капельмейстером Арайя, сметливый Педрилло перечислился в придворные шуты и так удачно исполнял свою новую обязанность, что скоро сделался любимцем императрицы и неизменным карточным ее партнером. На придворных банкетах она обыкновенно поручала Педрилло держать вместо себя банк и расплачиваться при проигрышах. Благодаря этому обстоятельству Педрилло сумел в короткое время скопить изрядный капитал, с которым потом благоразумно удалился восвояси.

О ловкости его в наживании денег можно судить из следующего анекдота, рассказанного в записках Манштейна. Жена Педрилло была очень невзрачна собою; однажды Бирон, желая посмеяться над ним по этому поводу, спросил его: «Правда ли говорят, что ты женат на козе?». — «Не только правда, — отвечал находчивый шут, — но жена моя беременна и должна на днях родить; смею надеяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу». Бирон расхохотался и обещал исполнить просьбу.

Через несколько дней Педрилло пришел к Бирону с радостным лицом и объявил, что жена его, коза, благополучно разрешилась от бремени, и напомнил об обещании. Выходка эта очень понравилась Анне Иоанновне, и она пригласила весь двор навестить шута и поздравить его с семейною радостью. Педрилло достал козу, разукрасил ее лентами и бантами, уложил с собою в постель и с серьезным видом принимал поздравления. Каждый, разумеется, был обязан класть подарок под подушку шута, который приобрел, таким образом, в одно утро несколько сот рублей.

Кроме шутовских обязанностей, Педрилло исполнял еще разные поручения императрицы. Через его посредство выписывались иногда из Италии певцы и

певицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоценные камни, материи и разные безделушки. С этою целью он неоднократно посылался за границу и даже вступал в переписку с владетельными особами. Когда в 1735 г. испанцы вторглись в Тоскану, управляемую слабоумным и бездетным герцогом Гастоном Медичи, Анна Иоанновна, желая воспользоваться этим обстоятельством, поручила Педрилло устроить покупку по дешевой цене знаменитого тосканского алмаза. Сохранилось письмо, с которым шут по ее приказанию обратился к герцогу.

«Королевское высочество, — писал он, — я поныне должность мою исполнить и вашему высочеству писать пренебрег; но понеже сия оказия ныне подается, чтобы ее императорскому величеству, моей самодержавице, служить, привлекает меня вас сим утруждать. И тако объявляю, что понеже здесь получена ведомость, что владение вашего королевского высочества вступлением неприятельских войск едва не разорено, а именно от вандалских войск, которые свирепыми и жестокими своими поступками разорили земли и, требуя великие контрибуции, в бедственное состояние приводят подданных ваших. Того ради, для облегчения вашего от толикого нападения представляю вам со стороны сей августейшей моей императрицы 15 000 российского войска, да авангардию 40 000 казаков и калмыков; и надеюсь, что по прибытии сего храброго войска гишпанские войска стараться будут уходить спастись и всю свою храбрость для безопасности среди Африки содержать, а генерал Монтемар и весь гишпанский двор и в Мадриде не без опасности будут. Однако же надлежит для содержания сих храбрых войск, чтобы ваше королевское высочество приказал приготовить довольное число самой крепкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивал, будучи в Богемии, и оною охотно напивался допьяна.

Соблаговолите принять мое предложение и увидите, что владения ваши восстановятся, поданные ваши веселиться станут и жизнь вашего королевского высочества двадцать лет еще продолжится. Чаю ж я, что по причине текущего бедствия казна ваша истощена деньгами, и для того представляю вам купить ваш самобольшой алмаз, о котором слава происходит, что больше его в Италии не имеется; ежели недорогою ценою оный продать намерены, то я вам купца нашел, ибо (правду вам сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ее императорское величество намерена тот алмаз купить и деньги за оный заплатить; но изволит, чтоб я себя купцом представил и торговал. Я бы надеялся, что ваше королевское высочество, не имея наследников, не пренебрежет сею оказиею и продажею сего алмаза к ненужде себя приведет, понеже великий Бог ведает, кому после преставления вашего имение ваше достанется. Я вам сие представляю как истинный неаполитанец и добрый приятель и чаю, что таким и от вашего королевского высочества признан буду. Без замедления соблаговолите ответ мне дать и решительно намерение свое объявить, чтоб я мог деньги и вышеуказанные войска приготовить и бездельникам гишпанцам напуск дать».

Неизвестно, последовал ли ответ на это послание, но тосканский алмаз, весивший 139,5 карата, не достался Анне Иоанновне, а попал в руки австрийского императора. Странное содержание письма и выбор корреспондента объясняется отчасти слабоумием герцога Гастона и личным знакомством его с Педрилло (как это можно заключить из некоторых выражений в письме).

Камергер князь Никита Федорович Волконский имел некоторое положение при дворе Петра I и Екатерины I единственно благодаря жене своей Аграфене Петровне,

урожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умом, светским образованием, честолюбием и беспокойным характером. Волконский был человек полупомешанный, добровольно разыгрывавший роль шута, и сделался известным Анне Иоанновне еще в Митаве, куда он неоднократно приезжал в гости к своему тестю, Петру Михайловичу Бестужеву. Княгиня Аграфена Петровна была вынуждена отстранить мужа от управления имением, потому что он тратил доходы беспорядочно, на собак, сказочников и всяких приживальщиков. Волконская ненавидела дочерей царя Иоанна Алексеевича, и в особенности Анну Иоанновну, которой в царствование Екатерины I причинила много неприятностей.

В 1728 г. княгиня Аграфена Петровна за тайные политические сношения свои с австрийским послом графом Рабутиным и другие придворные интриги была сослана по распоряжению Верховного тайного совета в заключение в Тихвинский монастырь. Анна Иоанновна, вступив на престол, старалась мстить своему бессильному врагу тем, что подвергла княгиню всевозможным стеснениям и лишениям, которые ускорили ее кончину, последовавшую в 1732 г. Когда княгиня Аграфена Петровна была отправлена в ссылку, князь Никита Федорович поселился в своем имении, сельце Селявине Переславского уезда, где вполне отдался своим причудам. Получив известие о смерти Волконской, Анна Иоанновна вспомнила о ее муже и его шутовских выходках, когда-то доставлявших ей немалое развлечение среди митавской скуки, и поспешила навести о нем справки. «Семен Андреевич! — писала она Салтыкову в Москву. — Объявляю вам, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать ее мужа, князя Никиту Волконского, и к нам его немедленно выслать в Петербург и скажи ему, что ему ведено быть за милость, а не за гнев». Волконский был

доставлен в Петербург, и императрица оказала ему свою милость: пожаловала сумасшедшего князя в шуты!

До какой степени это занимало Анну Иоанновну, можно судить из следующего письма ее к Салтыкову:

«Пошли кого нарочно князь Никиты Волконского в деревню его Селявино и вели расспросить людей, которые больше при нем были в бытность его там, как он жил и с кем соседями знался и как их принимал, спесиво или просто, также чем забавлялся, с собаками ль ездил, или другую какую имел забаву, и собак много ль держал, и каковы, а когда дома, то каково жил, и чисто ли в хоромах у него было и какова была пища, не едал ли кочерыжек и не леживал ли на печи, и о том обо всем и тех его людей расспроси их подлинно, вели взять сказки и пришли к нам, где он спал, бывали ль у него тут горшки и кувшины, также и деревянная посуда, и о том обо всем его житии, сделав тетрадку и надписав подлинно, и подписать «Житие князя Никиты Волконского», и к житию вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубах было и по сколько дней он нашивал рубаху». Через несколько времени она опять писала Салтыкову: «По получении сего изволь послать в дом князя Никиты Волконского и все письма его взять и сюда к нам прислать, а нам письма его надобны ради смеха».

В 1734 г., поручая Салтыкову исполнить в Москве разные комиссии, императрица прибавляла в письме:

«Да здесь, играючи, женила я князя Никиту Волконского на Голицыном и при сем прилагается его письмо к человеку его, в котором написано, что он женился вправду, и ты оное сошли к нему в дом стороною, чтоб тот человек не дознался и о том ему ничего сказывать не вели, а отдать так, что будто то письмо прямо от него писано».

На Волконского была возложена обязанность кормить и ухаживать за любимой императрицыной

собачкой, называвшейся Цитринькой. Содержание собачке отпускалось из запасов дворцовой конторы, и выдача его производилась порядком, установленным для записи расхода дворцовых припасов. Цитриньке было определено в корм на каждый день «по кружке сливок молочных». Волконский ежедневно должен был обращаться за сливками к придворному кухен-шрейберу, который в ежемесячных отчетах, подаваемых в дворцовую контору на ревизию об израсходованных им столовых припасах, всегда отдельной статьей писал расходы, сделанные на собачку, так: «Отпущено, по требованию князя Никиты Волконского, для кормления собачки Цитриньки с такого-то по такое число сливок молочных по кружке в каждый день». Под этой статьей всегда значилась расписка Волконского в приеме сливок.

«Понеже 16 числа февраля месяца у доктора лошади с санями ушли, и при сем случае с саней пропала епанча рысья покрыта красным камлотом, медвежья красным сукном крытая полость и две попоны. Того ради, ежели кто пропалые вещи найдет, то бы пожаловали в находящуюся при Академии Наук книжную давку, из которой принесшему особое награждение дано быть имеет».

Из петербургских «Ведомостей».

Граф Алексей Петрович Апраксин, племянник известного петровского адмирала, графа Федора Матвеевича, начал службу камер-юнкером при Екатерине I и в 1729 г. женился на княжне Елене Михайловне Голицыной, дочери князя Михаила Алексеевича Голицына, о котором будет сказано далее. Мы не знаем достоверно, когда и по каким причинам он был сделан шутом; но есть указания, что Апраксин нисколько не тяготился своей униженной ролью, исполнял ее с редким усердием до самой кончины в

1738 г. и часто получал от императрицы крупные денежные подарки: так, например, в 1733 г. ему было пожаловано 6000 руб. из сумм Преображенского полка. В записках Порошина находится между прочим следующая заметка: «Граф Никита Иванович Панин рассказывал о шуте императрицы Анны Иоанновны графе Апраксине, что он несносный был шут, обижал всегда других и за то часто бит бывал».

Князь Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого боярина и любимца царевны Софьи Василия Васильевича и сын пермского наместника князя Алексея Васильевича Голицына, родился в 1688 г., незадолго до того, как дед и отец его, лишенные чинов и поместий, были отправлены в ссылку в Пинегу. Когда князь Михаил Алексеевич достиг совершеннолетия, Петр I определил его солдатом в полевые полки, где он на сороковом году от рождения с трудом достиг чина майора. Потеряв в 1729 г. первую жену Марфу Максимовну, урожденную Хвостову, от которой имел сына, князя Алексея, умершего бездетным, и дочь Елену, вышедшую за графа Апраксина, Голицын испросил себе позволение ехать за границу. Слабоумный от природы, он во время пребывания своего во Флоренции влюбился в одну итальянку низкого происхождения, женился на ней и по ее внушению перешел в католическую веру. По возвращении в Россию в 1732 г. князь Михаил Алексеевич жил в Москве, тщательно скрывая от всех жену и перемену религии. Обстоятельство это скоро обнаружилось, привело в отчаяние всю многочисленную фамилию Голицыных и, разумеется, дошло до сведения императрицы, которой поступок Голицына был объяснен его крайним слабоумием. Она велела представить его себе, пришла в восхищение от его глупости и тотчас же сделала своим шутом.

«Семен Андреевич! — писала она Салтыкову в 1733 г. — Благодарна за присылку Голицына; он здесь всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомя». Разумеется, брак князя Михаила Алексеевича был признан недействительным, и он более уже не увидел своей жены-итальянки. Голицыну в числе прочих шутовских обязанностей было поручено подавать императрице квас, вследствие чего придворные прозвали его Квасником. Прозвищем этим он именовался даже и в официальных бумагах того времени. Любопытно, что, говоря в одном из своих писем об отце его, князе Алексее Васильевиче, императрица называет последнего князем Алексеем Кислициным.

В числе приживалок Анны Иоанновны находилась одна калмычка, Авдотья Иоанновна, пользовавшаяся особенным благоволением императрицы и носившая в честь ее любимого блюда фамилию Бужениновой. Калмычка эта, уже немолодая и очень некрасивая собой, как-то в разговоре выразила Анне Иоанновне охоту выйти замуж. Посмеявшись над таким желанием, императрица спросила Буженинову, есть ли у нее в виду жених, и, получив отрицательный ответ, сказала, что берет на себя устройство ее судьбы. На другой же день пятидесятилетнему Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невесту и чтобы он готовился к свадьбе, все расходы которой ее величество принимает на свой счет. Мысль императрицы — женить шута на шутихе — встретила полное сочувствие в кругу ее приближенных. Камергер Татищев подал идею — построить для этой цели на Неве дом из льда и обвенчать в нем молодых «курьезным образом». Немедленно была составлена под председательством кабинет-министра Волынского особая маскарадная комиссия, которой поручен высший

надзор и скорейшее исполнение предложения Татищева.

Комиссия избрала для постройки Ледяного дома место на Неве, между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Материалом при постройке служил только чистый лед: его разрубали большими плитами, клали их одну на другую и для связи поливали водой. Архитектура дома была довольно изящна. Он имел восемь саженей в длину, две с половиной в ширину и три в высоту. Кругом всей крыши тянулась сквозная галерея, украшенная столбами и статуями; резное крыльцо вело в сени, разделявшие здание на две большие комнаты; сени освещались четырьмя, а каждая комната — пятью окнами со стеклами из тончайшего льда. Оконные и дверные косяки и простеночные пилястры были выкрашены зеленой краской под мрамор. За ледяными стеклами стояли писанные на полотне «смешные картины», освещавшиеся по ночам изнутри множеством свечей. Перед домом были расставлены шесть ледяных трехфунтовых пушек и две двухпудовые мортиры, из которых не раз стреляли. У ворот, сделанных также из льда, красовались два ледяных дельфина, выбрасывавшие из ртов с помощью насосов огонь от зажженной нефти. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ледяных ветках сидели ледяные птицы. По сторонам дома на пьедесталах с фронтисписами возвышались остроконечные четырехугольные пирамиды. В каждом боку их было устроено по круглому окну, около которых снаружи находились разукрашенные часовые доски. Внутри пирамид висели большие бумажные восьмиугольные фонари, разрисованные «всякими смешными фигурами». Ночью в пирамиды влезали люди, вставляли свечи в фонари и поворачивали их перед окнами к великой потехе постоянно толпившихся здесь зрителей. Последние с любопытством теснились

также около стоявшего по правую сторону дома ледяного слона в натуральную величину. На слоне сидел ледяной персиянин; двое других таких же персиян стояли по сторонам. «Сей слон, — рассказывает очевидец, — внутри был пуст и столь хитро сделан, что днем воду вышиною на двадцать четыре фута пускал; ночью, с великим удивлением всех зрителей, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, который голос потаенный в нем человек трубою производил».

Внутреннее убранство дома вполне соответствовало его оригинальной наружности. В одной комнате стояли туалет, два зеркала, несколько шандалов, каминные часы, большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. В другой комнате были стол резной работы, два дивана, два кресла и резной поставец, в котором находилась точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов, а на столе стояли большие часы и лежали карты с марками. Все эти вещи были искусно сделаны из льда и выкрашены «приличными натуральными красками». Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели.

Кроме того, при Ледяном доме по русскому обычаю была выстроена ледяная же баня; ее несколько раз топили, и желающие могли в ней попариться.

По высочайшему повелению к «курьезной» свадьбе Голицына с Бужениновой были доставлены в Петербург из разных концов России по два человека обоего пола всех племен и народов. Всего набралось триста человек. Маскарадная комиссия снабдила каждую пару местной народной одеждой и музыкальным инструментом.

6 февраля 1740 г., в день, назначенный для празднества, после бракосочетания сиятельного шута, совершенного обычным порядком в церкви,

разноплеменные «поезжане» потянулись со сборного пункта длинным поездом. Тут были: абхазы, остяки, мордва, чувашаи, черемисы, вятичи, самоеды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, украинцы, чухонцы и множество других «разноязычников и разночинцев», каждый в своем национальном костюме и со своей прекрасной половиной. Одни ехали на верблюдах, другие — на оленях, третьи — на собаках, четвертые — на волах, пятые — на козлах, шестые — на свиньях и т. д. «С принадлежащею каждому роду музыкалией и разными игрушками, в санях, сделанных наподобие зверей и рыб морских, а некоторые в образе птиц странных». Шествие открывали «молодые», красовавшиеся в большой железной клетке, поставленной на слоне.

Свадебный поезд, управляемый Волинским и Татищевым, с музыкой и песнями проехав мимо дворца и по всем главным улицам, остановился у манежа герцога Курляндского. Здесь на нескольких длинных столах был приготовлен изобильный обед, за которым каждая пара имела свое народное блюдо и свой любимый напиток. Во время обеда Тредиаковский приветствовал молодых следующим стихотворением:

Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
Еще тот и фигурка:
Теперь-то прямое время нам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.
Квасник-дурак и Буженинова..
Сошлись любовью, но любовь их гадка.
Ну, мордва, ну, чувашаи, ну, самоеды!
Начните веселье, молодые деда:
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ах, вижу, как вы теперь рады!
Гремите, гудите, бренчите, скачите,

Шалите, кричите, пляшите!
Свищи, весна, свищи, красна!
Невозможно вам иметь лучшее время:
Спрягся ханский сын, взял ханское племя,
Ханский сын Квасник, Буженинова ханка
Кому того не видно, кажет их осанка.
О, пара! о не стара! Не жить они станут, но зоблить
сахар.
И так надлежит новобрачных приветствовать ныне,
Дабы они все свое время жили в благостыне:
Спалось бы им, да вралось, пилось бы, да сдалось.
Здравствуйте же, женившись, дурак и дурка.
Еще... тота и фигурка.

После обеда «разноязычные» пары плясали каждая свою пляску под свою национальную музыку. Это зрелище очень забавляло императрицу и вельможных зрителей. По окончании бала пестрый поезд, предшествуемый по-прежнему «молодыми», восседавшими в клетке на слоне, отправился в Ледяной дом, который горел огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися в его прозрачных стенах и окнах; ледяные дельфины и ледяной слон метали потоки яркого пламени; «смешные» картины в пирамидах вертелись к полному удовольствию многочисленной публики, встречавшей новобрачных громкими криками.

«Молодых» с различными церемониями уложили на ледяную постель, а к дому приставили караул из опасения, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсем теплое и удобное ложе...

Через девять месяцев после «курьезного праздника» императрица Анна Иоанновна скончалась, завещав, как известно, русский престол племяннику своему, принцу Брауншвейгскому Иоанну Антоновичу. За малолетством последнего управление государством перешло в руки матери его, принцессы Анны

Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна в первый же день своего правления уволила всех шутов, наградив их приличными подарками. С этого времени официальное звание придворного шута уничтожилось навсегда. Хотя потом шуты и продолжали появляться при дворе, но уже под другим названием и не в шутовской одежде.

Хотелось бы сказать несколько слов о дальнейшей судьбе князя Михаила Голицына и его жен.

Когда Голицын был отправлен по приказанию императрицы в 1733 г. из Москвы в Петербург и сделался шутом, об его жене-итальянке совсем забыли. Только через два года Анна Иоанновна почему-то вспомнила о ней и поручила Салтыкову узнать «под рукою», где она живет, какое имеет питание и от кого, а если выехала из Москвы, то куда и «на чьем коште». Салтыков дознал, что Голицына проживает в Немецкой слободе, и велел каптенармусу Преображенского полка Лакостову навести точные о ней справки. Лакостов донес следующее:

«Пришел я католицкой церкви к патеру Фабиянусу и объявил ему, что я приехал из Воронежа, офицер, и при отъезде оттуда просил меня итальянский патер, который при вице адмирале Змаевиче службу отправляет, чтобы я уведомился о жене князя Михаила Алексеевича Голицына, на которой женился он, князь Голицын, в Италии, где отечество ее ныне, от кого она пропитание имеет и на чьем коште живет. На что оный Фабиянус объявил мне: она нанимает квартиру бедную, и в той квартире хозяин выставил двери и окошки за то, что она, княгиня, за квартиру не платит, а ей-де не токмо платить деньги, и дневной пищи не имеет; и для ее бедности дал ей два рубля денег, и ниоткуда никакой помощи к пропитанию не имеет, и валяется-де на полу, постлать и одеться нечем; в праздник

Рождества Христова пришла сюда и говорит-де мне, что я умираю с голоду, не имею куска хлеба, и в то время дал ей денег семь алтын; она-де хуже всякой нищей, одежды и пищи никакой не имеет. И приказал оный Фабиянус служителю своему указать квартиру, где она живет; в Старой Басманной, в доме лейб-гвардии Преображенского полка, Полозова вдовы Марьи Федоровны, у сержантской жены Андреевской, в маленькой комнаточке, найму дает по три рубля в год. Она княгиня объявила мне, что она от князя Михаила Алексеевича Голицына ничего после разлучения с ним от него не получала, и пищи ниоткуда не имеет, разве кто милостыню подаст, и со рвением говорила: «Хотя бы-де мне дьявол денег дал, я бы ему душу свою отдала; видишь-де ты, какое на мне платье и какая у меня постель». Одежда на ней понинная, черная, ветха; постель — наволока холстинная толстая, набита сеном; одевается нагольною шубою ветхою. При том же она говорила и тужила: где-де ныне мой сын, князь Иван, которого я родила с ним, князем Михаилом Алексеевичем».

Императрица велела Салтыкову прислать итальянку в Петербург, «дав провожатого, чтоб ее бережно довез; только бы никто про это не ведал в Москве, пока к нам приедет, и дорогою не вели сказывать, что она едет. А как привезут ее в Петербург, вели явиться у генерала Ушакова тайным же образом». Зачем так внезапно потребовалась Анне Иоанновне Голицына и что случилось с последней по доставлении ее в Тайную канцелярию к Ушакову — неизвестно. Можно только предполагать, что ее бедствия в России окончились высылкой за границу.

Анна Иоанновна умерила необузданное пьянство при дворе, но чрезмерно потрафляла роскоши. Жена Бирона, например, имела платье, где одного жемчуга было на сто тысяч рублей. Гардероб ее оценивался в

полмиллиона. Запрещалось появляться ко двору два раза в одном и том же платье.

Анне Иоанновне нравилось иноземное вино. Однажды, отпив из бокала, она дала попробовать князю Куракину. Тот сначала обтер бокал платком. «Ты что,— закричала императрица,— мной брезгуешь? Эй, кликнуть сюда Ушакова!» Оказаться князю в Тайной канцелярии, если бы не Бирон, убедивший Анну, что Куракин поступил по иностранному обычаю.

Две фрейлины, которых царица заставила петь полдня, взмолились, говоря, что сил нет, они падают от усталости. Анна сама побила их и отправила на неделю стирать белье.

«Жестокость правления, — писал князь-историк Щербатов, — отняла всю смелость подданных изъяснять свои мысли».

Посланные собирать подати воинские команды обходились с крестьянами бесчеловечно, людей ставили босыми в снег, били палками по пяткам, добиваясь полной уплаты недоимок.

Нравы были жестокими. Артемию Волынскому перед казнью отрезали язык и закрыли рот намордником, завязанным на голове, чтобы не текла кровь.

Волынский Артемий Петрович (1689 – 1740) — гос. деятель; при Петре I занимал дипломатические и административные посты. При Анне Иоанновне за подготовку свержения немецкой клики Бирона был арестован и казнен.

Советник Торбеев, сказавший в разговоре, что вся власть находится у Бирона и его любимчиков-иностранцев, был публично высечен плетьюми и сослан на Камчатку.

Наушничество и шпионство при дворе процветало.

Один иностранец отписывал домой:

«Здесь совсем нет общества, и не столько по недостатку людей, сколько по недостатку

общительности. Нелегко определить, нужно ли искать причину отсутствия общительности единственно только в характере и нравах нации, еще жестких и грубых или этому содействует до некоторой степени и характер правительства. Я склонен к убеждению, что наиболее действует последняя причина».

Историк XIX в. И. Чистович так характеризовал время Анны Иоанновны:

«Даже издали, на расстоянии почти полутора веков, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время, с его допросами и очными ставками, с железами и пытками! Человек не сделал никакого преступления: вдруг его схватывают, заковывают в кандалы и везут в Москву, в Петербург, неизвестно куда, за что? Когда-то, год-два назад, он разговаривал с каким-то подозрительным человеком! О чем они разговаривали — вот из-за чего все тревоги, страхи и пытки! Без малейшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечером, нельзя было поручиться за себя, что не будешь к утру в цепях и с утра до ночи не попадешь в крепость, хотя бы не знал за собою никакой вины».

Иностранцы, занявшие доходные должности, смотрели на Россию как на большую кормушку.

Понятна радость одного священника при известии о низложении Бирона: «Ныне совершилось наше спасение, низложен сатана и его ангелы!»

Характерны обвинения, выдвинутые против Бирона. «Он же, — говорится в них, — будто для забавы ее величества, а в самом деле по своей свирепой склонности, под образом шуток и балагурства, такие мерзкие и Богу противные дела затеял, о которых до его времени в свете мало слыхано: умалчивая о нечеловеческом поругании, произведенном не токмо над бедными от рождения, или каким случаем дальнего ума и рассуждения лишенными, но и над другими

людьми, между которыми и честной породы находились, о частых между оными заведенных до крови драках и о других оным учиненных мучительствах и бесстыдных мужского и женского пола обнажениях и иных скарредных между ними, его вымыслом произведенных пакостях, уже и то чинить их заставлял и принуждал, что натуре противно и объявлять стыдно и непристойно. Все такие мерзкие и Богу противные дела, от него вымышленные, явно происходили и к великому повреждению славы ее величества касались, в которых он, яко от него вымышленных, и отвечать должен».

Леди Рондо, конечно, не понимала всей противоречивости русской жизни, видя лишь внешнюю сторону. Забавно ее письмо соотечественнику о петербургских диковинках: «Вы так любите странности, что мне никогда не простили бы, если б не описала вам новой забавы, занимавшей Петербург нынешней зимой. Это ледяная гора, построенная с верхнего дворцового этажа во двор. Она довольно широка, так что по ней может спуститься коляска, и имеет по сторонам небольшие борты. Ее устройство такое: сначала сколочены были доски, которые поливали водой, пока, наконец, вся отлогость не покрылась толстым льдом. Придворные дамы и кавалеры садятся в санки, спускаются с верху горы и несутся вниз с быстротой птицы. Иногда санки случайно сталкиваются, тогда катающиеся опрокидываются, и это всем доставляет смех. Всякий, кто имеет вход ко двору, должен кататься – так они называют эту забаву, и к счастью, еще никто не сломал себе шеи. Придя к горе, я стояла в надежде, что кто-нибудь остановит эту забаву, но дошла очередь до меня. Кто-то сказал: «Вы еще ни разу не катались!» Я едва не умерла, услышав это; хорошо, что ее величество позвала меня к себе».

Не обошел своим вниманием сани и датчанин Педер фон Хавен.

Вот что он пишет:

«Как только река замерзла, сразу начался сильный снегопад, продолжавшийся до тех пор, пока все не стало однообразным и ровным. Это всем принесло большое преимущество и удобство. Сразу же, по обыкновению российских северных городов, появились извозчики, они стояли на всех углах улиц со своими санями и салазками, чтобы их нанимали люди, едущие в городе по делам.

Поэтому зимой видишь очень мало идущих пешком людей, но почти все по улицам едут. Благородные господа и люди, каждый по своему положению и обстоятельствам, обычно имеют собственные сани с одной, двумя или четырьмя лошадьми, а также с форейторами. Иностранцы же и простолюдины могут с величайшим удобством воспользоваться санями извозчиков, и я часто наблюдал, как их нанимали офицеры и другие благородные люди.

Такие сани устроены весьма просто. Они столь узки, что в них может сидеть всего один человек, и не выше локтя от земли; в них впряжена лошадь, на которой сидит парень или мальчик извозчика, чтобы смотреть перед собой, так как в России на впряженных в сани лошадей не надевают бубенчиков — на очень многолюдных петербургских и московских улицах они производили бы слишком много шума и беспорядка и поэтому были бы бесполезны.

Когда кому-то надо ехать, он только крикнет: «Извозчик!» Тот тут же подъезжает, а часто и раньше, чем его позовут, со словами: «Изволишь садиться». Если человеку самому известно, где находится нужное ему место, то он может быстро туда доехать, зная лишь следующие русские слова и крича парню извозчика, когда требуется: «Ступай», «прямо», «направо»,

«налево», «стой». Это быстрое средство транспорта почти совершенно незаменимо в обширных Петербурге и Москве.

За каждую версту платят одну копейку. А поскольку всю дорогу мчат галопом и за час таким образом могут преодолеть больше датской мили, то есть примерно десять верст, то при катании для удовольствия обычно платят по 10 копеек в час. Здесь я должен также заметить, что по всей России введено и принято, что при встрече двух саней или повозок они обязательно должны проезжать по левую сторону друг от друга. Поэтому и тогда, когда на улице множество саней, можно сидеть с выставленной наружу правой ногой, так как кучера, если кто-то забудет об этом правиле, всегда кричат друг другу: «Направо!».

Однако не было бы хорошо, если бы в России зимой не имели от санного пути никакой иной пользы, кроме удобной езды, без которой в крайнем случае можно было бы обойтись. Санний путь служит еще и тем, кому в этом обширном государстве надо путешествовать, а также величайшему удобству торговли.

Что касается первого, то для путешественника езда в санях — чудесное занятие. Ведь в России и летние, и зимние транспортные средства такие, каких, пожалуй, нигде, кроме Швеции, больше нет. Дороги повсюду ровные, твердые и прочные. Ездят так быстро, удобно и дешево, что это во многих отношениях достойно всяческого удивления.

Здесь я не намерен ничего говорить о курьерах и верховой почте в этом государстве, которые невероятно скоры. Обычная верховая перевозка писем, осуществляемая дважды в неделю между Москвой и Петербургом, должна преодолевать расстояние в добрых 110 датских миль за три с половиной-четыре дня. Нет также ничего необычного в том, чтобы на почтовых лошадях, на перекладных, проехать между

названными городами за три дня. Но всего удобнее, дешевле и быстрее воспользоваться зимой санным путем — во-первых, потому, что дорога по другую сторону от Москвы еще не готова и часто идет через большие болота, по которым лучше всего ехать, когда они замерзли. Во-вторых, потому, что обязательно надо иметь собственную повозку или сани и на станциях лишь менять лошадей, поскольку сани не так легко ломаются или же их по крайней мере можно в случае поломки быстро починить. Между тем как с экипажем часто можно в пути оказаться в весьма скверном положении. Кроме того, все дорожные экипажи и сани в России устроены так, что в них надо лежать, как в постели, и тогда в санях совсем не трясет; правда, про экипажи этого не скажешь. Все эти сани и экипажи — крытые, так что из них непросто выскочить, а потому опрокинуться в экипаже — более опасно, нежели в санях. Ну и, наконец, поскольку поездка в санях очень дешева — за пару перекладных почтовых лошадей дают лишь две копейки с каждой версты, то есть зимой поездка между Москвой и Петербургом обходится всего в 14—15 рублей, а за пару нанятых крестьянских лошадей тот же путь стоит 7 рублей, — то летом за поездку в экипаже приходится платить вдвое больше. Поэтому санным путем в Петербург приезжают многие иностранцы из всех краев государства; туда по приказу прибыли граф Миних и вице-адмирал Бредадь. Многие другие старшие и младшие офицеры, получив дозволения, тоже прибыли туда из армии.

В этом государстве санный путь предоставляет не меньшие удобства и для торговли. Правда, там повсюду есть большие реки и озера, судоходные на протяжении всего лета. Кроме того, прорыт канал вдоль Ладожского озера, плавать по которому невозможно из-за его бурности. Реки Нева и Волга, а также Волга и Дон соединены каналами, так что в России можно плавать

между тремя морями — Балтийским, Каспийским и Черным. Однако эти плаванья все же повсюду сопряжены с большими неудобствами. Поэтому водой перевозят лишь лес, зерно и другие тяжелые грузы. Все легкие товары отправляют зимой по санному пути, и на дороге между Москвой и Петербургом, да и другими крупными городами государства часто встречаются обозы из сотен саней, груженных купеческими товарами. Плата за найм тоже ничтожна — за сани с одной лошадью, на которые обычно грузят товаров несколько более шиффунта, платят от Москвы до Петербурга три рубля. Ясно, что китайскому и камчатскому иностранным караванам было бы совершенно невозможно преодолеть встречающиеся на пути большие озера, реки, болота и скверные дороги, если бы они не старались проезжать по ним зимой на санях».

«Ее императорское величество изволило указать в Полицмейстерскую канцелярию объявить: понеже 9-го числа сего апреля случилось. Что мимо самых ее императорского величества покоев и окошек, где ее императорское величество своею особою присутствовать изволила, пронесли мертвое человеческое тело, что весьма непристойно есть, ибо для таких случаев, чтобы мертвые тела и прочее тому подобное проносить иль провозить, много иных дорог сыскать можно, того ради Полицмейстерской канцелярии накрепко смотреть, чтобы впредь такие непристойности не происходили, и мимо ее императорского величества покоев и окошек такой вольный проход и проезд с мертвыми телами и прочим подобным отнюдь не был».

Из «Собрания законов Российской империи».

Впечатлили сани и англичанина Карла Берка:

«Тот, кто не имеет желания напиваться, — или по крайней мере для разнообразия — находит удовольствие в катании на санках.

Строят высокий помост, с него идет широкий скат, который покрывают снегом, выравнивают, обливают водой, и она крепко замерзает. С помоста съезжают на маленьких санках, которые на крутом склоне так разгоняются, что прокатываются потом по льду 200—300 шагов; дорожка, как и скат, выровнена и по обеим сторонам украшена елями. Все жены мещан, солдат и крестьян, а также служанки одеты в свои лучшие наряды. Если они не уверены, что сами управятся с катальным снарядом, то садятся на колени к парню, который правит не каблуками, как мальчики в Швеции, а руками — вероятно, чтобы не испортить дорожку.

За пределами С.-Петербурга неподалеку от скрытого Ниеншанца находится деревня Охта; это место, где устраиваются такие развлечения, и посмотреть на них приезжают из города много знатных персон. Для возведения сего театра объединилась вся деревня, она делит и доходы, ибо за каждый спуск с горы платят копейку.

На дворе обер-камергера тоже была возведена подобная гора, где придворные в прошлые годы катались на чудных санках, сделанных в виде сирен, львов, медведей, свиней и т.д.; однако в нынешнем (1736) году на этом месте гору не устроили».

Еще Берка удивили почему-то качели, издавна бытующие на Руси. Он пишет далее:

«Затем все общественные развлечения замирают до Пасхи, когда веселятся на колесных качелях — таких широких, что на каждом сиденье размещаются по четыре-пять человек. Качели ставят не только в частных дворах, но и на общественных площадях, где простонародье качается за деньги под музыку длинных

рожков, звучащих подобно нашим пастушеским, или под звуки инструмента с двумя струнами. При этом не уместившиеся на качелях заводят причудливый танец. У некоторых качелей над каждым сиденьем есть крыша с занавесками сзади и спереди.

Сама ее величество прибыла на площадь со своим двором и наблюдала за этим развлечением. Еще одни колесные качели есть в саду при Летнем дворе.

Однако качаться на качелях начинают в пост по всем праздничным дням со дня Благовещения Богородицы, когда люди, особенно молодые женщины, служанки и мальчики встают босиком по концам толстой доски, положенной на козлы высотой в локоть, и раскачиваются так сильно, что их подбрасывает над доской чуть не на два локтя. На земле разложено сено — во избежание повреждений, если прыгая промахнешься мимо доски. Четырем парам, которым ее величество велела прийти на внутренний двор дворца, подобная предосторожность не потребовалась, ибо все они качались ловко. Всякий раз, летя вниз, они делали определенное движение руками и хлопали себя по бедрам — отчасти для того, чтобы ветер не раздул юбки, а отчасти для придания доске большей упругости».

Как и леди Рондо, Берк обращает внимание на пьянство при дворе:

«По полковым праздникам (а у каждого лейб-гвардейского полка есть свой праздник) суеты меньше, нежели в торжественные дни. Ее величество как полковник принимает поздравления от полковых офицеров и собственноручно подает им по маленькой чарке водки или — не любящим крепких напитков — стакан меда, и затем их угощают при дворе.

Теперь помимо 19 января — дня прихода императрицы к власти — при дворе больше уже сильно не пьют, а при Екатерине, говорят, трезвыми бывали

редко. Обычай таков, что после того как присутствующие знатные персоны мастерски попьют за обедом, их призывают к ее величеству, где они на коленях выпивают по бокалу венгерского вина, вмещающему добрых три квартера, или же, если кому-то такое не под силу, рейнского или бургундского. Никого не принуждают пить больше одного этого бокала, но и всякий волен выпить их несколько. Тех, кто мгновенно делается совсем пьян, любящая скромность императрица не особенно жалует и потому приказала нескольким гренадерам присутствовать там, чтобы отводить свалившихся с ног вниз к их слугам и помогать добраться до дома, так как чужим лакеям не дозволено стоять в залах государыни.

Придя в тот день туда поздно, я имел удовольствие видеть, как одни прыгали, другие распевали, третьи болтали вздор. Правда, сказано, что никто не должен пострадать за то, что говорит вино, но хитрые шпионы помнят произнесенные слова и имеют возможность выведать кое-какие другие дела. Говорят, в прошлом году некоторые рассуждали о том, что польская война не является необходимой. Нынче какой-то господинчик, подойдя ко мне, привязался с разговорами о том, как здорово он напился, а на мой ответ, мол, в столь замечательный день и следует веселиться, он вскричал, что я прав, тем более что сохранены права дворянства сравнительно с князьями. При этом он употреблял неприличные слова».

Слово о пьянстве датчанину фон Хавену:

«Страсть, питаемая русским простонародьем к водке и прочим крепким напиткам, особенно сильно проявляется на протяжении поста. Достаточно хорошо известно, что они могут выносить даже азотную кислоту, спирт из оленьего рога и другие крепкие вещи.

Один человек придерживался такого мнения: русскому крестьянину скорее можно доверить на

неделю тысячу ригсдалеров, чем один-единственный сосуд водки. Если дать ему на хранение, с одной стороны, ценнейшие и редчайшие вещи, а с другой — небольшую порцию крепкого напитка, под условием, что если он из первого сколько-то присвоит, то заплатит наказанием батогами, но если тронет второе, то без пощады будет лишен головы, то крестьянин все же не тронет ценных вещей, но, пренебрегая всякой опасностью, прямодушно воспользуется крепким напитком. Упомянутый человек еще полагал: такого русского стаканом водки можно провести сквозь огонь. И сам я часто убеждался в том, что если одарить русского крестьянина добрым стаканом крепкой водки, он падет перед тобой ниц, весьма искренне уверяя, что в благодарность готов тут же расстаться с жизнью.

Потому-то чужестранец, желающий благополучно путешествовать в этой стране, должен возить с собой хороший запас водки, дабы почтить ею хозяев на постоянных дворах, точно так же, как перед путешествием по Польше надобно с той же целью хорошо запастись перцем.

Я как-то раз на селе между Москвой и Петербургом почтил одного крестьянина за его услужливость по отношению ко мне бутылкой водки. Так он нет чтобы приберечь — тут же не сходя с места опустошил с женой и детьми всю бутылку, и все они совершенно опьянели и потеряли всякий разум. Однажды ночью я забыл в моих санях несколько бутылок водки, хорошо хранимых с обрезанными и запечатанными пробками, а утром обнаружил, что поскольку пробки вытащить не удалось, то, не долго думая, отбили горлышки и высосали водку. Вот сколь ужасна страсть русского простонародья к крепким напиткам.

Но это видно главным образом в пост, когда все кабаки переполнены людьми обоих полов, не только весело пьющими, но и беспокоящими прохожих

неприятными криками и совершенно неприятной музыкой. В такую пору я среди бела дня встречал длинный ряд женщин и девушек, которые, взявшись под руки, во все горло распевали на улицах, совсем перекрывая дорогу, и, пьяные, на каждом шагу спотыкались и валились на землю. Однако подобное странное явление чаще увидишь на селе, нежели в Петербурге.

Наверное, это можно было бы счесть пороком русского народа. Но прежде надо принять во внимание, что, во-первых, сказанное относится лишь к черни, причем не ко всей без разбору; кроме того, у нас и у других северных народов подобный недуг почти столь же распространен, хотя его стараются утаить и его проявления окружают большой тайной. Далее, хоть русские и напиваются в стельку, но зато им приходится тем строже поститься, между тем как другие из года в год могут жить в постоянной сонливости и пьянстве. И, наконец, у русских есть способствующие их страсти к крепким напиткам причины, каких в других краях нет. Одна из таких причин — это, возможно, рабство, при котором простолюдин так угнетаем строгим хозяином, что лишен всех иных развлечений и, пожалуй, можно даже сказать, что устал быть и называться человеком. Другая причина, возможно, в том, что полиция смотрит вообще-то сквозь пальцы на публичные проявления этого порока. Ибо чем больше крепкого напитка будет потреблено, тем больше выгоды правительству, обладающему монополией на все кабаки во всем государстве. А поскольку кабаки приносят в императорскую казну большие деньги, то русские частенько говорят: жалованье солдата — это кабацкие деньги. Тем более что в России ни один человек не дворянского звания не может варить пиво и мед или гнать водку, а все обязан покупать в кабаках. И этот

запрет тоже неизбежно должен увеличивать их аппетит.

Главнейшая же причина, пожалуй, заключается в питании и образе жизни; весь год напролет, особенно в пост, русское простонародье не ест почти ничего кроме свеклы, капусты, белого лука, больших огурцов, неаппетитной рыбы и растительного масла. Вот медики и полагают, что если бы русские время от времени не пили крепкую водку, то при такой диете не выжили бы. Опыт свидетельствует о том же. Ибо имеющиеся среди русских немногочисленные трезвенники не живут долго и постоянно выглядят полумертвыми. Потому-то в армиях даже при острейшей нужде и нехватке все-таки всегда заботятся о том, чтобы водка имелась в наличии, ведь при ее недостатке вскоре может распространиться болезнь. И если бы неприятелю при случае удалось перекрыть подвоз водки в русскую армию, то он бы, без сомнения, тем самым выиграл столько же, как если бы лишил русских всего обмундирования и военных припасов. Ибо водка и баня — вот два средства, благодаря которым русские живут и поддерживают свое здоровье.

Пороком же этого народа делают излишества в употреблении напитков, ведь некоторые напиваются ими столь неумеренно, что невозможно поверить, что выживут. Я видал, как зимой пьяные люди ложились в снег выпаться, а другие, обнажившись, дабы остудиться, либо катались в снегу, либо же прыгали в холодную воду и купались.

Однажды некий русский комиссар пьяным возвращался из компании. Едва выйдя наружу, он повалился в снег. Почувствовав, что благодаря этому превосходно остужается, он еще глубже закопался в снег, так что видна была одна только голова. Затем он заснул и пролежал таким образом несколько часов, а когда наконец опять встал, то, отряхнув от снега

одежду, вошел обратно в дом снова развлекаться с бутылкой вина».

«Публичных ассамблей, - продолжает Берк, — устраивавшихся для общего развлечения, теперь нет. В те времена они бывали между Рождеством и великим постом; при Екатерине состоялись лишь несколько раз, так как первый год был годом ее траура, потом ассамблей не было, и, по-видимому, ими занимались гораздо меньше, чем теперь регулярными куртагами.

В числе способов времяпрепровождения были бирюльки. Петр обычно сидел в углу, беседуя не с кем иным, как со своими голландскими мастерами и моряками. Он распорядился поставить у входа в ассамблею писаря, отмечавшего всех прибывавших, а назавтра смотрел, кто из персон не пожелал явиться на такую устроенную по его предписанию и дозволенную встречу. Теперь же лишь немного беседуют у некоторых иностранных министров, куда русские вовсе не показываются, находя большее удовольствие в пьянстве и игре в своих компаниях за закрытыми дверьми».

Шотландский медик Джон Кук пытается оценивать административные порядки Петербурга.

«Ни один человек, пишет он, — не может уехать из одного города в другой или из одной провинции в другую без паспорта из департамента, к которому он относится, с указанием количества сопровождающих его лиц. Всякий господин может даровать паспорт любому человеку из своей челяди, но он должен быть скреплен полицейской печатью. Петр I настолько заботился о предотвращении поездок людей без надлежащих паспортов, что и для себя постоянно их выправлял и должным образом регистрировал. И вот ныне даже посол или фельдмаршал, стоящий во главе своих победоносных армий, должен иметь паспорт, а

стало быть, и всем подчиненным надлежит следовать сему правилу.

Я счел бы явственным пережитком рабства необходимость иметь паспорт для путешествия из Эдинбурга в Лондон и то, что паспорт этот должен быть проверен в каждом проезжаемом городе. Не могу отрицать, что это так, однако в такой обширной стране, как Россия, это, думаю, весьма необходимо и на пользу народу. Похоже, эти правила рассчитаны не только на то, чтобы держать народ в сильной зависимости, но имеют целью предотвратить бродяжничество праздных людей с грабежом, воровством и мошенничеством по отношению к соседям и защитить добропорядочных, трудолюбивых и полезных подданных, а кроме того, получить в казну небольшой доход.

Предположим, некто, едущий с правильным паспортом из С.-Петербурга в Москву, на дороге ограблен и убит. Вскоре его родственники это заподозрили. Они обращаются непосредственно в полицию, та дает заметку в газеты, рассылает не теряя времени курьеров во все города, через которые путешественник предполагал ехать, и приказы нижестоящим полицейским службам сообщить, когда этот человек проехал через их дистрикты. Наконец определяют, скажем, что он проехал Новгород, но потом на всем пути до Москвы его уже никто не видел. Новгородский губернатор отдает своим драгунам приказ о поисках, велит поднять на ноги весь край, прочесать пустынные области и леса. В таких случаях жители края не преминут схватить всякую подозрительную личность и не посмеют предоставить кров человеку без паспорта, если им дорога жизнь. Отправляют также посыльных во все соседние провинции. Каждого человека строго проверяют. Итак, читатель видит, что мошеннику и грабителю почти невозможно ускользнуть, разве только за границу. И

хотя грабителей вскоре ловят и карают пыткой и мучительной смертью, губернатору едва ли удастся избежать разжалования. И даже обладай он очень большим влиянием, все же он будет уверен, что получит весьма строгое взыскание с предостережением, что впредь ему следует лучше обеспечивать порядок и строгое наблюдение. Кроме того, он штрафуется — обязан возместить по крайней мере стоимость утраченного, если несчастный человек был убит. Губернатор должен снести все это, но и он взыскивает со своих подчиненных».

По всей видимости, Джон Кук был неплохим медиком. И хорошо, что работа не помешала ему оставить воспоминания о петербургских госпиталях 30-х гг. XVIII в.

«Один госпиталь для армии, другой — для флота. Они соединены, образуя три стороны очень большого двора. В середине стороны, выходящей на реку Неву, стоит красивая церковь для обоих госпиталей.

Палаты устроены очень хорошо, здание двухэтажное, вокруг обоих госпиталей идут крытые галереи, так что можно удобно ходить при любой погоде. В каждом углу каждого госпиталя есть превосходная операционная и палата для анатомирования. Я видел в ней сразу девять свежих тел, относящихся к морскому госпиталю. Операционная просторна достаточно, чтобы вместить 200—300 зрителей. Здесь держат множество редкостей, сосуды с заспиртованными препаратами и сохраняемыми иначе. Для любознательных было бы хорошо иметь исторический каталог и описание этих редкостей; думаю, там достойны быть помещенными некоторые из моих препаратов.

Караульные расположены так, чтобы не позволить никому, помимо имеющих на то право, выйти из госпиталя или войти в него. К таковым относятся

несколько врачей, главный хирург и пять ординарных хирургов, десять помощников хирургов, или фельдшеров, а также по двадцать студентов при каждом из них. Студентов обоих госпиталей обучает некий профессор ботаники. В каждом госпитале есть профессор медицины и профессор хирургии, а также профессор анатомии и рисовальщик для обучения студентов рисованию каждой части человеческого тела. Профессора медицины, хирургии и анатомии обязаны преподавать и делать осмотр дважды в неделю — каждый в своем госпитале, но так, чтобы студенты обоих госпиталей имели возможность посещать каждого профессора.

Профессор ботаники преподает по всем установленным дням на протяжении всего лета. Когда предстоит какая-то сложная хирургическая операция, то ее проводит профессор анатомии, если он не поручает это тому, кому может доверять; однако и врачи, и хирурги должны при ней присутствовать.

Если проводится обсуждение какой-то болезни, от которой пациент скончался, его нельзя похоронить, пока анатомическим исследованием не будет установлена причина смерти, и профессор имеет право до погребения отсечь любую часть тела. Ибо в эти госпитали отправляются тела всех преступников, самоубийц и всех тех, кто умер в тюрьме до приведения приговора в исполнение.

Каждое утро в шесть часов звонок оповещает хирургов, что они должны быть готовы; звонок в семь означает, что им надлежит незамедлительно прийти в палату, где содержатся раненые, больные с язвами, с переломами или вывихами, либо же вызывать больных из других палат. Тут же все работники принимаются за дело и трудятся, пока не перевязаны все легкие пациенты.

Затем следуют консультации относительно пациентов, страдающих более сложными болезнями. Первыми обычно высказывают свое мнение молодые хирурги, и так дальше до самого старшего, за которым высказываются самые старшие из врачей и оператор. Каждый имеет право высказать свое мнение; большинство и осуществляет свой план, если он поддержан врачом или хирургом, известным своим искусством. После операции всегда определяется причина болезни, если речь идет о каком-то органе. Если же наступает смерть, ее причину часто таким же образом обнаруживают, но никому не ставят в вину, хотя бы его мнение и оказалось ошибочным. Но все же большая честь тому, кто предсказывал случившееся.

Не могу удержаться от рассказа об одном случае, происшедшем, когда я пришел в этот госпиталь. При показе большого фейерверка по случаю взятия у турок Азова хвост ракеты упал на голову одного матроса, проломив череп. Матроса тут же доставили в госпиталь. Доктор Маунси и я пришли, но не умели разговаривать ни на языке этой страны, ни на верхненемецком и говорили лишь с немногими, понимавшими латынь. Оператор спросил наше мнение. Мы оба откровенно сказали ему: несмотря на то, что они, как ни старались, не могли найти трещины, и хотя на черепе была большая рана, в которой они не смогли найти трещину, мы оба все же придерживаемся мнения, что рядом с этим местом трещина есть, и полагаем, что следует не теряя времени делать трепанацию. Остальные нас не поддержали, но профессор сказал: он подозревает, что наверняка мы правы.

Через день или два (а никто из нас двоих не мог лечить матроса, поскольку наш совет был отклонен) д-р Маунси и я, оба тогда весьма молодые, заметили, что пациент словно бы в дурмане, и это его состояние с каждым днем усугублялось. Мы заметили, что его глаза

были очень воспалены и не видели; изо рта постоянно течет слюна и он кажется совершенно не чувствительным к боли.

Когда мы разговаривали о нем и казались улыбающимися, нас увидел главный хирург — человек надменный и невеликих познаний. Он пожелал, чтобы г-н Ханхарт, профессор анатомии, осведомился у нас «о причине нашего веселья». Мы оказались достаточно большими простаками и сообщили ему причину нашей веселости, что вызвало большую ревность с тех пор и навсегда, и у меня нет сомнений относительно того, почему нам так быстренько приказали отправиться на службу в военно-морской флот.

Спустя несколько дней доктор и я вернулись в госпиталь. Я по обыкновению пошел в анатомическую палату (будучи незадолго до этого назначен ассистировать профессору при подготовке лекций по анатомии). Дверь была закрыта на кусок бечевки с печатью, что в России почитается более неприкосновенным, чем даже замок. Я, однако, предполагая, что это сделали какие-нибудь юнцы, не придавал этому значения (поскольку, согласно приказу Медицинской канцелярии, я имел бесспорное право войти, и даже профессор не мог лишить кого-либо этого права без приказа канцелярии, отменяющего данный приказ). А следовательно, я легко открыл дверь своим ножом и увидел новое тело, зашитое в наматрасник и готовое к захоронению. Я тотчас разрезал шов на наматраснике, узнал лицо и обнаружил, что они, распилив череп, нашли не только большую трещину, но и много малых; а весь объем левой доли мозга был вместо него заполнен гниющим веществом, и т. д. Я незамедлительно известил об этом д-ра Маунси и оставил тело, не стараясь скрыть следов нашего пребывания там.

Когда мы беседовали об этом деле, один молодой человек, хорошо говоривший на латыни, подошел и спросил нас, не знаем ли мы, кто заходил в анатомическую комнату. Я рассказал ему про все нами сделанное — что я не знал, что дверь была закрыта по приказу и что печать на двери в комнату, в которую я, собственно, имею свободный доступ, могла помешать мне войти, если только не были отменены приказы канцелярии, о чем, полагаю, меня следовало бы известить заранее; наконец, что я должен относительно этого случая обратиться с заявлением в канцелярию.

Когда он доложил о сказанном мною первому хирургу, был созван совет, и впоследствии меня уверяли, что это дело немало их напугало. Чтобы я не привел свои угрозы в исполнение, профессор пригласил нас с д-ром Маунси на ужин и обязал держать дело в секрете. Он сказал нам, что не может поступить по своему усмотрению с первым хирургом, имеющим могущественных друзей при дворе и кроме того, ему покровительствует архиатр; что это покровительство — главная причина того, что он первый хирург почти всегда имеет большинство голосов против него профессора.

И хотя это дело выглядит очень скверно, все же за время моего пребывания в этом госпитале там было проведено много превосходных операций и многих людей замечательно вылечили.

Из этой палаты хирурги следуют с врачами по всем остальным палатам. Помощники хирургов заносят в дневник все, что врачи предписывают каждому человеку; в начале дневника проставлены имена больных и названия болезней. По завершении обхода всех пациентов помощники хирургов идут со своими студентами к аптекарю, где находятся, пока не будут приготовлены лекарства, несут их в соответствующие палаты и дают согласно распоряжениям. Ординарные

хирурги каждый день по очереди дежурят в госпитале. Тому, кто на дежурстве, нельзя выходить из госпиталя, не подменив себя другим хирургом, причем оба они должны пойти к главному хирургу и известить его о своей договоренности. Остальные хирурги могут идти к своим частным пациентам, но должны вернуться в семь часов вечера. Помощникам, если они не допущены к практике, а также студентам нельзя никуда уходить из госпиталя без дозволения главного хирурга.

Доклады о количестве поступивших, вылеченных, умерших и остающихся больных еженедельно регулярно посылаются в канцелярию с названиями болезней. Во всякого рода обслуживающем персонале недостатка нет. По приказам врачей больные получают в изобилии лучшую еду, а также всевозможные напитки и лечебные отвары. При необходимости не жалеют и самых дорогих вин. Если на врачей, хирургов или на их помощников поступает жалоба за непоявление в один день, их лишают месячного жалованья, а те, кто не облечен никаким званием, подвергаются телесному наказанию.

При каждом госпитале есть назначенный к нему офицер, обязанностью которого является обеспечивать госпиталь всевозможной провизией и вести ее точный учет. Помогать ему назначено несколько писцов. Он командует также охраняющими госпиталь солдатами, но без позволения главного хирурга не имеет права кого-либо наказывать.

Президенты Адмиралтейства и Военного ведомства приезжают сами или присылают своих заместителей посмотреть, все ли здесь в добром порядке, и главные командиры меньших госпиталей, расположенных дальше от двора и посещаемых фискалом, еженедельно проверяют, получают ли больные добрую и полезную провизию и хорошо ли их перевязывают в соответствии с приказами врачей. Хотя врачи, хирурги и т.д.

обеспечивают должный уход, все же в случае какой-либо жалобы, что, как я знаю, бывает, проводится строгое расследование. Но если жалоба окажется необоснованной, то пациента, от которого она исходит, заботливо вылечат, а когда он выпишется, его сурово высекут перед всем строем

Если недоволен человек, потерявший рассудок, то его жалобы не принимают во внимание.

По всей России действуют правила, согласно которым каждый хирург, находится он на службе или нет, в сложных случаях обязан пригласить для совета кого-нибудь из профессиональных врачей или старших хирургов — независимо от того, является ли случай терапевтическим или чисто хирургическим. И ни один хирург не осмелится сделать кому бы то ни было операцию, предварительно не посоветовавшись и не согласовав свои действия с таким коллегой, если это возможно. Если пациент умрет или имеет основание для жалобы, то слишком самонадеянный хирург не избегнет наказания. В сложном или в опасном случае даже врачи обязаны обратиться к другим за советом, если есть к кому. Но если врач этим пренебрег и наступила смерть, ему не миновать наказания. Я знавал двоих врачей, которые за такое упущение и преступную небрежность были тотчас изгнаны со службы.

Ни один аптекарь не осмелится выдать лекарства без приказа от врача или хирурга. При каждой большой аптеке есть добрый хирург на достаточном жалованье, ежедневно принимающий два часа до полудня и два после полудня и дающий советы беднякам. Если такие люди не в состоянии оплатить лекарства, аптекарь тем не менее их приготовляет и отпускает, учитывая эти лекарства как помощь императрицы. Если кто-либо, не имея лицензии от Медицинской канцелярии, возьмет на себя смелость выдавать пациентам лекарства, кара будет не меньшей, чем битье кнутом, длительная

ссылка на галеры и конфискация всего, что он имеет, — одна половина отходит императрице, а другая доносчику. Если посетитель или слуга дает больному какое-то лекарство, еду или напиток, не разрешенные врачом, то при обнаружении такого случая давший это не избегнет суровой порки.

Не все нравится в Петербурге иностранцам.

«Как же в России строят? — вопрошает Берк. — Это делается без старательных поисков добрых материалов и не приноравливаясь к должному времени года. Из плохо обожженного кирпича, только что срубленных бревен и сырых досок быстро и даже посреди зимы возводят дом, который снаружи выглядит сносно, но спустя непродолжительное время замечаешь, что крыша, пол и двери рассохлись, а стены сгнили. Владельца это мало печалит, ему лишь бы построить дом; какое-то время он может сполна взимать плату за наем и в конце концов оставит дом пустым, пока не поступят новые приказы.

Архитектура приблизительно такова. На болотистом грунте, в котором невозможно вырыть подвал, стоит дом с толстыми каменными стенами (они вследствие упомянутого беспечного способа строительства не высохнут и за несколько лет), деревянными крышей и стоком, английскими окнами, орнаментом вокруг них и над воротами, тоже из крашеного дерева; наружные сени и лестница построены со стороны двора, они тоже деревянные; все славно и удобосгораемо. Нет домов выше трех этажей, включая самый нижний — это подвал, причем очень низкий. Поэтому много изрядных домов, куда не проходит ни одна карета, и должно ездить через задние ворота, или же проломлена стена второго этажа, и тогда проход становится высоким, как триумфальные ворота; оба эти способа вполне безобразны.

В комнатах русских людей редко увидишь обои, а лишь несколько зеркал, столов и стульев; кафельные печи очень большие и топятся преимущественно из сеней. Часто они стоят прямо на балках черного пола, слишком близко к дереву, так что пожары возникали главным образом из-за скверной конструкции кухонных и изразцовых печей. Потому пришлось запретить горожанам отапливать комнаты после пяти часов вечера, дабы огонь не застиг людей спящими.

В Петербурге найдется мало домов, которые не имели бы своих ледников. Их строят тоже над землей, из дерева, с двойными стенами, засыпая промежутки между ними камнями и землей. Лед обычно нарубает на Неве, так как на каналах он редко бывает достаточно толстым. Но всякий живущий на берегу может рубить лед только напротив своего дома, а также обязан не забыть обнести прорубь оградой. Другие должны внести за нарубленный лед определенную сумму в Полицию. Обычно какой-нибудь работник становится подрядчиком — вносит плату в Полицию, находит себе помощников и поставляет лед в подвалы по 10-15 копеек за квадратную сажень, в зависимости от расстояния до дома. Говорят, в Москве один-единственный человек арендовал торговлю льдом по всему городу. Кто не желает нести такие расходы, но не имеет пруда в своем саду, тот сгребают в кучу снег, он в оттепель уплотняется, потом замерзает и делается столь же хорош, как любой другой лед.

Когда человек против своей воли построил описанным способом дом, начинается новая мука — квартирный постой. Еще счастье, если получишь только солдат — по двое на каждую печь в доме, — ибо их всех можно положить в одной комнате либо же построить во дворе отдельную избу, ее называют черной избой, так как молодцы (которые отапливаются и освещаются за

хозяйский счет) разводят такой сильный огонь, что их комната становится черной подобно крестьянской бане.

Но вот истинным несчастьем для хозяина будет, если он получит кого-то из придворного штата или других, которым корона предоставляет даровую квартиру, ибо тогда такой человек занимает лучшие комнаты, обычно пятую часть всего дома. Все придворные служащие — и старшие, и младшие — пользуются бесплатными квартирами, если не имеют собственных домов. Правда, для тех, кто их имеет, от постоя чужих людей может быть защищено не более одного дома. Досаднее всего, что если, как часто бывает, какому-нибудь ружьеносцу или вроде него понравится хорошо расположенный дом почтенного человека и он раздобудет в полиции записку на поселение в нем, то хозяин, само собой, лишается солдат, но взамен должен уступить сему матадорчику лучшие комнаты.

В Москве солдаты не стоят на квартирах, поскольку там достаточно казарм, но все же горожане несут иные соответствующие этому повинности. К примеру, содержатели постоянных дворов для извозчиков должны платить короне четвертую деньгу от получаемой за предоставление жилья платы. Петербург и Немецкая слобода в Москве освобождены от городского поземельного налога, взимаемого в других русских городах.

Прежде чем завершить разговор о переездах и постоях, следует еще упомянуть о «хлебе-соли», то есть о большом хлебе с маленьким углублением наверху, заполненном солью. Хлеб-соль друзья посылают переехавшему на новую квартиру. Теперь это является приветствием, а в старину, по-видимому, так поступали от доброго сердца, ведь другу, пока он не обустроился, нужно было что-то есть.

В Новый год слуги дарят также хозяевам пшеничный хлеб, напоминающий рождественский пряник, чтобы получить чаевые. То же самое слуга делает в свои именины».

О петербургской полиции 30-х гг. XVIII в. рассказывает датчанин Педер фон Хавен:

«Полиция была впервые введена в России императором Петром Алексеевичем. Но тем не менее она теперь во всем так строга, как вряд ли где-либо еще. Ночные караулы устроены целиком по гамбургскому образцу. Свою службу они часто исполняют усерднее, чем это необходимо. Примером тому может послужить следующий случай. Однажды было опубликовано полицейское распоряжение о том, что никому не дозволяется после десяти часов вечера ходить по улицам без фонаря. Некий генерал шел как-то поздно по улице со своим слугой, несшим впереди фонарь. Караульные, тотчас это заметив, собираются, окружают генерала и после краткой беседы и спора отпускают его слугу, поскольку он был с фонарем, а генерала, не принимая никаких объяснений, отводят в караульное помещение, где ему пришлось сидеть до тех пор, пока слуга не доложил об этом полицеймейстеру, и генерала выпустили.

Помимо таких караулов постоянно имеется сильный и многочисленный солдатский караул у полицейской конторы, который тут же безотлагательно приводит в исполнение приговоры полицеймейстера. Число других, более благородных, полицейских, служащих в одном только Петербурге, составляет, вероятно, несколько сот человек.

Полицеймейстером в Петербурге был генерал и кавалер ордена Александра Невского. Это был очень строгий и усердный господин, который за всем присматривал сам. И поскольку его власть простиралась гораздо шире, чем власть полиции у нас,

он часто после краткого суда приказывал приводить в исполнение строгие и неожиданные приговоры. Однако при всем том там все же смотрели сквозь пальцы на соблюдение субботы, пьянство и проституцию.

К примеру, по поводу последнего хочу упомянуть о случае, происшедшем вскоре после моего приезда. Одна потаскушка среди бела дня на улице в каком-то углу предавалась распутству с персом. Полицейские служители, явившись, препроводили ее в полицию, где она за полчаса была присуждена к наказанию батогами. Солдаты тотчас привели приговор в исполнение. Как только она перенесла наказание, ее опять отпустили восвояси, вытолкнув с такими словами: «Вот ты, дочь шлюхи, получила по заслугам; тебе бы распутничать с русскими, а не с персами». Из этого можно заключить, что блуд у русских карается не сурово».

Кроме вельмож, в Петербурге жили, понятно, и обычные люди.

И этих людей необходимо было как-то учесть.

Перепись 1737 г. явилась, вероятно, первой в русской истории переписью, не ставившей перед собой фискальных целей.

Непосредственным поводом к переписи послужил эпизод, внушивший властям большой страх: близ дома цесаревны Елизаветы Петровны был обнаружен зажигательный снаряд — обвязанная мочалом смоляная кубышка с порохом. Бомбу обнаружили, а на другой день Сенат издал указ о проведении переписи в целях очищения столицы от всех подозрительных с полицейской точки зрения лиц. За донос на «поджигателей» власти обещали вознаграждение, умножены были «караулы рогаточные», караульщикам предписывалось по ночам задерживать лиц из простонародья и всех заподозренных отправлять в полицию. Указ Сената призывал дворян и богатых дворовладельцев к особой бдительности, им

приказывалось караулить свои дворы «денно и ночью», не пускать к себе неизвестных людей, обыскивать «ханжей и нищих» в поисках у них «зажигательных орудий».

Любившая раздавать милостыню Елизавета, увидев нищенку, «у коей все лицо в ранах изрыто и смотреть весьма противно», поспешила издать указ, «дабы таким увечным и гнусным отнюдь не допускать здесь в резиденции таскаться» . Анна Иоанновна в своих указах жаловалась на то, что в столице «престарелые, дряхлые и весьма больные без всякого призрения по улицам валяются, а иные бродят», что «нищих весьма умножилось и от часу умножается. . и в самых проезжих местах от множества их иногда с трудом проезжать возможно» .

Для проведения переписи использовали существовавшее административно-полицейское деление города. В 1737 г. Петербург состоял из 5 команд, которые делились на 25 сотен, а также 3 большие слободы. Команды Московской стороны и Васильевскаго острова включали в себя по 3 сотни каждая, команда Адмиралтейского острова — 4, команда С.-Петербургского острова и Выборгской стороны — 7, команда, находившаяся между реками Мойкой и Фонтанкой, — 8 сотен. Для проведения переписи в каждый административно-полицейский участок (25 сотен и 3 слободы) были направлены ответственные чиновники и офицеры.

Перепись 1737 г. отличалась высокой степенью точности и была самой полной из всех проведенных до того времени в России переписей. Переписчики были обязаны переписать все население Петербурга, «кто б какова звания и чина ни был». Переписи подлежали люди, живущие во дворах, а также в лавках, в харчевнях, в шалашах, в кабаках, «в вольных домех» и

тому подобных местах или «при каких работах». Программой переписи явилась инструкция Сената, согласно которой переписчики должны были собрать ответы на вопросы: а) чей тот двор; б) кто в нем живет; в) от кого достался двор нынешнему хозяину; г) сколько лиц мужского и женского пола живет во дворе; д) каков их возраст; е) когда прибыли в Петербург живущие во дворе люди и особенно наемщики; ж) имеют ли они паспорт; з) регистрировались ли в полиции; и) давно ли живут в данном доме; к) какую плату берет с них хозяин; л) каков способ их существования. В ходе переписи соблюдался подворно-посемейный принцип, сведения собирались о каждом члене семьи и жителе двора. Переписчики получали сведения непосредственно у населения. Руководящим органом переписи являлся Сенат. Перепись была начата в 6 часов утра 9 июня 1737 г. и должна была быть завершена в течение трех дней. Но в действительности перепись и в особенности обработка собранных сведений заняли более длительное время. Последние переписные книги поданы были в Сенат в июле. Известно, что Сенат получил 29 переписных книг, но сохранилось только 7 из них.

Общее число жителей Петербурга в это время не превышает 70 тысяч человек. В это число входят женщины и дети, пришедшие на заработок крестьяне, нищие, солдаты на постое и даже дворохозяева, отсутствовавшие в момент переписи.

Число дворов составило 5898.

Все ему приходит конец – пришел он и царствованию Анны Иоанновны.

Из воспоминаний П. И. Панина:

«В полдень 5 октября Анна Иоанновна, сев за обед с герцогом Курляндским и его супругой, едва скушав несколько ложек супа, вдруг почувствовала тошноту и упала в обморок. Немедленно перенесли ее в

опочивальню и положили на кровать в совершенном беспамятстве. Бирон, приведенный сим внезапным несчастьем в крайнее смятение, выбежал в переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрев тут резидента коммерц-коллегии барона Менгдена, обычно в сей час посещаемого его, поручил ему как можно поспешнее уведомить графа Миниха о болезни императрицы и просить его немедленно приехать во дворец».

Ж.-И. Шетарди:

«У нее в правой почке (*dans le roignon droit*) – я это узнал от самого графа остермана – камень более и длиннее большого пальца образовался в виде кораллов. В том же боку было множество небольших камней, два на левой почке (*dans le roignon gauche*) по величине были между этими средними. Первый, отделившись от почек, запер мочевой канал, что произвело антонов огонь, окончивший болезнь».

Существует легенда о непонятном явлении перед кончиной Анны Иоанновны.

Вот как рассказывают этот случай современники. За несколько дней до смерти Анны Иоанновны караул стоял в комнате, возле тронной залы, часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои; было уже за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты выстроились, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Все видят — императрица ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого внимания. Весь взвод стоит в ожидании, но наконец странность ночной прогулки по тронной зале начинает всех смущать. Офицер, видя, что государыня не желает идти из залы, решается, наконец, пройти другим ходом и спросить, не знает ли кто намерений императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему. «Не может быть,— говорит Бирон, — я сейчас от государыни, она ушла в спальню ложиться». —

«Взгляните сами, она в тронной зале». Бирон идет и тоже видит ее. «Это что-нибудь не так, здесь или заговор, или обман, чтобы действовать на солдат», — говорит он, бежит к императрице и уговаривает ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить самозванку, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей.

Императрица решается выйти, как была в пудермантеле. Бирон идет с нею. Они видят женщину, поразительно похожую на императрицу, которая нимало не смущается. «Дерзкая!» — говорит Бирон, и вызвал весь караул; солдаты и все присутствующие видят «две Анны Иоанновны», из которых настоящую и призрак можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она пришла с Бироном. Императрица, постояв минуту в удивлении, подходит к ней, говоря: «Кто ты? Зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, к трону, всходит на него и на ступенях, обращая глаза еще раз на императрицу, исчезает. Императрица обращается к Бирону и произносит: «Это моя смерть», — и уходит к себе.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ

Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон;
Напудренный мелькал и вился локон,
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах.

М. Лермонтов

Дочь Петра I Елизавета, взошедшая на трон в 1741 г., жизнью государства интересовалась мало. Ее окружали в основном женщины из простонародья, сплетницы и суеверки. Всем заправляли фавориты Елизаветы Разумовский и Шувалов. Налево и направо раздавались земли, деньги, деревни. Канцлер Бестужев-Рюмин, получивший неожиданно от императрицы замок в Лифляндии, пишет барону Корфу, что дарение «на том же праве, на коем владел оным шведский канцлер». А что это за право, Бестужев-Рюмин не знает и просит барона объяснить ему.

Много при дворе веселились. Должностные лица обязаны были присутствовать на всех спектаклях. И если на французскую комедию приходило мало зрителей, отсутствующим посылался штраф в 50 рублей.

Уже при Екатерине II Гаврила Державин замечал: «Ныне мы смеем говорить, что не могли или не хотим ехать в комедию».

Елизавета Петровна (1709 – 1761) — российская императрица в 1741-1761 гг., дочь Петра I. Возведена на престол группировкой дворянства, боровшейся с немецкой кликой, захватившей при Анне Иоанновне власть при русском дворе. Внутренняя политика ее характеризовалась покровительством помещикам и развивавшемуся купечеству. Были восстановлены функции Сената, коллегий, городских магистратов. Усилился крепостной гнет. В 1760 г. помещики получили право без суда отправлять своих крепостных на поселение. В царствование Елизаветы Петровны Россия вела Семилетнюю войну против Пруссии.

Петербург в царствование Елизаветы Петровны, по свидетельству иностранцев, представлял одни противоположности — из великолепного квартала вы вдруг переходили в дикий и сырой лес; рядом с

огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избышки или пустыри; но всего поразительнее было то, что через несколько месяцев эти места нельзя было узнать: вдруг исчезали целые ряды деревянных домов, и вместо них появлялись каменные дома, хотя еще не достроенные, но уже населенные. С точностью тогдашние городские границы определить трудно; существовавшие планы елизаветинского времени представляли одни проекты. Границей города считалась Фонтанка, левый берег которой являл собой предместья: от взморья до Измайловского полка — Лифляндское, от последнего до Невской перспективы — Московское и от Московского до Невы — Александро-Невское. Васильевский остров, по 13-ю линию, входил в состав города, а остальную часть, вместе с Петербургской стороной, по речку Карповку, составляли тоже предместья. Разделение столицы на девять частей: первую, вторую и третью Адмиралтейские, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую было сделано в 1782 г., выделение же Нарвской части последовало только в 1810 г.

В предместьях определялось строить дома: на набережной Невы — каменные, не менее как в два этажа, а по Фонтанке можно было делать и деревянные, но не иначе как на каменном фундаменте. Весь берег Фонтанки был занят садами и загородными дачами вельмож того времени.

Первый деревянный мост через Фонтанку был Аничков, сделанный в 1715 г.; название он получил от примыкавшей к нему Аничковской слободы, построенной подполковником М. О. Аничковым. Позднее, в 1726 г., Аничков мост был подъемный, и здесь был караульный дом для осмотра паспортов у лиц, въезжающих в столицу.

Первый же исторический мост в Петербурге был Петровский, на речке Ждановке, — он соединял Петербургский остров с крепостью.

После него было выстроено еще три моста на Фонтанке, и затем, уже в 1739 г., стало вдруг в Петербурге сорок мостов; все эти мосты были тогда безымянные.

Посредине Троицкой площади стоял Троицкий собор, от которого шла бревенчатая дорога к Троицкой пристани. С этой пристани производился перевоз через Неву к помещавшемуся на противоположной стороне, на Адмиралтейском острове, на месте нынешнего Мраморного дворца, Почтовому двору. Направо от Троицкого собора стояло несколько строений, между которыми выделялись «остерия», т. е. трактир, в котором происходили торжественные царские пиры, и ближе к крепости здание первой петербургской типографии. К 1738 г. эти здания были уничтожены, а от бывшего большого двухэтажного с черепичной крышей здания Сената оставался только фундамент. За Сенатом, ближе к берегу Невы, стоял домик Петра I, за которым тянулась по Неве и Невке линия набережных домов, большинство которых было построено за казенный счет: владельцы их являлись чиновными людьми и были обязаны жить в Петербурге. Ближайшим к домику Петра I был дом Геннина; в 1738 г. здесь помещались постоялые дома, и отсюда шел другой переезд, уже на Литейную сторону, на Гагаринскую набережную.

Затем следовало здание Синода. В петровское время здесь стоял дом Брюса, первого петербургского коменданта, этот дом впоследствии был подарен князю Гагарину, а когда последнего за воровство повесили, дом был взят в казну и в нем поместили Синод. В 1741 г. Синод по ветхости этого дома был переведен на Васильевский остров, а дом, необитаемый и

приходящий все более и более в плачевный вид, просуществовал до 1756 г., когда с аукциона продали остатки разломанного синодального дома. Тут же был небольшой участок с домом Пушкина, зятя Меншикова, и этот дом был конфискован.

Наконец, шел дом Шафирова, построенный, как в то время говорилось, «замком» и занимавший солидный участок. Дом Шафирова должен считаться одним из наиболее старых домов. Его начали строить в 1705 г., конечно, на казенный счет. Во время постигшей в конце царствования Петра I немилости у Шафирова дом отобрали и как отписной в казну пожаловали Академии наук.

В этом доме в довольно обширной зале был поставлен балдахин с троном и состоялось открытие заседаний Академии. К этому времени Петр успел умереть, а Екатерина I благоволила Шафирову. Отписное имение было ему возвращено и Академии пришлось довольно скоропалительно выбираться из шафировского дома, который потом был продан в казну и превратился в мундирный магазин. Рядом с домом Шафирова стоял дом учителя Петра I Никиты Зотова, князь-папы, председателя «всепьянющей коллегии». Дом был с балконом, а на крыше возвышалась фигура Бахуса. После смерти Зотова дом перешел к его преемнику князь-папе Бутурлину. Угловым домом на Неву и вытекающую из нее Невку был дом первого канцлера графа Головкина. Его построили в 1710 г., а с 1781 г. дом принадлежал купцу Погодину, устроившему здесь довольно большой лесной двор. В этот год дом приобретен в казну, участок его соединен с близлежащими домами Шафирова и Гагарина.

Ряд зданий шел и по Невке, там помещалась первоначальная ратуша, заменявшая собой городскую думу.

Следует отметить дом князей Белосельских, там потом встал дворец вел. кн. Сергея Александровича, далее стоял дом князя Шаховского; рядом с ним было Троицкое подворье, затем дом гоф-интенданта Кормедона, купленный после Бироном и при Елизавете конфискованный и отданный духовнику императрицы Дубянскому. Напротив, на другой стороне Фонтанки, стоял на углу двор лесоторговца Д. Л. Лукьянова, купленный Елизаветой в августе 1741 г. для постройки Аничковского дома для графа Алексея Григорьевича Разумовского. Ранее этого Елизавета подарила Разумовскому дворец, в котором сама жила до восшествия своего на престол. Дворец был известен под именем Цесаревнина, находился он на Царицыном лугу, недалеко от Миллионной улицы.

По принятии двора Лукьянова в казну императрица приказала гоф-интенданту Шаргородскому и архитектору Земцову, чтобы они «с поспешением» исполняли подготовительные работы; вскоре после того начали вбивать сваи под фундамент дворца, делать гавань на Фонтанке и разводить сад.

Елизавета одобрила планы, и постройка больших каменных палат была начата. Главным наблюдателем над работами был назначен Растрелли. Отделка дворца продолжалась до 1749 г.

Аничков дворец был очень большой, стоял он в те времена на открытом месте, высотой в три этажа и имел совершенно простой фасад. На улицу выходил на сводах висячий сад, равный ширине дворца. Другой обычный дворцовый сад и службы занимали все пространство до Большой Садовой и Чернышева моста. Подъезд со стороны Фонтанки, теперь не существующий, в былое время давал возможность подплыть на лодке к ступеням дворца.

От левого флигеля дворца шла через Мойку галерея, верхняя часть которой представляла собою

открытую, изящно декорированную террасу, внизу же был большой зал, где неоднократно давались оживленные обеды и проходили придворные балы. Через эту залу или посредством верхней террасы можно было пройти в Летний сад. В 1754 г. в этом дворце родился так долго ожидаемый Елизаветой Петровной внук Павел Петрович, а еще через восемь лет императрица Екатерина II принимала поздравления дипломатического корпуса со вступлением на престол. Но очень скоро Екатерина II перестала жить в этом дворце, он был ей неприятен по многим воспоминаниям. Дворец стал отдаваться для жилья близким Екатерине II лицам: здесь жил и граф Григорий Орлов, а чтобы ему удобнее было наблюдать солнечное затмение, над дворцом сделали обсерваторию; здесь отводилась резиденция и великолепному князю Таврическому, пока не стал готовым его Таврический дворец, а ноябре 1796 г. появился указ нового императора Павла I о немедленном сносе Летнего деревянного дворца и постройке взамен его Михайловского замка.

Об этом замке мы расскажем позже. Теперь же – о том, что здесь сооружалось ранее.

В начале XVIII в. на месте бывшего финского поселения находилась слобода, где в наспех срубленных домишках жил батальон рабочей адмиралтейской команды во главе с тогда еще капитаном М. О. Аничковым. Вот откуда название и дворца, и моста.

В 1739 г. на месте нынешнего Аничкова дворца было место купца Лукьянова. Купец Лукьянов — каким образом он получил это место, купил ли его или владел им на захватном праве, мы не знаем, — не успел еще обустроить свой участок: по линии будущего Невского проспекта, тогда Невской перспективы, тянулся небольшой забор, местами покривившийся, местами растасканный соседями. На берегу Фонтанки, которая

здесь вдавалась большим рукавом в сушу далеко от своего русла, в беспорядке были нагромождены строительные материалы (ими торговал купец Лукьянов) и чернела караулка сторожа. Возле нынешнего дворца виднелись хозяйственные постройки, а между ними изба, занятая штабом Преображенского полка, здесь стоявшего. За ними далеко простиралось обычное петербургское болото с кочками, с вырубленными пнями, да с кустами чахлой березки, ольхи и вырастающими чередой маленькими елочками.

Но настала ноябрьская ночь 1741 г., когда Елизавета Петровна, арестовав правительницу Анну Леопольдовну и малолетнего Иоанна Антоновича, взошла на престол. С этой ночью связано следующее предание — говорится, что Преображенский собор построен на том месте, где был штаб или съезжая лейб-гвардии Преображенского полка, куда и поехала Елизавета Петровна в ночь на 25 ноября, где она нашла 1-ю роту своих преображенцев, получивших затем название лейб-компанейцев. Но так ли это?

Прежде всего, если обратиться к плану 1738 г., то увидим, что съезжая Преображенского полка помещалась именно на месте купца Лукьянова. Далее, если вспомнить хронологию царствования дочери Петра I, увидим, что и постройка Аничкова дворца и забота о нем началась и раньше и была более интенсивной, чем забота о Преображенском соборе. Все это позволяет думать, что легенда о месте Преображенского собора не соответствует действительности. За своими будущими лейб-компанейцами Елизавета Петровна ездила не на Литейную сторону, а туда, где по ее приказанию стали строить для любовника и тайного супруга графа Алексея Разумовского, Аничков дворец.

С постройкой дворца не вполне ладилось. Сделавший проект архитектор Земцов умер, можно

сказать, почти не приступив к постройке. Дворец достраивал тот же знаменитый Растрелли. Несмотря на сильное желание Елизаветы Петровны видеть дворец как можно скорее, его строительство замедлилось, и только в марте 1751 г. произошло освящение церкви. В течение первых 26 лет своего существования Аничков дворец принадлежал графу А. Г. Разумовскому, затем пять лет им владел его брат, бывший малороссийский гетман Кирилл Григорьевич, от которого дворец перешел, через покупку его Екатериной II, Потемкину. Потемкин продал царский подарок купцу-откупщику Шемякину. Тогда Екатерина снова купила дворец и вторично подарила его Потемкину, который владел им меньше года и опять-таки продал его Екатерине II. Это была, таким образом, третья купля-продажа. С этого времени дворец оставался в дворцовом ведомстве и сделки с дворцом совершались между лицами, принадлежащими ко двору. До 1794 г. дворец звался Аничковым дворцом, затем в течение 15 лет он был местопребыванием Кабинета министров, а с 1809 по 1812 г. принадлежал любимой сестре императора Александра I, великой княгине Екатерине Павловне. Дворец был назначен ей в приданое при выходе ее замуж за принца Георгия Ольденбургского. Овдовев, Екатерина Павловна вышла замуж за короля Вюртембергского и продала дворец департаменту уделов, а с 1817 г. во дворце поселился вел. кн. Николай Павлович, который, вступив на престол, оставил за собой Аничков дворец, получивший название Собственного его императорского величества дворца. Шесть лет с 1855 по 1861 г. дворец звался Николаевским, затем получил свое старое название.

Таким образом, за свое сравнительно недолгое существование дворец переменял 12 раз и своих владельцев, и свое название.

Для каких только целей он ни служил: в 1790 г., например, в нем помещался Константинопольский трактир. Затем здесь жили иностранные послы. В июле 1775 г. общество российских купцов «делало своим иждивением в Аничковом доме маскарад и вечерний стол по случаю празднования мира с турками». Давались здесь и различные концерты.

На месте Александринского театра стоял большой павильон, в котором помещалась картинная галерея Разумовского, а в другой комнате, напротив в том же павильоне, давались концерты, устраивались маскарады, балы и пр. За дворцом шел вдоль всего Невского пруд с высокими насыпными берегами, и против нынешней Садовой бил фонтан. Нынешняя решетка Аничкового дворца, говорят, сделана по рисунку прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Долгое время, еще в 30-х гг. XIX в., видны были фрески работы Гонзаго на полуобвалившихся стенах садовых павильонов, и у решетки на Невском проспекте держался еще небольшой храмик Фемиды.

Там, где стоит Российская национальная библиотека, был питомник растений, позади шли оранжереи, по Садовой улице жили садовники и дворцовые служители, а на углу, против Гостиного двора, стоял дом управляющего Разумовского, Ксиландера.

На другой стороне, на углу Невского и Большой Садовой улиц, находился дом И. И. Шувалова, в то время только что оконченный и назначенный для жительства саксонского принца Карла. Шувалову принадлежал весь квартал, образуемый теперь двумя улицами — Садовой и Итальянской.

В этой же местности находилась Тайная канцелярия при Елизавете, и затем при Екатерине II Комиссия нового уложения.

При переделке этого второго здания, в 40-х гг. XIX в. были открыты неизвестно куда ведущий подземный ход, остовы людей, заложенных в стене, застенки с орудиями пыток, большой кузнечный горн и другие пыточные орудия.

В мае 1746 г. в присутствии императрицы Елизаветы Петровны произошло освящение деревянной церкви, построенной на месте разобранной в 1743 г. Троицкой церкви. Но она простояла недолго, сгорев от неизвестной причины, и на ее пожарище жестоко были биты батогами церковные сторожа. А императрица приказала сооруженную было при ее Летнем дворце (там, где теперь Михайловский замок), но не освященную и разобранную церковь переправить на Петербургскую сторону и воздвигнуть вместо сгоревшего Троицкого собора. История этой разобранной церкви довольно-таки любопытна. Церковь была пристроена к Летнему дворцу и подходила как раз к тому месту, где, по предложению Елизаветы Петровны, должна была быть танцевальная зала. Известно, что Елизавета была любительницей танцев, и так как церковь не была еще освящена, то Елизавета и хотела воспользоваться ею, перестроить и превратить в танцевальный зал. Но против этой перестройки восстал Синод, указавший царице, что непристойно здание, даже только предполагавшееся для церкви, превращать в танцевальный зал. Царица согласилась, церковь была разобрана и лежала в разобранном виде. После пожара Троицкого собора Елизавета вспомнила о ней. Но когда соединили бревна и доски церкви в плоты, спустили в Фонтанку и стали подниматься в Неву, внезапно поднялась буря, плоты раскидало, и, когда церковь доставили на место, оказалось, не хватает множества бревен.

Так или иначе, а предполагаемая при Летнем дворце церковь воздвиглась на Троицкой площади и

после освящения в 1756 г. должна была заменить былой петровский Троицкий собор. В таком виде эта церковь просуществовала до начала XX в., когда опять-таки из-за небрежности надзора сгорела. Конечно, можно было бы восстановить ее, так как в архиве бывшего министерства двора сохранился точный проект, но решили, что церковь слишком скромна, не соответствует царствованию Николая II, и надумали соорудить тут какой-нибудь сверхъестественный собор. Наступившая революция эти замыслы развеяла.

В 1794 г. в павильоне дворца артисты стали давать публичные концерты и маскарады. Через год в этом же павильоне временно поместили привезенные из Польши книги Залусского, послужившие основанием Императорской публичной библиотеки.

В 1801 г. архитектор Бренна построил на месте этого павильона, на средства некоего Казасси, театр, в котором играли сначала итальянские оперы, а потом и другие пьесы.

Вскоре театр этот, прозванный Малым, был куплен в казну и затем сломан, и вблизи него архитектором Росси выстроен нынешний Александринский театр.

К 1750 г. болотный лес между Невским проспектом и забором царских садов значительно уменьшился, вместо него уже появились целые кварталы, отчасти застроенные. Таким образом, произошло первое изменение в первоначальном плане застройки этой местности: она предназначалась для царских садов, предполагалось даже помощью особого караула воспретить обывателю здесь ходить. Но за 25 лет успели об планах забыть и отвели часть местности под застройку, а на другой части, находящейся между Фонтанкой, Екатерининской и Итальянской улицами и Невским проспектом, решили «сделать ягдгартен для гоньбы и стрелянья оленей, кабанов и зайцев и для того

оное место изровнять и насадить деревьев, а против дорог каменные стенки».

Эта местность — теперь центр Петербурга; мы думаем, что она была таковой всегда, а, между тем, в царствование императрицы Анны Иоанновны она считалась такой окраиной, что можно было устроить заповедник для гоньбы кабанов!

При Екатерине I сад по берегу Мойки был, собственно говоря, огородом. Анна Иоанновна приказала: «Вместо того под наши огородные овощи для поварни нашей учредить гряды в том огороде, который за улицей против итальянского дома» (на месте Мариинской больницы на Литейном проспекте). Огород перенесли, но какое назначение должен был получить этот сад, не было определено. Потом на него, в недолгое свое правление, обратила внимание Анна Леопольдовна, приказав построить здесь небольшой домик. Как раз возле ворот сада, на противоположной стороне Итальянской улицы, был дом Румянцева, и в нем обитал саксонско-польский при русском дворе резидент, красивый граф Линар, пленивший Анну Леопольдовну. Удобство расположения сада возле этого дома давало возможность правительнице часто видаться здесь с Линаром, причем зачастую вход в сад посторонним лицам был воспрещаем. К числу этих посторонних относился и супруг правительницы Антон Ульрих Брауншвейгский. Когда он желал войти в сад, то находил двери просто-напросто запертыми, а стоявший часовой хладнокровно заявлял, что никого не велено пускать. То же самое постигало и великую княжну Елизавету Петровну, когда ей приходило желание не вовремя пройти через сад. Укажем еще, что при Анне Иоанновне в 1737 г. вышел приказ «наловить соловьев в Московской губернии 50, в Псковской и Новгородской тоже 50» и привезти их «за добрым призрением» в Санкт-Петербург, где и пустить их в Третий сад, а через

год вышло распоряжение «о запрещении ловить соловьев около С.-Петербурга и во всей Ингерманландии под жестоким штрафом», — боялись, что обыватель поймает соловьев из Третьего сада.

Вступив на престол, Елизавета Петровна занялась серьезно этим садом и другими; прежде всего она дала название своим садам: нынешний Летний был назван Первым; сад, расположенный по Фонтанке вокруг Летнего дворца, получил название Второго сада, наконец, сад на Мойке стал зваться Третьим садом. Сначала этот Третий сад думали засадить липами, которых было много в Первом саду: в 1744 г. требовалось для посадки в Третий сад 10 000 липовых деревьев, но вскоре раздумали, и в 1747 г. «в новостроющийся сад, что при третьем огороде, потребно нынешней зимой поставить кленовых 25 000 дерев». Таким образом, те клены, которыми и в настоящее время любуются в саду Русского музея, насчитывают 250 лет. Кроме клена, в Третий сад были посажены и фруктовые деревья, с которыми было много хлопот у Елизаветы Петровны. «Ее императорское величество, — читаем мы в журнале генерал-адъютантов, — соизволила указать, что проходящие через сад рвут яблоки и другие фрукты, в котором своевољстве своей высочайшей императорской особой усмотреть изволили». Очевидно, любители фруктов не постеснялись рвать фрукты в присутствии императрицы. Но кроме этого своевољства, было еще одно зло, о котором сохранилась очень характерная пометка в цитированном нами уже журнале генерал-адъютантов: «5 мая 1751 года императрица указала, что как во дворце в садах, так и около дворцов никакой нечистоты отнюдь не допускать».

Было решено прорыть по Итальянской улице между Кривушами и Фонтанкой особый канал, чтобы отделить

царские сады от города. Нехватка денег не позволила канал прокопать.

Очевидно, в конце 40-х гг. XVIII столетия на пустом еще пространстве между Третьим садом и Летним дворцом появились два парных пруда и между ними и Мойкой был разбит цветник, который имел специальное название «Променад». Остатки этих двойных прудов имеются и сейчас в саду Русского музея.

На пространстве между этими прудами и Итальянской и Караванной улицами был разбит лабиринт, необходимая принадлежность каждого благоустроенного сада XVIII в. Лабиринтом называлось особое расположение дорожек сада и запутывание их так, чтобы гуляющий заблудился и с трудом нашел выход. Лабиринт значится уже на махаевском плане 1753 г., но, кажется, в это время он еще не существовал, а был только в проекте. Это не мешало составителям плана показать его будто бывшим в действительности, точно так же, как местность по берегу Фонтанки показана незастроенной — будто здесь по лугу от Невского проспекта до главных ворот Летнего дворца только проходила дорога, будущая Караванная улица. Между тем, имеются данные, что в этой местности существовали уже постройки, но были, однако, изданы указы, повелевавшие снести все эти постройки в боязни пожаров. Указы эти не проводились в жизнь, но составитель плана 1753 года не забыл о них, и на плане берег Фонтанки свободен от построек. Эти две вещи — нанесение на план не существовавшего лабиринта и, наоборот, отсутствие существовавших уже к тому времени построек ясно показывают, как осторожно нужно относиться к планам XVIII в.

К середине XVIII в. изменился не только внешний облик крупных городских зданий, но и сам характер построек. Чисто практические сооружения, жизненно необходимые растущему городу, отходят на задний

план, все внимание уделяется строительству дворцов и церквей. Крупнейшие церкви и соборы, созданные в те годы, столь же богаты и великолепны, как дворцы. Пример этому — Смольный монастырь и Никольский собор.

Строительство Смольного монастыря началось по проекту Растрелли в 1748 г. в районе излучины Невы, на месте, где во времена Петра I находился так называемый Смоляной, или Смольный двор — место хранения и перегонки смолы, необходимой для кораблестроения. Поэтому все сооружения, воздвигнутые здесь позднее, получили название Смольный, а окружающий район стал именоваться Смольнинским.

Сооружать Смольный монастырь начали по приказу Елизаветы Петровны, собиравшейся удалиться туда под старость. Поэтому Растрелли задумал свое сооружение как монастырь-дворец.

Согласно воле царицы, зодчий обязан был строить собор монастыря по образцу пятиглавого Успенского собора в Московском Кремле, а также возвести столпообразную колокольню, подобную колокольне Ивана Великого. Под руководством Растрелли была сделана модель всего монастырского комплекса с гигантской колокольней, открывающей въезд в монастырь, высота которой должна была превышать 140 метров. Модель сохранилась и находится в музее Академии художеств, но практически замысел полностью осуществить не удалось. Не была завершена при жизни Растрелли и отделка других зданий монастырского комплекса. Ее закончил уже гораздо позднее, в 30-х гг. XIX в., архитектор В. П. Стасов, бережно сохранивший стиль и особенности композиции автора проекта.

Смольный монастырь — один из интереснейших архитектурных памятников XVIII в.

Издалека видно взлетающее над Невой пятиглавие собора — центрального сооружения монастыря. Высота его более 80 метров. Яркая двухцветная окраска, обилие всевозможных украшений, богатство отделки роднят собор с дворцовыми постройками Растрелли. Вместе с тем при взгляде на него вспоминаются старинные русские церкви — «вертограды многоцветные» — с их красочностью и живописностью. В старину монастыри служили одновременно и укреплениями. Обычно они были отгорожены крепостными стенами с башнями и воротами. Растрелли тоже придает своему монастырю замкнутую форму, располагая крестообразно вокруг собора здания келий, повторяющие его очертания. Но здесь это лишь художественный прием, свидетельствующий о строгой продуманности композиционного замысла. В отличие от свободного, асимметричного расположения построек в старинных монастырях, Растрелли соблюдает строгую симметрию. Его постройки расположены одинаково по обе стороны главной оси, идущей от ворот (на месте которых предполагалась колокольня) к собору. На западающих углах зданий келий, окружающих собор, архитектор ставит четыре однокупольные церкви, подчеркивающие ритм всего сооружения. В Смольном нет четко выделенного главного фасада, он одинаково хорошо смотрится со всех сторон.

Растрелли использовал в Смольном соборе одну черту старинного русского пятиглавия — доминирование центрального купола над боковыми. Но во всем остальном он шел новым путем. В старинных церквях все купола в большинстве случаев одинаковы и отличаются лишь по величине, а в соборе Смольного форма центрального и боковых куполов различна. Как и в Зимнем дворце, в Смольном поражает бесконечное разнообразие декоративных деталей. Используя кривые линии, выпуклые и вогнутые плоскости, пучки

декоративных колонн и пилястр, обрамляя наличники лепными украшениями, Растрелли придает облику сооружения нарядность и жизнерадостность.

Старинный Смольный монастырь стал выглядеть особенно нарядно в наши дни, после того как была реконструирована и благоустроена площадь перед ним, в центре которой создан небольшой круглый сквер. Эта площадь носит имя Растрелли.

Много общего со Смольным у Никольского Морского собора, построенного у пересечения Крюкова канала и канала Грибоедова в 1753—1762 гг. С. И. Чевакинским. Подобно Растрелли, Чевакинский вводит самые разнообразные украшения, чтобы придать собору праздничный облик. На фоне светло-голубой стены выделяются белые колонны, местами собранные в пучки и создающие живописную игру светотени. Большие окна обрамлены лепными наличниками с головками херувимов, выглядывающих из-за облаков. Верхние овальные окна окружены сложными гирляндами.

Отдельно от здания собора, на берегу Крюкова канала, стоит колокольня, также сооруженная по проекту Чевакинского. Она разделена на три яруса и украшена декоративными колоннами, смягчающими переходы между ними. Рядом с собором колокольня, с ее сравнительно скромным убранством, кажется гораздо проще, спокойнее. Стройная и легкая, возвышается она над тихим каналом, отражающим в своих водах ее тонкий силуэт.

* * *

Украшая центральные районы столицы, преемники Петра I стремились как можно дальше убрать со своих глаз жилища и места скопления простого народа. Неоднократно принимались также указы о перенесении харчевен и кабаков со «знатных улиц» «в особливые места» и на рынки. Елизавета из-за этого вопроса

пришла в столкновение с Сенатом, который в целях увеличения казенных сборов просил не сводить кабаки с центральных улиц. Императрица негодовала по поводу того, что на стенах домов, обращенных на улицы, имеются вывески ремесленных мастерских или входы в лавки. «Чтоб по большим знатым улицам никаких вывесок, как ныне их множество разных ремесел видно и против самого двора ее и. в., не было», — указала она. Через год последовал новый именной указ до этого же поводу, но уже с приказанием мастеровым людям и жительство иметь «внутри дворов, позади оных знатных улиц».

Дадим слово датчанину фон Хавену:

«Петербург я не увидел до тех пор, пока уже не оказался в нем. Ибо хотя местность вокруг него ровная и город открыт, но край такой лесистый, что леса подобны плотной стене. Наконец по реке поворачиваешь на юг, направо, и тогда взору вдруг открывается чудесный вид красивейшего города.

По обеим сторонам реки стоят прекраснейшие каменные здания, все одного типа, четырехэтажные и окрашенные в желтый и белый цвет. Не менее получаса плывешь с хорошим ветром вверх по реке Неве и постоянно на обоих берегах видишь такие дворцы, пока наконец не подплывешь к корабельному мосту, ведущему с Дворцовой стороны на Васильевский остров. Однако самое красивое в этой панораме, постоянно находящейся перед глазами, когда вплываешь в Петербург, — это крепость, представляющая собой не меньшее украшение, чем расположенный внутри нее кафедральный собор; его высокий и красивый шпиль сверху донизу покрыт настоящим золотом и горит огнем. И куранты, не похожие ни на амстердамские, ни на лейденские, чрезвычайно приятно звучат при каждом ударе колокола.

Прожив пару дней в гостинице, я получил на Аптекарском острове лучшую квартиру у одного доктора медицины, которого знал по университету Гельмштедта и который год тому назад был выписан оттуда в Петербург, чтобы занять место профессора ботаники — науки, в коей весьма сведущ. Первой моей обязанностью было зарегистрироваться в полицейской конторе, ибо тогда было опубликовано предписание о том, что всякий, без единого исключения, не имел права прожить трех дней на одном месте без регистрации. Наверно, то была мера предосторожности против шпионов. Бродяг этим нельзя было прижать, поскольку такие люди обычно проводят на одном месте лишь ночь или две.

Аптекарский остров, на котором я жил, расположен более чем в датской миле от Дворцовой стороны и Васильевского острова, каковые оба места составляют как бы ядро города. Аптекарский остров также наименее застроен из всех островов, на которых стоит Петербург, и имеет, пожалуй, добрую милю в окружности. Однако на нем помимо Аптекарского сада и относящихся к нему трех-четырех строений не насчитывалось и пятидесяти домов. Остальная часть покрыта густым, но красивым сосновым лесом, какой там растет повсеместно. Остров с трех сторон омывают рукава реки Невы. С четвертой стороны он отделен от острова, называемого Старый Петербург, маленьким рукавом шириной едва ли более 30 шагов.

Епископ Новгородский, который жил в Старом Петербурге, приказал прорубить через лес перспективы, немало украсившие остров. Однако самое красивое на острове — сад, от которого остров и получил свое название. Сад — убедительное доказательство плодородности петербургского края. Сад обширен и разбит в новейшей манере. Там находится столь полное собрание растений и деревьев

Европы и Азии, особенно в оранжерее, что господин доктор и профессор Сигез-бек, бывший директором сада, неоднократно говорил мне, что среди всех садов, которые он сам когда-либо видел в других странах или же знал по изданным каталогам, ему не известен ни один, равный этому. В мое пребывание в Петербурге туда было доставлено несколько сотен совершенно неизвестных растений из Китая и Великой Татарии, и доктор много трудился, присваивая им новые названия.

Все аптеки получают растения из этого сада, почему он и именуется Аптекарским. Поэтому в нем постоянно живет аптекарь, единственная обязанность которого — собирать и затем обрабатывать лекарственные травы. Во фруктах в саду тоже нет недостатка, это видно по тому, что аренда фруктовых деревьев дала в том году несколько сот рублей. Однако верно и то, что в большинстве своем эти садовые фрукты не такие большие и хорошие, как у нас и в других краях. В Петербург также ежегодно прибывает невероятное множество свежих и сушеных садовых фруктов — как по суше из Москвы и других мест государства, так и водой из Любека».

В апреле 1746 г. «тишайшая» императрица Елизавета Петровна возвращалась из Екатерингофа. Был теплый весенний вечер. Карета императрицы двинулась медленно, тихо качаясь на больших ремнях вместо рессор. У церкви Вознесения императрица откинулась от открытого окна к спинке кареты и закрыла лицо тончайшим из брабантских кружев платком, «понеже около церкви дух тяжелый происходил». А «дух» происходил оттого, что у церкви Вознесения находилось кладбище, могилы делались неглубокие и воздух был насыщен трупным запахом. Через десять лет, в 1756 г., писались такие донесения: «Воздух заражается смрадом, так, что иногда с великим терпением свершается богослужение, особенно в

летнее время, ибо смрадность эта возбуждает нестерпимую тошноту».

Тотчас после своей прогулки Елизавета Петровна издала строжайший указ о кладбищах. Большинство их, бывших у приходских церквей, должны были быть закрыты, и генерал-полицмейстеру приказано отвести для погребения места, отдаленные от городских жилищ. Но потребовалось 10 лет, чтобы это высочайшее строжайшее распоряжение превратилось в действительность. Только в мае 1757 г. сенатским указом было отведено три места, удобные для заведения кладбищ: «По сую сторону Волковой деревни для жителей Адмиралтейского острова» (Волково кладбище), «в сторону от Галерной гавани для жителей Васильевского острова (Смоленское кладбище) и «по Выборгской дороге». И с 1756 г. стало существовать небольшое Волково кладбище. Конечно, кладбище скоро было занято жильцами-покойниками, а так как вокруг было много пустого места, то кладбищенская площадь все росла и росла: в 1810 г. она уже занимала 42 тысячи кв. сажень, а в 1870 г. свыше 85 тысяч сажень. В марте 1793 г. близ православного кладбища появилось единоверческое, здесь же существовало и лютеранское.

С середины 50-х годов XIX в. одна за другой функционировали бесчисленные кладбищенские комиссии. Они созывались из представителей министерства внутренних дел, городской думы, духовенства, для того чтобы предоставить «немедленно» свои соображения по устройству кладбищ, потому что, — как особенно рельефно выразился военный генерал-губернатор Игнатъев, — «постепенно увеличивающийся во многих кладбищах недостаток свободных мест для погребения может в скором времени дойти до того, что тела будут зарываемы близко к поверхности земли в те же могилы,

где находятся еще не сгнившие гробы, и испарения от гниения тел могут заразить воздух».

Комиссии работали, сочинялись доклады, печатались записки, проектировались разные мероприятия, вполне соответствующие всем требованиям гигиены; кроме комиссий проявляли инициативу и отдельные лица, наконец, повторялись и высочайшие повеления о закрытии ныне существующих и устройстве загородных кладбищ — а воз и ныне там. Происходило все это потому что городское управление отводило земли для исключительно для погребения умерших, а вовсе не для продажи этих мест, — кладбищенское же духовенство сделало из этих мест торговое, весьма выгодное дело. Все это превратилось, как свидетельствуют факты, в грабеж, причем усердствовали причты особенно богатых, хорошо обеспеченных кладбищ. Но если и были заботы о санитарном благоустройстве кладбищ, то заботы «о благолепии» кладбища проявлялись очень редко, и то со стороны лиц и учреждений, посторонних кладбищенскому начальству. Последнее, наоборот, старалось не допускать нужного ремонта для какого-нибудь памятника, даже стремилось, чтобы памятник поскорее разрушился, и образовавшееся, таким образом, свободное место могло быть продано по повышенным ценам. Пусть это памятник дивной красоты, пусть он — вдохновенное создание скульптора — все это жалкие слова: за могилу можно было выручить несколько сот рублей.

* * *

От Летнего дворца большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку. Вдоль берега Невы, который был тогда в саду, можно было пройти к почтовому двору.

В мазанковом почтовом дворе сначала была открыта виноторговля, где, по обычаю голландских городов, в полдень играли 12 музыкантов на рожках и трубах. Впоследствии сюда выписали из Данцига почтмейстера, которому было приказано за деньги кормить и давать помещение приезжающим в Петербург. Бергхольц рассказывает, что в его время на этом почтовом дворе стоять было неудобно, потому что все должны были выбираться оттуда, когда царь давал там празднества; это случалось нередко зимой и в плохую погоду.

В 1736 г. на Фонтанке, близ Летнего дворца Елизаветы Петровны, был построен новый «слоновый двор» для присланного из Персии слона. Об этом слоне известно, что во время следования его в Петербург зимой 1736 г., он остановился на некоторое время в Москве, и тогда к нему были посланы два «зверовщика»: персиянин Ага-Садык и араб Мершариф, — «дабы этот слон мог к ним признаться так, как и к другим персидским слоновщикам».

Кроме них, при «слоновом дворе» находился еще «персидский слоновый мастер», или «слоновый учитель» Асатий. На его попечении было лечение и гигиенические прогулки, которые не всегда обходились благополучно. На Прешпективной улице, по которой водили слона, всегда собиралось много народа посмотреть на редкого зверя, преимущественно лейб-гвардейских солдат. Зрители вели себя весьма непринужденно, смеялись над жожаками, бранили их и даже бросали в них и в слона палками и камнями. Ага-Садык жаловался своему начальству, что во время провожания слона бросали как в него, так и в слона, камнями и палками и многократно избили, и из-за этой опасности он уже более месяца принужден слона не выводить. Следствием жалобы был приказ «об объявлении обывателям с подпискою о неучинении помешательства слоновщику в провожании слона». На

корм слону давалось в год сухого тростника 1500 пудов, пшена сорочинского 136 пудов, муки пшеничной 365 пудов, сахару 27 пудов, корицы, кардамону, гвоздики, мускатных орехов по 7 с половиной фунтов, шафрана 1 фунт, соли 45 пудов., виноградного вина 40 ведер, водки 60 ведер и. т. Водку слон употреблял лучшего качества. Раз слоновщик доносил: «К удовольствию слона водка неудобна, понеже явилась с пригарью и не крепка». В конце сентября 1741 г. прибыло в Петербург от персидского шаха Надира многочисленное посольство с богатыми дарами для двора. В числе подарков приведено 14 слонов.

К прибытию слонов в Петербург, с конца августа, начались приготовления к принятию их. Так, столярного дела мастер фон Боле доносил, что Аничков мост находится «в немалой ветхости», настилка на нем во многих местах сгнила и «насквозь пробивается», и что надобно заблаговременно починить.

Против «слонового двора» к речке Фонтанке для прогулки слонам сделана была площадь, которую приказано именовать Слоновой, и «для лучшей способности всем слонам ради купания сделать в реку скатом удобный мост». Ранее этого еще комиссия приказывала архитекторам Земцову и Шумахеру «обыскать» новые, удобные для этой цели места.

В 1744 г. «слоновый двор» был переведен на угол Невского и Лиговского канала; урочище это тогда называлось Пеньки. В царствование Екатерины II это место носило название Старого егерского двора; оно было огорожено частоколом, на нем рос лес и стояли развалившиеся деревянные постройки, носившие при Анне Иоанновне название Волынского двора. Другой загородный Волынский двор был за Фонтанкой, у Обуховского моста.

Вскоре после прибытия слоны начали буйствовать, «осердясь между собой о самках». Ага-Садык донес, что

утром три слона сорвались и ушли, из которых двоих вскоре поймали, а третий «пошел через сад и изломал деревянную изгородь и прошел на Васильевский остров и там изломал чухонскую деревню, и только здесь был пойман».

«Слоновый двор» просуществовал здесь до 1778 г. Память о нем сохранилась почти до наших дней. Ведь еще сравнительно недавно Суворовский проспект звался Слоновым. Императрица Екатерина II нашла неудобным устройство зверинцев в самом Петербурге; для этой цели стали использовать загородные дворцы. Так возникли Петергофский и Ораниенбаумский зверинцы.

* * *

В царствование Елизаветы Петровны церковей в Петербурге было немного. Все они тогда были низкие, невзрачные, стены увешаны вершковыми иконами, перед каждой горела свечка или две-три, от этого духота в церкви была невообразимая. Дьячки и священники накладывали в кадиланицы много ладана, часто приготовленного из воска и смолы, от этого к духоте примешивался еще и угар. Священники, отправляясь кадить по церкви, держали себя так, что правая рука была занята кадиланицей, а левая протянута к прихожанам. Прихожане сыпали в руку посильные дары — кто денежку, кто копейку; рука наполнялась и быстро опускалась в карман, и опять, опорожненная, была устремлена к прихожанам. Доходы священников в то время не отличались обилием: за молебны платили им три копейки, за всенощную — гривенник, за исповедь — копейку и т. д. Иногда прихожане присылали им к празднику муку, крупу, говядину, рыбу. Но для этого нужно было быть снисходительным к прихожанам. Если же священник

относился строго к своим духовным детям, то сидел он без муки и крупы и довольствовался одними пятаками да грошиками, а эти пятаки и в ту пору далеко не могли служить обеспечением. Случалось тогда и то, что во время богослужения явится в церковь какой-нибудь пьяный, но богатый и влиятельный прихожанин, и, чтобы показать себя, начнет читать священнику нравоучение, поправлять службу, и бедный, нуждающийся в его подачках священник должен был выносить все это. Иногда в церкви подгулявшие прихожане заводили между собой разговоры, нередко оканчивавшиеся криком, бранью и дракой.

Случалось что во время службы раздавался лай собак, забежавших в церковь, падали и доски с потолка. Деревянные церкви тогда сколачивались кое-как, были холодны и сыры. Причиной таких построек было, с одной стороны, печальное положение государственных финансов, а с другой — крайняя недобросовестность строителей, прежде всего заботившихся чтобы поскорей получить деньги.

Торжественностью богослужения отличалась только одна придворная церковь. Императрица Елизавета очень любила церковное пение и сама пела со своим хором; к Страстной и Пасхальной неделе она выписывала из Москвы громогласнейших дьяконов, и почтмейстер, барон Черкасов, чтобы как можно лучше исполнить державную волю, не давал никому лошадей по Московскому тракту, пока не приедут дьяконы.

Православие Елизаветы Петровны было искренне, и наружные проявления религиозности были в обычае и ее придворных. Из документов тогдашнего времени мы видим, что императрица не пропускала ни одной службы, становилась на клиросе вместе с певчими и в дни постные содержала строжайший пост и только одному своему фавориту Разумовскому позволяла во дворце есть рыбное кушанье, а остальных так

преследовала за недержание поста, что другой ее приближенный, граф Бестужев, был вынужден обратиться к константинопольскому патриарху за разрешением не есть грибного.

Законы того времени позволяли принимать и ставить в духовный чин лиц из всех сословий, лишь бы нашлись способные и достойные к служению в церкви. Если прихожане просили о ком-нибудь, чтобы определить его к службе церковной, то от них требовалось свидетельство, что они знают рекомендуемое ими лицо: «не пьяницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварливого, не злободейца, не убийцу, в воровстве и мошенничестве не обличенного; сии бо наипаче злодейства препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному». Из дел консистории видим в духовных чинах лиц всех званий: сторожей, вотчинных крестьян, мещан, певчих, купцов, солдат, матросов, канцеляристов, как учившихся в школе, так и не обучавшихся. Хотя указом еще от января 1737 г. требовалось, чтобы в духовные чины производились лишь те, которые разумеют «силу букваря и катехизиса», но на самом деле церковные причты пополнялись выпускаемыми из семинарии лицами «по непонятию науки», или «по безнадёжности в просодии», или «за урослием». Ставили на иерейские должности и с такими рекомендациями: «школьному учению отчасти коснулся», или: «преизряден в смиренномудрии и трезвости», или: «к предикаторскому делу будет способный». Поступали с аттестациями и такого сорта: «без всякого подозрения честен», «аттестован достойным за благонравие и обходительство», или: «дошел до реторики и за перерослостью, будучи 27 лет, уволен». Встречались «нотаты» и такие: «проходил фару и инфиму на своем коште, и за непонятие уволен».

Не отличаясь грамотностью, петербургское духовенство поражало грубостью нравов. В среде его то и дело слышалась брань, частые ссоры между собой и даже с прихожанами в церквях. Картина просвещения и нравственности, как видим, была самая темная. Так, священник Ямской Предтеченской церкви Илларион Андреев, на заутрени в церкви, во время чтения канонов, повздорил с капитаном Иваном Мамонтовым, а в квартире, продолжая ссору, они подрались. За сие Андрееву учинено в духовном правлении наказание плетьюми, и был он полгода в подначальных трудах в Александровском монастыре. Тогда духовенство законом не было ограждено от телесных наказаний, и потому всякий власть имеющий считал себя вправе без суда и расправы, по своему усмотрению, наказывать лиц духовного звания, не говоря уже об архиереях, по мановению которых хватали священника, тащили на конюшню и там нещадно били плетьюми и шелепами. Помимо телесных наказаний, существовали также и штрафы.

Фон Хавен пишет:

«В дни проповедей среди русских нет нищих бродяг. В Петербурге на дворах немецкой и шведской церковей видишь целые ряды нищих-иностранцев. Однако не припомню, чтобы когда-либо видел, в том числе и в большой Москве, кого из русских, просивших милостыню. Да и не помню, чтобы во время моих довольно длительных поездок по государству русские нищие просили меня о подаении. Это следует, вероятно, приписать учению их веры, которое не дозволяет человеку терпеть нужду. Кроме того, в государстве учреждено так, что всех людей, способных что-либо делать, непременно приставляют к работе, а всех остальных благодаря предусмотрительности правительства — щедрости и замечательным пожертвованиям — убирают с дороги. Сюда же еще

надо причислить многочисленные большие и богатые монастыри, которые императором Петром и его преемниками не были никоим образом ни уменьшены, ни разорены, но лишь так изменены, что являются местами содержания для слишком юных и совсем старых неимущих людей. Однако при всем том за отсутствие нищих следует похвалить весь народ, не склонный к попрошайничеству, чем это и надо объяснять».

При Елизавете фактически отменяется смертная казнь. Но пытки и телесные наказания остаются. Хотя высшему сословию все стало часто сходиться с рук. Воевода Шеншин, например, в пьяном виде задирали женщин на улице, приказал ударить в набат, избил незнакомого подпоручика. Елизавета его простила, велела только снять с воеводства.

Крестьяне накрыли в бане одного архимандрита «в ближайшем подозрении с девкою», которая и навела земляков. Любителя амуров перевели в другой монастырь, а мужиков, «кои так оного архимандрита обругали», отослали для наказания в губернскую канцелярию.

Поступало множество жалоб на местных архиереев. Жаловалась мордва, что их насильно принуждают к христианству, многих держат в кандалах. Доходило до того, что людей опускали в купель связанными.

Духовенством допускались выходки просто дикие, а зачастую и нелепые. Арсений Мациевич отправил священника на вечное заключение в монастырь за то, что обнаружил пыль в алтаре.

Священник, что шел с дароносицей к больному, стал отбивать у крестьянина князя Вяземского свою лошадь. Князь, увидев это, стал бить священника плетью, били и крестьяне, поломали дароносицу.

Синод положил: попа на год в монастырь, а Вяземского отправить в дальний монастырь на вечное

заточение, где держать в кандалах на хлебе и квасе.

В Петербурге учредили «строгую комиссию о живущих безбрачно». Комиссия обвенчала профессора астрономии Попова и ассессора мануфактур-коллегии Ладыгина с обольщенными ими девицами. Разгромили тайный публичный дом Дрезденши (видимо, кличка).

Нравы были самые непосредственные. Вот жена прапорщика Ватазина хлопочет о чине коллежского ассессора для своего мужа: «Умились, матушка, прикажи указом. А я подведу вашему императорскому величеству лучших собак четыре: Еполит да Жульку, Женету, Маркиза. Ей-богу, без милости не поеду».

Кражи, взятки и лихоимства царили всюду. Сенат постановил менять воевод через пять лет, оставляя лишь тех, кто ни в чем абсолютно не заподозрен. Причем об оставлении последних должны были спрашивать мнение у местных помещиков. Но постановление Сената не исполнялось.

Известного разбойника Ваньку Каина полиция завербовала в агенты. Он мог брать людей под арест, а полиция и солдаты обязаны были ему всячески содействовать. И стал Каин арестовывать сыновей богатых раскольников, получая за них выкуп. Прознав это, раскольничья комиссия потребовала Каина к допросу, но он подкупил подьячих, и документы в Сыскной приказ отправили из комиссии только через три года.

Современник императриц Анны и Елизаветы майор Данилов, рассказывает, что в его время был казнен на площади разбойник князь Лихутьев: «голова его взогнута была на кол».

Разбои и грабежи тогда сильно распространились в самом Петербурге. Так, в лежащих кругом Фонтанки лесах укрывались разбойники, нападая на прохожих и проезжих. Фонтанка в то время считалась вне черты города. Дом графа Шереметева полагался загородным,

как и дом графа Апраксина, где жил Апраксин, когда был сослан с запрещением въезда в столицу; сюда к нему съезжались друзья веселиться и пировать. Полиция обязала владельцев дач по Фонтанке вырубить леса, «дабы вора́м пристанища не было», то же самое распоряжение о вырубке лесов последовало и по Нарвской дороге, на 30 саженой в каждую сторону, «дабы впредь невозможно было разбойникам внезапно чинить нападения». Были грабежи и на «Невской перспективе», так что приказано было восстановить пикеты из солдат для прекращения сих «зол». Имеется также известие, что на Выборгской стороне, близ церкви Сампсония, в казачьей слободе, состоящей из 22 дворов, «разные непорядочные люди» имели свой притон. Правительство сделало распоряжение перенести эту слободу на другое место.

Бывали случаи грабительства также в Петербурге, которые названы «гробокопательством». Так, в одной кирхе оставлено было на ночь тело какого-то знатного иностранца. Воры пробрались в кирху, вынули тело из гроба и ограбили. Воров отыскивали и казнили.

Для прекращения разбоев правительство принимало сильные меры, но меры эти не достигали своей цели: разбойников преследовали строго, сажали живых на кол, вешали и подвергали другим страшным казням, а разбои не унимались. В то время начальником Тайной канцелярии более семнадцати лет был А. И. Ушаков. Клеврет Бирона безжалостно проливал человеческую кровь с бессердечностью палача, присутствуя лично на жесточайших истязаниях. Наказывал он не только престарелых или несовершеннолетних, но и больных, даже сумасшедших. В царствование Анны Иоанновны одних знатных и богатых людей было лишено чести, достоинств, имений и жизни и сослано в ссылку более 20 000 человек. Одно подозрение в поджоге тогда неминуемо влекло смерть. Так, по пожару на Морской

улице Тайная канцелярия признала поджигателями, «по некоторому доказательству», крестьянского сына Петра Петрова, называемого «водолаз», да крестьянина Перфильева; их подвергли таким тяжким смертным пыткам, что несчастные, «желая продолжать живот свой», вынуждены были облыжно показать, будто их подучали к поджогу другие люди, которые на самом деле не были причастны. В конце концов Петрова и Перфильева сожгли живыми на том месте, где учинился пожар.

Рассказывает англичанин Дж. Кук:

«Были схвачены трое поджигателей — двое мужчин и одна женщина. Через несколько дней я видел, как их казнили на руинах Морской. Каждый из мужчин был прикован цепью к вершине большой вкопанной в землю мачты; они стояли на маленьких эшафотах, а на земле вокруг каждой мачты было сложено в форме пирамиды много тысяч маленьких поленьев. Эти пирамиды были столь высоки, что не достигали лишь двух-трех саженей до маленьких помостов, на которых стояли мужчины в нижних рубашках и подштаниках. Они были осуждены на сожжение таким способом в прах.

Но прежде чем поджечь пирамиды, привели и поставили между этими мачтами женщину и зачитали объявление об их злодействе и приказ о каре. Мужчины громко кричали, что хотя они и виновны, женщина ни в чем не повинна. Тем не менее ей была отрублена голова. Ибо русские никогда не казнят женщин через повешение или сожжение, каким бы ни было преступление. Возможно, если бы императрица находилась в Петербурге, женщина получила бы помилование. Однако говорили, что ее вина была совершенно доказана, и о том, что злоумышленники были исполнены решимости совершить это отвратительное преступление, женщина знала еще за несколько дней до него.

Как только скатилась голова женщины, к пирамидам дров был поднесен факел, и поскольку древесина была очень сухой, пирамиды мгновенно обратились в ужасный костер. Мужчины умерли бы быстро, если бы ветер часто не отдувал от них пламя; так или иначе, оба они в жестоких муках испустили дух меньше чем через три четверти часа.

Во время этой казни случилось происшествие, многих позабавившее. Сразу после того как мужчины скончались, некий легкомысленный писец, одетый очень опрятно, бежал через руины поглядеть на казнь. Вся земля была покрыта головешками от последнего пожара, так что никто не мог безопасно ходить где-либо, кроме замощенных улиц, поскольку русские обязаны содержать свои улицы и дома свежими и чистыми. В каждом доме есть для этого удобство, и бедный писец, глаза на преступников, когда поспешал к месту казни, бултыхнулся в одну из этих выгребных ям, погрузившись выше, чем по пояс.

Многие гвардейцы и прочие, которым мало показалось поиздеваться и посмеяться над несчастным писцом, бросали в нечистоты дрова, кирпичи и камни, стараясь всего его забрызгать. Такое обхождение обострило изобретательность отчаявшегося писца и воспламенило его негодование до последней степени.

Поскольку эти люди были близко от него, он принялся швырять бывшие вокруг зловонные нечистоты, заляпав ими многих и заставив ретироваться на большее расстояние. Таким способом он без особенных помех выбрался, но его ярость была столь велика, что вместо того чтобы идти домой, он стал бегать среди гвардейцев, мня их причиной нелепого положения, в которое угодил. Многих из них он запачкал, хорошо зная, что они не избегнут наказания за испорченную одежду. Да уж, думаю,

русских гвардейцев никогда не пытались обратить в столь позорное бегство».

Вообще облыжные показания и доносы в то время делались даже от самых близких людей, например от жен на мужей и т. д.; доносчики получали хорошие награды.

Была создана особая комиссия разыскивать гулящих девок, как русских, так и иноземок.

О той же Дрезденше. Она повела свои дела в таких широких размерах, что жалобы дошли до императрицы, и вследствие этого наряжена была строгая комиссия под председательством кабинет-секретаря Демидова. Дрезденшу арестовали и она на допросе оговорила всех, кого только знала. Комиссия не довольствовалась закрытием заведения и отсылкой ее красавиц на Прядильный двор, в Калининскую деревню, а повела розыск по всему Петербургу и его окрестностям, отыскала и тех заморских красавиц, которые жили и в других домах, и забирала даже жен от мужей поговору Дрезденши.

Дрезденша не была новым типом – разврат на Руси уже давно имел эти формы. Еще до Петра I были известны женщины, которые назывались «потворенные бабы», или «что молодые жены с чужими мужи сваживают». Эти соблазнительницы уже и тогда вели свое занятие с правильностью ремесла и очень искусно внедрялись в дома, прикидываясь торговками, богомолками и т. д. В то время у нас разврат юридически помещался в одном разряде с воровством и разбойничеством. Но тогдашнее общество, видимо, не вменяло его в тяжкое преступление.

В это же время расплодились на столичных улицах и проститутки-одиночки. По их поводу в августе 1750 г. последовал следующий указ из Кабинета императрицы: «Понеже по следствиям и показаниям пойманных сводниц и блядей, некоторые показываемые ими

непотребные кроются, и, как известно, около С.-Петербурга по разным островам и местам, а иные в Кронштадт ретировались, того ради Ее Императорское Величество указала: тех кроющихся непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских сыскивать, ловить и приводить в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в Калининский дом».

В царствование Екатерины II проституция начинает оставлять все более заметный след не только на нравственности, но и на физическом здоровье людей. В видах возможного прекращения проституции и развивавшегося сифилиса, Сенат постановил: всех женщин, «одержимых венерическими болезнями, по излечении ссылать на поселение в Нерчинск».

Для дополнения оставшихся преданий о нравах слабого пола приводим отрывок из письма одной прелестницы старого склада, живо рисующий тогдашнее женское дело, по народному выражению, «перелестливое, перепадчивое».

«Расставшись с тобой, я отошла от госпожи, у которой мы вместе с тобой жили. Я пришла к Агафье, которая расхвалила меня, клялась, что я похорошела и сделалась видна и ловка. «Ты пришла очень кстати, — сказала она, — только перед тобой вышел от меня богатый господин, который живет без жены и ищет пригожую девушку с тем, чтобы она для благопристойности служила у него под видом разливательницы чая. Нам надобно сделать так, чтобы ты завтра пришла немного ранее вечера, у меня есть прекрасная казими́ровая шинелька, точно по твоему росту; я ее на тебя надену, дам тебе мою шляпу, ты сама распустишь кудри на глаза, приукрасишься как надо, и когда все будет готово, то пошлем за господином». Как было говорено, так и сделано. Я понравилась господину, и мы условились, чтобы я в следующее утро пришла к нему с какой-нибудь будто

матерью, под видом бедной девушки, которая бы и отдала меня к нему в услужение за самую незначущую цену. Ты знаешь плаксу Феклу; я наняла ее за рубль в матери, и она жалкими рассказами о моей бедности даже прослезила всех слуг. При первом изготовленном самоваре господин за искусство определил мне в месяц по 50 рублей.

Две недели все шло хорошо, но в одну ночь жена моего господина возвратилась из деревни и захотела нечаянно обрадовать его, подкралась на цыпочках и вошла в спальню. Остальное ты сама можешь понять. Кончилось тем, что меня выгнали; долго бы прошаталась, если бы опять Агафья не пристроила меня к месту. Старый и страдающий бессонницей больной аптекарь искал смирного и честного поведения девушку, которая бы большую часть ночи не спала и переменяла бы свечи. За самую небольшую цену вступила я к нему исправлять трудную должность полунощницы. Аптекарь сделался мне противен, и мне казалось, что не только он сам, но и деньги его пахли лекарством. У аптекаря я познакомилась с молодым продавцом аптекарских товаров, у которого жена была дурна и стара. Мы условились, чтобы я отпросилась у аптекаря, будто я должна ехать в Москву, а пришла и нанялась к нему в няни. Я успешно обманула аптекаря, а и того удачнее жену нового любовника. Я сделала башмаки на тонких подошвах, вымыла волосы квасом, выучилась говорить потоньше прежнего и потуплять глаза в землю ежеминутно. Фекла-плакса опять была моей матерью и до слез разжалобила жену моего любовника. Молодой купец заметно сделался нежнее прежнего к детям и ежеминутно стал приходить к ним и даже ночью уходил от жены, чтобы посмотреть на них. Вскоре эти осмотры подсмотрела сама жена и уверилась, что я была нянька не детей, а взрослых шалунов. Я опять бросилась к Агафье», и т. д. Целая

Одиссея любовных походов, обирательства и плутовства. Похождения прелестницы окончились тем, что полиция отправила ее на исправление в Калининскую деревню.

Много также и клеветали в то время на петербургских дам. Леди Рондо в своих мемуарах рассказывает о поступке знатных дам с одним любезником. Возвратившись из путешествия домой, он встретил трех или четырех красавиц в доме своего знакомого, где он танцевал, пел, смеялся и был свободен с дамами *a la mode de Paris*. Показав опыты своей ловкости, он начал хвастать, что успел возбудить к себе любовь в каждой из красавиц. Это дошло до слуха мужей; последние высказали женам, что они ими недовольны. Дамы пожелали, чтоб им позволено было привести с собой этого господина к своим мужьям. Все эти четы условились, чтоб одна из нимф пригласила его на ужин к себе в дом, не объявляя, что с ним еще будет. Он полетел на крыльях любви на свидание, и его приняли как нельзя лучше; но в минуту его высочайших надежд хозяйка начинает его упрекать за речи, которые он говорил. Он заперся; но к ним входят другие дамы со своими мужьями, свидетелями его вины, и обличают его совершенно. Мужья произнесли приговор, чтобы жены его высекли. Одни говорят, что они в самом деле это сделали, другие — что они препоручили экзекуцию своим девкам.

Датчанин фон Хавен тоже прошелся по поводу петербургских женщин:

«Я вспомню здесь кое-что об одном пороке, весьма распространенном среди женщин простонародья и что все они делают без малейшего стеснения.

Он заключается в следующем. Каждая, кто полагает себя недостаточно красивой, румянится. Это тем более скверно, что почти все они хорошо сложены и обладают приятной наружностью. Надобно однако знать, что

русский народ всю красоту относит к красной краске. Кроме того, красивую девушку называют не иначе как «красна девица». И поэтому часто видишь женщин, которые, несмотря на бледность, фигурой, наружностью и чертами лица действительно красивы, но которые так уродуют себя румянами и мушками. Румяна изготавливают из какой-то красной древесины, настаивая на ней водку, и они в России могут быть куплены задешево. Ими раз в неделю умываются те, которые внушили себе, что недостаточно приятны, а остаток выпивают. Женщины из простонародья румяниться стесняются не более, чем у нас служанка наряжаться, пудриться и краситься. Поэтому путешественнику не следует удивляться, когда бледные крестьянские девушки просят у него на дороге пару копеек на румяна.

Здесь я должен еще вспомнить о том, что поскольку дурное и суетное быстрее всего перенимается и усваивается от иноземцев, которые должны бы облагораживать народ, то и благородная русская женщина в совершенстве научилась подражать всем французским одеждам, модам и повадкам. Однако вроде бы еще есть немногие, которые не могут привыкнуть подражать чужеземному тщеславию. Посему не следует удивляться, если в Петербурге посреди французского великолепия встретишь летним днем русскую мадам, превосходнейше разодетую в бархат с галуном, однако при этом босую, с туфлями в руках».

Гувернантка купца Эванса англичанка Элизабет Джастис прожила в Петербурге три года и оставила нам целую книгу об этом времени. В отличие от записок других иностранцев, Элизабет интересовал не только царский двор – она не прошла и мимо столичного быта.

Забавны ее рассуждения о русской пище.

«Я заметила, что русским простолюдинам не приходится много тратиться на пропитание, так как они могут насытиться куском кислого черного хлеба с солью, луком или чесноком. Пить они любят крепчайший напиток, какой только могут достать, и если не удастся добыть его честным путем, то они крадут его, так как не в состоянии отказаться от этого пристрастия. Но напиток, обычно продаваемый для простонародья, — это квас, приготавливаемый из воды, которую заливают в солод после того как доброкачественный продукт отцежен, и настаивают на различных травах — тимьяне, мяте, сладкой душице и бальзамнике.

У русских в большом изобилии рыба. Там я видела корюшку лучшую, чем где бы то ни было в Англии. Она продавалась по 20 штук за копейку, которая равнялась пенсу. Цена на лосося — три копейки фунт. Среди рыб есть одна, называемая карась, она превосходна и напоминает наш палтус. Но самой ценной мне показалась рыба, которую русские называют стерлядь, она стоит пять или шесть рублей, что равняется почти 30 шиллингам за штуку. Эта рыба чрезвычайно сочна, и вода, в которой она варится, становится желтой, как золото. Стерлядь едят с уксусом, перцем и солью.

У русских чрезвычайно хороши судаки и икра, которую добывают из осетра. Большую часть икры они кладут под груз и отправляют в Англию. Но такая не идет в сравнение с местной. Икру едят на хлебе с перцем и солью, и вкус у нее — как у превосходной устрицы.

Речные раки крупнее, чем когда-либо виденные мною в Англии.

Я обедала с русскими в великий пост и видела, как они с аппетитом ели сырую спинку лосося. Сняв кожу, они режут спинку на большие куски, затем намешивают в тарелке масло, уксус, соль, перец и поливают этим

лососю. Рыбу жарят в масле. У них есть маленькая рыбка, очень напоминающая нашего шримса (снеток); ее жарят и подают на стол в одной и той же посуде. Все дело в том, чтобы есть эту рыбку горячей и хрустящей.

Там в изобилии превосходное мясо. Хотя овцы у русских мелкие, но баранина вкусна и жирна. Есть очень хорошая телятина, однако ее мало. Говядина же исключительно хороша и дешева. У русских имеется также превосходная свинина, и они очень любят козлят, которых там множество. Их ягнята хороши. Способ приготовления пищи у русских — варка или выпечка. Они большие любители мясного бульона, который приготавливают из самого постного мяса, какое только смогут достать, и заправляют его крупой вместо овсянки, имеющей то же происхождение, а также большим количеством трав и луком. Русские часто варят суп из рыбы, пренебрегая зеленью.

Не могу сказать, что русская манера приготовления пищи мне нравится, но полагаю, что ни в одной части света англичанам не живется лучше, чем в Петербурге.

Там множество куропаток и вообще дичи, особенно дроздов-рябинников, которых в Англии называют садовыми овсянками. Они стоят всего десять копеек за пару. Здесь есть также индейки, цыплята, голуби и кролики. Гуси очень жилистые и хуже наших. В России множество зайцев, но я ни разу их не ела. Шкурки у них белые. Нет недостатка в хорошей пище, как и в хорошем ликере, кларете, бургундском, токае, араке, бренди и других превосходных напитках; русские пьют очень умеренно».

А вот русский дом глазами англичанки.

«Способ, употребляемый русскими для обогрева комнат, — печь, как они называют это приспособление, устроенное в лучших комнатах. Печи выложены превосходными голландскими изразцами, но есть и просто кирпичные. Это разновидность нашей плиты.

Следить за ними — обязанность одного из слуг, так как печи весьма небезопасны, если их неправильно топить. Когда огонь разгорится, наверху открывают дымоход. Кроме того, эта печь имеет железную дверцу, через которую закладываются дрова, и когда они несколько прогорят, их разбивают на мелкие куски кочергой и оставляют сгорать до мельчайших угольков и золы. Недогоревшее выгребают, потому что если несгоревший кусочек останется в печи после того как ее закроют, это может вызвать внезапную сильную болезнь, которая, случись такое ночью, способна отправить вас в царство мертвых. Когда дрова достаточно прогорели, как можно плотнее закрывают верх дымохода, который они присыпают песком, и дверцу тоже плотно закрывают. Я должна признать этот способ отопления совершенным.

Окна в домах держат закрытыми всю зиму, и все щели забивают паклей так плотно, что они вообще не пропускают воздуха. И если в какой-либо части дома, хотя бы и в самом неприметном месте, осталась щель, она затыкается таким же образом. Этой работой занимаются специальные люди, их называют конопатчиками, и они получают за каждое окно в соответствии с его размерами.

Поскольку я сообщила вам, что вода всю зиму остается замерзшей до твердого состояния, способного выдержать очень большую тяжесть, вы можете вообразить, что русские остаются без воды. Но, разумеется, это не так. Ибо есть простолюдины, которые разбивают лед в тех местах на реке, где не проходит дорога. И каждая семья платит немного этим людям за поддержание незамерзающей проруби. Туда носят полоскать белье; вытащенное из воды, оно так замерзает, что его, для того чтобы развесить, приходится оттаивать в теплой комнате».

Наше повествование продолжим заметками фон Хавена о населении города.

«Здесь нужно упомянуть о причинах того, почему в Петербурге столь быстро могло собраться такое множество различных людей. Но причина почти та же, что и указанная относительно возникновения этого города. Многочисленный императорский двор и относящиеся к нему люди, переведенные из Москвы в Петербург коллегии, академии, многие русские господа, живущие здесь для удовольствия, состоящая из 10 тысяч человек гвардия — все это не могло не сделать город многонаселенным. При этом я не должен забыть, что нет народа, знатные люди которого имели бы больше слуг и считали бы их многочисленность наибольшей роскошью, чем русские. Примером может служить то, что когда рота лейб-гвардии, состоящая из одних дворян, направляется верхами в караул, то за нею обычно следует целая толпа конных лакеев. Нанося русскому господину визит, непременно насчитаешь десяток домашних слуг и столько же горничных у дам. Однако это лучше видно в Москве и далее в стране, чем в Петербурге. Но это, конечно, значительно увеличивает население любого большого города.

Однако все же главное, что увеличивает население Петербурга, — это торговля. Она приобрела значение большее, чем могли поначалу предполагать. Товары, которые туда доставляют, — это, за исключением немногочисленной одежды и галантереи, главным образом вино. Вывозят же юфти, то есть русские кожи, лен, пеньку, полотно, льняное масло, пушнину, сало, воск, хмель, железо, икру и прочее.

Кроме того, достаточно хорошо известно, насколько необходима русская торговля другим государствам Европы и насколько она значительна. Но теперь она ведется главным образом через Петербург, подобно тому как до возникновения этого города шла отчасти

сушей через Лифляндию и Польшу, а отчасти через Архангельск. В этом последнем городе дела идут теперь, пожалуй, не так хорошо, как в Петербурге, однако же говорят, что он был более выгоден и для отечественных, и для иностранных купцов, особенно в отношении сибирских товаров.

Иноземные товары, доставляемые в Петербург по Балтийскому морю, везут оттуда дальше в Москву и по всему государству или же в караванах за пределы государства по другую его сторону; частью на судах по рекам, каналам и морям, частью зимой санным путем. Таким же образом со всего государства доставляют в Петербург всевозможные товары — китайские, персидские, турецкие и сибирские, которые с караванами прибывают прямо в Москву.

Достойно удивления, что икру везут свыше 300 миль, а именно из Азова и Астрахани. Многие другие съестные припасы тоже доставляются туда почти столь же издалека.

Из записок императрицы Елизаветы Петровны секретарю Храповицкому.

«Прикажи немедленно закупить свежего мяса, а соленое, коли дома, сиречь на Смольном дворе имеется, то вели по тем же местам и столько же числом, как в светлое воскресенье роздано было, а в какие места, сам знаешь, чтоб и они могли раговеться».

«Надеюсь, привезли на кораблях груш и бергамотов, то сам съезди и купи по две бочки каждого. А ежели еще не привезли, то надеюсь, что привезут, и не медля к нам пришли».

«Раздай три тысячи рублей на каторжный двор, по тюрьмам и богадельням, чтобы каждому по рублю досталось. Ежели останется от трех тысяч, то, конечно, принеси, а ежели не достанет, то сего ж дня мне скажи, а в расход не списывай. Также

потрудися сам съезди, нет ли таких, что в поруках или в иных каких для выкупа, окромя смертно убивцев, сидят; мне сей же день немедленно уведоми».

Несмотря на все это, теперь нельзя, как прежде, сетовать на дороговизну в Петербурге. Цены на одежду, вино и чай там такие же, как и здесь у нас. Все употребляемые в домашнем хозяйстве продукты там можно приобрести за половинную цену, а порой и за треть цены в сравнении с нашими. Однако приезжий, не ведущий домашнего хозяйства, платит за свой стол столько же, сколько мы здесь. В Петербурге многое можно купить куда дешевле, чем здесь. И все прочее продают по умеренной цене, за исключением устриц и лимонов, которые редки и дороги. А поскольку, кроме того, местность приятная и здоровая, то не следует думать, что жизнь приезжего в Петербурге, да и по всей России может стать трудной и огорчительной из-за сурового климата или из-за дороговизны и недостатка чего-либо, предоставляемого природой и искусством. Если такое и случается, то вследствие недовольства чужим образом жизни или, возможно, из страха, если находишься на стороне слабых, перед большей мощью партии сильной; а если попадешь в мощную партию, то перед непостоянством удачи или же из-за других причин, по собственным обстоятельствам каждого, которые лучше всего известны ему самому».

В декабре 1761 г. императрица Елизавета Петровна скончалась. По преданию, кончину ей предсказала известная в то время петербургская пророчица Ксения. Она ходила по городу и говорила: «Пеките блины, вся Русь будет блины печь», т. е. готовьтесь к поминкам.

Кстати, личность Ксении в Петербурге весьма примечательна и поныне. О ее юности ничего не известно. Народная память сохранила лишь то, что связано с ее юродством, начавшимся после внезапной

смерти горячо любимого мужа — полковника Андрея Федоровича Петрова. Потрясенная горем двадцатилетняя вдова в день похорон мужа надела его одежду и в таком виде пошла за гробом. Все решили, что несчастная лишилась рассудка. Она же требовала: «Не зовите меня больше Ксенией, а зовите Андреем Федоровичем». В странном виде она продолжала ходить и после похорон, говоря: «Ксеньюшка моя скончалась и мирно почивает на кладбище, аз же грешный весь тут».

Принудительное медицинское обследование по требованию родственников мужа, пытавшихся лишить вдову права распоряжаться наследством, показало, что психически она совершенно здорова. Вступив в законные права, все имущество, включая дом, Ксения раздала нуждающимся. Бездомная, она целыми днями скиталась по улицам Петербурга в том же мужском костюме, бормоча невразумительные речи, собирая подаяние, подвергаясь насмешкам и унижениям. В особенности ей доставалось от мальчишек.

Верующие, однако, стали замечать, что эта «безумная» сама подает нищим, а по ночам усердно молится в уединенных местах. Постепенно ее полюбили, стали прислушиваться к странным речам, в которых порой оказывался глубокий смысл. Матери приносили к ней своих детей, чтобы она покачала или приласкала их. Такой образ жизни Ксения вела в течение 45 лет, до самой смерти. Похоронена она на Смоленском кладбище Петербурга.

Почитание Ксении началось сразу после ее смерти и с годами все возрастало.

У Петербурга, сравнительно молодого города, появилась своя святая.

В начале XX в. митрополит Антоний (Вадковский) в память блаженной Ксении учредил на Малом проспекте Васильевского острова Дом трудолюбия для вдовиц и

сирот, не имеющих крова и возможности заработать себе на хлеб.

Теперь Ксения канонизирована как всероссийская святая, по определению Собора, «за святость жизни, проявившуюся в глубокой любви к ближним, в смирении, терпении, кротости и прозорливости, на основании большого количества чудес, совершающихся по молитвам блаженной, а также непрекращающегося народного почитания».

К ее могиле на Смоленском кладбище вот уже 200 лет идут люди. Над могилой возведена голубая часовня. Часовню то открывали, то закрывали, но все равно люди шли сюда, и несли не цветы, а свои горести и заботы. Даже когда это место в 60-годах прошлого века обнесли забором, просьбы к блаженной Ксении стали появляться на нем – мелом, кирпичом, выцарапанные гвоздем. Часовня постоянно открыта с 1987 г., и в некоторые праздники число пришедших сюда достигает до пяти тысяч.

За ставни часовни ежедневно закладывают десятки записок-просьб. Не вынимай их церковный староста – вырос бы сугроб бумажный. О чем просят? Да о самом обычном: чтобы ребенок родился, муж не пил...

«Человек без чуда оставаться не в силах», - говорил Ф. М. Достоевский.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

...Но отсветы стального багреца
Уже растут, пронзая дым зеленый
Над статуями Зимнего дворца
И стройной Александровской колонной.

Г. Иванов

В ряду лучших произведений зодчества XVIII столетия бесспорно первое место занимает Зимний дворец, построенный Растрелли, как сказано в указе, «не подрядом, а нарядом», при сотрудничестве «архитектургии гезеля» Федора Шанина и ученика Николая Васильева.

Первый «зимний дом» был построен в 1711 г. для Петра I на берегу Зимней канавки.

В 1716 г. по проекту архитектора Г. Маттарнови на месте современного Эрмитажного театра возводится второй Зимний дворец. В январе 1725 г. там умирал Петр I.

После бракосочетания герцога Голштинского с дочерью Петра I, царевной Анной Петровной, новобрачная чета поселилась в доме Апраксина, который был снят в аренду за 3 тыс. рублей. После отъезда герцога Голштинского дом Апраксина пустовал. Император Петр II уже переехал в Москву, и домом воспользовалась лишь императрица Анна Иоанновна, которая и превратила дом Апраксина в свой зимний дворец. «Государыня императрица Анна Иоанновна по коронации своей из Москвы, — писал первый историк Петербурга Богданов, — для прибытия в С.-Петербург изволила помянутый дом Адмиралтейский занять под монарший свой дом».

После отъезда двора в Москву, вспоминает Екатерина II, улицы Петербурга пустели и зарастали травой, «в городе почти не было карет». Во время путешествия императрицы Елизаветы в Ревель «свита... была очень велика... Вследствие чрезмерной жары, плохих ночевок и потому что часы отъезда, приезда и еды вовсе не были определены», путешествие было очень тяжелым.

Дворцы елизаветинских времен, несмотря на их роскошь, блеск и позолоту, были неудобны для жизни. В больших комнатах, коридорах, на лестничных

переходах гуляли сквозняки. Привыкшая к налаженному быту в немецких родовых замках, где порядку, чистоте и удобству придавалось большое значение, Екатерина заметила, что все это отсутствовало в быту двора. Дворцы были деревянные, часто горели, многие, построенные из сырого дерева, разрушались. Планировка во дворцах была неудобной для жизни. Тонкие деревянные перегородки не спасали от шума и сквозняков. Фактически при дворе никто не имел постоянного места. Императрица Елизавета Петровна располагалась всякий раз там, где ей в данный момент хотелось, а затем расселяли остальных. Императрица к тому же «постоянно меняла внутреннее расположение всего дворца», двери часто меняли свои места, она никогда не выходила из своих покоев, пишет Екатерина, «без того, чтобы не произвести какой-нибудь перемены, хотя бы только перенести ее кровать с одного места комнаты на другое».

Екатерина II очень страдала от неудобств елизаветинских дворцов. В 1748 г. ее поместили в теплую комнату только после того, как она заболела корью. Комната, до этого служившая ей спальней, была подвержена сквознякам - от большой приемной ее отделяла лишь тонкая дощатая перегородка, и все зимы, когда Екатерина в ней спала, она страдала флюсами. Территории вокруг дворцов были запущенными, захламленными и грязными. Так, в летнем деревянном дворце в Петербурге великокняжеские покои выходили окнами на Фонтанку, «которая тогда была лишь грязным болотом», а другие — «на гадкий узкий дворишко».

В Петербурге, пишет Екатерина, только один дом — принцессы Гессенской — «был отделан штофом, все другие имели или выбеленные стены, или плохие обои, бумажные или набойчатые».

Зимний дворец в царствование императрицы Анны, расположен был в виде неправильного квадрата в четыре этажа. Он занимал место, где при Петре I находился обширный дом графа Ф. М. Апраксина, после смерти которого, по завещанию, достался Петру II.

Императрица Анна Иоанновна, возвратясь из Москвы с коронации, остановилась в этом доме, ранее этого, в декабре 1720 г., приказав гоф-интенданту Мошкову сделать к нему пристройки: церковь, четыре покоя для кабинета, четыре для мыльни, три «для конфектных уборов» и т. д. Работы были возложены на Д. Трезини, который и выполнил их в семь месяцев, и к осени все было готово для принятия государыни. Императрица медлила, ожидала зимнего пути, в январе выпал снег, и весь двор в трое суток прибыл из Москвы в Петербург. Императрица, ступив на крыльцо адмиральского дома, навсегда утвердила его дворцом русской столицы. Несмотря на сделанные пристройки, адмиральские палаты не могли доставить всех удобств, каких требовал двор императрицы. Крытые гонтом, тесные, они не заключали в себе ни одной порядочной залы, где бы прилично можно было поместить императорский трон. Явилась настоятельная потребность строить новый дворец, и в мае 1732 г. он был заложен и окончен с внутренней отделкой к 1737 г. Для работ употребили почти все находившиеся в Петербурге рабочие силы, даже с постройки Александро-Невского монастыря были сняты каменщики и другие мастера.

Все здание вмещало в себя: церковь, тронную залу с аванзалой, семьдесят разной величины покоев, и театр. Дворец первоначально покрыт был гонтом; впоследствии, однако же, перекрыт железом, а весь гонт из разобранной крыши императрица пожаловала на казармы Измайловского полка. Девяносто печей согревало все здание; печи в среднем этаже положены были из живописных изразцов и покоились на

деревянных золоченых ножках. Осенью и зимой на отопление дворца уходило много дров. Наружный вид здания был очень красивый. Главных подъездов во дворце было два: один с набережной, а другой со двора; подъезды были украшены каменными столбами и точеными балясами, с поручнями столярной работы. Балконов было три: один на сторону Адмиралтейства, другой на Неву, третий на луг. Лестницы на невский подъезд и невский балкон были сделаны из белого камня; на крыше для стока воды проведены были желоба, которые оканчивались двадцатью восемью большими медными драконами. На фронтисписе две лежащие деревянные фигуры держали щит с вензелем императрицы; фронтиспис был весь вызолочен.

Комнаты были расположены в следующем порядке: на средних этажах главного корпуса помещались парадные покои с разделяющей их темной галереей, которая примыкала к зале. Из этой залы, через небольшой кабинет, был ход в большую залу; к ней от угла примыкали четыре малых покоя, или кабинета; из большой залы был ход в аванзалу. К последней вела лестница, проведенная с внутреннего и невского подъездов. Аванзала была отделена глухой стеной; при ней стояла резная пирамида с фарфоровой посудой, называемая буфетом. У лестницы, что вела к аванзале, была церковь. В луговой стороне здания находился небольшой театр. На нижнем этаже, кроме кухонь, сеней, галерей и лестниц, было пятнадцать комнат; из них в двух некоторое время помещалась камер-цалмейстерская контора, в четырех гоф-интендантская, а три назначены были для караульных и дежурных. На верхнем этаже располагались двадцать четыре жилые комнаты. Всех окон в главном среднем этаже было 180, в нижнем 111 и в верхнем 116; во всем дворце дверей было 130, в среднем этаже все из дуба.

В большой зале стоял резной трон; к нему вели шесть ступенек, разделенных уступом, или площадкой; балдахин на четырех точеных колоннах «композического» ордена; на других четырех точеных колоннах хоры для музыкантов, с точеной же баллюстрадой. Пятьдесят четыре резные пилястра поддерживали потолок, или, вернее, один целый великолепный плафон, написанный Л. Караваком при сотрудничестве девяти живописцев и двадцати двух учеников, маляров и московских «писателей» икон. На цепях, обернутых гарусом и усыпанных медными золочеными яблоками, висело огромное паникадило. В 1737 г. оно упало, но вскоре его опять укрепили на месте. Между окон расставлены были двадцать четыре кронштейна с подсвечниками; «уборный пол» сложен был из четырехсот дубовых штук с трехцветной посередине звездой. В окнах и некоторых дверях были вставлены зеркальные стекла, присланные из Франции. Аванзала была также украшена пилястрами, штучными полами, зеркальными окнами и плафоном работы того же Каравака. У стены, отделявшей новый зимний дом от адмиральских палат, возвышалась, как мы уже сказали, резная с позолотой пирамида; на ней симметрично расположена была фарфоровая и металлическая дорогая посуда. Из остальных комнат только галерея была украшена двенадцатью картинами и двенадцатью барельефами, шестью хрустальными люстрами с такими же двенадцатью кронштейнами с подсвечниками и резными головками и фигурами с яркой позолотой, как их называет Растрелли — «мушкарками и купидами». По исполнению этой кудрявой резной работы заслуживают похвалу имена следующих мастеров этого дела: Сен-Лоран с сыном, Соломон Цельбрехт, столяр Мишель и штукатурной композиции или лепной работы Александр Мартели.

Прочие комнаты дворца были украшены белеными панелями и обоями; где не было паркета, там положены полы дубовые и сосновые. Лестницы были из полированной плиты с точеными поручнями, украшенные статуями; пол в сенях из мрамора и потолки отделаны лепной работой. Театр в здании дворца был довольно обширен и отапливался десятью печами. Рисунок театра составлял тоже Растрелли, но исполнял по этому рисунку, а также писал декорации и строил машины «комедияльных дел мастер» итальянец Диронбон, или, вернее, Джироламо Бон. Во время игры в театре передвигали декорации сорок солдат. Нет сомнения, что этот зимний придворный «Театр-комедия» находился в особом флигеле, отделенном от адмиралтейского тремя проходными покоем и светлой галереей. В 1742 г. он был значительно распространен и назывался то «Комеди опера», то «Оперным домом». Елизавета, как известно, положила первое прочное основание русскому театру и множество мелочных театральных удобств придумывала сама лично. Чертежи, впрочем, составлял Растрелли, и уже по ним исполняли Валериани и Джибелли. Так, находясь в Москве в 1749 г., Елизавета приказала Растрелли, чтобы возле большой царской ложи «сделать решетку отворчатую, чтобы можно было отворять и растворять, и вызолотить, да для теплоты камин, по пропорции, с закрышкой трубы». В 1750 г. императрица приказала Растрелли сделать вновь небольшой переносный театр, который бы можно вносить и выносить в скорости в проходные залы. Представления во времена Елизаветы происходили в неопределенное время, по предварительному назначению государыни, иногда за две недели вперед, а иногда указано было представлять комедии и «трагедии» два раза в неделю — каждый вторник и пятницу, а действовать начинать в семь часов пополудни.

В Анненском зимнем доме до постройки и даже в первые годы работ нового дворца Растрелли ежегодно в день коронации устраивал в большой зале и галерее фонтаны, «кашканы, банкетные столы» и украшал стены великолепными огнями. Здесь же праздновались дни «вечного замирения с короной шведской в 1743 г.» и по случаю бракосочетания государя наследника с великой княгиней Екатериной Алексеевной в 1745 г. Последнее было великолепнее всех других торжеств ее царствования. Для фонтанов выкопали особые из Невы каналы; устроили огромные бассейны, шестнадцать лошадей поднимали в них воду; для каскадов сходы и другие украшения расписали под мрамор; шесть тысяч шкаликов освещали большую залу; на лугу и у дворца для народа поставлены были крашеные пирамиды и били фонтаны из меда и других напитков.

Пристройки и переделки к Зимнему дворцу не могли, все-таки, сообщить зданию удобств; притом же самая странность вида дворца, примыкающего одной стороной к Адмиралтейству и с противоположной стороны к ветхим палатам Рагузинских, не могла нравиться императрице. От ворот по правую руку с луговой стороны местность представляла пестрый, грязный, недостойный места вид: длинный ряд деревянных построек, сараи, конюшни — все это некрасиво, кое-как лепилось в виду дворца.

Наконец, в 1754 г. императрица решилась заложить новое здание, сказав, что «до окончания переделок будет жить в Летнем новом доме», приказав строить временный дворец на порожном месте бывшего Гостиного двора, на каменных погребках (у Зеленого моста). В июле начали бить сваи под новый дворец. Нева усеялась множеством барок, и на всем пространстве, от дворца и Мойки рассыпались шалаши рабочих. В «Ведомостях» появилась публикация о вызове к поставке 140 000 бочек извести свинорецкой и

сяжской, а затем и других материалов; постройка шла медленно. Для работников не могли найти крова, рабочие жили в шалашах и землянках на лугу или в отдаленных частях города. Лучших мастеров с трудом разместили в казенных домах на Крюковом дворе, в Мусин-Пушкинском, Панинском и т. д. Несмотря ни на какие усилия, Растрелли не мог выполнить приказание императрицы насчет поспешного окончания работ. Первой остановкой работ была нехватка денег рабочим, так, вместо 120 000 отпускали в год 70 000 или 40 000. Растрелли от огорчения заболел; больной он, однако же, не переставал действовать; предписания и рапорты подписывал за него бывший при нем помощник Фельтен.

К осени 1761 г., согласно обещанию Растрелли, императорский Зимний дворец был окончен вчерне. Елизавета изъявила желание обозреть работы, для чего приказала Растрелли «очистить место, где будет стоять карета для приезда к дворцу», и затем сделать подъемный стул и тот покой, где будет стул, обить бумажными обоями. На Святой неделе она посетила свой новый дворец, осталась всем довольна и изъявила желание видеть поскорей свои покои законченными. Растрелли просил только о правильном отпуске денежных сумм и обещал закончить в сентябре 1762 г. Но время шло только в переписках, и Растрелли денег не получал. В ноябре государыня приказала, чтобы большая церковь непременно была готова для освящения к апрелю 1762 г. и к освящению исправлено пять-шесть покоев, где бы полы были гладкие, столярной работы, без клея, а панели и коробки выкрашены были под золото. Растрелли приказал исправить подъемный стул и покой, где он находился, каждую неделю делать пробу, а от стула в другие покои настлать дорогу. Но императрица не только была лишена удовольствия видеть оконченным лучший

архитектурный памятник ее времени, но и присутствовать при освящении большой церкви. В декабре 1761 г. Елизавета Петровна внезапно скончалась.

Зимний дворец стал обитаем с воцарением императора Петра III – он первый поселился в нем в апреле 1762 г. накануне Пасхи. Дворец собственно не был толком готов для жилья. Вся площадь перед ним была загромождена разными сараями и лачужками, в которых жили мастеровые. Кроме того, здесь же лежали целые горы мусора, щебня, кирпича, так что подъехать к дворцу не было возможности. Генерал-аншеф барон Корф, исполнявший тогда должность генерал-полицмейстера в Петербурге, предложил императору, чтобы очистить площадь от хлама, отдать всю эту рухлядь бедным жителям города. Императору понравилось это предложение, и он приказал немедленно объявить, что отдает все это народу. Не успело пройти и двух часов, как со всех сторон и со всех улиц бежали и ехали целые тысячи народа, всякий спешил ломать и тащить домой что ни попадетсЯ. Площадь, по рассказам современников, представляла зрелище довольно любопытное. Император долго не мог оторваться от окон, глядя, как народ рвал и тащил все. К вечеру от несметного количества хижин, лачужек, шалашей и т. д. не осталось ни бревнышка, ни одной дощечки, все было свезено и очищено, и даже на щебень и мусор нашлись охотники. Не успели еще площадь хорошо очистить, как Петр III уже переехал в новый дворец, где занял часть фасада, выходящего окнами на площадь и угол Миллионной. Эти апартаменты известны были потом под названием комнат короля прусского.

Переезд императора не отличался никаким особенным церемониалом; покои, которые он занял, отделявал для него известный в то время ученик

Растрелли, архитектор Чевакинский. Штучные полы и живописные плафоны для этих комнат были выписаны из Италии. Спальней Петра была угловая комната на площадь, рядом с ней помещалась его библиотека. Он приказал также над подъездом устроить шатер (фонарчик) и в нем отделать себе кабинет; отделка последнего обошлась в 3643 рубля. Императрица Екатерина заняла комнаты императрицы Марии Федоровны.

В день переезда императорской фамилии в Зимний дворец, в страстную субботу, была освящена придворная соборная церковь Новгородским архиепископом Дмитрием Сеченовым во имя Воскресения Господня. Позднее, в 1763 г., при перенесении в церковь древнего образа Христа Спасителя на убрусе, по воле Екатерины II храм был вновь освящен в июле Гавриилом, архиепископом Петербургским и Шлиссельбургским, во имя Спаса Нерукотворного образа.

Дальнейшие работы над дворцом продолжались весь XVIII в. — то во дворце перестраивались залы, то достраивался первоначальный Эрмитаж, то через Зимнюю канавку Кваренги перекидывал свою галерею; словом, строительная работа во дворце во время царствования Екатерины II не прекращалась.

Со вступлением на престол Павла I работы в Зимнем дворце прекратились. Павел избрал своей резиденцией строившийся Михайловский замок. Александр I вернулся в Зимний дворец, который официально и оставался местопребыванием русских царей, что, между прочим, свидетельствовалось поднятым над дворцом штандартом. Штандарт оставался поднятым и тогда, когда цари, как например, Александр III, жили в Аничковом дворце, а Николай II — в Царском Селе.

Ныне существующий Зимний дворец возводился с 1754 по 1762 г.

«Здание каменного Зимнего дворца... строится для одной славы всероссийской», — писал о своем произведении Растрелли.

Как по своему расположению, так и по необычным размерам и высоте дворец господствовал над окружающим его пространством. Он был рассчитан на обозрение со всех четырех сторон: со стороны Дворцовой площади, Адмиралтейства, набережной Невы и с восточной стороны, где дворец вскоре был закрыт зданиями Эрмитажа.

Эрмитаж — художественный и историко-культурный музей в Петербурге. Образован в XVIII в. на основе дворцовых коллекций, был открыт для публичного обозрения в 1852 г. Ныне занимает пять зданий. В нем собраны памятники первобытной и античной культуры (особенно ценны скифские и др. археологические памятники Сев. Причерноморья), собрание памятников искусства народов Востока (изделия из золота, серебра, бронзы, ковры, оружие и др.), картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Веласкеса и др., собрание голландской и фламандской живописи XVII в. — картины Рембрандта, Ван-Дейка и др. В 1941 г. образован отдел истории русской культуры с памятниками от VIII - IX вв. до XIX в.

Ясность прямоугольного плана дворца, четкое расположение помещений внутри него сочетались с необычайным разнообразием, пышностью и богатством его наружной и внутренней отделки. Нас поражает смелое распределение архитектурных масс, сложный ритм разнообразно сгруппированных, стройных белых колонн, установленных в два яруса с как бы уходящими над ними в небо статуями и вазами.

Разнообразие впечатлений, которое Зимний дворец производит с разных точек зрения, зависит не только от

композиции архитектурных масс и расстановки колонн. В декоративном убранстве фасадов выдумка зодчего неисчерпаема.

Бесчисленны формы наличников, обрамляющих окна дворца, со включенными в композицию головками или львиными масками, раковинами и причудливыми завитками. Разорванные фронтоны, украшенные лепкой, изобилие статуй и ваз, мощные линии сложно профилированных карнизов, нарядная трехцветная раскраска создают впечатление необычайной торжественности и праздничности.

Восточный фасад дворца очень скоро оказался скрытым так называемым Малым Эрмитажем – небольшим зданием, построенным между Невой и Миллионной в 1764—1767 гг. Эрмитажами (в переводе с французского «пустынь», т. е. жилище отшельника) стали называть в XVIII в. типичные для придворного быта небольшие уединенные павильоны.

Поныне существует Эрмитаж, построенный при Петре I архитектором Ж.-Б. Леблоном в Нижнем саду Петродворца, и Эрмитаж, выстроенный С. И. Чевакинским и Растрелли недалеко от Екатерининского дворца в Царском Селе.

* * *

С переездом Екатерины II в Зимний дворец смежные с дворцом улицы и площади стали украшаться и отстраиваться. Царицын луг был обращен в огромный сад с множеством беседок для государыни и отдельных домиков и кухонь, в которых гуляющие могли готовить себе кушанье. Вслед за этим стали обустривать Адмиралтейскую площадь. В это время половина места по Невскому, от Зеленого моста до Малой Морской, после сломки бывшего тут дворца была подарена императрицей обер-полицмейстеру Чичерину, и им уже

выстроен дом (Елисеева). Другая половина, от Большой Морской до Малой Морской, оставалась незастроенной до 1804 г. С другой стороны дворца к Неве, берег которой был укреплен деревянным парапетом, начатое еще в 1754 г. строение гранитной набережной шло к окончанию. Для гранитной набережной вбивали под водой сваи, сплошь одна возле другой, на три сажени в ширину; на них клали ростверк, потом фундамент из пудовской плиты, а верх одевали гранитом на одну сажень выше самой высокой воды.

Общая длина набережной к 1788 г. была три версты. В это же время принялись за еще одну пристройку. Нужно было маскировать конец Невского, выходившего к Адмиралтейству: дома были построены фасадом на проспект, следовательно, все надворные строения оказались в стороне, ближайшей к дворцу, так что из окон императрицы открывался самый некрасивый вид. Она приказала строить полукруглый дворец из трех соединенных домов, с тремя воротами, над которыми поддерживались двумя мраморными колоннами портики. Одна часть этого колоссального здания была подарена графу Брюсу, который был тогда петербургским губернатором; другая отдана была флигель-адъютанту Ланскому, после смерти последнего постройка снова была куплена императрицей; впоследствии эта часть принадлежала Кушелеву, а после смерти его поступила к князю Волконскому. Большой Миллионной в это время было дано новое направление, и начаты постройки богатых домов, от которых она и получила свое название. Прежде эта улица была проведена искривленной линией от первого почтового дома (нынешний Мраморный дворец) и называлась Троицкой; потом, застроенная деревянными домиками немецких мастеров, она называлась Немецкой и после Греческой.

Так обстроились смежные с дворцом места и открылась нынешняя обширная Дворцовая площадь, на которой в царствование Екатерины II устраивались народные праздники, били фонтаны вина и на столах возлежали жареные быки. Вокруг всего дворца были поставлены железные жаровни.

По всем улицам, о которых мы говорили, также и по Литейному проспекту, были окончены к тому времени генералом Бауэром подземные кирпичные трубы стока нечистот с общим наклоном их к Неве.

Летом 1766 г. на Дворцовой площади было дано театрализованное представление в специально построенном театре. Карусель была устроена по инициативе князя Н. И. Репнина. «Изобретатель и директор, — как гласил рескрипт императрицы, — показал не токмо талант своего знания в таковых экзерцициях и изобилие вкуса в пристойных нарядах и аллегорических украшениях, заимствуемых от довольного сведения древней и новой истории, но и все оное распорядил и произвел самым действием до самой малейшей части сего увеселения без всякого помешательства, будучи и сам при том шефом кадрили индийской. К неоспоримо в том должной его сиятельству справедливости, всемилостивейшая государыня, в знак своего к нему удовольствия, при милостивейших изображениях по окончании каруселя, пожаловать ему соизволила часы золотые и с цепочкой, осыпанные браллиантами, в четыре тысячи рублей».

Церемониймейстером карусели был гвардии Измайловского полка секунд-майор князь П. А. Голицын, от которого и были розданы билеты для входа в амфитеатр, начиная от знатнейших персон обоего пола, как для всех чинов военных и гражданских, так и для всех прилично одетых. Карусель состояла из четырех «квадрилий»: славянской, римской, индийской и турецкой. Места для зрителей были расположены

также по «квадрилиям»: так, с правой стороны от ложи Екатерины была славянская и римская, с левой — индийская и турецкая; напротив ложи императрицы — ложа наследника.

В день представления, в два часа пополудни, был дан сигнал из трех пушек с адмиралтейской крепости, чтобы дамы и кавалеры каждой «квадрилы» собирались в назначенные им места. Первые две «квадрилы», славянская и римская, собрались у Летнего дворца в поставленные на лугу шатры, индийская и турецкая собрались в приготовленных шатрах в Малой Морской. В четыре часа дан был второй сигнал, дабы дамы вступали на колесницы, кавалеры садились на лошадей, а зрители занимали свои места в амфитеатре. В половине пятого был дан третий сигнал, по которому все четыре «квадрилы» вступили маршем в следующем порядке: славянской «квадрилы» шефом был граф И. П. Салтыков, римской — граф Г. Орлов, индийской — князь Н. И. Репнин и турецкой — граф А. Орлов. «Квадрилы» разделились на две части и одновременно шли к амфитеатру. Народу по улицам было бесчисленное множество, так как зрелище было редкое.

Когда «квадрилы» стали входить в амфитеатр, звук музыки поразил всех. Мелодия музыкальных инструментов оказалась до этого времени неслыханной; все инструменты были сделаны на манер существовавших в глубокой древности. При входе в амфитеатр «квадрилы» остановились за ложей своих судей, вне барьера, и по данному сигналу начались «курсы», сперва дамские на колесницах, а потом кавалерийские на лошадях. Судьи записывали в таблицы дам и кавалеров, которые имели успех и неудачу, как в «ристаниях на коне», так и в «метании жавелотов». Потом «квадрилы» сделали кругом амфитеатра марш и пошли перспективой до Летнего дворца к большому крыльцу, где Екатерина, стоя на

верхней баллюстраде крыльца, смотрела на шествие. И когда все они были введены в большую залу обер-церемониймейстером, каждая из них знак своего народа подавала музыкой.

Главный судья фельдмаршал Миних со всеми судьями выступил из конференц-залы, вслед за ними были вынесены пажами на золотых подносах богатые «прейсы» (призы), которые после речи фельдмаршала были розданы. Первый приз из богатой бриллиантовой подвески получила графиня Н. П. Чернышева. Вторым приз, табакерку с бриллиантами – А. В. Панина. Третий приз, перстень бриллиантовый – графиня Е. А. Бутурлина. Из кавалеров первый приз получил князь И. А. Шаховской – бриллиантовая пуговица и петлица на шляпу; второй – полковник Ребиндер: трость с бриллиантовым набалдашником; третий получил граф Штейнбок – бриллиантовый перстень. Кавалеры – возницы дам – получили: первый приз – Ферзен, поручик конной гвардии – записную золотую книжку с финифтью; второй – А. Н. Шепотьев, табакерку золотую с финифтью; третий – граф Д. М. Матюшкин, готовальню золотую с финифтью и т. д. Судьями были граф Бутурлин, Нарышкин, князь Голицын, граф Панин и многие другие.

Вскоре было дано и второе представление с тем же церемониалом, которое закончилось представлением в Зимнем дворце оперы «Дидона». Победителем на второй карусели единогласно был признан граф Орлов, которому фельдмаршал Миних вручил первый приз и от себя тайно заготовленную лавровую ветвь. Дамы тоже каждая сняли со своей головы живые цветы и поднесли увенчанному победителю.

В ряду забав двора нередко бывали и святочные игры. Вот как описывает такие игры в день Рождества 1765 г. очевидец:

«Сперва, взявшись за ленту, все в круг стали, некоторые ходили в кругу и других по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один за другого гоняли третьего. После сего золото хоронили: «Заплетися, плетень» пели; по-русски плясали; польский, менуэты и контрдансы танцевали. Императрица во всех этих играх сама быть изволила и по-русски плясала вместе с Н. И. Паниным. Великий князь тоже очень много танцевал; во время этих увеселений вышли из внутренних государынинных покоев семь дам: это были в женском платье граф Г. Г. Орлов, граф А. С. Строганов, граф Н. А. Головин. П. Б. Пассек, шталмейстер Л. А. Нарышкин, камер-юнкеры: М. Е. Баскаков, князь А. М. Белосельский. На всех были кофты, юбки, чепчики; князь Белосельский был проще всех одет: он представлял гувернантку или маму и смотрел за прочими дамами. Ряженных посадили за круглый стол, поставили закуски, подносили пунш, и потом все плясали и шалили».

На больших собраниях Эрмитажа, которые начинались в седьмом часу и кончались в девять, императрица первая танцевала менуэт, но обычно открывал их великий князь «польским танцем» с одной из старейших придворных дам.

По словам иностранцев, в такие дни вся Дворцовая площадь была запружена каретами и другими экипажами; толпы народа тоже многочисленными группами собирались поглядеть на прибывающих шестерней вельмож. Полиция исполняла свою обязанность при помощи палочных ударов, раздаваемых налево и направо. На лестницах от толпы слуг доступ в покои делался почти невозможным. Глухой шум и говор в покоях стоял неумолкаемый, и только стихал он тогда, когда появлялась императрица, с уходом же ее опять все снова приходило в беспорядок и комнаты снова оглашались гулом громкого разговора

на разных языках. В екатерининское время пышность двора и разнообразие роскошных костюмов разных иностранцев приводила в изумление. Впечатлял блеск драгоценных камней и воинственный вид покрытых орденами мундиров.

***

Осип Мандельштам

Дворцовая площадь

Императорский виссон
И моторов колесницы, —
В черном омуте столицы
Столпник-ангел вознесен.

В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла.

1915

***

Во время балов играл придворный оркестр под управлением капельмейстера Галуппи. На малых собраниях играл на скрипке Диц, на виолончели Дельфини, на арфе Кардон, на фортепиано Ванжура. На эрмитажных собраниях Екатерина всегда являлась в русском платье; ее примеру следовали и все приглашенные дамы. Здесь уже господствовал русский

язык. Каждый гость занимался чем ему угодно было. Кто играл в жмурки, кто в «билетцы», кто ворожил, гадал, играл в веревочку, кто читал стихи и т. д. Любимой игрой была литературная. Но как только Екатерина замечала, что гости начинали писать колкости, тотчас брала перо и зачеркивала написанное. Всякое стеснение, всякая церемония были изгнаны из общества; особенно запрещено было государыней вставать со стула перед нею, и тот, кто не исполнял этого, нес штраф по червонцу в пользу бедных или выучивал шесть стихов из «Телемахида». Рассказывают, что Нарышкин чаще других подвергался этому наказанию. Читал же он стихи Тредиаковского с таким пафосом, что вызывал всеобщий неудержимый смех. Вельможи со способностями выделять различные гримасы и изменять свою физиономию особенно ценились на этих вечерах и получали в шутку разные военные чины. Так, барон Ванжура вместе с кожей спускал до бровей свои волосы и как парик передвигал их направо и налево; за это качество он получил там звание капитана. Сама государыня тоже умела спускать правое ухо к шее и опять поднимать его вверх; за эту способность она числилась только поручиком. Безбородко превосходно представлял картавого.

Собрания эти происходили в комнате, где позже висели эскизы и рисунки Рафаэля и других великих художников. Эта уединенная комната дала Эрмитажу свое имя. Из нее был выход в так называемую Алмазную комнату, в которой, по повелению Екатерины, были собраны из всех дворцов и кладовых и из московской Оружейной палаты разные редкости из финифти и филиграна, агата, яшмы и других драгоценных камней. Тут поместили все домашние уборы русских царей и бывшие у них в употреблении вещи: часы, табакерки, кувшины, зеркала, бокалы, ножи, вилки, цепочки,

солонки, чайные приборы, перья, букеты. Из таких редких вещей здесь хранились: филиграновые туалеты царевны Софии Алексеевны и царицы Евдокии Лукьяновны; хрустальный кубок императрицы Анны Иоанновны; серебряная пудреница Елизаветы Петровны, золотая финифтяная чарочка царя Михаила Феодоровича; часы, служившие шагомером царю Алексею Михайловичу; модель скромного домика, в котором обитал Петр Великий в Саардаме; кукла, одетая по-голландски, — это была копия с хозяйки дома; изображение Полтавской битвы и морского сражения при Гангуте, выточенное резцом Петра; табакерки, шашки и наперсток работы Екатерины I.

Позднее все эти достопамятности были расставлены по галереям Эрмитажа. Первой из этих галерей считалась та, которая примыкала к южной части висячего сада. Все три галереи были со сводами, окна выходили в сад. Из первой галереи выстроен на своде переход через переулочек в придворную церковь Зимнего дворца. Вторая галерея, западная, примыкала к застройке флигеля, через который Екатерина из внутренних покоев ходила в Эрмитаж. По обеим сторонам дверей находились вазы из белого прозрачного мрамора с барельефами, на подножке цветного мрамора. Подле них стояли два женских портрета в восточных нарядах, в подвижных рамах. Они были сделаны на императорской шпалерной фабрике мастерами Андреевым и Ивановым. В третьей, восточной, галерее были еще такие же две вазы; в этой галерее копировались обычно картины профессорами и воспитанниками Академии художеств. В последней комнате все стены и промежутки между окон были покрыты картинами.

Окруженный с трех сторон галереями, а с северной залом Эрмитажа, висячий сад имел вид продолговатого четырехугольника. Своды были покрыты землей, так

что сад имел такую же высоту, как пол в галереях. В этом открытом саду росли со всех сторон ряды прекраснейших больших берез, а на дерновой поверхности были сделаны дорожки для прогулок, украшенные цветами, в конце каждой дорожки стояли статуи из белого мрамора работы Фальконе, на постаментах из дикого камня. В северной части сада была высокая оранжерея с галереей наверху. В этом зимнем саду содержалось множество попугаев и других птиц, а также множество обезьян, морских свинок, кроликов и других зверьков.

От галереи по западной стороне шли три комнаты, в одной из которых стоял бюст Вольтера в натуральную величину на столбе из дикого камня; в примыкающих к этой других комнатах стояло еще несколько бюстов Вольтера: один из фарфора, другой из бронзы, сделанный с оригинала, работы Гудона; все эти комнаты были украшены бронзовыми историческими группами из жизни Древней Греции и Рима. Между угольной комнатой и оранжереей находился зал. Там вместо стены с одной стороны были громадные окна в сад. Рядом с залом была столовая: пол здесь состоял из двух квадратов, которые вынимались, и из них поднимались и опускались посредством простого механизма два накрытых стола на шесть приборов. Императрица здесь обедала без присутствия слуг. В этой комнате по углам стояли два бюста работы Шубина: графа Румянцева и графа Шереметева. Из этой комнаты шла арка через переулок ко второму дворцу Эрмитажа; здесь находилось аллегорическое изображение мира со Швецией. Екатерина, изображающая Россию, подавала Швеции, представленной тоже в виде женщины, лавровую ветвь, показывая на сноп. Пограничная река Кюмень была представлена лежащим старцем; из находившегося в его руках сосуда вытекала вода.

Во втором дворце, в первом овальном зале со сводами и высокой галереей, поддерживаемой тринадцатью столбами, никаких украшений не было, только висели два рисунка с изображением цветов, описанные великой княгиней Марией Федоровной, и несколько географических карт. В небольшой угловой комнате за тем залом сохранялся токарный станок Петра I и разные выточенные им работы из слоновой кости. Подле, в овальной комнате, стоял большой бильярд и маленькая «фортуна». Стены этой комнаты были увешаны картинами. Государыня очень любила играть на бильярде и перед тем, чтоб начать играть, всегда спрашивала партнера, удобно ли ему играть этим кием или не нужно ли опустить шторы, когда замечала, что солнце неприятно светит ему в глаза. Однажды в то время, когда государыня играла с кем-то на бильярде, вошел Шувалов. Императрица низко ему присела. Присутствующие придворные сочли это за насмешку и засмеялись. Екатерина приняла серьезный вид и сказала: «Вот уже сорок лет, что мы друзья с господином обер-камергером, а потому нам очень извинительно шутить между собою». Екатерина, как известно, отличалась необыкновенной вежливостью в обращении с людьми; любимая ее поговорка была: «*Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli*» («Не довольно быть вельможей, нужно еще быть учтивым»). По рассказам, императрица имела особенный дар приспособлять к обстоятельствам выражение лица своего; часто после вспышки гнева в кабинете подходила она к зеркалу и, так сказать, сглаживала, прибирала черты свои и являлась в залу со светлым и царственно-приветливым лицом. Однажды на бале хотела она дать приказание пажу и сделала знак, чтобы позвать его, но он того не заметил, а граф Остерман решил, что знак был сделан ему, и подошел к государыне, опираясь на свою длинную трость;

императрица встала со своих кресел и подошла с ним к окну, где некоторое время с ним проговорила. Потом, возвратясь на место, спросила графиню Головину, довольна ли она ее вежливостью. «Могла ли я иначе поступить! Я огорчила бы старика, дав ему почувствовать, что он ошибся, а теперь, сказав ему несколько слов, я оставила его в заблуждении. Он доволен, вы довольны, а следовательно довольна и я!»

В другой раз князь Барятинский, ошибкой, вместо графини Паниной пригласил на вечер в Эрмитаж графиню Фитингоф. Увидя неожиданную гостью, императрица удивилась, но не дала этого заметить, а только приказала тотчас послать приглашение графине Паниной; графиню же Фитингоф велела внести в список лиц, приглашаемых на эрмитажные собрания, чтобы она не догадалась, что была приглашена ошибкой.

В небольшой комнатке, диванной, рядом с бильярдной стоял драгоценный столик из разноцветных камней, а в углах бюсты адмиралов: графа А. Г. Орлова и В. Я. Чичагова, оба работы Шубина. Рядом с этой комнатой окнами на двор Екатерина занималась химическими сплавами для камеев, вместе с Кенигом и Лебрехтом вырезала печати и т. д. Там стояли две драгоценные вазы: одна из стекла аметистового цвета и другая, фарфоровая, с тонкой живописью. Тут же было одно из первых и древнейших фортепьян с флейтами. В комнате подле этой помещались две мраморные группы: одна — работы Шубина, другая — Щедрина, и большой фарфоровый сосуд на круглом пьедестале из голубого материала — работы Кенига. В следующей полукруглой зале находились изображения римских императоров Иосифа и Леопольда на одной картине и бюст князя Потемкина-Таврического работы Шубина; рядом с этой комнатой хранилась коллекция рисунков. Уборная, или спальная комната императрицы, кроме обычной мебели, имела такие редкости как

играющие часы, бюсты Цицерона и Вольтера, античное изображение Дианы с собакой из слоновой кости, античный стол, горку из уральских драгоценных камней с каскадами из аквамарина. В следующем большом зале висели шесть хрустальных люстр, перед софой стоял большой стол, четырехугольная крышка которого была сделана из аметистового стекла, по бокам на ней были начерчены планы турецких крепостей: Очакова, Бендер, Килии и Акермана, завоеванных князем Потемкиным.

В комнате возле зала были размещены разные китайские редкости. Первая комната, на восточной стороне, вела к лестнице главного входа в Эрмитаж, сделанной из одноцветного камня; напротив ее был на своде переход через канал в придворный театр; в комнате перед проходом построен был древний греческий храм, в котором стояло античное изображение из мрамора Амура и Психеи. В той же комнате стояло бюро с изображением разных эпизодов из путешествия государыни по Таврической области; делал это бюро крестьянин графа Салтыкова. Далее во всю длину по каналу шла «ложь Рафаэля», расписанная *al fresco*. Затем следовали кабинеты минералогический, скульптурных и античных мраморов и императорская картинная галерея. За картинной галереей первое время надзирал придворный живописец Фензельт, известный реставратор древних картин (после него с 1780 г. был смотрителем венецианец Мартинели). Над собранием гемм, монет, эстампов и других произведений художеств был начальником библиотекарь императрицы, коллежский советник Петров, но так как он был часто посылаем в Москву, то большей частью заведовал этими собраниями унтер-библиотекарь, коллежский асессор Алексей Иванович Лужков. Императрица очень его ценила и доверяла, присылая драгоценные вещи без всяких записок. Однажды Екатерина, отворяя у него разные шкафы, по

рассеянности положила ключи от них в свой карман. Лужков на это обиделся и просил ее, чтобы она дала ему отставку. Екатерина очень удивилась и просила его сказать, что за причина, почему он хочет ее оставить.— «Я, государыня, честен, всегда пользовался вашим доверием, а вчера заметил, что вы в первый раз меня заподозрили и взяли ключи у меня, — после этого я вам уже не слуга». — «Помилуй, — сказала императрица, — я сделала это по ошибке, без всякого умысла, вот твои ключи, не обижайся, извини меня, я впредь буду осторожнее». Этот Лужков по кончине императрицы представил в казну серебра и золота, не записанного в книгах, более чем на 200 000 рублей и вышел в отставку.

Императорская семья появилась в Зимнем дворце только в 1894 г. — с восшествием на престол Николая II. Бывшие покои Николая I были отделаны заново в стиле модерн. Но потом, в 1904 г. Николай II переехал в Царское Село.

В Первую мировую войну во дворце был госпиталь.

В 1918 г. Зимний переименовали во Дворец искусств, но это название как-то не прижилось. До 1945 г. там был Музей революции, который до 1922 г. уживался то с пунктом по приему военнопленных, детской колонией, штабом по массовым торжествам и т. д. В Гербовом зале давали театральные представления, в Николаевском крутили кино.

Эмигрантские поэты об этом времени писали так:

Ах, Петербург, как страшно-просто
Подходят дни твои к концу!..
Подайте Троицкому мосту!
Подайте Зимнему дворцу!

А еще так:

Да, славы вековой умолкли хоры,
Империя приблизилась к концу,
И прогремели выстрелы с «Авроры» –
Салют прощальный Зимнему дворцу...

В 1922 г. значительная часть дворца передана Государственному Эрмитажу, и в 1920-1930-х гг. проведены большие реставрационные работы.

Горожане не без основания говорили, что при съемке эйзенштейновского фильма «Штурм Зимнего» дворец пострадал сильнее, чем при настоящем штурме, какового вообще-то не было.

Во время блокады Зимний дворец, как и многие здания города, пострадал от авиабомб и снарядов. Но уже в мае 1942 г. пошли ремонтные работы, в ноябре 1945 г. для посетителей были открыты первые 69 залов. Тогда же Зимний дворец был полностью передан Эрмитажу.

* * *

Дворец выдержан в парадном и пышном стиле русского барокко, характерном для архитектуры середины XVIII в.

Три фасада прямоугольного в плане здания с большим парадным двором в центре обращены к Неве, Адмиралтейству и Дворцовой площади. В соответствии с этим Растрелли, сохраняя гармонию целого и единство стиля, придавал каждому из этих фасадов своеобразный вид. Лишенный чрезмерно больших выступов со стороны Невы, длинный фасад здания кажется устремленным по горизонтали: он великолепно подчеркивает прямую линию набережной. Крылья бокового фасада резко выдвинуты в сторону Адмиралтейства. Наконец, главный фасад (со стороны Дворцовой площади) выступает центральной своей

частью вперед. Тройная аркада его ворот в прошлом была парадным въездом. Отсюда кареты попадали в большой двор и подкатывали к главному подъезду.

Здание величественно и нарядно. Оно поражает роскошью и разнообразием украшений, но одновременно кажется стройным и соразмерным. Несмотря на огромную протяженность фасадов, они не выглядят монотонными. Растрелли чередует выступающие вперед и отодвинутые вглубь части здания, дает фасаду глубокую профилировку, чем усиливает игру света и теней, прибегает к особой расстановке колонн. Размещенные в два яруса — одна над другой, — эти колонны располагаются то группами, то попарно, то по одной с различными интервалами, подчиняясь сложному единому ритму. И как бы продолжением вертикальных линий, образуемых колоннами, являются бронзовые скульптуры и вазы, установленные вдоль парапета над крышей. Нарядный облик придают дворцу и многочисленные белые наличники окон, обрамленные разнообразными лепными узорами и украшениями. Сочетание трех цветов — зеленого (стены), белого (колонны и наличники окон) и золотисто-серого (лепные украшения) — подчеркивает парадную и величественную красоту здания.

Не менее парадно оформил Растрелли и внутренние апартаменты дворца. Но лишь немногие из них сохранили в какой-то степени былой облик. В один из холодных декабрьских дней 1837 года, когда усиленно топили печи, искры из дымохода через отверстие душника воспламенили деревянную стену в Петровском зале и внезапно возник пожар, бушевавший в течение трех дней. Огонь почти полностью уничтожил дворец. Архитекторы В. П. Стасов и А. П. Брюллов, руководившие восстановлением Зимнего дворца и отдельных его залов, внесли в декорировку много

нового. Перестройка помещений происходила и позже. И все же некоторые из них, в частности Главная лестница, напоминают о блестящем парадном стиле, в котором Растрелли оформил интерьеры дворца.

Пройдем, начиная осмотр музея, из вестибюля по направлению к Главной лестнице.

Длинная галерея, по которой мы движемся, с полукруглыми сводами потолка и ритмично повторяющимися пилонами, со стенами и потолком спокойного белого тона, должна подготовить нас к восприятию пышного убранства Главной парадной лестницы Зимнего дворца. Еще только приближаясь к ней, мы получаем первое яркое впечатление: на фоне ниши, в обрамлении колонн, сверкает белизной мраморная скульптура, блистают покрытые позолотой лепные узоры на стене, сверху льются потоки света.

Красота этой лестницы раскрывается постепенно. Находясь еще на нижних ступенях, неожиданно ощущаешь огромные ее размеры. Высоко над головой мы видим многоцветную роспись: в голубом небе, среди облаков, над вершинами гор парят фигуры богов. Это огромный плафон (картина на потолке работы художника Ф. Градицци) с изображением богов на горе Олимп.

Здесь сразу ощущаешь простор, обилие воздуха и света. Кажется, что он проникает отовсюду — не только из больших окон, но и со стороны глухих стен, где зеркала отражают его лучи, создавая иллюзию большей освещенности. Поднимаясь по боковым маршам, любуешься скульптурами возле окон и зеркал, стройными пилястрами, затейливыми завитками позолоченных узоров лепки. И, наконец, с боковых площадок, подобно заключительному аккорду, открывается взору еще более величественное зрелище: гигантская колоннада из десяти монолитных серых колонн сердобольского гранита поддерживает

полукруглые своды потолка, украшенные лепкой, позолотой и кариатидами.

После пожара 1837 г. начались огромные работы по восстановлению дворца, в которых участвовало до восьми тысяч рабочих. Архитектор В. П. Стасов, осуществлявший общее руководство строительством, постарался вернуть былой облик не только наружным фасадам здания, но и ряду интерьеров. Он во многом сохранил характер убранства Главной лестницы, внося, однако, определенные коррективы с учетом требований и вкусов своего времени. Так, до пожара колонны и стены лестницы были покрыты розовым искусственным мрамором (стукко). Стасов же устанавливает гранитные колонны, применение которых для украшения интерьеров явилось одним из его новшеств. Он прибегает и к иному цветовому решению: серый цвет колонн сердобольского гранита сочетается с белым тоном стен. Взамен погибшего плафона был помещен новый. Позолоченную резьбу по дереву заменила золоченая лепка. Были внесены и другие изменения, но общий парадный и торжественный характер лестницы был сохранен. Во времена Растрелли ее именовали Посольской. Гости из-за рубежа и послы иностранных держав поднимались по ее ступеням. И уже на лестнице, при входе во дворец, они могли представить себе богатство и могущество страны, с которой им предстояло иметь дело. Недаром сам Растрелли писал о том, что он строил Зимний дворец «для одной славы всероссийской». Позднее лестница получила название Иорданской, так как по ней проходила, направляясь к Неве, царская семья во время празднования крещения, первое же крещение, согласно церковной легенде, происходило на реке Иордан.

Величие и подлинный размах, присущие этому творению Растрелли, вдохновляли позже и других архитекторов, которые вслед за ним оформляли

многочисленные залы дворца. Но прежде чем направиться в эти парадные залы, ставшие музейными помещениями сравнительно недавно, познакомимся со старыми зданиями музея, пройдем туда, где еще во второй половине XVIII в. начали складываться первые его коллекции.

Поднявшись на верхнюю площадку лестницы, проходим в двери налево и через Фельдмаршальский зал направляемся в коридор, украшенный ткаными коврами-шпалерами работы западноевропейских мастеров XVI—XVIII вв.

Другая дверь, расположенная в центре, против лестницы, ведет в Аванзал, с которого до пожара начиналась анфилада парадных помещений, расположенных вдоль набережной Невы. Зал оформлен архитектором Стасовым; на потолке его плафон «Жертвоприношение Ифигении».

Фельдмаршальский зал был отделан в 1833 г. по проекту архитектора А. А. Монферрана, а после пожара фактически заново и в другом стиле декорирован Стасовым. Ранее здесь находились портреты русских фельдмаршалов.

Затем по переходному коридорчику пройдем в Малый Эрмитаж — соседнее с Зимним дворцом здание. Это Павильонный зал, созданный в 1764—1775 гг. по проекту архитектора Ж.-Б. Валлена-Деламота павильон, который позднее был назван Малым Эрмитажем. Малый Эрмитаж, по сравнению с другими помещениями музея, невелик. Находящиеся рядом с ним два других здания в соответствии со временем их постройки стали называть Старым Эрмитажем и Новым Эрмитажем.

Первоначально во втором этаже этого здания находилось несколько помещений, в одном из которых располагался застекленный зимний сад. Здесь росли деревья, были устроены цветники, летали птицы.

В 1856 г. архитектор А. П. Штакеншнейдер на месте зимнего сада и соседних с ним помещений создает большой Павильонный зал. Штакеншнейдер — эклектик, неслучайно он сочетает в оформлении этого зала черты различных стилей: элементы мавританского искусства, архитектуры Возрождения и античности. Несмотря на это, Павильонный зал кажется удивительно нарядным, просторным, пронизанным светом и воздухом. Дневной свет попадает в него через окна, расположенные со всех четырех сторон. Стройные ряды белых мраморных колонн в центре зала поддерживают легкую, изящную галерею, сообщающуюся с хорами. Сверкают, переливаясь разноцветными огнями, двадцать восемь хрустальных люстр. Мерно, капля за каплей, падает вода с четырех «фонтанов слез», украшающих стены. Привлекает внимание вмонтированная в пол мозаика. Она создана в 1847—1851 гг. в Петербургской Академии художеств мастерами В. Е. Раевым, И. С. Шаповаловым, С. Ф. Федоровым, Е. Г. Солнцевым и повторяет (в наполовину уменьшенном масштабе и с некоторыми изменениями) мозаичные изображения, найденные в 1780 г. при раскопках древних римских бань — терм императора Тита. В зале находятся также мозаичные столы работы итальянских и русских камнерезов.

Павильонный зал находится на втором этаже. Взгляните в окна, и вашему взору предстанет неожиданная картина: с одной стороны, далеко внизу — набережная Невы, а с другой — на уровне Павильонного зала — сад. Это одно из модных в XVIII в. сооружений, характерных для ряда дворцовых комплексов, так называемый Висячий сад. В помещениях под Висячим садом находились царские конюшни и манеж. Позже в перестроенных залах разместили выставки музея.

Над каменными сводами, на которых покоится сад, поперх специальной металлической прокладки был

насыпан полтора-двухметровый слой грунта, посажены деревья и кустарники, устроены цветники, аллеи, небольшой фонтан, установлены скульптуры. Зимой здесь устраивали снежные горки для катания на санках, а летом для забавы выпускали из клеток павлинов, фазанов, голубей, белок и других зверюшек. О существовании Висячего сада в Петербурге многие даже не знали — ведь во дворец простых людей совсем не пускали, а с улицы сад не виден.

Галереи, находящиеся рядом с садом, постепенно заполнялись многочисленными картинами, скульптурой, а также другими ценными и редкими вещами, которые приобретались в различных странах послами и специальными агентами и привозились в Петербург для украшения Эрмитажа.

Так постепенно в XVIII в. формируются коллекции будущего музея. В 1764 г. у негоцианта Гоцковского в Берлине было куплено собрание картин (главным образом голландской и фламандской школ). Это поступление положило начало систематическому пополнению музея. Именно поэтому 1764 г. принято считать датой основания Эрмитажа как музея. В дальнейшем были приобретены большие коллекции графа Кобенцля (1768 г.), графа Брюля (1769 г.), собрание Кроза (1772 г.), лорда Уолполя (1779 г.), графа Бодуэна (1781 г.) и ряд других.

В Павильонном зале находится довольно любопытный экспонат — часы «Павлин». Они созданы в Англии мастером Джеймсом Коксом в XVIII в., в период, когда особенно увлекались диковинными и необычными механизмами. В застекленной клетке расположены дуб и несколько фигурок птиц и белок. В центре этой группы находится павлин, который во время боя часов поворачивается, распуская пышный хвост, и двигает головой. «Оживают» и его соседи — сова вертит головой и хлопает глазами, петух, широко открывая

клюв, кукарекает. Для того чтобы определить время, смотрят на гриб, расположенный около дерева. Внутри его шляпки вращались два диска (один над другим), а в прорези виднелись начертанные на них цифры — обозначение часов и минут. Часы были куплены в 1780 г. Г. А. Потемкиным в подарок Екатерине II. В Эрмитаж они попали в 1797 г. и являются, таким образом, одним из самых ранних экспонатов музея.

В 1771—1787 гг. рядом с «Ламотовым павильоном» на набережной Невы архитектором Фельтенем было построено здание, получившее в дальнейшем название Старого Эрмитажа. А в середине XIX в. для размещения разросшихся коллекций создается специальное помещение музея — Новый Эрмитаж, в 1850 г. законченный архитектором Н. Е. Ефимовым под руководством В. П. Стасова, по проекту Л. Кленце.

Для того чтобы начать осмотр этих зданий и расположенных в них выставок, следует спуститься по Советской лестнице и пройти в Двадцатиколонный зал.

Советская лестница, построенная в середине XIX в. архитектором Штакеншнейдером, получила свое название в связи с тем, что через ее подъезд проходили члены Государственного совета, направлявшиеся на заседания, происходившие под председательством царя. Лестница связывает три здания: переходным коридорчиком она сообщается с Малым Эрмитажем, с противоположной стороны — вдоль линии набережной располагается Старый Эрмитаж (здесь, во втором этаже, помещается выставка итальянского искусства), двери в центре (против окон) ведут в залы выставки голландского искусства, находящиеся в здании Нового Эрмитажа. Плафон на Советской лестнице — работа французского художника Ф. Дуайена (XVIII в.) — «Добродетели представляют Минерве русских юношей».

На площадке второго этажа Советской лестницы стоит большая малахитовая ваза, выполненная на Екатеринбургской фабрике в 1843 г. в технике «русской мозаики» (тонкие пластинки камня, искусно составленные вместе так, что образуется красивый узор, наклеиваются на основу с помощью специальной мастики). Чудесные произведения камнерезного искусства, созданные на этой уральской фабрике, а также на Петергофской (самой старой в России, возникшей при Петре I) и алтайской Колыванской фабриках, украшают многие залы и лестницы Эрмитажа — крупнейшей сокровищницы русского цветного камня.

Широко использовался камень и в оформлении самих залов. Так, в Двдцатиколонном зале, где расположена выставка италийских ваз, колонны созданы мастерами Петергофской гранильной фабрики из серого сердобольского гранита. Весь пол в этом зале выложен мозаикой, составленной из нескольких сот тысяч кусков камня.

Одним из самых замечательных творений русских камнерезов прошлого является знаменитая Колыванская ваза. Созданная из красивого камня — ревневской яшмы, — она поражает своими размерами, красотой формы и совершенством обработки материала. Высота вазы более двух с половиной метров, большой диаметр чаши — пять метров, малый — свыше трех. При весе в девятнадцать тонн (это самая тяжелая в мире ваза, выполненная из твердого камня), она не выглядит громоздкой. Тонкая ножка, удлиненная овальная форма чаши, расчлененной с боков и снизу радиально расходящимися «ложками», соразмерность частей придают ей изящество и легкость. Ваза изготовлена из глыбы камня, которую в течение двух лет обрабатывали на месте находки, а затем тысяча рабочих доставила ее за пятьдесят верст на Колыванскую фабрику, прорубая для этого дороги в

лесах и создавая переправы через реки. Непосредственно над выполнением самой вазы, создававшейся по проекту архитектора А. И. Мельникова, мастера Колыванской гранильной фабрики трудились в течение двенадцати лет, закончив работу к 1843 г. В Петербург ее доставили с большим трудом, в разобранном виде (ваза состоит из пяти частей, причем основная из них — чаша — монолитна). До Урала вазу везли на специальной телеге, в которую впрягали от ста двадцати до ста шестидесяти лошадей. А далее по Чусовой, Каме, Волге, Шексне и Мариинской системе переправили на барже до места выгрузки на набережной Невы. После предварительного укрепления фундамента семьсот семьдесят рабочих установили ее в зале Эрмитажа, где она находится и в настоящее время.

В Эрмитаже есть отделы первобытной культуры, античного мира, культуры народов Востока, нумизматики, западноевропейского искусства, научно-просветительский, реставрационный и истории русской культуры.

Экспозиция музея занимает свыше 350 залов. В год сюда приходит 3,5 млн. человек.

Отдел истории русской культуры создан в Эрмитаже сравнительно недавно, в 1941 г. Однако многие памятники, входящие в состав его собрания, находились здесь с давних пор. Это около 230 тысяч экспонатов, составляющих ныне фонды отдела.

В собрании памятников русской культуры значительное место занимают разнообразные по характеру произведения прикладного искусства работы выдающихся изобретателей, народных мастеров.

В XVIII — начале XIX в. подлинного расцвета достигает одно из древнейших ремесел России — искусство художественной резьбы по кости. Основными центрами его распространения становятся Архангельск,

Холмогоры и прилегающие к ним районы, а также Москва и Петербург.

В зале разнообразные предметы: шкатулки, ларцы-теремки, вазы, скульптурные группы, пластины-портреты, гребни, игольники и др., искусно выполненные резчиками по кости. Имена их создателей чаще всего неизвестны. А между тем среди резчиков были подлинные виртуозы своего дела.

Одним из таких мастеров был О. Х. Дудин. Выходец из крестьянской семьи, уроженец Двинского уезда Архангельской губернии, в зрелый период своего творчества он работал в Петербурге.

В 70-е годы XVIII века Дудин создает две резные кружки с рельефными портретами русских царей и князей. Одна из них, выполненная в 1774—1775 гг., находится в Эрмитажа. 58 портретов (от Рюрика до Екатерины II) располагаются на ней четырьмя рядами в изящных витиеватых рамках на фоне тонкого, как кружево, прорезного узора. Центральное место занимает рельефный портрет Екатерины II. Портретами украшена также полусферическая поверхность крышки, увенчанной объемными изображениями короны и державы. Воспроизводя черты лица портретируемых, Дудин руководствовался их изображениями на медалях. Но при этом резчик отнюдь не копировал. Он великолепно учитывал специфику материала, в котором работал, а также место данного изображения в общей композиции. Красота кости, своеобразие ее белой поверхности, изящество прорезных кружевных узоров подчеркнуты темным сплошным фоном основы кружки, изготовленной из рога.

Выдающимся мастером, принадлежавшим к следующему поколению резчиков по кости, был Н. С. Верещагин. Подобно большинству мастеров северных районов, занимавшихся резьбой в свободное от основной работы время, он долгое время сочетал

любимое занятие со службой чиновника городской почтовой таможни Архангельска

В Эрмитаже хранятся две пары ваз, созданные Верещагиным. Одна пара, выполненная в

1798 г. в наиболее сложной технике сквозной резьбы, поражает не только виртуозностью обработки материала, красотой форм и соразмерностью частей, но и своими размерами. Высота этих ваз восемьдесят четыре сантиметра. Это самые большие из известных в настоящее время изделий, выполненных в данной технике из моржовой кости.

Мастер умело сочетает разнообразные формы тулово вазы в виде усеченного конуса, тонкая изящная ножка и верхняя куполообразная часть с возвышением, увенчанном крохотным воспроизведением конного памятника Петру I (скульптура Фальконе),— воспринимаются как единое целое. Наряду с тончайшим кружевом резьбы, Верещагин вертикальными полосами, напоминающими ряды плотно составленных костяных шариков, намечает линии, которые выявляют конструкцию вазы, придают ей стройность. Мастер акцентирует центральную часть тулова, помещая здесь наиболее массивные украшения (медальон с фигурой орла, гирлянда).

Небезынтересна и история этих ваз. Предназначенные в числе прочих ценных вещей в качестве подарка японскому императору, они были отправлены в 1803 г. на корабле экспедиции И Ф Крузенштерна, но ввиду отказа Японии установить дипломатические и торговые отношения с европейскими державами эти вещи так и не были вручены. Совершив на корабле Крузенштерна первое в истории русского мореплавания кругосветное путешествие, они снова попали в Петербург и в 1806 г. были водворены на прежнее место в Эрмитаж

На портрете Кулибина, хранящемся в Эрмитаже (работа художника П. П. Веденецкого), рядом с изобретателем изображены уникальные часы «яичной фигуры», которые находятся тут же в соседней витрине. Сама идея создать диковинные часы, превосходящие все виденные ранее образцы, пришла Кулибину в 1764 г. Но лишь после того, как один из купцов предоставил необходимые средства, мастер смог приступить к осуществлению своего замысла. Он трудился в течение нескольких лет и закончил работы в 1769 г.

По размеру часы не больше гусиного яйца. Их корпус с многочисленными узорами сделан из позолоченного серебра. Внутри него скрыт сложный механизм, состоящий из нескольких сот деталей. На корпусе имеется кольцо, за которое часы можно повесить, а с противоположной стороны — стекло и под ним циферблат и стрелки. Но часы не только указывают время. Каждые четверть, полчаса и час слышен музыкальный бой. А в полдень механизм ежедневно исполняет мелодию из торжественной кантаты, сочиненной Кулибиным в честь Екатерины II.

Каждый час в небольшом окошечке, расположенном сбоку, открывается дверца и в крошечном чертоге, словно на подмостках театра, разыгрывается сцена «Воскресение Христа». В ней действуют крохотные, отлитые из золота и серебра фигурки воинов, ангелов, жен-мироносиц. Действие сопровождается музыкой, причем до 12 часов дня — одной мелодией, а после полудня — другой. Сложнейший механизм этих удивительных часов до сих пор остается исправным.

В том же зале обращают на себя внимание небольшие металлические дрожки, снабженные инструментом, отсчитывающим пройденные версты, и небольшим органчиком, исполнявшим во время движения дрожек мелодии. Создатель этих дрожек —

талантливый изобретатель Е. Г. Кузнецов — крепостной мастер Нижнетагильского завода Демидовых. Тут же на дрожках его портрет, написанный крепостным мастером Сидором Дубасниковым прямо на металлической доске под органом.

Портрет этот плохо сохранился, но и в таком виде интересен как одно из немногих изображений талантливых крепостных мастеров-умельцев.

В одной из витрин зала можно видеть изделия из первого русского фарфора, создателем которого был друг Ломоносова, талантливый ученый-химик Д. И. Виноградов.

В то время рецепт производства китайского, а также европейского, мейсенского, фарфора еще не был широко известен, так как его держали в секрете. На учрежденной в 40-е гг. XVIII в. в Петербурге «порцелиновой мануфактуре» подвизался иностранец-шарлатан К. Гунгер, который так и не сумел получить фарфор и был с позором изгнан. Трудная задача создания отечественного фарфорового производства была возложена на Виноградова. В 1747 г. он получает первые фарфоровые изделия. Мы можем увидеть табакерку (1752 г.), украшенную позолотой и изображением забавной сценки с собаками, любующимися своим отражением в зеркале, а также чашечку (1749 г.) с рельефными листьями и гроздьями винограда. Они сделаны на императорском фарфоровом заводе в Петербурге из отечественного сырья по технологии, разработанной Виноградовым.

Интересна мозаика мастерской Ломоносова. Пять мозаичных картин (портреты Петра I, М. И. Воронцова, П. И. Шувалова и два изображения апостолов) выполнены из цветного непрозрачного стекла — смальты, выплавленной на специальной мозаичной фабрике в местечке Усть-Рудица Петербургской губернии. Ломоносов, проведя предварительно

многочисленные лабораторные опыты, начиная с 1753—1754 гг. наладил производство смальты и создал ряд крупных произведений (в частности, известную мозаичную картину «Полтавская битва»).

Среди мозаик, хранящихся в Эрмитаже, наибольший интерес представляет портрет Петра I собственноручной работы Ломоносова. Он исполнен в монументально-декоративной живописной манере из великолепных по глубине и интенсивности цвета смальт. Искусно воспроизводит Ломоносов в сложной технике мозаики объемы, световые эффекты.

Парадные залы Зимнего дворца, созданные несколькими поколениями талантливых русских мастеров, сами по себе являются замечательными памятниками русской культуры. Малахитовый зал создан в 1839 г. архитектором А. П. Брюлловым совместно с его учениками А. М. Горностаевым, А. Н. Львовым и др. Зал декорирован уральским малахитом. Восемь колонн и столько же пилястр, два камина, торшеры, а также ряд столиков, ваз и вещей, находящихся здесь и дополняющих убранство помещения, украшены малахитом в технике «русской мозаики». Всего на оформление зала пошло свыше 130 пудов малахита. Широкое применение нашла здесь и позолота. Ею покрыты бронзовые капители и базы колонн, украшения каминов, обрамление зеркал, рельефные узоры из папье-маше, занимающие большую часть потолка, двери резного дерева и т. д.

Своеобразное и эффектное сочетание двух материалов — ярко-зеленого малахита и сверкающего золота — определяет парадное звучание и мажорный тон интерьера. Это впечатление дополняют великолепнейший, составленный из девяти различных пород дерева паркет и созданные специально для этого зала кресла, обитые интенсивным по цвету малиновым шелком.

Малахитовый зал интересен не только как памятник русской архитектуры и камнерезного мастерства.

С начала июля 1917 г., когда Зимний дворец превращается в резиденцию Временного правительства, заседания кабинета министров происходят в Малахитовом зале. Здесь же министров и арестовывают.

Бывший Концертный зал создан по проекту архитектора В. П. Стасова в конце 30-х годов XIX в. Его украшают статуи муз. Из бывшего убранства здесь сохранились торшеры, в которых зажигались свечи, и небольшие стулья, обитые оранжевой тканью, со спинками в виде лиры.

Здесь находится выставка русских серебряных изделий. В витринах хранятся серебряные блюда и кубки, подносы и туалетные приборы, пуговицы и табакерки, изготовленные в XVII—XX вв. многими талантливыми мастерами Москвы, Петербурга, Великого Устюга, Костромы и Тобольска.

Выдающимся памятником воинской славы России, призванным увековечить победу над полчищами Наполеона, одержанную в Отечественной войне 1812 г., и запечатлеть облик и имена руководителей русских войск является знаменитая Военная галерея в Зимнем дворце, находящаяся слева от Гербового зала. Создание ее осуществлялось по проекту прославленного русского зодчего К. И. Росси и было завершено к 1826 г. Однако многие из находящихся в галерее портретов генералов помещены здесь несколько позднее. Лишь к 1829 г. огромная, продолжавшаяся десять лет, работа по созданию трехсот тридцати двух портретов была в основном закончена. Почти весь этот гигантский труд был выполнен приехавшим в Россию по приглашению Александра I известным английским живописцем Дж. Доу и русскими художниками А. В. Поляковым и В. А. Голике. Лишь три огромных конных портрета в

торцовой части галереи, написанные в парадной, холодной манере, выполнены были другими живописцами: портрет Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма III — художником Ф. Крюгером, а портрет другого союзника в военных операциях 1813—1814 годов — австрийского императора Франца I — художником П. Крафтом.

Во время пожара Зимнего дворца 1837 г. солдаты гвардейских полков, рискуя жизнью, спасли из огня все картины. Стасов, работавший над восстановлением парадных залов дворца, вернул галерее ее прежний вид.

В 1949 г. в галерее была помещена мраморная доска с фрагментом стихотворения А. С. Пушкина «Полководец». Известно, что Пушкин не раз бывал в галерее и восторгался ею.

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной огваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью Двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики...

По праву на почетном месте находится в галерее портрет главнокомандующего русской армией М. И. Голенищева-Кутузова. Дж. Доу изобразил его на фоне снежных равнин, по которым русские части преследуют полчища интервентов. Выразительно переданы монументальность и спокойствие фигуры полководца и уверенный жест его руки, как бы приказывающий войскам продолжать изгнание врага.

На видном месте в центральной части галереи расположены портреты Барклая-де Толли, Багратиона, Дениса Давыдова, Сеславина, Ермолова и других замечательных полководцев, героев войны. Этим изображениям свойственна не только правдивость в передаче портретных черт, но и особая героическая приподнятость, романтический дух, характерный для настроений периода, когда решалась судьба России.

Есть в галерее и 13 пустых, затянутых зеленым шелком рамок, на которых написаны имена и воинские звания героев. Это имена тех, кто погиб на войне или умер к моменту, когда писались портреты и чей облик невозможно было воспроизвести.

С Военной галереей соседствует огромный Георгиевский (бывший Большой тронный) зал.

Он оформлен с исключительным богатством и одновременно величавой торжественностью, в соответствии с высоким его назначением — места официальных приемов и церемоний. Простотой и строгостью отличается форма зала. Эффектно, но при этом лаконично цветовое решение с сочетанием всего лишь двух тонов: белого (каррарский мрамор на стенах и в монолитах сорока восьми колонн) и золотого (восемнадцать тысяч деталей из позолоченной, прочеканенной литой бронзы, примененных в оформлении зала). Стройные ряды сдвоенных колонн с расположенными против них в простенках между окнами пилястрами несут на себе балкон, который

опоясывает зал, прерываясь лишь в центре, где на стене над бывшим тронным местом располагается большой рельеф «Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона». Скульптура эта, символизирующая могущество России, была создана по рисунку Стасова итальянским скульптором Франческо дель Неро. Великолепен паркет зала, в котором применено шестнадцать пород дерева.

В Эрмитаже много интересного, обо всем рассказать здесь невозможно. Ведь во дворце представлена культура всего мира.

АРХИТЕКТУРНЫЕ СТИЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА XVIII ВЕКА

Раннее барокко

Летний дворец Петра I (1710 – 1714), арх. Д. Трезини

Меншиковский дворец (1710 – 1716), арх. Д. Фонтана, Г. Шедель

Кунсткамера (1718 – 1734), арх. Г. Маттарнови, Н. Гербель, Г. Киавери, М. Земцов

Двенадцать коллегий (1722 – 1741), арх. Доменико Трезини, Т. Швертвегер, Дж. Трезини

Развитое барокко

Смольный монастырь (1748 – 1764), арх. Б. Растрелли

Строгановский дворец (1752 – 1754), арх. Б. Растрелли

Никольский Морской собор (1753 – 1762), арх. С. Чевакинский

Зимний дворец (1754 – 1762), арх. Б. Растрелли

Ранний классицизм

Таврический дворец (1783 – 1789), арх. И. Старов

Эрмитажный театр (1783 – 1787), арх. Д. Кваренги

Главное здание Академии наук (1783 – 1787), арх. Д. Кваренги

Ассигнационный банк (1783 – 1790), арх. Д. Кваренги

Угловой корпус Публичной библиотеки (1795 – 1801), арх. Е. Соколов

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЧТА

«Пишу я к Вам, милостивый государь...»

Из письма XVIII столетия

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой семь на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он, это он –
Ленинградский почтальон –

так писал в 30-е годы прошлого века детский советский поэт. А ныне петербургской почте исполнилось, как и городу, 300 лет.

В год основания Петербурга начала работать почта между городом на Неве и Москвой. Вплоть до 1714 г. скорая гоньба осуществлялась как «почта в полки», т. е. служила главным образом нуждам армии и строящегося русского флота. В книгах Кремлевской Оружейной палаты сохранилась запись 1708 г. о посылке мелкого оружия «в Петербург с почтой с Москвы в полки».

Поэтому управление скорой гоньбой фактически находилось в руках военных и, в первую очередь, моряков, формально она подчинялась тогдашнему губернатору А. Д. Меншикову, впрочем, тоже человеку военному.

Почтовую гоньбу организовали сравнительно быстро — за каких-нибудь две недели. Тракт между Москвой и Новгородом был достаточно хорошо освоен. Оставалось создать два стана на дороге между Новгородом и Петербургской крепостью. «Те ямы (поселения ямщиков) в довольном месте устроить пристойнее, разделя поровну и смеря верстами, чтоб был ям от яму в равенственно числе мерою». На каждой станции должно находиться по 10 вытей ямщиков. Такой приказ получил подьячий Новгородской приказной палаты Юрий Волков. Стройщик разместил на 217-верстовом пути (потом оказалось, что он приписал 12 верст «лишку») станы в Предольском погосте и деревне Заречье.

На следующий год число станов увеличили до семи. Подьячий Евстафий Игнатьев из Новгорода построил остановочные пункты в деревне Менюши, Передольском погосте, деревнях Турово, Васильково, Тозеро, Заречье, Ушеницы. Дорога между ямами не везде была хорошей и сухой. Приходилось делать гати, чинить старые мосты, часть возводить заново. Через реку Лугу около деревни Турово поставили новый плот, который перегоняли от берега до берега не на шестах, как в старину, а на канатах, что считалось технической новинкой для того времени. Случались и другие неприятности. Не у всех охотников имелись лошади. Гонщики из Копорья, которых направили в деревню Васильково, «сказали, что де у них лошади померли сея зимы от бескормицы и ходят они с почтами пешие». В помощь этим почтарям Игнатьев приставил ямщика с двумя лошадьми и дал денег из отпущенных ему

средств «на лошадиную покупку». Из-за малой населенности здешних мест на вновь организованных ямах стояли охотники из Новгорода, Копорья, Пшанска и Ладogi. Причем, по невыясненным причинам, копорских ямщиков в официальных документах называли «казаками».

И доселе остались названия: Ям-Ижора, Ямсковичи, Ям-Тесово, Ямбург.

Сохранились ансамбли почтовой станции 1807 г. в старинном селе Кипень, на 49 км Таллинского шоссе в деревне Каськово, почтовая станция 1796 г. в Померанье, станция в Выре на 72 км Киевского шоссе. Последняя существовала на рубеже XVIII и XIX в., она помнит Пушкина.

Как следует из документов, по новой почтовой дороге доставляли корреспонденцию преимущественно верховые и пешие посыльные. Возможно, тракт был не совсем удобен для передвижения больших обозов и громоздких экипажей. Поэтому грузы и пассажиры доставлялись до Петербурга из Новгорода круговой ямской дорогой: по реке Волхов, через Ладogu и Шлиссельбург. Некоторые путешественники добирались к берегам Невы по воде. Часть сухопутной дороги до города Волхова проходила по старому олонецкому пути конца XVI в.

Первые годы существования почтового тракта Петербург — Новгород являлись годами поисков оптимального решения задачи по размещению на нем необходимого числа станций и почтарей. Поэтому и направление, и расстояния между ямами, и количество лошадей на них менялось ежегодно, а иногда и по два раза в год.

В октябре 1707 г. ландрихтер Я. Н. Римский-Корсаков доносил генерал-адмиралу П. М. Апраксину, что он учредил от Петербурга до Новгорода станы для почтовой гоньбы, «на каждом стану по 10 лошадей, и

стан от стана расстоянием по 2 мили». Через несколько лет, в 1710 г., по случаю «морового поветрия» в новгородской земле проложили большую почтовую дорогу в Москву через Ладогу, Тихвин, Устюжну и Кашин. На многих участках нового пути, например между Тихвином и Устюжной, никогда не строили ямские станы. Поэтому здесь почтовые лошади содержались уездными обывателями. А чтобы не разорить последних частой гоньбой, подводы на дороге разрешалось давать только курьерам, ехавшим с «нужными государственными письмами». Курьеры получали подорожные, составленные примерно по той же форме, что и для гонцов в города засечной черты. Им разрешалось брать лошадей не только на станциях, но и в любом населенном пункте, у любого жителя, у любого встречного, кроме правительственного курьера. Курьерская гоньба новым трактом продолжалась меньше года до весны 1711 г. В последующих документах даже не упоминается о доставке почты в Петербург по этому маршруту. Но дорогу через Устюжну не забыли. По ней возили грузы из Вологды, Костромы, Ярославля. В 70-е гг. XVIII в., когда в Псковско-Новгородском крае объявилась новая болезнь — «прилипчивая горячка», петербургский почтамт отправлял этим путем деньги с соляными обозами.

С 1707 г. начинается прокладка от Петербурга и других почтовых линий. По распоряжению Меншикова организуются станы по дорогам до Олонца, Старой Руссы, Великих Лук, Торопца и рубежей петербургской провинции. Причем тракты в три последние города проходили через Новгород. Как и от берегов Невы до Новгорода, расстояние между ямами здесь определялось в две мили и на каждом должно находиться 10 лошадей для скорой гоньбы. Кроме того, не позже марта 1708 г. начала ходить почта к польской границе через Копорье, Нарву, Псков и Великие Луки.

Здесь на каждом стане находилось по 12 лошадей. Дорога через Псков в Великие Луки считалась кружной, короткий путь проходил через Новгород. Устраивая почту таким образом, Меншиков убивал сразу двух зайцев: прокладывал тракт, который всегда мог пригодиться в случае вспышки эпидемии, и улучшал почтовую связь с крепостями Нарвой и Копорьем.

После присоединения Курляндии начала работать русская почта между Ригой и Петербургом. Гоньба осуществлялась через Нарву и Дерпт (Тарту).

Организация рижской почтовой линии имела для России особое значение — по ней впоследствии стали доставлять корреспонденцию в зарубежные государства прямой дорогой в Кенигсберг. Путь проложили в 1714 г. До этого письма за границу шли из Риги по тракту вдоль берега Балтийского моря через Мемель (Клайпеда) до прусского рубежа.

И наконец, в октябре 1712 г. открылось почтовое сообщение из Петербурга в Каргополь. Жители Каргопольского, Олонецкого, Белозерского и Чарондского уездов поставили по большой дороге «в пристойных местах, где и ранее бывали почтовые и ямские станы» по три почтовых и по девяти ямских подвод. Так было положено начало тракту Петербург — Архангельск. Практически еще до начала регулярной гоньбы имелась возможность сноситься письмами с берегами Белого моря, потому что ямские станы между Архангельском и Каргополем существовали с конца XVI в. Теперь задача сводилась к устройству дополнительных станций, ремонту старых и поселению новых охотников взамен выбывших. Петербургско-каргопольский тракт создавался исключительно силами морского ведомства и находился в его подчинении. Лошадей почтари давали только тем лицам, которые ехали по подорожным из Адмиралтейской канцелярии.

Нам ничего не известно о режиме работы тогдашних петербургских почт — об этом не говорит ни один из сохранившихся документов. Очевидно, гоньба осуществлялась нерегулярно, потому что почтари возили в основном официальные бумаги, которые требовалось доставлять как можно скорее, в нарушение установленного графика.

Нет совершенно никаких сведений о пересылке частных писем петербургской почтой до 1714 г. Среди огромного количества бумаг о скорой гоньбе нет ни слова об отправлении личных грамоток. С другой стороны, Петр I всячески стремился к развитию русского купеческого сословия, которому для успешного проведения торговых операций требовалась точная и быстрая информация о ценах на товары. Наверняка, торговые люди пересылали свои грамотки из города на Неве. Возможно, до Новгорода, откуда ходила регулярная почта, их письма возили с ямскими подводами, которые практически каждый день уходили из Петербурга. Движение на тракте осуществлялось достаточно интенсивно, и всегда можно было изыскать способ пересылки письма. Тем более, что для Петербурга неизвестны распоряжения запретительного характера.

«Для оберегательства подвод», надзора за порядком отправления гоньбы, осмотра и подписания подорожных, приема прогонов и ведения записных книг на почтовых станциях Петербургской губернии по указу 1707 г. назначили особых лиц из военных, дворян «или из каких чинов пристойно добрых». В 1708 г. на подставы от Петербурга до польской границы послали для надзора младших офицеров и унтер-офицеров, каждого с командой из шести солдат. Им велели: Тем надзирателям на тех станах посланным курьерам давать почтовые лошади по подорожным с расписками, а которые курьеры грамоте не умеют, тех записывать в

книги имянно, в которых месяцах и числах и по чьим подорожным почтовые лошади даны будут, и для того на всяком стану каждому надзирателю иметь записные книги». Так в России появилась особая должность «станционного смотрителя». Строго говоря, до рождения термина оставалось почти сто лет. Но по сути «комиссар», надзирателей и еще так называли, выполнял те же функции, что и его собрат в конце XVIII в. В указах 1712—1714 гг. совершенно четко определены обязанности надзирателя. Он «долженствовал почтовый двор и лошадей надзирать и на тех лошадей фураж принимать и выдавать и проезжающим курьерам и другим чрезвычайно едущим по подорожным до подстав лошади отправлять и надлежащее при том старание иметь».

Наиглавнейшей обязанностью надзирателей являлось «оберегательство подвод». В начале XVIII в. езда по дорогам России была далеко не безопасной. Шайки беглых солдат и голодных крестьян хозяйничали на трактах. В Петербургской губернии для охраны почты на каждом стане находились солдаты, которые сопровождали почтаря от подставы до подставы. В 1712 г. солдат с почты сняли, а вместо них надзирателям приказали привлечь на каждую станцию «по пяти мужиков для караула», с которых взять клятву, что они честно исполнят свой долг и сами на почту нападать не будут. Ружья и сабли охранникам не полагались. Они эскортировали почту, вооружась дубинами, вилами, топорами.

Особенно славился разбойными нападениями переезд через Смыковский ручей неподалеку от Торжка. Старожилы этих мест рассказывали о беглом солдате Зенце, слухи о дерзких нападениях которого далеко разнеслись за пределы Новоторжского уезда. По преданию, тати собирались — смыкались — около моста под высокой столетней сосной. В народе ее так и

называли «сосной Зенца», она украшала близлежащий Митинский лес до 1960 г. Против Зенца и других грабителей, орудовавших на большой дороге, по именному указу Петра I в 1711 г. был направлен полковник Козин с командой солдат. Ему разрешалось «осудить и казнить за убийство — смертью, а за ограбление — ссылать на каторгу с вырезанной ноздрей». Легенда утверждает, что Зенцу удалось скрыться от карателей. Так это или нет, но указы о поимке разбойников на почтовой дороге из Петербурга в Москву многократно издавались и в последующие годы.

Петербургская почта в первые годы своего существования ходила нерегулярно, что требовало колоссального количества транспортных средств. Поэтому строжайшим образом ограничивался проезд людей на почтовых подводах: ими могли пользоваться только курьеры и узкий круг лиц, близких к царю. Указы от 1707 г., 1710 г. и 1713 г. предписывали государственным учреждениям нанимать подводы «под всякие припасы повольной ценою» у ямщиков или у любого другого человека, изъявившего желание перевезти груз. Ямщики имели право в свободное от выполнения официальных заданий время заниматься извозом по вольному найму на собственных лошадях. И правительство шло на увеличение расходов на прогоны, лишь бы уменьшить нагрузку на транспортные средства. Вместе с тем распоряжение от 1711 г. запретило давать курьерам больше двух подвод, вместо трех, как это предусматривалось прежними постановлениями. Несколько телег давали курьерам, потому что первоначально станы находились на достаточно большом расстоянии друг от друга, а дороги были плохими. Поэтому они в пути пересаживались с одной подводы на другую, оставляя телегу с уставшей лошастью и проводником на дороге. С увеличением

количества подстав и улучшением качества дорожного покрытия между Петербургом и Новгородом необходимость во многих транспортных средствах отпала. Но курьеры все равно брали положенное им число подвод, используя лишние в целях обогащения — для перевозки товаров, в которых ощущалась острая нужда.

Наряду с ограничением почтовых разгонов принимались решительные меры для увеличения количества транспортных средств и по оплате ямщиков. Интенсивно строились новые ямы в Петербургской губернии. В 1711 г. Ямской приказ получил личное распоряжение Петра I со станов, «через которые в нынешние случаи езды мало случается, выбрать ямщиков 100 вытей с женами и детьми и с лошадьми, сколько положено на выть». С этого указа начинается длинная цепь уложений о переселении ямских охотников на возвращенные русские земли.

В первые годы становления петербургской службы связи все посыльные ездили в город без прогонов. Бесплатно же отправлялись по почте различные грузы. Для улучшения материального положения гонщиков правительство распорядилось о выплате прогонов и о том, чтобы количество прогонных денег, следуемых ямщикам, записывалось в подорожных. Почтовые надзиратели обязаны были требовать с проезжающих прогоны полностью. Если кто-то из курьеров или служилых людей уклонялся от уплаты денег, смотритель доносил о всех нарушителях начальству и с провинившегося взыскивали прогоны вдвое. Первый указ о проезде в Петербургской губернии с обязательным платежом денег относится к 1707 г.

С 1712 г. Петербург становится столицей государства, но регулярной почты в нем еще не существовало. Письма по определенному графику доставлялись из Москвы только до Новгорода. Гонцы же

в новую столицу отправлялись без всякого регламента. Нередки случаи, когда в один и тот же день из Москвы одновременно выезжало несколько посыльных: почтарь с новгородской корреспонденцией и два-три курьера в Петербург. Так происходило еще и потому, что почтари и курьеры относились к разным ведомствам: первые к московскому почтамту, а вторых могли послать и Сенат и московский губернатор, и сестры Петра I.

Дорогу от столицы до Новгорода разделили на две части, границей которых стал город Чудово. В Чудове кончалась «сфера влияния» московского почтамта и начиналась Петербургская губерния. На всем пути поселили 216 вытей ямщиков из Московской, Рижской, Ярославской, Азовской, Киевской, Казанской и Архангелогородской губерний. Из Сибири охотников не набирали — слишком далеко, да и там на станах не хватало людей. Зато сибиряки платили денежный оклад на устрой новой почтовой дороги по 10 рублей с выти, тогда как с их собратьев из европейской части России брали только по пяти. В течение лета 1714 г. закончили работы по устройству ямов: построили жилые дома, конюшни, распределили пахотные земли и покосы. По первому зимнему пути началось переселение самих ямщиков.

Ямщики находились в гораздо лучшем положении, чем остальные государственные крестьяне. Петр I и его сподвижники прекрасно понимали, какова роль почт в развитии военного и экономического могущества России. Поэтому к 1720—1725 гг. относится целый ряд распоряжений по улучшению условий гоньбы и материального благосостояния ямщиков. Чтобы охотники не отвлекались от своих основных дел, им категорически запретили заниматься какими-либо промыслами, кроме извоза и торговли на станах кормом для лошадей и съестными припасами. Если раньше в ямских слободах успешно развивались для целей сбыта

шорницкий, ткацкий, гончарный промыслы, изготовлялись различные изделия из дерева, то с конца первой четверти XVIII в. слободчане могли все это изготовлять только для личных нужд. В противном случае их штрафовали на значительные суммы и даже били батогами. Но чтобы сохранить монополию охотников на извоз и торговлю с проезжающими, всему остальному населению это категорически запрещалось. Ямщиков освободили от перевозки рекрутов и воинских припасов (теперь это возлагалось на местное население — вводилась своего рода подводная повинность, как в XVI—XVII вв.), но зато охотников ждало строгое наказание, если они станут гонять медленнее, чем по 8—10 верст в час.

К концу царствования Петра I вводится единообразная такса для проезда по всей дороге из Петербурга в Москву. Прежде всего, надо сказать, что еще в 1714 г. разрешили частным лицам пользоваться на особых условиях ямскими и почтовыми подводами. Поэтому в указе Сената от 1717 г. прогонная плата, устанавливалась отдельно для едущих по казенной надобности и для частных лиц. Последние получали транспортные средства за двойные прогоны — это положение, впоследствии перенесенное на все тракты России, действовало до конца XIX в. Казенные люди платили прогоны за ямские подводы — 6 денег за 10 верст, а за почтовые — по деньге за версту. Этот указ нарушал основное правило распределения прогонных денег на петербургско-московском тракте, установленное еще в 1707 г. для казенной почты: на участке Петербург — Новгород платить больше, чем по всей остальной дороге. Причина, по словам Берхгольца, заключалась в том, «что крестьяне между Петербургом и Новгородом большей частью были недавно поселены там, почему их всячески щадили, желая дать им возможность лучше устроиться». Допущенную ошибку

исправили именным распоряжением 1720 г., которым устанавливалась такая такса: за почтовые подводы от Петербурга до Новгорода по 2 деньги, от Новгорода до Москвы по деньге за лошадь на версту. Для ямского транспорта соответственно по деньге на версту и по 6 денег на 10 верст. Частным лицам запрещалось ездить по почте, а для тех, «которые поедут на ямских подводах для своих нужд», тариф по-прежнему удваивался. Такая величина прогонов сохранялась на петербургско-московской дороге до 70-х годов XVIII в.

В июне 1714 г. Сенат объявил о начале регулярной гоньбы между старой и новой столицами: «учинить обыкновенную почту, в неделю два дни, а именно: в понедельник и в пятницу, для того что без установленной почты нужнейшие государевы указы и письма посылкою медлятся». Спустя три месяца аналогичное распоряжение было объявлено и для почты в Ригу, Ревель (Таллинн) и Пернов (Пярну).

Первой начала создаваться почта Петербург — Рига, необходимая молодой столице для сношения с Западом. По замыслу П. П. Шафирова, она должна стать образцом для трех остальных линий. Работу поручили первому петербургскому почтмейстеру Генриху Готлибу Крауссу.

Прежде всего, по желанию царя, который хотел, натянув на Россию узкий «немецкий» кафтан, заменить противный ему старинный быт европейским, велели пошить почтарям новую форму. По указу 1714 г. их нарядили в зеленые английского сукна кафтаны с красными обшлагами и отворотами и с медными пуговицами. От дождя и непогоды почтальонов защищали длинные плащи — сарцуты с васильковыми обшлагами и отворотами. На голову полагалась треугольная шляпа с верхом из английского сукна с красными отворотами. На грудь почтальона вешалась медная бляха с орлом. Такую одежду заказали для 20 гонщиков.

О своем прибытии и отправлении почта была обязана извещать звуками рожка. Но русские не умели пользоваться этим инструментом. Тогда из Мемеля пригласили немецкого почтальона для обучения его петербургских коллег искусству игры на рожке. Однако новшество прививалось с трудом. Полковник Вебер, находившийся на русской службе, рассказывал, что один из почтарей опоил себя «из злости» крепкой водкой, предпочитая умереть, чем приставить к губам немецкий инструмент. Рожок не прижился у русских гонщиков. Современник сообщает, что по дорогам мчались почтовые и курьерские подводы с залихватским посвистом и криками: «Эй, родимые, грабят!» Только подъезжая к почтамтам, почтари пытались извлечь какие-то звуки из «вражьего» инструмента. Ямщиков пытались наказывать, их штрафовали. Выдропужский охотник Николай Логинов в 1721 г. за свист был бит батогами. Все напрасно. Рожок так и остался неприменяемым атрибутом русской почтовой гоньбы, ее официальным гербом.

В то время велась беспощадная борьба со старинными словами: из служебных документов изгонялись русские почтовые термины, такие как «почтовый двор», «почтовая гоньба», «почтарь», «гонец». Им на смену пришли «почтамт» (в тогдашней транскрипции — «почть-амть»), «почт-контора», «почтальон» «эстафета» (старое название — «нарочная почта»), «пост-пакет» (почтовый пакет с письмами), «реестр» и др. Несколько иное, чем теперь, значение имело слово «корреспонденция». Тогда под ней понимали пересылку писем или почтовые сообщения вообще.

Но вернемся к Крауссу. В сентябре 1714 г. петербургский почтмейстер представил П.П. Шафирову доклад о проделанной работе. Почту предлагалось устроить верховую из-за обилия на дороге участков в

очень плохом состоянии. Их ремонт занял бы много времени, что надолго задержало начало гоньбы. На рижскую линию петербургская почтовая контора выделяла три лошади с конюхами, которые должны гонять от Петербурга до первой почтовой станции. Она находилась в 30 верстах от города. Краусс решил, что лошадям будет тяжело, особенно в плохую погоду, делать шестьдесят верст в оба конца, и перенес подставу ближе к столице в Горелый Кабачок. Здесь он разместил 18 лошадей. Таким образом, между Горелым Кабачком и следующей станцией в Новой Буре получился очень большой перегон — 44 версты. Почтмейстер разделил его пополам и на мызе Кипень устроил станцию с 20 лошадьми. Дальше за Новой Бурей старые станы находились друг от друга на расстоянии не свыше 25 верст. Их Краусс оставил на своих местах. Схема размещения почтовых подстав между Петербургом и Нарвой теперь выглядела следующим образом: Петербург — 24 версты — Горелый Кабачок — 21 верста — мыза Кипень — 23 версты — Новая Буря — 25 верст — Копорье — 25 верст — мыза Пилава — 22 версты — Ямбург — 25 верст — Нарва.

Далее за Нарвой почтовый тракт проходил через Дерпт и Валк. Здесь станции построили еще в 1707 г. На них находились по два крестьянина для гоньбы и по одному унтер-комиссару. Формально присутствие унтер-комиссара объяснялось необходимостью надзора за лошадьми. В действительности он осуществлял все функции почтового надзирателя: делал записи в подорожных и «записной книге», взыскивал с проезжающих установленные прогоны. От Риги до Доблена (ныне — Добеле) ходила русская государственная почта, а дальше к прусскому рубежу корреспонденцию доставляло частное лицо, которое продолжало работать на территории России так же, как при шведах.

Сложнее дело обстояло с лошадьми. На Пилавской мызе Краусс нашел 15 не ахти каких хороших лошадей. В Ямбурге их стояло 16. А в Нарве дела сложились совсем плохо. Восемь лошадей на почтовом дворе не в состоянии были возить ни почту, ни проезжающих, до того их измучили непрерывными посылками.

В сентябре 1714 г. объявили «Регламент» о скорой гоньбе между Петербургом, Ригой, Ревелем и Перновом. Почта устанавливалась двух видов — верховая (ординарная) и для перевозки путешественников. Вновь учрежденной почте, почтовым домам и служащим давали большие привилегии. Запрещалось кому бы то ни было задерживать почту в пути, или наносить почтовым работникам какой-либо вред, или чинить насилие.

Для соблюдения государственных интересов на каждые два перегона между Петербургом и Нарвой назначался особый унтер-комиссар.

Первая почта из Петербурга за рубеж возила только письменную корреспонденцию. В 1722 г. между Россией и Пруссией начались переговоры об устройстве помимо легкой верховой еще «тяжелой» почты на повозках для доставки посылок и денежных отправок. Почти год обменивались мнениями по этому вопросу генерал-почт-директор А. И. Дашков и прусский посланник в Петербурге фон Мардсфельд. Переговоры кончились ничем, так как стороны не могли разрешить вопроса об ответственности договаривающихся государств за сохранность денежных отправок.

На петербургско-рижской линии впервые в России вводится новая весовая единица для частных почтовых отправок: лот вместо золотника. Но принцип оплаты корреспонденции сохранился прежним. Деньги брали как за вес письма, так и за расстояние, на которое его пересылали.

Первоначально почта перевозилась из Петербурга в Ригу на территории Прибалтики крестьянскими лошадьми без платежа прогонов. Таким образом, устроив гоньбу — заплатив только за строительство станций, почтовое ведомство не несло больше никаких расходов для поддержания в порядке системы доставки корреспонденции. Для местного населения работа на почте являлась своего рода натуральной повинностью и никакой зарплаты оно за это не получало. Мало того, местное дворянство обязали бесплатно привозить на станции фураж и в случае падежа лошадей покупать новых на собственные средства. В 1718 г. лифляндские ландраты обратились к П. П. Шафирову с требованием оплачивать их расходы за доставку корреспонденции. В противном случае они грозили остановить почтовую гоньбу. Ультиматум дворянства Шафиров выполнил, но это заставило его повысить таксу за иностранные отправления, потому что «из почтовой казны за малым сбором платить было невозможно». Она стала почти в два с половиной раза выше. Теперь почтовый сбор за письмо от Петербурга до Мемеля составлял 69 копеек вместо прежних 27.

Почтовые сборы за иностранную корреспонденцию составляли колоссальную по тем временам сумму. Так, с 1 июля 1720 г. по 1 июля 1723 г. петербургская почтовая контора получила 7614 рублей 9 копеек. Однако очень много приходилось платить так называемых «ремизов» — денег за пересылку русской корреспонденции за границу. Только за письма в царских «интересах писанные» в 1720 г. пришлось перевести мемельскому почтамту 3163 рубля 78 копеек. Поэтому петербургский почтамт постоянно нуждался в государственной дотации. Русская почта оставалась убыточной.

Рижская почта создавалась как образцовая. По ее образу и подобию в 1715 г. реорганизуется московско-

петербургская гоньба.

Пересылка «немецкой» почты из Москвы в Петербург через вновь учрежденные станции осуществлялась с февраля 1716 г. Первоначально на каждой станции поставили по 4 почтовых и 10 курьерских лошадей. Через год число почтовых подвод уменьшили до трех. И все равно содержание по 13 лошадей на стане причиняло ямщикам «великие убытки и раззорение». Поэтому Сенат распорядился «от Петербурга до Новгорода на почтовых станах быть по 6 лошадей, а прочим с дальних ямов почтовым и кои стоят для заморской почты не быть». Одновременно указали, что казенная корреспонденция и срочные пакеты пересылаются через учрежденные почты, а не через нарочных посыльных и курьеров. Таким образом, на московской линии впервые в истории отечественной почты отменили курьерские подводы.

* * *

Первый петербургский почтамт, или, как тогда говорили, почтовый двор, возможно, открыли в 1714 г. Это была маленькая мазанка, такая же как сотни «дворцов» в юной столице. Она стояла около Троицкой пристани на топком берегу Невы. Почти прямо от почтового двора начиналась «перспективная» дорога на Москву — современный Невский проспект. В мае 1715 г. Петр I утвердил проект застройки Миллионной улицы. Почтовый дом построили на месте современного здания Мраморного дворца. Большое двухэтажное здание было возведено в следующем году.

По традициям того времени на почтамте не только производились почтовые операции, но и жили приезжающие. Он являлся своего рода общественным клубом. Здесь устраивались большие увеселения. Петр I «многократно отправлял некоторым праздникам и

викториям торжества», бывал на свадьбах у своих приближенных. Об этом сообщает, ссылаясь на очевидцев, И. И. Голиков, автор многотомных «Деяний Петра Великого». По его словам, в почтовом доме царь «повелел одну залу убрать наилучше, в коей потом... имел со своими министрами, генералами и офицерами публичные ассамблеи и другие больше для увеселения всех собрания; сей дом избрал монарх для собраний таковых, как кажется, для того, чтобы участниками оного были и чужестранцы». Рассказ Голикова дополняет сообщение известного нам Берхгольца: «В почтовом доме обыкновенно останавливаются все пассажиры до приискания квартир, потому что гостиниц, где бы можно было остановиться, здесь нет, кроме этого дома, который тем неудобен, что все должны выбираться оттуда, если царь угощает в нем; а это очень часто случается зимой и в дурную погоду (как зимний, так и летний дворцы царя очень малы, потому что он не может жить в большом доме; следовательно, в них не довольно места для таких случаев, повторяющихся здесь почти ежедневно). Летом почтовый дом очень приятен: из него чудесный вид, но зимою там, говорят, почти нельзя жить от холода».

Штат почтамта был невелик. Кроме охраны и служителей, сначала в нем состояли почтмейстер Краусс, переводчик, который одновременно ведал учетом и выдачей подорожных, Гаврила Осипов и три почтальона. В декабре 1716 г. в конторе вводится новая должность — подовый секретарь. По штатному расписанию, зарплата чиновников «нижних чинов» составляла в почт-директорской канцелярии и петербургской почтмейстерской конторе 1305 рублей. Кроме того, в состав конторы входили «для рассылок на почтовые станы и ямы: прапорщик, унтер-офицеров и солдат 55 человек» с окладом 804 рубля 88 копеек с денежкой. Своих лошадей почтамт не имел, их

приводили по почтовым дням из ямской слободы, находившейся около Александро-Невского монастыря. Сюда назначался ямской почтуправитель. С 1720 г. в этой должности состоял Иван Лихачев, а с 1727 г. — Федор Кожевников.

Петербургский почтмейстер стоял на служебной лестнице ступенькой выше московского — он являлся чиновником XIV класса. Чтобы как-то вознаградить почтмейстера, ему разрешалось получать из-за границы беспошлинно некоторые предметы для личных нужд. Кроме того, петербургский почтмейстер, так же как и московский, содержал трактир, приносивший ему немалый доход.

Табель о рангах — в России положение о чинах и порядке прохождения гос. службы по военному, гражданскому и придворному ведомствам. Введена Петром I в январе 1722 г. Подразделила чины на 14 рангов, каждому чину соответствовала определенная должность. Первые (высшие) 6 рангов штатской и придворной служб и первый офицерский чин в армии давали право на получение потомственного дворянства, что способствовало формированию дворянской бюрократии. С некоторыми изменениями действовала до 1917 г.

I класс — в гражданских чинах: канцлер, действительный тайный советник; в военных чинах: генерал-фельдмаршал; в морских чинах: генерал-адмирал; в придворных чинах: нет.

II класс — в гражданских чинах: действительный тайный советник; в военных чинах: генерал от кавалерии, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал; в морских чинах: адмирал; в придворных чинах: обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер,

обер-шенк, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер.

III класс — в гражданских чинах: тайный советник; в военных чинах: генерал-лейтенант; в морских чинах: вице-адмирал; в придворных чинах: гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, гофмейстер

IV класс — в гражданских чинах: действительный статский советник; в военных чинах: генерал-майор; в морских чинах: контр-адмирал; в придворных чинах: нет.

V класс — в гражданских чинах: статский советник; в военных чинах: нет; в морских чинах: нет; в придворных чинах: церемониймейстер.

VI класс — в гражданских чинах — коллежский советник; в военных чинах: полковник; в морских чинах: капитан первого ранга; в придворных чинах: нет.

VII класс — в гражданских чинах: надворный советник; в военных чинах: подполковник, войсковой старшина; в морских чинах: капитан второго ранга; в придворных чинах: нет.

VIII класс — в гражданских чинах: коллежский ассессор; в военных чинах: капитан, ротмистр, есаул; в морских чинах: ст. лейтенант (с 1912).

IX класс — в гражданских чинах: титулярный советник; в военных чинах: штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул; в морских чинах: лейтенант.

X класс — в гражданских чинах: коллежский секретарь; в военных чинах: поручик, сотник; в морских чинах: мичман.

XI класс — в гражданских чинах: корабельный секретарь; в военных чинах: нет.

XII класс — в гражданских чинах: губернский секретарь; в военных чинах: подпоручик, корнет, хорунжий; в морских чинах: нет.

XIII класс — в гражданских чинах: провинциальный секретарь; в военных чинах: прапорщик.

XIV класс — в гражданских чинах: коллежский регистратор.

Вне «Табели» находились шенки, камергеры и камер-юнкеры; все они считались только почетными званиями. Не были включены также женские придворные звания: гоффрау, камер-фрау, фрейлины.

Петербургский почтовый двор в 1714 г. получил свою печать. Сохранилось ее описание. Это — штемпель диаметром 28 мм. В середине изображен государственный герб России — двуглавый орел, по кругу сделана надпись по-немецки «Санкт-Петербургская почтовая контора».

В 1716 г. почтмейстера Краусса изобличили в ряде неблагоприятных поступков и отдали под суд за незаконную выдачу подорожных, получение из-за границы золота и драгоценностей, за мздоимство. На его место назначили Федора (Фридриха) Юрьевича Аша.

Аш, немец по национальности, поступил на русскую службу в 1707 г. Принимал участие в Полтавском сражении и Прутском походе в качестве начальника армейской почты. Петр I оценил честность, исполнительность и аккуратность Аша и пожаловал ему 1000 рублей. В 1714 г. Аш назначается сначала секретарем, а после отстранения Краусса первым почт-директором петербургского почтамта. В этой должности он состоял 67 лет вплоть до самой смерти.

Несмотря на все свои положительные качества, Аш являлся безынициативным человеком. Обычно все идеи об улучшении почтовой гоньбы и о прокладке новых линий исходили от генерал-почт-директоров или московского почтамта. Аш же воплощал их в жизнь с необыкновенной пунктуальностью. В истории русской

почты петербургский почт-директор известен как беззастенчивый перлюстратор чужих писем. В архивах Москвы и Петербурга можно найти множество частных посланий, скопированных Ашем. Например, в ЦГАДА хранится целое дело «с приложением от разных иностранных при Российском дворе министров (послов) на почте посланных писем».

Отправления с векселями и денежными вложениями, как частные, так и официальные, можно было получить только на почтовом дворе. Их выдавали под расписку.

В день прибытия почты в город всякий мог получить свою корреспонденцию в конторе. «А ежели через 8 часов по раздаче оных никто не потребует и не возмет, тогда на следующий день с почтового двора отсылать их с почталионом, дабы сколько можно никаких писем с одной почтой не оставлять до прибытия другой». Причем положение оговаривало, что почтальону «за труд не запрещается требовать 2 копейки». Если почему-либо письмо не вручалось адресату, то на оставшуюся в конторе корреспонденцию заводилась отдельная почтовая карта, которая висела на доске объявлений до тех пор, пока все записанные в нее письма не будут вручены получателям.

В каждом почтовом доме на стене отводили специальное место для различных объявлений. В частности, здесь висело расписание движения почтовых фур: какая откуда приходит, в какой день и час и когда уходит. В дни прибытия ординарной почты на стене выставлялись карты полученным письмам.

Почтари линии Петербург — Псков — Могилев стали первыми развозить газеты, как русские, так и зарубежные. Раньше распространение отечественной периодической печати происходило только через родных и знакомых. Иностранная же периодика доставлялась в пакетах как обычная письменная

корреспонденция. Теперь за это дело взялся петербургский почтамт, рассылавший прессу по подписке. Одно из первых объявлений о подписке было опубликовано в «Ведомостях» в декабре 1772 г.: «На будущий 1773 год, генваря с 1 числа Санктпетербургские ведомости желающие брать, имеют заблаговременно вносить в академическую типографию из Санкт-Петербурга по 4, из Пскова по 5 и из Могилева по 6 руб. на год, чтоб тем она типография могла знать, сколько оных ведомостей можно будет печатать экземпляров». Через два года началась пересылка подписных изданий между обеими столицами. Почта доставляла печатную продукцию в кредит. По прошествии года почтамты выставляли счета типографиям Академии наук и Московского университета, выпускавшим первые русские газеты, и те их оплачивали. В 1773 г. почт-директор Аш провел переговоры с мемельским почтмейстером о пересылке в Петербург немецких и французских газет для распространения их в русских городах.

Правила пересылки почты на псковско-могилевской линии предусматривали такой казус. «Случиться может, — говорилось в указе, — что принесенное в Контору партикулярное письмо, за которое при приеме и весовые деньги заплатятся, по каким-либо обстоятельствам корреспондент для переправки, или же для дополнения содержания оного потребует для отправления своего обратно; а не безызвестно, что при таких случаях бывают разные подлоги, и может такое письмо захвачено быть посторонним без ведома прямого корреспондента: того ся ради надлежит крайнюю от сего осторожность иметь, и такие требуемые назад письма не прежде возвращать, покамест требующий не покажет печати, которою оное запечатано». При этом деньги за пересылку письма не возвращались потому, что они уже «в почтовую казну

вступили». В почтовой карте делалась отметка: «Письмо под таким номером назад взято». Последнее правило действует в нашей стране уже третье столетие. До сих пор почта не возвращает назад деньги, полученные за востребованные назад заказные письма, денежные переводы, бандероли и прочее.

Хотя были приняты меры по борьбе с грабежами на больших дорогах, нападения на почту еще случались. Вместе с тем непрерывно расширяющиеся экономические связи требовали частой пересылки больших сумм. Поэтому многие клиенты старались доверять свои деньги не почте, а более солидным организациям, возчики которых ездили большими обозами и редко подвергались разбойничьим нападениям. Таким учреждением являлась, в частности, Соляная канцелярия. Свою клиентуру канцелярия вербовала таким образом. Регулярно два-три раза в месяц в газетах появлялись объявления: «В Углич желающим переводить свои деньги приносить здесь в Санктпетербургскую соляную контору». Обозы с солью ходили во все пункты России и, хотя медленно, зато верно, доставляли деньги даже туда, куда и почта не добиралась. Кстати, из Петербурга в Углич письма доставлялись через Москву, а соль везли через Тихвин и Устюжну дорогой, которую почта так и не освоила. Какой был тариф за пересылку денег — неизвестно. Суда по частоте, с какой появлялись газетные объявления, Соляная канцелярия проявляла заинтересованность в поступлении денежных переводов — очевидно, от этих операций она получала приличный доход.

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Даже в мае, когда разлиты

Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

И. Анненский

В декабре 1761 г. скончалась императрица Елизавета Петровна. Проларствовала она двадцать лет, за которые в общем-то в России ничего не происходило. Историк, князь Щербатов, современник императрицы, писал:

«Елизавета Петровна никакого просвещения не имела, не знала, что Великобритания есть остров. Она была веселого нрава, красавица, с рыжими волосами».

За гробом покойной императрицы шел, спотыкаясь, новый царь, 33-летний Петр III. За ним — двор, вельможи, иноземные послы, вся похоронная процессия.

Явно выпивший, Петр устроил себе забаву: он внезапно останавливался, и позади него останавливалась процессия. Потом пускался бегом догонять колесницу. Камергеры, державшие шлейф епанчи, не поспевали за ним. Епанчу раздувало ветром; Петр потешался. Народ с изумлением глядел на нового царя.

Петр III, внук Петра I по его дочери Анне Петровне, в замужестве герцогини Голштинской, воспитание получил неважное. При рождении его назвали Карл-Петр-Ульрих, это уже в России он был переименован в Петра Федоровича. Рос Петр сиротой — мать и отец умерли, и Елизавета забрала племянника к себе. Он, собственно, являлся наследником двух престолов — шведского и русского. Первыми его воспитателями были камердинеры отца. Елизавета приставила к Петру учителей, но толку, как оказалось, вышло мало.

Учиться Петр не желал. Любимым его развлечением был кукольный театр. Екатерина II, если только не выдумала, рассказывала, что Петр будил ее и заставлял играть с ним в куклы. Увлекался Петр еще военным искусством. Оно ему представлялось в виде системы ружейных приемов и шагистики. Петр все время проводил со своими лакеями, занимаясь военными упражнениями.

Один иностранец писал, что в это время императорский двор приобрел вид и тон разгулявшейся казармы. В записках другого иностранца читаем:

«Жизнь, которую ведет император,— самая постыдная: он проводит свои вечера в том, что курит, пьет пиво и не прекращает эти занятия иначе, как только в пять или шесть часов утра и почти всегда мертвецки пьяным».

Император напивался уже до обеда, опорожнив несколько бутылок аглицкого пива, «до которого был превеликий охотник».

Супругой русского царя была принцесса София Августа Фредерика из мелкого немецкого княжества. По принятии православия ей дали имя Екатерины Алексеевны. Она потом будет известна как Екатерина II.

Императрица, конечно, превосходила своего супруга и по уму, и по воспитанию.

А император пристрастился к скрипке и собакам. Псарню устроил возле спальни Екатерины. Император играл ночью на скрипке, собаки выли, Екатерина плакала от злости.

А. Т. Болотов в своих записках рисует сцену, когда после обильных возлияний государь вышел с обедавшими в сад и там заставил всех играть, и «первейшие в государстве люди, украшенные орденами и звездами, угощали пинками друг друга... хохот, крики, биение в ладоши раздавалось вокруг...»

Привыкший в детстве к обрядам лютеранской церкви, Петр смеялся над рясами и бородами русских священников, советовал убрать из церквей иконы и вообще намеревался в императорском дворце учредить протестантскую церковь.

В Духов день он, например, ходил по храму и громко разговаривал, в то время как все молились. Когда встали на колени, Петр захохотал и вышел. Даже если списывать на пьянство, поведение не совсем нормального человека.

Е. Дашкова так характеризует Петра:

«Поутру быть первым капралом на вахт-параде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважение».

Дашкова Екатерина Романовна (1743 – 1810) — дочь графа Р.И.Воронцова, княгиня, статс-дама, общественная деятельница. Участница возведения на престол Екатерины II. В 1783 – 1796 гг. директор Петербургской Академии наук и президент основанной при ее активном участии Российской академии для разработки русского языка. Организовала первые в России публичные чтения.

Некоторые историки ставят в заслугу Петру III ряд указов. Будто бы он сам их сочинил или отец его любовницы граф Роман Воронцов с братом канцлером Михаилом да секретарем Волковым — не важно, суть в том, что указы прогрессивны.

Но ведь как поглядеть. Зная влияние прусского двора на Петра III, можно допустить, что планы указов шли оттуда.

Законом о вольности дворянской: дворянство освобождалось от единственной повинности — от службы. Дворянин становился более свободным и независимым от государства. Но, с другой стороны, не получая жалованья и милостей царских, он драл втрое со своих вотчин. Крестьянство беднело, а значит, и Россия. Ну и, наконец, «кадры, которые решают все». Указом о дворянской вольности расшатали государственно-бюрократические структуры.

Вторым указом отобрали у монастырей и архиереев вотчины. Понятно, это вело к ослаблению церкви. А именно она объединяла русский народ.

Император был немцем; более, чем русские, ему нравились голштинские земляки и прусские офицеры, ставшие его советниками. Идеалом он считал прусского короля Фридриха.

Переворот 1762 г. был практически единодушным. У Петра Ш не нашлось защитников.

Церковь его ненавидела. «Духовенство, — писал своему королю прусский посланник, — в отчаянии от указа, которым оно лишается своих владений и будет получать деньги на свое содержание».

Гвардия, жившая до того привольно, попала под муштру голштинцев. «Ходят люди, а особливо гвардейцы, толпами, и въявь почти ругают и бранят государя».

Неудивительно, что императором были недовольны почти все. В доме юной Дашковой организовался заговор, душой которого были братья Орловы. Собирались поджечь крыло нового дворца, когда император приедет в Петербург. В суматохе можно было убить Петра и бросить тело в огонь.

Однако случайно был арестован один из заговорщиков лейтенант Пассек. Григорий Орлов, тогда артиллерийский капитан, дал знать императрице. Она в

неброской карете рано утром отправилась из Петергофа в Петербург. Ее сопровождали всего трое человек.

Направились напрямик в роты Измайловского полка, командир которого обещал солдатам за поддержку Екатерины различные награды и освобождение от намечавшегося похода. Полк принял тут же присягу императрице. Екатерина отправилась в центр города — молиться в церкви Казанской Богоматери. Вокруг храма собралась толпа.

Солдаты бросились грабить дворец герцога Голштинского, разбили там все зеркала, взломали винный погреб.

А в Зимнем уже составлялся манифест к народу.

Гофмаршал Измайлов, которому Петр поручил наблюдать за супругой, решился к полудню войти в покои императрицы, но не обнаружил ее.

Император же выехал из Ораниенбаума в Петергоф обедать. Не увидев Екатерины, он с досадой промолвил:

— Теперь я хорошо вижу, что она хочет свергнуть меня с трона. Все, чего я желаю, — это либо свернуть ей шею, либо умереть прямо на месте.

Император велел Никите Трубецкому и Алексею Шувалову;

— Вам нужно быть в городе, чтобы успокоить ваши полки и удерживать их в повиновении мне. Отправляйтесь немедленно и действуйте так, чтобы вы могли когда-нибудь ответить за свои действия перед Богом.

Генерал-фельдмаршалы отправились в Петербург и больше не появились, переметнувшись к Екатерине. Так же поступил и канцлер граф Воронцов. Он даже написал с одобрения Екатерины письмо о том, что Петербург на стороне императрицы, и Петру остается лишь подчиниться ей.

Петр надумал ехать в Кронштадт. Все-таки крепость. Можно отсидеться.

Снарядили галеру и яхту. Но в крепости уже знали о событиях, и Петра не пустили, пригрозив стрелять.

Яхта, на которой был основной двор императора, развернулась и пошла в Петергоф. Галера с Петром отправилась в Ораниенбаум. Там император начал пить, торжественно сломал свою шпагу, заявив, что он всегда чувствовал себя голштинским офицером, а не русским царем. Он согласился отречься от престола, если Екатерина позволит ему жениться на Елизавете Воронцовой и выпустит их из России. Императрица прислала ему такое ручательство.

Петр написал:

«В краткое время правительства моего самодержавного Российским государством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительства владеть Российским государством. Почему и восчувствовал я внутреннюю перемену, наклоняющуюся к падению его целости и к приобретению себе вечного чрез то бесславия. Того ради помыслив, я сам в себе беспристрастно и непринужденно, чрез сие заявляю не токмо всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюсь, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть, ниже оною когда-либо или чрез какую-либо помощь себе искать, в чем клятву мою чистосердечную пред Богом и всецелым светом приношу нелицемерно, все сие отрицание написав и подписав моею собственною рукою. Июня 29. 1762. Петр».

Что же происходило дальше?

Екатерина понимала, что выпускать Петра из России не стоит.

Вот как она сама рассказывает об этом в письме к Станиславу Понятовскому в Польшу:

«Я послала под начальством Алексея Орлова в сопровождении четырех офицеров и отряда смиренных и избранных людей низложенного императора за 25 верст от Петергофа в местечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень приятное, на то время, пока готовили хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге. Но Господь Бог расположил иначе. Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый. Он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы. Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови в мозгу. Он был два дня в этом состоянии, за которым последовала слабость, и несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть. Но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа отравы. Он имел совершенно здоровый желудок, но умер от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено».

Что произошло в Ропше? Императора держали взаперти — никуда не выпускали. Орлов с офицерами пьянствуют в комнате Петра. Пиво, табачный дым и карты.

Спустя 34 года, через пять дней после смерти Екатерины, канцлер граф Безбородко достал из личной шкатулки императрицы записку. Пьяным, прыгающим почерком Алексея Орлова там было выведено:

«Матушка милосердная Государыня. Как мне изъяснить, что случилось: не поверишь верному рабу своему; но как перед Богом скажу истину. Матушка, готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и

как нам задумать поднять руки на государя. Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Барятинским); не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть да брата. Повинную тебе принесу и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души на век».

С Орловым и Барятинским были сержант гвардии Н. Энгельгардт, капрал конной гвардии Г. Потемкин, актер Ф. Волков, лейб-компанец артиллерии А. Шванович и Г. Теплов. Последний стал писателем, почетным членом Академии наук. Это он после убийства сочинил манифест, что Петр скончался от геморроидальных колик. За это Екатерина наградила его 20 тысячами рублей.

Андреас Шумахер, советник датского посольства, утверждает в своих записках, что непосредственным убийцей был Шванович — то ли швед, то ли немец, задушивший императора ружейным ремнем. Потом, при Екатерине, его держали в Шлиссельбургской крепости. Сын Швановича стал помощником Пугачева.

Гроб с телом императора привезли в Петербург в Александро-Невскую лавру.

Две пустые, обитые черным комнаты. Проходя первую, посетители, ступая на порог, видели на возвышении гроб в окружении нескольких горящих свечей. На покойнике был надет старый голштинский мундир. Никаких орденских лент. Входявшие кланялись и, не задерживаясь, выходили в другую дверь. Спустя три дня шесть пьяных ассессоров отнесли тело в церковь и там его погребли простые монастырские служки. Без эпитафии и надгробия.

Как рассказывает митрополит Казанский Вениамин (Пуцек-Григорович), бывший в 1762 г. архиепископом Санкт-Петербургским, тело императора было привезено

на утренней заре в лавру и поставлено в зале тех деревянных покоев, в которых жил архиепископ; три дня приходили сюда по древнему обычаю для отдания государю последнего христианского долга вельможи, всякого звания люди и простой народ. Указ новой государыни приглашал подданных проститься с телом Петра «без злопамятствия». Государь лежал в бедном гробу, четыре свечи горели по сторонам гроба. Сложенные на груди руки одетого в поношенный голштинский мундир покойного были в больших белых перчатках, на которых запеклась кровь (от следов небрежного вскрытия). Без пышности, с одной подобающей церковной церемонией, тело перенесено было в церковь, где «по отпетии запечатлено земною перстию преосвященным Вениамином». На отпевании присутствовали члены синода. По словам преосвященного, сенаторы убедили императрицу в монастырь не ходить и при погребении мужа не присутствовать. При восшествии на престол Павла I тело императора было вынуто из могилы, перенесено во дворец и поставлено на троне у гроба супруги, а затем оба гроба перенесены в Петропавловский собор.

По свидетельству современников, вторичному погребению Петра III предшествовали следующие церемонии. Дня за два до вырытия из могилы тела императора из Зимнего дворца в Невскую лавру потянулась процессия траурных карет в семь часов вечера при 20 градусах мороза. По словам очевидца Ф. П. Лубяновского, более тридцати карет, обитых черным сукном, цугом в шесть лошадей, тихо тянулись одна за другой; лошади с головы до земли были в черном же сукне, у каждой шел придворный лакей с факелом в руках, в черной епанче с длинными воротниками и в шляпе с широкими полями, обложенной крепом; в таком же наряде с факелами же в руках лакеи шли с обеих сторон у каждой кареты. Кучера сидели тоже в шляпах.

В каждой карете кавалеры в глубоком трауре держали регалии. Мрак ночи, могильная чернота на людях, на животных и на колесницах, глубокая тишина в многолюдной толпе, зловещий свет от гробовых факелов, бледные от огня лица — все вместе представляло глубоко унылое, потрясающее зрелище. Тело императора, вынутое из земли, было положено вместе со старым гробом в богато обитый золотым глазетом гроб и поставлено посреди церкви, в которой он был ранее погребен.

Император Павел в сопровождении великих князей, государыни и придворного штата прибыл в церковь в 5 часов, вошел в царские врата, взял с престола приготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам отца своего, снял с головы своей корону и положил ее на гроб Петра III. При гробе находились в карауле по обеим сторонам шесть кавалергардов в парадном уборе, в головах стояли два капитана гвардии, в ногах четыре пажа. При гробе, пока он стоял в Благовещенской церкви, с 19 ноября по 2 декабря, дежурили первых четырех классов особы под главным начальством генерал-фельдмаршала графа И. П. Салтыкова. Царь с августейшим семейством за все это время присутствовал на панихидах пять раз и каждый раз прикладывался к руке покойного императора; по преданию гроб вскрывали только на этот момент. Из останков императора уцелели только кости, шляпа, перчатки и ботфорты.

В день перенесения праха императора из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец был назначен торжественный церемониал. Накануне этого дня состоялся особенный военный совет по поводу этой церемонии. Все полки гвардии и все бывшие армейские полки в столице были от лавры до самого дворца построены шпалерами. Генералы, штаб- и обер-офицеры имели флер на шляпах, шарфах, шпагах и

знаках, а все войско на штыках ружей. Командовал войсками князь Н. В. Репнин; во время шествия печальной процессии производился войсками троекратный беглый огонь, с крепости пушечная пальба и колокольный звон по всем церквам. Печальная процессия с первого шага еще в церкви замялась. Графу А. Г. Орлову было назначено нести императорскую корону, но он зашел в темный угол церкви и там навзрыд плакал. С трудом его отыскали и еще с большим трудом убедили следовать в процессии. Царь и великие князья шли за печальной колесницей пешком, мороз стоял в этот день довольно сильный. Гроб Петра III был отвезен с подобающей честью в Зимний дворец и поставлен на катафалк у тела Екатерины.

* * *

«Мое маленькое хозяйство» — так шутливо, и, пожалуй, кокетливо Екатерина II называла необъятную империю, требовавшую постоянного внимания властей и Екатерины как главы государства.

Но был у императрицы Екатерины и другой мир, к которому с большим основанием можно приложить это определение — императорский двор, целый комплекс отраслей хозяйства, управления, в центре которого находилась она, императрица Российская, немка по происхождению, связавшая свою жизнь с Россией. Из 67 лет жизни — 53 в России и 14 в Германии, 34 года у власти.

Привыкнув с детских лет к простоте и невзыскательности, Екатерина сохранила их, сделавшись русской императрицей. Обстановка внутренних покоев ее в Зимнем дворце была гораздо скромнее обстановки покоев многих вельмож того времени. Она просыпалась обычно в 7 часов утра и, никого не тревожа, сама обувалась, одевалась и

растапливала камин, в который с вечера клали дрова. Умывшись в маленькой уборной и надев вместо легкого шлафрока белый гродетуровый капот, а на голову белый флеровый чепец, императрица направлялась в кабинет, где ей тотчас же подавали чашку самого крепкого левантского кофе и тарелочку с гренками. Медленно прихлебывая кофе, Екатерина разбирала бумаги, писала письма и в минуты отдыха кормила гренками своих любимых собачек. В 9 часов она переходила в спальню, которая к этому времени спешно приводилась в порядок. Здесь стояли два соединенных между собою фигурных столика с выгибами посередине; у каждого выгиба находился стул, обитый белым штофом. Императрица садилась на один из них, у стены, близ двери в парадную уборную, звонила в колокольчик и, когда входил дежурный камердинер, безотлучно стоявший у входа в спальню, приветливо здоровалась с ним и приказывала звать докладчиков.

К этому часу ежедневно собирались в парадную уборную обер-полицмейстер и статс-секретари. Другим высшим чинам назначены были для доклада в течение недели особые дни: вице-канцлеру, губернатору и петербургскому губернскому прокурору — суббота; генерал-прокурору — понедельник и четверг; синодальному обер-прокурору и генерал-рекетмейстеру — среда; петербургскому главнокомандующему — четверг. Но все эти лица в случае важных и не терпящих отлагательства дел имели разрешение приезжать с докладами и в другие дни.

Первым являлся к императрице обер-полицмейстер со словесным донесением о благосостоянии столицы, о ценах на съестные припасы, о разных происшествиях и с запиской о приехавших и выехавших чиновных особах. После обер-полицмейстера призывались по очереди статс-секретари. При их приеме соблюдался следующий порядок: входивший делал государыне низкий поклон;

она отвечала наклоном головы и с улыбкой подавала руку, которую тот целовал; потом она говорила: «Садитесь!». Сев на поставленный против нее стул, докладчик клал на выгибной столик принесенные бумаги и начинал читать. Екатерина в не ясных для нее местах прерывала докладчика, требуя разъяснения, давала полную свободу возражать и спорить и, если не убеждалась доводами, оставляла спорные бумаги у себя для более внимательного обсуждения на досуге.

Под старость зрение ее так ослабло, что она должна была читать в очках. Резолюции она писала четким почерком, но с орфографическими ошибками. По этому поводу в записках одного из ее статс-секретарей, А. М. Грибовского, находятся два следующих рассказа.

Когда Грибовский в первый раз явился к императрице с докладом, то изумился, увидя ее в очках. Она заметила это и, улыбаясь, спросила:

— Верно, вам еще не нужен этот снаряд. Сколько вам лет?

— Двадцать шесть, — отвечал Грибовский.

— А мы, — сказала императрица, — в долговременной службе государству притупили зрение и теперь принуждены очки употреблять!

В другой раз, отдавая ему собственноручную записку о сочинявшемся ею уставе для Сената, она прибавила:

— Ты не смейся над моей русской орфографией. Я тебе скажу, почему я не успела ее хорошенько узнать. По приезде моем в Россию я с большим прилежанием начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнав об этом, сказала моей гофмейстерине: «Полно ее учить, она и без того умна». Таким образом, я могла учиться русскому языку только из книг, без учителя, и это причина, отчего я плохо знаю правописание.

Но говорила Екатерина по-русски довольно правильно и любила употреблять простые, исконно русские слова, которых знала много.

Из всех статс-секретарей особенно досаждал императрице Г. Р. Державин своей горячностью и страстью спорить. Раз, докладывая ей какое-то важное дело, он забылся даже до такой степени, что в пылу спора схватился за конец накинута на государыне сверх капота мантильи. Екатерина тотчас замолчала и позвонила.

— Кто там еще есть? — хладнокровно спросила она вошедшего камердинера.

— Статс-секретарь Попов, — отвечал камердинер.

— Позови его сюда.

Попов вошел.

— Побудь здесь, Василий Степанович, — сказала ему с улыбкой государыня, — а то вот этот господин дает много воли своим рукам и, пожалуй, еще прибьет меня.

Державин бросился перед императрицей на колени.

□ Ничего, — промолвила она, — продолжай: я слушаю.

Штат личной прислуги Екатерины состоял из одной камер-фрау, четырех камер-медхен и пяти камердинеров, из которых двое находились при ее особе, а двое при Эрмитаже. Обязанности каждого были точно определены; так, например, один камердинер заведовал гардеробом и получал от императрицы приказание, что именно и в какой день следует приготовить для нее; другой надзирал за внутренними комнатами; третий, любимец Екатерины старик Попов, заведовал ее кабинетом и «кладовою», где хранились драгоценные вещи, различная материя, полотна и т. п. В его обязанности входило каждую субботу подавать ей ведомость о выдачах, произведенных из кладовой в течение недели, не исключая даже мелочей, вроде

ленточек и тесемок, и Екатерина сама отмечала в ведомости: «Записать в расход».

Однажды она приказала Попову принести для подарка кому-то часы. Попов отвечал, что у него нет таких. Она сказала, что ему нельзя упомянуть все часы, хранящиеся в «кладовой». Попов продолжал стоять на своем.

— Принеси же ко мне все ящики, — сказала императрица, — я сама осмотрю, если ты упрямишься.

— Зачем же понапрасну их таскать, когда я в том уверен, — упорствовал Попов.

Случившийся при этом граф Г. Орлов упрекнул его в дерзости.

— Еще правда не запрещена; она сама ее любит, — огрызнулся Попов.

Екатерина настояла, чтобы ящики принесли, но, сколько ни искала требуемых часов, не нашла их.

Тогда Попов спросил ее:

□ Кто же теперь прав?

И императрица перед ним извинилась. В другой раз, не находя на своем бюро какой-то бумаги, она позвала Попова и велела искать. Он долго перебирал все кипы, а Екатерина в досаде и нетерпении ходила по кабинету. Попов начал хладнокровно доказывать, что она сама куда-нибудь задевала бумагу, что никто из ее кабинета ничего не берет и т. д. Неудача и его упреки взорвали Екатерину, и она с гневом выслала Попова вон. Оставшись одна, она снова принялась пересматривать бумаги и нашла то, что искала. Тогда она послала за Поповым, но он отказался идти, говоря:

— Зачем я к ней пойду, когда она меня от себя выгнала.

Опять послали за Поповым, но он продолжал упорствовать.

— Досада моя прошла, я более не сердита, уговорите его придти! — приказывала Екатерина.

Наконец Попов явился с угрюмым видом и, когда она промолвила: «Прости меня, Алексей Семенович, я виновата», — наставительно отвечал ей: «Вы часто от торопливости без причины нападаете на других; Бог вас простит, я на вас не сердит».

Как-то после обеда Екатерина занималась бумагами в кабинете, и ей захотелось пить. Отворив дверь и увидев, что дежурный камердинер уснул, она осторожно вернулась на свое место. Прождав полчаса, позвонила. Камердинер проснулся и принес ей стакан воды с морсом.

— Отдохнул ли ты? — спросила императрица и прибавила: — Я больше не могла терпеть жажды и потревожила тебя.

Как-то в Царском Селе, проснувшись ранее обыкновенного, императрица вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом и заметила, что несколько придворных слугителей у подъезда поспешно нагружают телегу казенными съестными припасами. Она долго смотрела на эту работу, не замечаемая слугителями, наконец крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошел к ней. Воры оторопели и не знали, что делать. Императрица позвала еще, и тогда один из слугителей подошел к ней.

— Что вы делаете? — спросила Екатерина. — Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

— Виноваты, ваше величество, — отвечал слугитель, падая ей в ноги.

— Чтобы это было в последний раз, — сказала императрица, — а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам не миновать беды.

Заметив во время прогулки в саду, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах ананасы, персики и виноград, императрица, чтобы не встретиться с ними, свернула в сторону, сказав спутникам:

— Хоть бы блюда-то мне оставили!

Одна из камер-юнгфер была очень забывчива. Раз она не только забыла приготовить императрице воду для умывания, но и сама ушла куда-то. Екатерина долго ее дожидалась, и когда наконец та явилась, то императрица, вместо ожидаемого взыскания, обратилась к ней со следующими словами:

— Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты остаться навсегда у меня во дворце? Вспомни, что тебе надо выходить замуж, а ты не хочешь исправиться от своей беспечности. Ведь муж не я; он будет строже меня взыскивать с тебя. Право, подумай о будущем и привыкай заранее.

Статс-секретарь Козицкий, докладывая раз императрице, был прерван шумом в соседней комнате, где собравшиеся придворные своим криком и смехом заглушали слова докладчика.

— Не прикажете ли прекратить шум? — спросил Козицкий государыню.

— Нет, — отвечала она, — мы судим здесь о делах, а там забавляются; зачем нарушать их удовольствие. Читайте только громче, я буду слышать.

По окончании доклада статс-секретарей приглашались лица, которым был назначен прием. В двенадцать часов прием прекращался, и к императрице входил ее старший парикмахер Козлов, чтобы причесать ей волосы по старинной моде, с небольшими буклями позади ушей. Затем Екатерина направлялась в парадную уборную, где все, докладывавшие в этот день, дожидались ее. Кроме них, сюда собирались великие княжны и некоторые приближенные для утреннего приветствия. Здесь же находились четыре камер-юнгфрау, прислуживавшие государыне при туалете. Одна из них подавала кусочек льда, которым императрица протирала лицо; другая накладывала ей на голову флеровую наколку, а две сестры подавали

булавки. Туалет продолжался около четверти часа, и в течение этого времени Екатерина разговаривала с присутствовавшими; затем, раскланявшись, она шла в сопровождении камер-юнгфрау в спальню, где при помощи их и своей любимицы Перекусихиной одевалась в шелковое платье.

До обеда, который назначался в два часа, императрица снова занималась. К обеду в будние дни приглашались только самые близкие лица; он продолжался не более часа. Императрица отличалась воздержанностью в пище и питье: никогда не завтракала и не ужинала, а за обедом брала себе небольшие порции от трех или четырех блюд; из вина пила рейнвейн или венгерское. К еде Екатерина была невзыскательна. В числе придворных поваров находился один, служивший долгое время, но готовивший довольно плохо. Несмотря на неоднократные представления гофмаршала, императрица не соглашалась уволить этого повара и, когда наступала его очередная неделя, она, смеясь, говорила приглашаемому на обед:

— Мы теперь на диете, надобно запастись терпением — зато после хорошо поедим.

После обеда все немедленно разъезжались, а Екатерина удалялась в спальню, где кто-нибудь из приближенных читал ей иностранную почту или книги, а она в это время делала слепки с камей, которые очень любила и собирала, или вязала из шерсти на длинных спицах одеяла и фуфайки для своих внуков. Когда чтения не было, она сочиняла, писала письма и деловые бумаги.

В шесть часов вечера в Эрмитаже или на половине императрицы происходили собрания, делившиеся на большие, средние и малые.

К большим приглашались все именитые особы обоего пола и члены иностранных посольств. В театре

давалась опера, хотя Екатерина была равнодушна к пению и музыке. После спектакля начинались танцы, кончавшиеся ужином. Во время танцев императрица садилась играть в вист, рокамболь или бостон. Обычными ее партнерами были графы Разумовский, Чернышев, Орлов, Строганов и австрийский посланник Кобенцель. Играли по полуимпериалу за фишку.

Строганов был страстный игрок и необычайно волновался, когда проигрывал. Однажды он разгорячился до того, что бросил карты, вскочил со стула и начал быстро ходить по комнате, почти крича императрице:

— С вами играть нельзя, вам легко проигрывать, а мне каково!

Присутствовавший при этом московский губернатор Н. П. Архаров испугался и всплеснул руками.

— Не пугайтесь, Николай Петрович, — хладнокровно сказала ему Екатерина, — тридцать лет все та же история!

Походив немного и успокоившись, Строганов опять сел, и игра продолжалась, как будто ничего не произошло.

Средние эрмитажные собрания отличались от больших меньшим числом гостей. На эти собрания приглашались только лица, пользовавшиеся особенным благоволением Екатерины.

Малые собрания составлялись из самых близких и хорошо известных императрице людей и походили скорее на дружеские вечеринки.

Здесь велись литературные споры, сообщались новости в мире науки и искусств, сыпались остроты, экспромты, каламбуры. Когда общество несколько утомлялось разговорами, начинались разные игры: «в билетцы», отгадки, фанты, лото, даже в жмурки и в веревочку. Во время святок гадали кольцами, на воске, на олове и т. п. Екатерина руководила всеми этими

забавами. У нее была любимая «литературная игра», состоявшая в том, что кто-нибудь из присутствовавших, взяв лист бумаги, писал какую-нибудь фразу или вопрос, а остальные, один за другим, не задумываясь, должны были продолжать написанное. В бумагах постоянного участника малых эрмитажных собраний обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина сохранилось несколько листков этой игры; они напечатаны в журнале «Сын Отечества» за 1836 г. Кавычками отмечены ответы императрицы.

1) Мои воздушные замки:

«Они не в Испании, и каждый день я к ним пристраиваю что-нибудь».

Клочок земли на берегу Волги, близ Казани, или, если можно, еще в лучшем климате России.

Иметь всегда перед глазами хорошие примеры.

Мои воздушные замки слишком различны, чтобы приступить к исчислению их.

Я никогда не созидаю воздушных замков, ибо доволен своим участком.

Я желал бы иметь такую зрительную трубку, чтобы за 800 и 900 миль глядеть на академические собрания Эрмитажа.

«Они точно сделаются воздушными замками для отсутствующих».

2) Народные пословицы:

Кого тянут за уши, того не должно тянуть за ноги.

«Понедельник не вторник».

Кто идет задом, тот не подвигается вперед.

Клобук не превращает в монаха.

Лошадь короля не тайный советник.

«Исключая необыкновенных случаев».

Всякая кошка рождается с хвостом и ушами.

Что не истина, то ложь.

3) Дорога, которою думаю достичь бессмертия:

Много есть дорог, которыми его достигают, но лишь случай указывает, которую избрать.

Я стану за санями ее величества.

«Берегитесь: дорога, по которой сани ее величества ездят, сказывала мне моя кормилица, еще ухабистее дороги на острове, где мы сегодня обедали».

Добрый отдых после доброго обеда.

Я сделаюсь бессмертным мучеником за терпение мое со скучными людьми.

Я поеду в свите господина Томаса.

«Веселая компания, но вряд ли дорога к бессмертию».

В 10 часов вечера эрмитажные собрания заканчивались, и императрица, простясь с гостями, удалялась в спальню, где, помолившись и выпив стакан отварной воды, ложилась в постель.

На масленице или в хорошую погоду зимой совершались иногда катания на санях. За заставой готовили трое саней, запряженных десятью или двенадцатью лошадьми; к каждому из саней цепляли по 12 салазок. Екатерина садилась одна в передние сани; дамы и мужчины помещались также поодиночке в салазках. Станный поезд неся с шумом и гамом, салазки беспрестанно опрокидывались, сидевшие в них катились в снег, раздавались крики, смех, шутки. Таким образом приезжали в Чесменский дворец. Пообедав здесь, пускались проселочной дорогой за Неву, к Горбылевской даче, где катались с ледяных гор, пили чай, и к вечеру возвращались в город.

Раза два в год Екатерина в сопровождении нескольких придворных дам посещала публичные маскарады. Чтобы лучше сохранить тайну, нанимались извозчищи кареты. Екатерина, меняя голос, интриговала намеченных ею лиц и нередко бывала жертвой разных дурачеств, на которые, впрочем, она не сердилась. Однажды некая дама дерзко сорвала с нее

маску. Екатерина пришла в страшное негодование, но ограничилась только следующим выговором:

— Вы нарушили сохраняемый всеми порядок; должно уважать всякую маску; вы не ожидали увидеть меня под оною, и вот явное доказательство вашей неосторожности.

Императрица не любила показываться на улицах и вообще выезжала очень редко. В один день, почувствовав сильную головную боль, она проехала в открытых санях и получила облегчение. На другое утро боль возобновилась, и ей посоветовали испытать снова то же лекарство, но она не согласилась, сказав:

— Что подумает народ, когда увидит меня два дня подряд на улице.

В мае Екатерина переезжала в Царское Село, где оставалась до глубокой осени. Здесь отменялись все придворные церемонии и приемы, сокращались доклады и приглашения. Императрица отдыхала, на свободе предавалась литературным занятиям, вела жизнь зажиточной помещицы. Рано утром, в простом платье и шляпке, с тросточкой в руке, в сопровождении только Перекусихиной, она обходила царскосельские сады и фермы, распоряжалась посадкой деревьев, расчисткой дорожек, устройством цветников, посадкой овощей, наблюдала за порядком и чистотой на скотных дворах и в курятниках. По вечерам на большом лугу перед дворцом собирались приближенные, играли в горелки, катались на лодках и т. п., а в дождливую погоду общество скрывалось в знаменитую «колоннаду», где играл духовой или роговой оркестр.

Екатерина II Алексеевна (1729 – 1796) — российская императрица в 1762-1796 гг., по происхождению немецкая принцесса София Августа Ангальт-Цербстская. Стала императрицей в результате дворцового переворота, который совершила гвардия, свергнув с престола ее мужа

Петра III. Оформила сословные привилегии дворян. При ней создана комиссия для составления Уложения (1767). Усиление крепостного гнета вызвало крестьянскую войну Пугачева. Проведена губернская реформа и новая организация городского населения (жалованные грамоты дворянству и городам 1785). При Екатерине II велись успешные войны с Турцией, Швецией, проведены разделы Польши, по которым украинские и белорусские земли отошли к России. К Российской империи был присоединен Крым, принята под покровительство Грузия. Екатерина писала комедии, публицистические произведения, издавала сатирический журнал «Всякая всячина».

Граф Ростопчин, описывая последний день жизни Екатерины, приводит следующую трогательную картину:

«Спальная комната, где лежало тело императрицы, оглашалась воплями женщин, служивших ей. Сколь почтенна была тут любимица ее, Марья Саввишна Перекусихина! Находясь при ней долгое время безотлучно, будучи достойна уважения всех, пользуясь неограниченной доверенностью Екатерины и не употребляя оной никогда во зло, довольствуясь постоянно двумя, а иногда одною комнатою во дворцах, убегая лести и единственно занятая услугою и особою своею государыни и благодетельницы, она с жизнью ее теряла все, оставаясь в живых только для того, чтобы ее оплакивать. Твердость духа сей почтенной женщины привлекала многократно внимание бывших в спальной комнате. Занятая единственно императрицей, она служила ей точно так, как будто бы ожидала ее пробуждения, сама поминутно приносила платки, коими доктора обтирали текущую изо рта сукровицу, поправляя ей то руки, то голову, то ноги. Несмотря на то, что императрица уже не существовала, она

неисходно оставалась у тела усопшей, и дух ее стремился вослед за бессмертной душой Екатерины».

Екатерина очень скоро усвоила нравы и обычаи своего нового отечества до такой степени, что даже парилась в русской бане и предпочитала все русское иностранному. Она строго исполняла все обряды религии, постилась и аккуратно ходила на литургии и всенощные.

«... Вы не северное сияние, вы — самая блестящая звезда Севера, и никогда не бывало светила столь благодетельного», — восторженно обращался к Екатерине II Вольтер, очарованный ее письмами.

Французский посол граф де Сегюр сразу же по прибытии в Петербург стал обдумывать, что нужно сделать, чтобы увидеть эту «необыкновенную женщину — знаменитую Екатерину, которую австрийский дипломат князь де Линь остроумно назвал Екатериной Великим». И далее он отмечал:

«Екатерина отличалась огромными дарованиями и тонким умом; в ней дивно соединились качества, редко встречаемые в одном лице... Честолюбие ее было беспредельно, но она умела направлять его к благоразумным целям... Это была величественная монархиня и любезная дама».

Французский же дипломат при дворе императрицы, Корберон, дал иную и значительно более резкую характеристику: «... наша Екатерина бесподобная лицедейка! Она святоша, нежная, гордая, величественная, любезная; но в душе она — верная себе и преследует исключительно личные интересы, не пренебрегая никакими средствами для их достижения».

И, наконец, из множества мнений приведем слова А. С. Пушкина, серьезно исследовавшего время Екатерины. Он отдавал дань уму императрицы, ее умению обольщать, но вместе с тем прекрасно понимал сущность ее характера. «Если царствовать значит знать

слабость души человеческой и ею пользоваться, — писал он,— то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Само сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество... Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно, они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать... Простительно было фернейскому философу Вольтеру превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины...».

* * *

Можно сказать, что эпоха Екатерины II, действительно выдающегося государственного деятеля своего времени, была отмечена большими успехами Русского государства как на внутренней, так и на международной арене. Именно в это время было заложено все то, что дало основу блестящего расцвета России в первой четверти XIX в.

Во время Екатерины II возросло значение русского дворянства. Ему был выделен даже долгосрочный кредит в двадцать миллионов. Деньги эти, правда, были истрачены куда попало, только не на сельское хозяйство.

Многие помещики бездумно проживали день за днем, пытаясь обратить жизнь в удовольствие.

Обязательной военной службы теперь не было. Ранее, находясь в полку, дворянин вел себя соразмерно со средой, где какие-никакие, но нравственные формы бытовали. А при Екатерине II над ним никто не довлел, в своем поместье он мог вытворять что угодно.

Князь Иван Одоевский, например, «неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все

деревни, оставил только себе некоторое число слугителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали».

Можно привести парадоксальное замечание графа Аржанито:

«Здесьнее дворянство, обедневшее вследствие непомерной роскоши и вообще обремененное неоплатными долгами, по необходимости должно изыскивать всякие средства, чтобы помочь себе, главным же образом прибегать к насильственным вымогательствам и противозаконным притеснениям остальных подданных и торговых людей».

При Екатерине запрещено было наказывать битьем дворянина и священника, бить без суда мещанина и простолюдина.

А ведь раньше московский главнокомандующий граф Брюс требовал увеличения наказаний: не пятьдесят ударов назначать, а двести, пятьсот. «Но,— возражали ему, — так до смерти засечь можно!» — «Что ж их жалеть, это наказание вместо смертной казни». Брюса с трудом убедили, что смертная казнь отменена не затем, чтобы ее заменили смертельными истязаниями.

Сама Екатерина иногда прибегала к наказанию плетью, только негласно. Жена генерала Марья Кожина однажды прошлась шуткой по адресу императрицы. Та написала Шешковскому: «Кожина каждое воскресенье бывает в публичном маскараде, поезжайте сами, и взяв ее оттуда в тайную экспедицию, слегка телесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностью».

Шешковский ни с кем не церемонился. Для него что крестьянин, что дворянин — все едино. Допрос начинал с того, что лупил палкой обвиняемого по зубам.

При допросе студента Невзорова Шешковский заявил: «Государыня велела тебя бить четвертным поленом, коли не будешь отвечать». «Нет, не верю,— кричал студент,— не могла так велеть государыня, которая написала наказ комиссии о сочинении Уложения!»

Екатерининский наказ достоин внимания.

В первой главе говорится, что Россия есть европейское государство.

Далее наказ отмечает вред гонений любой веры. Политические преступления, выраженные в словах и письменно, требуют к себе осторожного отношения во избежание предвзятости и недоразумений.

Особое внимание уделяется нравственности, говорится даже об управлении нравов: «Каждый градоначальник обязан наблюдать в подчиненных своих благопристойность нравов, так как каждый хозяин в своих домашних».

Впервые праздных и непорядочных девок начали отправлять на поселение. За содержание непотребного дома и за посещение его назначался штраф, а проститутки заключали на полгода в смиренный дом.

Из изданных Екатериной II в разное время указов, относившихся к проституции и сводничеству, явствовало, что императрица понимала несостоятельность всех этих мер и считала проституцию фактом, который необходимо признать терпимым. Осторожная во всех своих мероприятиях, она вводила обязательные медицинские осмотры подозреваемых в проституции женщин, заботилась об устройстве воспитательных домов и лечении больных «франц-венерою». Однако благие начинания ее относительно надлежащего контроля государственного за проституцией так и не получили окончательное, эффективно действующее устройство: большинство

мужчин среднего и малого достатка должны были довольствоваться женщинами занимавшимися своим ремеслом тайно.

Забубенных пьяниц наказывали батогами, «чтоб пили умеренно и честно в веселие и в отраду своих дорожных приятных нужд, а не в пагубу своей души».

Следуя Вольтеру, Екатерина будила общественную мысль, но когда та действительно проснулась, императрица испугалась. Известно ее отношение к сочинениям Новикова и Радищева, По поводу первого князь Прозоровский писал Шешковскому: «Жду от ее императорского величества высочайшего повеления и сердечно желаю, чтобы вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова шута тонкого мало я видал». В другом письме тому же адресату он жалуется: «Птицу Новикова я отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок».

По приказу императрицы для подслушивания опасных разговоров в банях, кабаках и торговых рядах направляли специальных агентов. Екатерина была напугана французской революцией.

А Россия в это время одержала ряд побед, две могучие державы из-за нее пришли в упадок, третью она поделила с соседями.

«Но с этим блеском, с этой славой, — писал с горечью А. Мельников-Печерский,— об руку идут высокомерное полуобразование, раболепство, слитое во единство с наглым чванством, корыстные заботы о кармане, наглая неправда и грубое презрение к простонародью».

Граф Сегюр нравоучительно замечает:

«В стране безгласного послушания и несправедливости владелец самый справедливый и разумный должен остерегаться последствий необдуманного и поспешного наказания».

Он приводит довольно забавный случай фактического бесправия человека. А ведь уже существовали твердые правовые нормы!

«Один богатый иностранец, Судерланд, приняв русское подданство, был придворным банкиром. Он пользовался расположением императрицы. Однажды ему говорят, что его дом окружен солдатами и что полицмейстер Р. желает с ним поговорить. Р. со смущенным видом входит к нему и говорит:

— Господин Судерланд, я с прискорбием получил поручение от императрицы исполнить приказание ее, строгость которого меня пугает; я не знаю, за какой проступок, за какое преступление вы подверглись гневу ее величества.

— Я тоже ничего не знаю, признаюсь, не менее вас удивлен. Но скажите же наконец, какое это наказание?

— У меня, право, — отвечает полицмейстер, — недостает духу, чтоб вам объявить его.

— Неужели я потерял доверие императрицы?

— Если б только это, я бы не так опечалился: доверие может возвратиться и место вы можете получить снова.

— Так что же? Не хотят ли меня выслать отсюда?

— Это было бы неприятно, но с вашим состоянием везде хорошо.

— Господи, — воскликнул испуганный Судерланд, — может быть, меня хотят сослать в Сибирь?

— Увы, и оттуда возвращаются!

— В крепость меня сажают, что ли?

— Это бы еще ничего: и из крепости выходят.

— Боже мой, уж не иду ли я под кнут?

— Истязание страшное, но от него не всегда умирают.

— Как! — воскликнул банкир, рыдая.— Моя жизнь в опасности? Императрица добрая, великодушная, на днях еще говорила со мной так милостиво, неужели она

захочет... Но я не могу этому верить. О, говорите же скорее! Лучше смерть, чем эта неизвестность!

— Императрица, — ответил уныло полицмейстер, — приказала мне сделать из вас чучелу...

— Чучелу? — вскричал пораженный Судерланд. — Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое приказание, не представив ей всю его жестокость и нелепость?

— Ах, любезный друг, я сделал то, что мы редко позволяем себе делать: я удивился и огорчился, я хотел даже возражать, но императрица рассердилась, упрекнула меня за непослушание, велела мне выйти и тотчас же исполнить ее приказание; вот ее слова, они мне и теперь еще слышатся: «Ступайте и не забывайте, что ваша обязанность — исполнять беспрекословно все мои приказания».

Невозможно описать удивление, гнев и отчаяние бедного банкира. Полицмейстер дал ему четверть часа сроку, чтоб привести в порядок дела. Судерланд тщетно умолял его позволить ему написать письмо императрице, чтоб прибегнуть к ее милосердию. Полицмейстер наконец, однако со страхом, согласился, но, не смея нести его во дворец, взялся доставить его графу Брюсу. Граф сначала подумал, что полицмейстер помешался, и, приказав ему следовать за собою, немедленно поехал к императрице; входит к государыне и объясняет ей, в чем дело. Екатерина, услышав этот странный рассказ, восклицает: «Боже мой! Какие страсти! Р. точно помешался! Граф, бегите скорее сказать этому сумасшедшему, чтобы он сейчас поспешил утешить и освободить моего бедного банкира!»

Граф выходит и, отдав приказание, к удивлению своему, видит, что императрица хохочет.

— Теперь,—говорит она, — я поняла причину этого забавного и странного случая: у меня была маленькая

собачка, которую я очень любила; ее звали Судерландом, потому что я получила ее в подарок от банкира. Недавно она околела, и я приказала Р. сделать из нее чучелу, но, видя, что он не решается, я рассердилась на него, приписав его отказ тому, что он из глупого тщеславия считает это поручение недостойным себя. Вот вам разрешение этой странной загадки».

О жизни высшего петербургского общества того времени можно узнать, например, из писем княгини Екатерины Голицыной.

«Я не писала вам несколько почт, но, по правде сказать, голова кружится от здешнего образа жизни. Это очень утомительно, то зато весело, и хотя я очень жалею быть в разлуке с теми, кого обожаю, должна сознаться: мне здесь весьма приятно. Здесь все так оживлено, удовольствия разнообразны, всякий день что-нибудь новое. На этой неделе я участвовала в прелестной кавалькаде. Мы завтракали у княгини Долгоруковой, а оттуда поскакали через весь город в Екатерингоф. Каждый из нас привез какое-нибудь кушанье, и образовался прекрасный обед. Нас было 25 персон, из мужчин все иностранные министры, много поляков, и князь Михаил Петрович Голицын, и так как я была из самых храбрых, то мы с ним галопировали на славу.

В среду был маскированный бал у графа Безбородко. Этот праздник был прелестен, и с роскошью. Были великие князья, я познакомилась с Константином Павловичем и танцевала с ним контрданс, который продолжался целый час. Третьего дня был бал в Таврическом дворце. Императрица пришла в сад и заставила всех танцевать на траве. Потом ужинали у великого князя Александра Павловича и танцевали до двух часов ночи. Императрица подошла

ко мне и сказала, что я, вероятно, воображаю, что я в Кременчуге в 1787 г.

Сегодня она обедала у шталмейстера Нарышкина. Говорят, у него будет бал, но я не знаю, кто будет танцевать, потому что он не пригласил ни замужних, ни девиц танцующих, даже не всех фрейлин. Поговаривают, что послезавтра переезжают в Царское Село. Мой муж отправляется туда, но не желает, чтобы я поехала, пока не прикажет императрица. Я нахожу, что он прав, и мне приятнее отправиться, куда мне прикажут, а не соваться самой.

Наконец мы увидели представление знаменитой оперы «Камилла», в которой княгиня Долгорукая прекрасно исполняет главную роль. Музыка прелестная, сочинена нарочно г. Мартини для лиц, не имеющих голоса. Эта пьеса слишком раздирательна для домашнего спектакля, сюжет истинный, взят из писем о воспитании г-жи Жанлис, где она рассказывает историю герцогини С., запертой в подземелье ревнивым мужем.

Присутствовало 300 человек зрителей. Был граф Шереметев. Вы не можете представить себе, дорогой князь, какая разница граф Шереметев в Москве и здесь. Вообразите, что опера продолжалась четыре часа, и граф стоял в дверях при входе в партер, его беспрестанно толкали проходящие, а молодые люди и не думали уступить ему местечка. Никто не скажет, что это тот же Шереметев. Недавно у посланника я не находила стула. Шереметев поспешил достать и принес сам. Он здесь так ничтожен, что непонятно, отчего Петербург предпочитает Москве.

У нас здесь теперь есть прекрасная итальянская опера, и это очень прибавляет удовольствия к здешней жизни. Французский театр тоже порядочный...

Здешний образ жизни простой и нестеснительный, без малейшего этикета, должен понравиться всякому.

Утро и день можно проводить как угодно и выезжать в 9 часов вечера, и везде вы найдете собравшееся общество, все дома открыты. Затем балы, спектакли в Эрмитаже. Общество не велико, но единодушно, так что видятся чаще все те же лица.

Вообще, эта жизнь мне нравится. Здесь, к тому же, удобнее дать образование детям, чем в Москве, учителей всякого рода не оберешься. Это заставляет меня также любить Петербург. Моя дочь уже начинает брать уроки, учится на клавесине, и учителя в восхищении от ее успехов. У нее есть отличный учитель чистописания, а зимой Lasantini или Rosetti будут учить ее танцевать. Учителей живописи найдете сколько угодно. Одним словом, здесь можно иметь все средства для совершенствования образования. Вы согласитесь, добрейший князь, невозможно, чтобы это не нравилось.

В прошедшую субботу мадам le Drun начала писать мой портрет. Как только она кончит, я велю списать для вас копию. Я купила было для вас 300 устриц, но их не послали тотчас, а продержали пять суток, так что все испортилось. Как начнутся морозы, я пришлю и вам с нарочным.

Вчера был эрмитаж довольно многолюдный — по случаю совершеннолетия шведского короля; посмотрим, чем нас нынче обрадуют. Должны скоро прислать приглашение... Вчерашний эрмитаж исключительно состоял из поляков и полячек. Их здесь множество. Вчера один Потоцкий был пожалован в камергеры, а другой в камер-юнкеры. После бала был ужин, я уехала в первой половине ночи...».

Непомерная роскошь была настолько кичлива, что императрица Екатерина II издала манифест с постановлением, как должно ездить каждому. Двум первым классам определялось ездить цугом с двумя вершниками; 3, 4, 5 классам — только цугом; 6, 7 и 8 классам — четверней; обер-офицерам — парой; не

имеющим офицерских чинов — верхом, в одноколке или в санях в одну лошадь. Ливреи по указу также были разные: лакеи двух первых классов имели басоны по швам; 3, 4, 5 классов — по борту; 6-го — на воротниках, обшлагах и по камзолам; 7 и 8 классов — только на воротниках и обшлагах; обер-офицерам — ничем не обкладывать. Купцам запрещены были кареты с золотыми и серебряными украшениями; допускались кареты, одноколки и сани, просто выкрашенные под лак. Отступления от этих форм наказывались штрафами. Ювелир Позье в своих записках рассказывает, что придворный ювелир Дюваль не следовал этому правилу и ездил по городу на трех лошадях. Генерал-полицмейстер Чичерин объявил Сенату, что на доклад его словесный, какой штраф положить повелено будет золотых дел мастеру Дювалю, что ездит не по званию его, «ее императорское величество высочайше изустно повелеть соизволила, как оный присвоил себе из чужого права, то есть штаб-офицерскую впряжку лишней лошади, то и взыскать с него штрафа три доли из оклада, подлежащего ко взысканию, а четвертой доли не взыскивать, потому что не все полное право присвоил».

На экипажи в то время не обращали большого внимания, только бы лошади были запряжены, да колеса вертелись, одно выше другого на пол-аршина, хомуты из ремешков, веревок. На козлах, по болезни кучера, сидел иногда и повар со щетинистой бородой, в нагольном тулупе; позади портной в ливрее из солдатского сукна, в картузе, с платочком на шее.

Люди богатые ездили четверкой и шестеркой. Такая езда, кроме приписываемой страсти к пышности, на самом деле была только следствием весьма неприятной необходимости. В те времена ездили шестерней, потому что с меньшим числом лошадей можно было увязнуть в грязи; часто и шести лошадей было недостаточно.

Лошади, взятые большей частью из-под сохи у крестьянина, не могли предохранить семейной колымаги от увязания в грязи.

На гуляньях смесь разных берлинов, рыдванов, колымаг поражала зрителя. В то время еще не знали рессор, и кареты делали на пазах. Самая лучшая такая карета стоила не дороже ста рублей.

Высшее общество в екатерининское время отличалось широким гостеприимством, и каждый небогатый дворянин мог во весь год не иметь своего стола, каждый день меняя дома знакомых и незнакомых. Таких открытых домов, не считая в гвардейских полках, находилось множество. Первыми аристократическими домами в Петербурге признавали дворцы сановников: графа Разумовского, князя Голицына, Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных, Марьи Павловны Нарышкиной. Приемы у этих вельмож бывали почти ежедневно. На вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суежилась с утра до вечера.

Роскошь и великолепие палат вельмож доходили до высшей степени азиатского сказочного волшебства. Графиня Головина рассказывает про Потемкина, что в те дни, когда у него не было бала, гости собирались в диванной комнате. Мебель была обита тканью серебряной и розовой, в таком же виде был обит и пол. На красивом столе стояла филигранная курильница, в которой горели аравийские благовония. Князь обычно носил платье с собольей опушкой, алмазную звезду и ленты: Георгиевскую и Андреевскую. За столом служили великорослые кирасиры, одетые в красные колеты. На голове — черные меховые шапки с султаном. Перевязи их были посеребрены. Они шли попарно и напоминали театральных солдат. В продолжение ужина роговой оркестр исполнял лучшие симфонии.

В первые годы царствования Екатерины II придворные увеселения были распределены по дням: в воскресенье назначался бал во дворце; в понедельник — французская комедия; во вторник — отдых; в среду — русская комедия; в четверг — трагедия или французская опера, причем в этот день гости могли являться в масках, чтобы из театра прямо ехать в вольный маскарад: в то время почти все вельможи тешились самым беззастенчивым образом.

Безбородко, Храповицкий, Завадовский были известны в Петербурге как заправские гуляки. Безбородко был уличным ловеласом, он почти каждый день после обеда надевал простой синий сюртук, круглую шляпу, брал трость, клал в карман кошелек с деньгами и отправлялся в разные дома в городе. Зимой по воскресеньям его всегда можно было встретить на маскараде у Лиона, на Невском в Купеческом клубе; здесь он проводил время до пяти часов утра. В 8 часов утра его будили, окачивали холодной водой, одевали и полусонного отправляли во дворец, где только у дверей императрицы он становился серьезным и дельным министром. Раз царский посланный, явившийся из дворца, застал его среди самой бурной оргии. Вельможа приказал пустить себе кровь из обеих рук и отправился к государыне. Про Безбородко говорил граф Сегюр, что он в теле толстом скрывал ум тончайший. Завадовский был также гуляка широкой руки; он и умер за трапезой со своим старым другом, князем П. В. Лопухиным.

Секретарь императрицы А. В. Храповицкий тоже был известен своим пристарастием к спиртному, проказами и дебоширством. Про него есть такой анекдот. Один приезжий помещик, явившийся в Петербург по важному делу, заходит к нему с письмом и не застаёт дома. Помещик едет за город пообедать, входит в трактир и, видя накрытый стол, садится и велит себе подать обед. Прислуга, полагая, что он

принадлежит к компании, заказавшей обед, спешит исполнить его желание. Во время обеда приезжает компания и начинает подтрунивать над ним. Помещик сначала отшучивается, но потом на дерзость отвечает дерзостью и дает пощечину. Завязывается общая драка. Помещик выходит победителем, оставив под глазами своих противников синяки. Утром, выпавшись, он едет к Храповицкому. «Дома барин?» — спрашивает он. «Дома, — отвечают, — но нездоров и никого не принимает». Помещик отдает письмо, по которому его тотчас просят пожаловать; помещик входит в спальню с занавешенными окнами. Но только он поздоровался, как Храповицкий говорит ему: «Ваш голос мне что-то знаком, я вас видел, а где — не помню». — «Быть не может, — говорит приезжий, — я только что вчера приехал». — «Нет, точно я вас знаю», — сказал Храповицкий и велел поднять штору. Помещик взглянул и обмер: это был человек, которого он поколотил накануне. Храповицкий посмеялся, подал ему руку и сказал: «Ну, полно, помиримся, я сделаю для вас все, что могу, а кто старое помянет, тому глаз вон».

В обычае были публичные балы под названием дворянских. Число гостей на них было ограничено, и сюда съезжалась лучшая публика. Были также балы, называвшиеся английскими. В них участвовали иностранные негодянты. Билеты для входа на бал продавались по 25 рублей.

Общество в гостиных условно делилось на молодых и пожилых. Старики говорили со стариками, молодежь слушала последних почтительно, не смея вмешиваться в разговор. Вежливость с женщинами простиралась до того, что подать салоп, поднять платок, отыскать лакея, карету незнакомой дамы, проводить ее — было делом обязательным.

В последние годы царствования Екатерины II стал в Петербурге греметь своими пирами дом канцлера

Безбородко на Ново-Исаакиевской улице. Прежде на этом месте было подворье Курско-Знаменского монастыря. Безбородко купил дом в 1781 г. В это же время канцлером были куплены для возникавшего в то время почтамта дом графа Ягужинского и еще два пустых места, принадлежащих профессору Урсиносу и нотариусу Медеру. Дом Безбородко блистал как внутренним так и наружным великолепием — на одну его картинную галерею, как выражался по-татарски канцлер, □ «чек акча вирды», т. е. много денег пошло. Наружный вид дома поражал своими четырьмя, стоявшими при входе, колоннами из полированного гранита, с бронзовыми основаниями и капителями, мраморным балконом наверху с бронзовыми перилами, задняя часть которого выходила на Большую Исаакиевскую улицу. Князь обладал тонким вкусом и приобретал почти ежедневно новые художественные вещи и украшал ими свои комнаты.

Особенно красивы были в доме Безбородко столовая и танцевальные залы, великолепна была и большая парадная зала с колоннами под мрамор, превосходно исполненная по проекту архитектора Кваренги. По обеим сторонам этой залы стояли две большие мраморные вазы, сделанные в Риме, с барельефными фигурами. По обеим сторонам других стен возвышались две высокие, почти до потолка, этажерки, сверху донизу уставленные редчайшим китайским фарфором. В комнатах была расставлена замечательная мебель, некогда украшавшая дворцы французских королей. В начале революции она была вывезена, и князь успел ее купить. В числе комнатных украшений были бюро, жирандоли, вазы, гобеленовые занавеси и шелковые материи с кресел любимого кабинета несчастной Марии-Антуанетты. Великолепная люстра из горного хрусталя, взятая из Palais-Royal герцога Орлеанского, и чрезвычайно редкая мебель с художественной

инкрустацией работы Шарля Буля, грандиозная по своей величине севрская ваза бирюзового цвета с прекраснейшими украшениями из бронзы. Стены парадной спальни канцлера были обиты красным бархатом и отделаны бронзовыми украшениями; здесь в нише стоял бюст императора Павла I, а на двух сторонах двери висели два портрета — императрицы и императора. В голубой бархатной гостиной висел портрет Екатерины II работы Левицкого.

Канцлер был самым приветливым и радушным хозяином. На его обедах, балах и праздниках собирались все знатнейшие иностранцы и первые сановники. Вельможа-холостяк иногда устраивал вечера, которые ему обходились в баснословные суммы. В кругу людей близких и родных он был всегда весел, откровенен и увлекателен, но на парадных собраниях несколько неловок и тяжел. Очевидец рассказывает, что канцлер, являясь к императрице в щегольском французском кафтане придворного, нередко не замечал осунувшихся чулок и оборвавшихся пряжек на своих башмаках. Гулял же по городу Безбородко всегда в простом синем сюртуке, в круглой шляпе и с тростью с золотым набалдашником.

Граф Комаровский пишет в своих воспоминаниях: «На этих обедах, кроме знатных гостей, обычное общество состояло из живущих в его доме. Ничего не было приятнее слышать разговор Безбородко; он был одарен памятью необыкновенной и любил за столом много рассказывать, в особенности о фельдмаршале Румянцеве. Безбородко особенно покровительствовал своим землякам-малороссам; приемная его была постоянно наполнена ими, приезжавшими искать места и определять детей. Канцлер имел доброе сердце и никогда не отказывал просителям, хотя нередко и забывал просьбы просителей. По рассказам, он имел привычку повторять последние слова просителей: «Не

оставьте! Не забудьте». На просьбу одного земляка о деле, которое должно было решиться на другой день, не забыть, Безбородко отвечал: «Не забуду, не забуду». — «Да вы, граф, забудете», — слезно замечал его проситель. «Забуду, забуду», — подтверждал Безбородко, любезно отпуская просителя. Иногда он успокаивал просителя словами: «Будьте, батюшка, благонадежны», — которые обычно произносились настоящим малороссийским выговором».

Раз один из просителей серьезно обратился к вельможе с просьбой определить его в должность театрального капельмейстера, «чтобы палочкой махать, да по шести тысяч брать». Снисходительный Безбородко только ласково улыбался и объяснял просителю, что для маханья палочкой в оркестре и получения шести тысяч нужно знать музыку, хотя немножко.

В другой раз, работая у себя в кабинете, Безбородко услышал в приемной топот ног и протяжное зевание с разными переливами голоса. Осторожно взглянув в полуотворенную дверь, он увидел толстого земляка с добродушной физиономией, явно соскучившегося от ожидания. Канцлер улыбался, глядя из-за двери, как посетитель, не привыкший ждать никогда, все потягивался, зевал, смотрел картины и, наконец, соскучившись окончательно, принялся ловить мух. Одна из них особенно заняла малоросса, и он долго гонялся за ней из угла в угол. Улучив минуту, когда назойливое насекомое село на огромной вазе, охотник поспешно размахнулся и хватил рукой. Ваза слетела с пьедестала, загремела и разбилась вдребезги. Гость побледнел и жутко испугался, а Безбородко вышел в приемную и, ударив его по плечу, ласково сказал: «Чи поймав?».

Иногда масса одолевавших Безбородко просителей заставляла его уходить по черной лестнице, но и в таких случаях хитрые малороссы не терялись, и раз

один из земляков Безбородко, не застав канцлера дома, забрался в его карету, стоявшую у крыльца. Канцлер был крайне удивлен, найдя в карете просителя, но, узнав дорогой о нужде земляка, помог.

Безбородко был большой любитель карточной игры и нередко целые ночи проводил за зеленым столом, правда, ему не очень везло. Он также очень любил русское пение. У него почти жил тульский купец Иван Рожков, сын знаменитого некогда барышника лошадьми и поставщика их ко двору. Рожков обладал превосходным голосом и до такой степени был мастер петь русские песни, что, как говорит С. П. Жихарев в своих «Воспоминаниях», вошел даже в пословицу «поет, как Рожков». Так говорили про певца, которого хотели похвалить. Но песенный дар был только второстепенным качеством Рожкова, а главным — необыкновенное удайство, смелость и молодечество. Это-то и сблизило его с тогдашними знаменитыми гуляками: графом В. Д. Зубовым, Л. Д. Измайловым и А. А. Безбородко. Однажды эти господа держали пари в тысячу рублей, что Рожков на своем сибирском иноходце въедет на четвертый этаж одного дома на Мещанской, в квартиру балетной танцовщицы Ольги Каратыгиной, дочери эконома театрального училища (последняя жила с канцлером, впоследствии она вышла замуж за правителя его канцелярии, статского советника Н. Е. Ефремова, который за ней получил дом и значительную сумму денег). Рожков не только въехал, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, той же лестницей выехал обратно на улицу. Тысяча выигранных рублей была наградой Рожкову. Этот подвиг у петербургской Аспазии передавал герой Жихареву следующими словами: «Когда я въехал к ней в фатеру, окружили меня гости, особ до десяти будет, да и кричат: браво, Рожков! шампанского! И вот ливрейный лакей подает мне на подносе налитую

рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, промолвив: это за твое здоровье, а тебе подадут целую бутылку».

Любовь к прекрасному полу в тот век была в большой моде, и ею отличались почти все придворные современники Безбородко. О жизни канцлера на его даче в Полюстрове и о существовавшем там крепостном гареме ходили любопытные рассказы.

Из домов русской знати, отражавших блеск царствования Екатерины II, был еще известен дом на Малой Морской графа Салтыкова.

Этот барский дом был построен архитектором — итальянцем Вендрамини. Вход в него вел прямо с тротуара в роскошные, длинные сени, между колоннами которых вечно пылал камин. К Салтыкову по вторникам собиралось высшее общество столицы на танцевальные вечера, там играл его собственный бальный оркестр. Помимо вторников к изысканному, богатому столу Салтыкова можно было иметь свободный доступ всякому дворянину, но надо было являться только во фраке. Салтыков был очень состоятельный человек. Он владел богатейшей коллекцией табакерок, которые были все исторические, приобретал он их по дорогой цене в Париже и Лондоне, для чего содержал агентов за границей. Салтыков любил нюхать табак, и каждый день брал новую табакерку, одну богаче другой, из своей коллекции; он любил, чтоб их замечали, и тогда с большим удовольствием рассказывал историю каждой. В его доме была также богатейшая библиотека. Но Салтыков не позволял никому даже прикасаться к своим книгам.

Следует сказать и о Таврическом дворце. Сначала он был построен князем Потемкиным в виде небольшого дома, но вскоре, после присоединении Крыма, Екатерина II приказала архитектору Старову вместо прежнего дома построить роскошный дворец,

наподобие Пантеона, назвать его Таврическим и затем подарила Потемкину

Здесь в апреле 1791 г. Потемкин торжественно праздновал взятие Измаила. В приготовлениях к празднику принял участие и Державин, который, по просьбе Потемкина, написал для пения на празднике стихи для хора. Стихи шли в таком порядке: 1) для концерта «От крыл орлов парящих»; 2) для кадрили «Гром победы раздавайся»; 3) для польского «Возвратившись из походов» и 4) для балета «Сколь твоими мы делами». Довольный стихами, Потемкин попросил Державина составить сценарий праздника. Исполнив это желание князя, Державин сам отвез ему свою работу; Потемкин пригласил его было остаться обедать, но, прочитав тетрадь и увидев, что в описании нет никаких особенных ему похвал и что ему отдана честь наравне с Румянцевым и Орловым, рассердился и уехал со двора, пока Державин дожидался в канцелярии.

Державин Гаврила Романович (1743 – 1816) — поэт, представитель классицизма, общественный деятель. Окончил Казанскую гимназию, служил в Преображенском полку, в различных гос. учреждениях. В 1784 г. назначен олонеким губернатором, в 1785 г. тамбовским. В 1791 – 1792 гг. личный кабинет-секретарь императрицы, с 1793 г. тайный советник, с 1794 г. президент Коммерц-коллегии. Как поэт, поставил вопросы о жизни и смерти, о диалектике бытия. Сочинял оды, сатиры на вельмож, пейзажные зарисовки.

По слухам, сумма, затраченная Потемкиным на праздник, была баснословна. Для освещения залы дворца был скуплен весь воск, находившийся в Петербурге, и за новой партией послали нарочного в Москву. Масса всякого рода художников и мастеров в течение нескольких недель трудилась во дворце.

Множество знатных дам и кавалеров несколько недель собиралось там же для разучивания назначенных им ролей, и каждая из этих репетиций походила на особое празднество,— так была она роскошна и пышна.

В назначенный день, в пятом часу, на площади перед Таврическим дворцом были построены качели, поставлены столы с яствами, открыты разного рода лавки, в которых безденежно раздавали народу платье, обувь, шапки и тому подобные вещи. Народ во множестве толпился на площади. Богатые экипажи один за другим подъезжали к дворцу, на фронтоне которого красовалась надпись, сделанная металлическими буквами и выражавшая благодарность Потемкина «великодушию его благодетельницы». Императрица прибыла на праздник в седьмом часу. Перед дворцом она была задержана толпой. Народу объявили, что раздача питья и одежды должна начаться в то время, когда будет проезжать государыня. Но тут вышло недоразумение: кто-то по ошибке принял карету одного вельможи за экипаж императрицы. Народ крикнул: «ура!» и, не дожидаясь раздачи приготовленных для него подарков, бросился схватывать их сам. Произошла суматоха, давка, и настоящий экипаж императрицы должен был остановиться, не доехав до площади, и простоять более получаса. Наконец императрица подъехала к дворцу. Потемкин принял ее из кареты, а в передней комнате императрицу встретил наследник престола. Сопровождаемая всей императорской фамилией, Екатерина прошла на приготовленную для нее эстраду, и тотчас начался балет знаменитого тогда балетмейстера Ле Пика. В балете танцевали 24 из знаменитейших фамилий, на подбор красавицы и красавцы в белых атласных костюмах, украшенных бриллиантами. Распоряжались танцами великие князья Александр и Константин вместе с принцем

Вюртембергским; в конце балета сам Пик отличился каким-то необыкновенным соло.

Всех приглашенных на праздник насчитывалось три тысячи человек. На самом Потемкине был алый кафтан и епанча из черных кружев, осыпанная бриллиантами, а на шляпе их было так много, что ему стало тяжело держать ее в руке, и он отдал шляпу своему адъютанту, который и носил ее за князем.

Обстановка и убранство дворца походили на волшебное воссоздание сказок «Тысячи и одной ночи». Под куполом были хоры, на которых стояли невидимые снизу часы с курантами, игравшие попеременно пьесы лучших композиторов того времени. Здесь же помещалось триста человек музыкантов и певцов. Возвышение, предназначенное для императрицы, было покрыто драгоценным персидским шелковым ковром. Такие же возвышения были устроены вдоль стен, и на каждой из них стояло по огромнейшей вазе из белого карарского мрамора на пьедестале из серого; над вазами висели две огромные люстры из черного хрусталя, в которые были вделаны часы с музыкой.

Кроме больших люстр, в зале было еще 56 малых люстр и пять тысяч разноцветных лампад. Считают, что в этот вечер горело всего 140 000 лампад и 20 000 восковых свеч. При входе в залу, по обеим сторонам дверей, были устроены ложи, роскошно драпированные. Но особенной пышностью отличались комнаты, предназначенные для игры императрицы (с этого праздника вошли в особенную моду введенные Потемкиным диваны). Стены там были покрыты гобеленами с вытканными на них картинками из библейской истории. Здесь же стоял «золотой слон» в виде часов (слон этот был в 1829 г. подарен императором Николаем I персидскому шаху), обвешанный бахромой из драгоценных камней;

сидевший на нем автомат-перс, ударив в колокол, подал сигнал к началу театрального представления.

Из театра императрица отправилась в танцевальную залу. Бал открылся громом литавр и грохотом пушек, под звуки:

Гром победы раздавайся!

Веселися храбрый Росс!..

Из большой залы был выход в зимний сад. Здесь росли цветущие померанцы, душистый жасмин, розы; в кустарниках виднелись гнезда соловьев и других птиц, оглашавших сад пением. Между кустами были расставлены курильницы и бил фонтан из лавандовой воды. Посреди зимнего сада стоял изящный храм, в котором помещался бюст императрицы, высеченный из белого фаросского мрамора. Императрица была представлена в царской мантии, с рогом изобилия, из которого сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике была надпись: «Матери отечества и моей благодетельнице». Перед храмом стояла зеркальная пирамида, украшенная хрусталем, а близ нее еще несколько таких же пирамид поменьше. Все окна залы были прикрыты искусственными пальмами с листьями из разноцветных лампад. Из таких же лампад по газону были расставлены искусственные плоды: арбузы, ананасы, дыни и проч.

Настоящий сад тоже был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки. Ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое русло и устроили мраморный каскад. Сад также горел множеством огней и оглашался роговой музыкой и хором песенников.

В двенадцатом часу подали ужин. Стол, за которым сидела императрица с августейшим семейством, был сервирован золотой посудой. Потемкин сам прислуживал Екатерине. Позади этого стола был накрыт другой, на 48 персон, □ для лиц, участвовавших

в балете. Здесь же было поставлено еще 14 столов. Гости садились за столы в один ряд лицом к императрице. Столы были освещены шарами из цветного стекла. В комнате перед залой находился стол, на котором стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонам ее две еще большие вазы. В других комнатах было еще 30 столов, да кроме того, множество столов стояло вдоль стены, где гости ужинали стоя. После ужина бал продолжался до утра. Императрица уехала во втором часу. Когда она уходила из залы, слышалось нежное пение под орган. Пели итальянскую кантату на такие слова: «Здесь царство удовольствий, владычество щедрот твоих; здесь вода, земля и воздух дышат твоей душой. Лишь твоим я благом живу и счастлив. Что в богатстве и почестях, что в великости моей, если мысль — тебя не видеть, ввергает дух мой в ужас? Стой и не лети ты, время, и благ наших не лишай нас! Жизнь наша — путь печалей; пусть в ней цветут цветы».

Екатерина выразила Потемкину свое живейшее удовольствие за праздник. Потемкин упал к ее ногам, прижал ее руку к губам, на глазах его были слезы. Императрица была растрогана и тоже плакала.

После смерти Потемкина указом Екатерины в сентябре 1792 г. дворец Потемкина был объявлен императорским дворцом под именем Таврического. Дворец поступил в казну и сделался любимым местопребыванием императрицы весной и осенью.

Грибовский в своих «Записках» говорит: «Государыня любила жить в этом дворце оттого, что главный корпус его был в один этаж, а государыня высоким входом не любила быть обеспокоена. Покои ее здесь были просторнее, чем в Зимнем дворце, особенно кабинет, в котором она дела слушала». Екатерина II дворец описывала Гриму в письмах так: «На дворец этот пошла мода; он в один этаж с огромным,

прекрасным садом; вокруг же все казармы по берегу Невы; напротив — Конногвардейская, налево — Артиллерийская, а позади сада — Преображенская. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшего. Я живу направо от галереи со столбами; такого подъезда, я думаю, нет еще нигде на свете. Александр помещается налево. Правда, что прежде в этом дворце было не немного, а чрезвычайно сыро, так что из-под колонн в зале текла вода и на полу стояли лужи; происходило это оттого, что фундамент залы был ниже уровня воды в пруду. Но я помогла горю, приказав вырыть между домом и прудом сточную трубу и выложить ее камнем; труба идет вокруг всего дома и так хорошо отводит воду, что теперь совсем нет сырости в доме и не пахнет гнилью, как прежде».

При императоре Павле в Таврическом дворце царствовало полное запустение. Второв, посетивший его в это время, пишет: «На развалины великолепного Таврического дворца взглянул я со вздохом. Видел обломанные колонны, облупленные пальмы и теперь еще поддерживающие своды, а в огромном зале, с колоннадой, украшенной барельефами и живописью, где прежде царствовали утехы, пышность и блеск, где отзывались звуки «Гром победы раздавайся!» — чтобы, вы думали, теперь? — Дымящийся лошадиный навоз!.. Вместо гармонических звуков раздается хлопанье бичей, а вместо танцев бегают лошади на корде; зал превращен в манеж! Романический сад поныне еще привлекает всех для прогулки в нем. На беседках и храмиках стены и двери исписаны сквернословными стихами и прозой».

После кончины Екатерины император Павел велел все ценности перенести в Михайловский замок, а в 1798 г. отдал Таврический дворец под казармы гвардейского полка.

Александр I вернул все драгоценности во дворец, и даже пожил в нем немного. В этом дворце провел последние годы и скончался Николай Михайлович Карамзин.

При советской власти в Таврическом дворце находилась Высшая партийная школа.

Карамзин Николай Михайлович (1766 – 1826) — писатель, журналист, историк, основоположник русского сентиментализма («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза» и др.). Редактор «Московского журнала» и «Вестника Европы». Главное сочинение «История государства Российского» в 12 тт. (1816 – 1829), знаменовавшая новый этап в развитии исторической науки.

* * *

При Екатерине появились клубы на западный манер.

Самый «степеннейший» из клубов был Английский. Основан он был в марте 1770 г. Гарнером, богатым банкиром. Вскоре этот банкир сделался банкротом, и земляки англичане, желая помочь ему, сделали его экономом и хозяином этого клуба. В первое время здесь насчитывалось не более пятидесяти членов. Плата не превышала 40 рублей; для помещения нанимался небольшой дом на Галерной улице за 1500 рублей. Через 40 лет Английский клуб уже имел более 300 членов, в числе которых находились высшие государственные сановники, как например, граф М. А. Милорадович, Аракчеев, Сперанский, П. Х. Витгенштейн и многие другие.

Почти каждый вечер посещал это собрание И. А. Крылов; над тем местом, где он обычно сидел, впоследствии был поставлен его бюст. В столовой зале висел портрет и учредителя этого клуба. Английский клуб очень долго занимал великолепный дом у Синего

моста, в котором некогда жил фельдмаршал князь Трубецкой, дававший пышные балы.

В 50-х гг. XIX в. в Английском клубе насчитывалось около четырехсот членов и более тысячи кандидатов, которые по старшинству и занимали открывавшиеся вакансии. Первейшие люди помогали чести вступить в клуб. Князь Чернышев и граф Клейнмихель так и умерли, не попав в его члены.

Почти в одно время с Английским клубом был основан клуб немцем Шустером, тоже некогда богатым купцом, но потом разорившимся. Клуб этот сначала помещался в двух скромных комнатах; в феврале 1772 г. он уже был переведен в большую квартиру и стал называться Большим Бюргер-клубом. Он, впрочем, был более известен как Шустер-клуб. Это было довольно дружное общество, состоящее из заслуженных чиновников, артистов, богатых русских и иностранных купцов и зажиточных ремесленников. Не ограничиваясь одними увеселениями, клуб преследовал многие благотворительные цели: давал пенсию 150 престарелым, неимущим и постоянно воспитывал несколько беднейших сирот.

В ноябре 1784 г. было основано Коммерческое общество с целью дать биржевому купечеству возможность собираться для совещаний по коммерческим делам и проводить время в беседе и карточных играх.

В 1783 г. открылся еще Американский клуб. Помещался он первое время близ Исаакиевской церкви в доме Погенполя. Лучшей порой его существования было начало XIX в.: тогда насчиталось в нем более 600 человек; впоследствии к этому клубу было присоединено танцевальное заведение Квятковского, после чего клуб стал называться Клубом соединенного общества. В 1785 г. гробовым мастером Уленглуглом был учрежден Танц-клуб. Членами его могли быть

только нечиновные лица мещанского и купеческого сословий.

Впрочем, нынешнее слово «мещанин» в Екатерининское время было в полном смысле слова переводом французского *bourgeois*, или немецкого *burger*, и купец первой гильдии, по тогдашнему смыслу, был не что иное, как мещанин, записавшийся в гильдию. Мещанами называли также всех свободных художников, переименованных впоследствии в именитых граждан, т. е. почетных граждан.

Гораздо ранее этих клубов в 1772 г. в Петербурге был учрежден Музыкальный клуб из 300 членов, вносивших в год по десять рублей с человека на содержание оркестра. В Музыкальном клубе два раза в неделю давались концерты, которые посещались многочисленной публикой. Этот клуб просуществовал до 1777 г., затем он был закрыт, но через год основалось другое музыкальное общество, которое зимой, в продолжении восьми месяцев, давало каждую субботу концерты и ежемесячно один бал и маскарад. Членов здесь было до пятисот человек, каждый платил по 15 рублей. Для этого клуба был нанят большой дом петербургского обер-полицмейстера Чичерина и роскошно убран. В оркестре клуба играло 50 превосходных музыкантов и часто участвовали приезжие солисты. Деньги эти артисты получали по тогдашнему времени весьма высокие: от ста и до двухсот рублей за один вечер. В 1787 и 1788 гг. дела клуба шли блистательно, но вскоре излишняя роскошь, с какой давались здесь маскарады и балы, совершенно расстроили финансы, и в 1792 г. были проданы с аукциона все прекрасные музыкальные инструменты клуба, серебряная и фарфоровая посуда и даже мебель.

В 1794 г. известные богачи Демидов, Сикстель и Бланд создали новый клуб, в котором вскоре было до 400 человек. Каждый платил по 50 рублей. Помещался

клуб в доме Бутурлина. Это музыкальное общество просуществовало не более четырех лет и со смертью учредителей распалось. В 1802 г. было положено начало Филармоническому обществу и потом уже Симфоническому.

Если концерты, устраиваемые при дворе, и являлись для императриц (не забудем, что почти три четверти XVIII. века у нас царили императрицы) развлечением, удовольствием, то для подданных они были далеко не таковыми, а скорее еще новой и довольно тяжелой повинностью. Посещение этих музыкально-театральных развлечений было строго обязательно: чуть ли не каждый год, а иногда и несколько раз в год, появлялись высочайшие указы правительствующему Сенату:

«О назначении в императорском Оперном доме трех представлений в неделю, а именно, по средам — итальянских интермедий, по вторникам и пятницам — французских комедий»

Сенат распубликовывал эти указы, они рассылались «за подписью» во все правительственные учреждения и подлежали «неукоснительному» исполнению. Менялись дни представлений, изменялись самые представления — вместо итальянской интермедии шла русская трагедия,— но сущность дела оставалась та же: посещение императорского театра было обязательно, и манкирование могло вызвать «высочайший гнев» — а попасть под «высочайший гнев» в лучшем случае означало отъезд из Петербурга, удаление в какую-нибудь захудалую вотчину, но дело могло кончиться и гораздо серьезнее.

Попав в Оперный императорский дом, зритель должен был подчиниться ряду установившихся правил. Вот одно из них, наиболее характерное: «О пропуске в Оперный дом во время французских комедий лейб-гвардии штаб и обер-офицерских и напольных полков

штаб-офицерских жен, которые прежде помещались вверху, в партер».

Существовало как бы разделение — места занимались соответственно рангу и чину мужа и, быть может, не одна красавица вместо того чтобы наслаждаться, как «природный русский тенор Марко Портурацкой» выводит рулады, сгорала от зависти, что ее подруга сидит ближе к царской ложе, а ей приходится занимать место, выражаясь по-современному, «на галерке»...

А наряды... боже, сколько забот и волнений вызывали они: «в темноцветных платьях» вообще нельзя было показываться при дворе — темный цвет напоминал траур, траур наводил на мысль о смерти, а страх перед смертью был невероятен у «веселой царицы Елисавет», превращавшей из-за этого страха ночи в день; «робы иметь величиною поменьше тех, что на больших куртагах бывают». Все нужно было помнить, все нужно было предусмотреть, и хотя бы зеркало — этот вечный спутник женщины — ясно и убедительно говорило: наряд не к лицу, светлое платье выказывает ярко неуклюжесть фигуры, эта неуклюжесть скроется при темном цвете,— но «в темноцветных платьях вообще не являться».

Понятно, что все эти и ряд им подобных мелких ограничений и правил этикета отравляли то удовольствие, которое могло принести театрально-музыкальное развлечение; ничего подобного не могло быть на частном представлении, куда человек шел, купив билет, шел потому, что ему хотелось, а не потому, что существовал известный высочайший указ.

Первое объявление в «Ведомостях» о частном публичном концерте появилось в середине 1746 г. Вот его текст: «По полудни в 7 часу приезжий бассист в доме генерала Загрязского, подле немецкой комедии, будет петь концерты с музыкою, чего ради желающие

его слушать могут приходить в означенный дом с платежом по 1 рублю с персоны».

Самый главный, существенный вопрос при устройстве концерта — найти для него подходящее помещение.

«Бем сим почтенно публику уведомляет, что обещанный им концерт по некоторым препятствующим в том обстоятельствам не может быть дан, почему все те особы, кои взяли уже билеты, могут получать обратно свои деньги».

Концерты были делом новым, тогда как к театральным представлениям петербуржец уже привык и усердно посещал Немецкий театр, помещавшийся на нынешней Большой Морской, а тогда Большой Гостиной улице. И концертанты первое время устраивают свои концерты именно около этого Немецкого театра, очевидно, в надежде, что зритель скорее пойдет по знакомой ему дорожке.

Действительно, в цитированном уже нами объявлении 1746 г. говорится: «подле немецкой комедии»; в объявлении 1748 г. читаем: «против немецкого комедиального дома». Очевидно, нанять сам «комедиальный дом», сам Немецкий театр концертанты не решались, так как на концерты публика ходила в гораздо меньшем количестве, чем в театр и, кроме того, сбор за концерт едва ли бы окупил плату за помещение.

И концертанты стали обращаться к милости тогдашних вельмож-меценатов, живущих во дворцах, уступить для концерта свою залу. Отказы если и бывали, то редко. И первый концерт, отмеченный нами в царствование Екатерины II, был в «состоящем близ Летнего дворца доме его сиятельства князя Барятинского». Этот дом почти в неприкосновенном виде сохранился до наших дней: бывший дом министерства юстиции на Итальянской улице.

Большую помощь концертантам оказывали графы Строгановы — в зале их знаменитого дворца, построенного Растрелли на Невском проспекте у Полицейского моста, происходил ряд концертов.

Затем, когда Аничков дворец, приобретенный императрицей Екатериной II у графа Разумовского, был подарен князю Потемкину, а последним продан откупщику Шемякину, как в самом дворце, так и в особой садовой галерее — ее не существует в настоящее время, она помещалась приблизительно там, где теперь находится памятник Екатерине II,— раздавались очень часто и звуки различных инструментов, и пение самых разнообразных артистов.

Вельможи меценатствовали и отдавали свои танцевальные или парадные залы артистам, конечно, даром, но уже в то время граф Ягужинский, устроив у себя в доме помещение для настоящего театра с постоянной сценой, партером и ложами, сдавал этот театр за деньги.

Выгоду от сдачи помещений под концерты не замедлили учесть трактирщики. Концерты стали даваться и в Вюртембергском трактире на Малой Морской. Этот трактир был открыт вскоре после приезда невесты Павла Петровича — Марии Федоровны, которая была родом, как известно, из Вюртемберга; вместе с княжной приехал предприимчивый немец — и появился Вюртембергский трактир. Затем концерты были и в Английском, или, как тогда писали, «Аглинском» трактире в Галерном дворе, т. е. на Английской набережной.

Трактирщики не только сдавали помещения артистам, но довольно часто устраивали музыкальные увеселения на собственный риск. Так, например, в 1762 г. «на Адмиралтейской стороне, в Малой Морской у трактирщика Гейса славный гарфенист (арфист)

Гохбрикер по понедельникам и воскресеньям по полудни будет играть на гарфе особого рода».

Изредка концерты давались и в других трактирах, например в знаменитом Демутовом трактире, или, как тогда звали, доме Демута. Этот трактир и гостиница (в ней впоследствии останавливался Пушкин) помещался на Конюшенной улице и выходил на Мойку.

Позже концерты стали устраивать и в двух театрах: Каменном и Деревянном.

В начале 90-х гг. XVIII в. появился на петербургском горизонте один из увеселителей Петербурга, родоначальник последующих Излеров, Лентовских, Поляковых — француз Лион, который арендовал в течение ряда лет дом покойного фельдмаршала князя А. М. Голицына.

Лион снял дом и приспособил его главным образом для маскарадов — одним из усерднейших посетителей этих маскарадов был канцлер князь Безбородко, — но в свободное время от маскарадов, т. е. во время великого поста, сдавал свою залу для приезжающих иностранцев, а может быть, и сам лично устраивал концерты.

Трудовой день в столице начинался рано и рано же заканчивался. И начало первых концертов в Петербурге было обычно в 6 часов вечера или самое позднее в 7-м часу. Затем постепенно время начала концерта становилось позже и позже: в царствование Екатерины II концерты начинались в 8 часов, в последующие царствования — около 9 часов вечера.

Все зрители, или, как в то время их обычно называли, «смотрители» разделялись на две группы: знатные посетители и обыкновенные смертные. К первым артисты и антрепренеры обращались с одной из следующих льстиво заискивающих фраз: «за что смотрители из господ и госпож платить имеют по своему усмотрению», или «знатные господа могут

платить по изволению», или «что же касается до платы, она оставяется на произвол и щедрость зрителей» и, наконец, «каждая знатная особа платить имеет по своему благорассуждению».

Эта форма входной платы осталась неизменной весь XVIII в. для различных цирковых представлений, для эквилибристов, фокусников и прочих «артистов» этого рода. Но музыкальные артисты скоро поняли унижительность подобных условий и обычно назначали единую плату за вход в зал, без различия, какое место будет занято. Вначале такая плата была 1 рубль, причем делалось иногда очень характерное примечание: «за вход без разбору мест 1 рубль», затем стали брать и за место; за первые места бралось по 2 рубля. В царствование Александра I обычной платой признавалось 5 рублей, а в царствование Николая I — 10 рублей. При этом с одной стороны, подчеркивалось, что «в расходной книжке каждого образованного человека должна быть непременно рубрика: расход на концерты», а с другой стороны, делались жалобы на дороговизну мест в концертах. Так, в 1830 г. читаем такие строчки:

«Давно ли за кресло в театре платили по 2 с половиной рубля. В течение 20 лет цена за вход в спектакль увеличилась до 5 рублей, а ныне вдруг удвоилась в концерт (в этом году дирекция Императорских театров показала пример, назначив на свои концерты в 10 р.)... При этом увеличении цен на публичные забавы возвышаются цены на все предметы роскоши, а если притом не увеличиваются доходы, то в семейном бюджете теряется равновесие, и наступает необходимость отказываться от забав... Возвышение цен не в пору, если пустуют залы. Многие опасаются, чтоб 10-рублевая цена не сделалась обыкновенною и чтобы приезжие виртуозы, для отличия, не стали бы требовать 25 рублей, чего доброго».

К этим строчкам присоединим написанные в 1841 г.:
«Мы не zapomним, чтобы когда-либо концерты были так малопосещаемы, как в нынешнем году... Ныне крайняя цена за вход в концерт 10 рублей ассигнациями или 3 рубля серебром, т. е. втрое с половиною дороже самой высокой парижской цены».

Правда, возмущаясь дороговизною цен на концерты, газеты иногда приводили в утешение такие соображения:

«Особам, которые жаловались, что цены на итальянские спектакли слишком дороги, можем сообщить в утешение, что в Лондоне, в день посещения оперы Николаем I платили за ложу 60 фунтов стерлингов, т. е. 1500 рублей ассигнациями».

Мы видим, что на концерты приглашались все слои общества — знатные господа, купцы и мещане. Недопущение лакеев в зал понятно: в то доброе старое время господин не мог обойтись без услуг лакея, а если целая семья ехала в концерт, то ее сопровождал целый штат лакеев по числу членов семьи,— очевидно, что если разрешить вход в залу и лакеям, то места не останется и для господ. И русские господа должны были во время концерта обходиться без услуг Ванек и Сашек, которые ожидали возвращения своих господ или в прихожей, или у карет на морозе.

В екатерининское время овации делались, конечно, не по-нынешнему; когда вельможный зритель оставался доволен выполнением или исполнением, он, недолго думая, кидал на сцену свой кошелек, наполненный золотом. Пример всегда сопровождался подражанием, и артист не оставался в убытке.

БЫТ ЕКАТЕРИНИНСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,

От пестрой и роскошной Миллионной
До Выборгской унылой стороны...

Н. Некрасов

Простые петербуржцы тоже не прочь были поразвлечься.

Первое «танцевальное зало» открылось в 1769 г. на Мойке у столяра Кинта. «Каждое воскресенье будет музыка: желающие при том забавляться танцеванием за билет платить имеют по 25 копеек, а женщины безденежно впускаемы будут».

Обучали многому, прежде всего нужно было научиться правильно держать себя:

«Голову не слишком подавать вверх, что могло бы показать гордого, не хотящего смотреть на других человека, ни опускать вниз, что показывает унижение самого себя и нерешимость смотреть на людей, притом надлежит голову держать прямо и равномерно. Глаза, служащие зеркалом души, должны быть скромно открыты, означая приятную веселость; рот не должен быть открыт, что показывает характер сатирический или дурной нрав, а губы расположены с приятною улыбкою, не выказывая зубов».

Не меньше забот было и с представительницами прекрасного пола:

«Во-первых, надобно держать тело и голову прямо без принуждения и утвердиться на поясице, движение шеи должно быть свободно и легко, взгляд веселый и ласковый, плечо опустить и отвести назад, руки иметь возле тела и немного поддавши на перед так, чтобы не было почти никакого расстояния между руками и телом; кисти положить перед собою одну на другую...»

Летом петербуржцы танцевали в садах и парках. Первый общественный сад открылся весной 1793 г. на Мойке, он назывался «Вокзал в Нарышкином саду».

Учредил его помощник директора императорских театров барон Ванжура. По средам и воскресеньям здесь проводились танцевальные вечера. Входная плата составляла 1 рубль. На танцплощадке играли попеременно два оркестра — роговой и бальный.

Другой увеселительный сад располагался на острове Круглом (Гутуевском). Здесь за вход брали 25 копеек, на все лето можно было купить абонемент за 2 рубля 50 копеек. Помимо общественных садов функционировали императорские — Летний и Итальянский (между Литейным пр. и Фонтанкой) и сады вельмож, куда по определенным дням разрешался допуск всех желающих. Такими были сады Бестужева-Рюмина на Каменном острове. Елагина на Мельгуновом острове», Строганова и Безбородко на Выборгской стороне, Нарышкина на Петергофской дороге и многие другие.

В XIX в. появились новые танцы. Например, вальс.

Пришел вальс в бальные залы постепенно. Учителя танцев и устроители балов вводили его в другие танцы или сочиняли массовые танцы, основу которых составляли вращательные движения. В близости танцующих, в соединении рук многие моралисты усматривали безнравственность. Екатерина I тоже была против вальса, лишь после ее смерти он был введен при русском дворе. Но и при Павле I на общественных танцевальных вечерах в Петербурге полиция запрещала «употребление пляски, называемой вальсеном».

В 1759 г. в Петербурге появился и первый музыкальный вундеркинд.

«В большой Мещанской, в каменном доме г. советника Вишнякова у музыкального мастера Загольмана продаются разные музыкальные инструменты,— читаем мы такое извещение,— у него же есть мальчик 8 лет, который к удивлению играет на

скрипке трудные концерты, а притом изрядно поет и танцует. Кто желает его слушать, может приезжать по субботам ввечеру в 6-ом часу в помянутую квартиру, а ежели пожелает кто слушать ево у себя на дому, тот может прислать за ним, когда угодно».

Таким образом, вундеркинд оказался и скрипачом, и певцом, и танцором — кто он был такой и чем был на самом деле, мы не знаем.

В 1792 г. «Ведомости» писали: «Недавно сюда приехавшая российская уроженка девятилетняя девица Гансен будет иметь честь с некоторым тенористом дать большой вокальный и инструментальный концерт, на котором они будут петь итальянские и французские арии. Всяк слушатель может нежностью голоса и искусством столь малолетней девицы в удивление приведен быть. Она же, полагая свое благополучие в одобрении и похвале столь высокопочтенной публики употребит все свое старание для достижения предмета своего желания».

В 1798 г. музыкант Бервиль выходил на эстраду со своим десятилетним сыном.

* * *

Русский человек XVIII в., с большим любопытством рассматривавший иностранные изобретения, дал им самое подходящее название (немецкое слово он не перевел, а применил в своем языке): «куншт», «кунштюк».

Первый из таких «кунштюков» появился в Петербурге в 1755 г.: «В зале его превосходительства господина действительного камергера и кавалера И. И. Шувалова, на Невской перспективе, приехавший сюда из Парижа Франсуа будет показывать по понедельникам, вторникам, четвергам и воскресеньям пополудни с 4 часов до вечера свою художественную машину, которая представляет в натуральную величину

пастуха и пастушиху (т. е. пастушку), которые играют тринадцать арий на флейтоверсе. Пастух при этом ударяет такту и сии обе фигуры стоят под тению дуба, на котором движутся разного рода птицы и голос свой с тоном флейты соединяют; с зрителей будет брано по рублю, а по вторникам отворяться имеет машина, и механическое движение показываемо будет, за что тогда два рубля заплатить должно».

На машину поглядеть пришла и Елизавета Петровна, и «приехавший из Парижа Франсуа» был щедро награжден за свою диковинку.

В 1777 г. читаем: «С дозволения главной полиции показываемо здесь будет между Казанской церковью и съезжей (полицейской частью) в Марковом доме прекрасная, невиданная здесь никогда механическо-музыкальная машина, представляющая изрядно одетую женщину, сидящую на возвышенном пьедестале и играющую на поставленном перед нею искусно сделанном флигеле 10 отборнейших по новому вкусу сочиненных песен, т. е. 3 менуэта, 4 арии, 2 полонеза и 1 марш. Она с превеликою скоростью выводит наитруднейшие рулады и при начатии каждой песни кланяется всем гостям головою. Искусившиеся в механике и вообще любители художеств не малое будут иметь увеселение, смотря на непринужденные движения рук, натуральный взор ее глаз и искусные повороты ее головы; все сие зрителей по справедливости в удивление привести может. Оную машину ежедневно видеть можно с утра 9 до 10 вечера. Каждая особа платит по 50 к., а знатные господа сколь угодно».

Эти машины заменились впоследствии «верными и искусно устроенными механическими часами, кои играют на флейте, арфе и басе 10 разных штук и представляют: 1) великолепное село, на левой стороне которого находится трактир, на верх коего из трубы

выходит трубочист, бьет часы, и после последнего удара прячется паки в трубу, а на правой стороне виден под деревом сидящий и на флейте играющий пастух, а неподалеку от него на лошади почталион, который соответствует пастуху игранием на роге; 2) трактирщика, стучащего служанке в окно и приказывающего подать почтальону пить, с изображением, что служанка приходит и несет бутылку и стакан, а за служанкою бежит собачка и лает на почтальона и со стоящим на оных попугаем, который отвечает на вопросы до 50 разных слов и поет арии».

Читаем в газете: «Господин Вирбес, клавикордный мастер в Париже, выдумал новый клавесин, названный «Клавесин Гармонико-Небесный», который один своею игрою может выигрывать с точностью «консерты» и «симфонии-консертанты». Он соединяет в себе действия, каковые имеют пьяно-пьяниссимо, форто-фортиссимо, кречендо и сморцендо с 5 или 6 степенями, переменяемыми по произволению, и сверх того сей клавесин совершенствует голос 14 разных инструментов, а именно: архилютни, туорбы, голубеты, мандолины, гобоя, фагота, современной арфы, кларнета, флейты, свирели, тамбурина, гитары, игры, называемой небесной, и гармоники».

Это известие появилось вскоре после такого: «В Петербурге Антон Брандель будет почтенным любителям показывать играющий инструмент, который тоном против гобоя, подобен человеческому голосу и 8 футовым органам: оный инструмент при всяких концертах употребляем быть может, и на нем играют, как на клавикордах. Весом в 6 футов и величиною с большую книгу».

С легкой руки Петра I на петербургских церквах устанавливались куранты, они выписывались за большие деньги из-за границы, вместе с ними приезжали и «колокольные игральные музыканты»,

которым за игру на курантах платилось значительное, особенно по тому времени, жалование, и вот: «В прошлом 1724 году апреля 23 дня в канцелярии от строений учинен контракт с иноземцем колокольным игральным музыкантом Яганом Крестом Феретером быть в службе его императорского величества на три года в Санкт-Петербургской крепости у игранья в колокола на шпице Петропавловском... А в ту свою бытность выучить ему на колоколах играть, что на упомянутом шпице, российских людей из малолетних 6 человек в сущую твердость...».

Таким образом, эти выписываемые иноземцы должны были подготовить музыкантов из малолетних русских.

Из частных лиц граф Бестужев-Рюмин имел в Петербурге дом с башней, на которой помещались выписанные из-за границы часы.

Первый раз сведение об органе, предназначенное для широкой публики и потому отпечатанное в «Академических ведомостях», появилось в 1737 г. В ноябре этого года происходила установка большого органа в немецкой церкви Петра и Павла. Орган был пожертвован Минихом, и об этом событии, имевшем значение для немецкой колонии Петербурга, оповестили и все население империи.

В XVIII в. органы довольно часто продавались в Петербурге: так, в 1788 г. «у инструментального мастера Ган продаются со 12 голосами большие органы, вышиною 5, шириною 4, глубиною 1/4 аршина, которые укладываются в ящики».

С конца 80-х гг. XVIII в. появились в продаже под названием органов шарманки.

С первым известием о фортепиано мы встречаемся в 1771 г.: «Сделанный знатнейшим мастером инструмент, фортепиано называемый, продается на Васильевском острове в 10-й линии в доме секретаря Гивнерса, где

любители музыки оной видеть и о цене спросить могут».

В 1772 г. мы встречаемся уже с фортепиано из красного дерева; этот материал считался самым подходящим, причем с начала XIX в. фортепиано стали украшаться бронзой: «имеются для продажи и делаются на заказ фортепиано с бронзой и без оной» или «снаружи бронзой, эмалиею и тафтою украшенные».

* * *

Но перейдем к более материальным предметам.

Дешевизна продуктов питания делала жизнь в Петербурге для всех сословий вполне возможной. В то время ходили в обращении деньги более всего медные. Даже жалованье и пенсии выдавались медными монетами. Так, известный ветеран русской сцены, современник обоих Волковых и Дмитревского, актер Шумский, находясь на пенсии, квартировал у кого-то из своих родственников на седьмой версте по Петергофской дороге. Шумский каждый месяц приходил за своим месячным пенсионом, получал обычный двадцатипятирублевый мешок медных денег, взваливал его на плечи и относил домой, никогда не нанимая извозчика. Мешок таких денег весил полтора пуда.

«Для улучшения обращения денег, от которого,— как сказано в указе от декабря 1768 г.,— зависит благоденствие народа, цветущее состояние торговли, и дабы отвратить тягость медной монеты, затрудняющей ее оборот и перевоз», были введены в России к употреблению бумажные деньги, или ассигнации».

Торговля в Петербурге процветала.

В 1740-х гг. квартал вдоль Невского проспекта от «Гильдейского дома» до Садовой улицы был занят торговыми лавками. Из-за боязни пожара их решили

перестроить в каменные. Таким образом возник Гостиный двор.

Он был сооружен в 1761—1785 гг. по проекту Ж. Б. Валлен-Деламота.

О постройке гостиного двора на центральном городском проспекте думали задолго до того, как эту мысль удалось осуществить. Первый проект составил Растрелли. Однако его замысел остался неосуществленным, поскольку требовал слишком больших затрат, и строительство гостиного двора поручили Валлен-Деламоту. Его проект был куда скромнее, хотя и не лишен известной парадности, особенно в обработке въездов и фасада, обращенного к Невскому. Это понятно, ибо здание занимало одно из центральных мест на главной магистрали.

В каждом ярусе Гостиного двора имелось 170 лавок. Двор был разделен на четыре линии, из которых каждая имела свое название. Так, сторона, обращенная к Невскому, называлась Суконной линией, по Садовой — Зеркальной линией, далее — Большой Суровской линией и Малой Суровской линией. Под суконным тогда подразумевался всякий шерстяной товар; под зеркальным — всякий светлый товар. А суровским, или, вернее, сурожским, называли всякий шелковый товар. Эта торговля получила свое название от Сурожского моря; на жаргоне гостинодворцев, продавцы суровскими товарами назывались сурогами. Напротив большой Суровской линии, через улицу, впоследствии был построен Бабий ряд, или Перинная линия, где до сороковых годов XIX в. торговлей занимались одни женщины.

За Бабьим рядом был выстроен в 1800 г. купцом Нащокиным Мебельный ряд, и напротив его вытянулась Банковская линия, или по-старинному, Глазуновские лавки, в которых сидели менялы. Далее, по Садовой, в 1791 г. после постройки Ассигнационного банка был

сооружен Москотильный ряд. Москотильным товаром в русской торговле назывались краски, пряные корни и аптекарские материалы. Это название перешло к нам от арабов, торговавших в Болгарах этим товаром, получаемым из города Москота, или Муската.

Большой участок земли, окаймленный с одной поперечной стороны Большой Садовой улицей, с противоположной — набережной реки Фонтанки, известен с 1740 г. под именем торгового Апраксина двора; это был вполне народный рынок с кустарным товаром.

В 1780 г. в переулке от Большой Садовой улицы к Фонтанке находился Охотный, или Птичий ряд, где продавалась живая и битая птица, собаки, кошки, обезьяны, лисицы. Здесь же были ряды: лоскутный, ветошный, шубный, табачный, мыльный, свечной, луковый, седельный, нитяной, холщовый, шапочный и стригольный ряд, «где фельдшеры сидят для стрижения волос и бород». Рядом с Апраксиным двором был Щукин двор; там торговали ягодами и овощами.

В 1787 г. на Невском проспекте у Большого Гостиного двора был выстроен каменный в три этажа дом, где в нижнем ярусе поместились 14 лавок с серебром, жемчугом и драгоценными камнями.

Эти лавки некогда принадлежали богатому купцу Яковлеву, сын которого служил в Министерстве иностранных дел и писал театральные рецензии в «Северной пчеле». За строгий разбор бенефиса актера В. А. Каратыгина он был выведен в водевиле в смешном виде и, по словам Каратыгиной, был узан всей публикой, громко смеявшейся в сцене, когда отец водевильного рецензента, почтенный богатый купец, торгующий серебряными изделиями, уговаривает сына не позорить его имени и не срамить себя самого статьями, сочиненными под хмельком. Нападки были несправедливы. Яковлев был известен, как честный

критик, талантливый переводчик и остроумнейший человек в обыденной жизни.

За два года до постройки Гостиного двора был дан купечеству устав о гильдиях. Преимущество гильдий единственно зависело от суммы объявленного капитала в шестигласной думе. Объявивший капитал от тысячи до 5 000 рублей принадлежал к третьей гильдии и мог вести мелкий торг, держать трактиры и т. д.

Объявивший капитал от 5 000 до 10 000 рублей принадлежал ко второй и торговал чем хотел, но не мог держать фабрики и иметь торговлю на судах.

Заявивший капитал от 10 000 до 50 000 рублей и платящий с этой суммы по одному проценту со ста принадлежал к первой гильдии и мог торговать с заграницей, иметь заводы и проч. Купцы же, объявившие у себя капитала более 50 000 рублей, имевшие свои корабли и производившие вексельные обороты более чем на 100 000 рублей или два раза избранные заседателями на судах, носили звание именитого гражданина. Они могли ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дома и сады, заводы и фабрики, и наравне с дворянством освобождались от телесного наказания.

Особенно богатых купцов в Петербурге середины XVIII в. было немного. Богатым в то время был только двор и некоторые царедворцы. При Екатерине II все высшие государственные сановники торговали и пускались в разные спекуляции. По словам Храповицкого, в это время самыми известными винными откупщиками были князья Ю. В. Долгорукий, С. Гагарин и Куракин. Трудно было купцам при такой конкуренции наживать капиталы. Богатели только те из них, кто участвовал в деле вместе с вельможами.

Одно время, как рассказывает тот же Храповицкий, императрица хотела воспользоваться капиталами купцов, предлагая им вместо процентов чины и

баронский титул. Но этот проект, порученный генерал-прокурору Соймонову, потерпел неудачу.

Известному в то время богачу, петербургскому городскому голове А. Н. Березину, за постройку первой народной школы в Петербурге был предложен чин, но он отказался.

— Чин взять — пешком носить его тяжело, а надобно возить его в карете; пусть он охотникам достанется.

В конце царствования Екатерины II купцов-миллионеров уже было гораздо больше. Из числа таких славились своими богатствами Шемякин, Лукин, Походяшин, Логинов, Яковлев, Горохов. Последний в Петербурге был настолько популярен, что заставил жителей забыть название улицы Адмиралтейская, на которой жил и торговал, и называть ее Гороховой по своей фамилии.

Именно он выстроил в 1756 г. первый каменный дом в этой местности. Про купца Логинова, откупщика и приятеля князя Потемкина, Державин рассказывает, что он раз, устроив у себя зимой народный праздник, выставил народу такое количество водки, что на другой день полиция подобрала множество мертвых тел. По смерти Логинова долг его в казну простирался до 2 000 000 рублей.

Другой такой же откупщик, Савва Яковлев, по уличной фамилии Собакин, при вступлении императрицы Екатерины II на престол стал отказывать народу и не отпускать даром водку вопреки велению государыни; народ стал скандалить. Екатерина приказала объявить купцу свое неудовольствие. Опала Яковлева стала известна в столице. Народ рассказывал на улицах, что государыня пожаловала ему чугунную пудовую медаль с приказанием носить на шее по праздникам. Державин написал эпиграмму «К Скопихину».

Вскоре Екатерина отправилась в Москву для коронавания, следом за ней поехал и Яковлев. На пути Екатерина заметила в одном небольшом селении ветхую деревянную церковь, и приказала по возвращении своем в Петербург напомнить ей о ней. Яковлев, узнав об этом, поспешил тотчас же восстановить храм и украсить богатыми иконами. По окончании коронационных празднеств императрица на обратном пути в Петербург, проезжая это село, была встречена крестным ходом с колокольным звоном. Она очень удивилась и выразила свою признательность Яковлеву.

Племянник этого Яковлева, Иван Алексеевич Яковлев, отличался тоже крупной благотворительностью. Он, в чине корнета Конногвардейского полка был единственным из всех младших офицеров российской армии, который имел орден Св. Владимира. Эту генеральскую награду Яковлев заслужил за то, что покрыл железом из своих сибирских заводов все казенные строения в Москве, пострадавшие во время исторического пожара 1812 г.

Брат его Савва отличался самодурством. Он при содействии безграничного кредита, открытого отцом, успевал проматывать более миллиона рублей в год. Отец его говорил ему: «Савва! Будешь у меня кость глотать, как положу тебе в год на прожитие только сто тысяч». Савва служил в Кавалергардском полку и был одно время ремонтером, поставляя в полк таких прекрасных коней, каких никто не мог добыть. Служил он недолго, пьянство и скандалы заставили его выйти из полка; особенно один крупный скандал в театре ускорил его отставку: он бросил из боковой ложи дохлую кошку немецкой актрисе Нерейтер.

По выходе в отставку Савва предался самому беспробудному пьянству. Мотовство наконец истощило его богатство, он стал занимать деньги под векселя за

подписью своего родственника, молодого гвардейского полковника Угримова, со своим поручительством. Векселей таких выдано было более чем на миллион рублей. Когда же пришло дело к расплате, Савва не признал своей подписи. Угримов был арестован и кончил жизнь самоубийством в тюрьме. Невинная смерть приятеля повлияла на самодура, и он в припадках сплина стал стрелять из пистолета по драгоценным вазам старого саксонского и севрского фарфора, хранившимся в богатых покоях своего отца. Вскоре он, впрочем, утешился, сойдясь с наездницей из цирка Людовикой Сlopачинской. Красавица, однако, недолго терпела его и променяла на известного богача-красавца Вадковского, который и дал Савве публично в цирке пощечину за какой-то неблаговидный поступок со Сlopачинской. Яковлева из цирка привезли в обмороке домой, и так как он непременно желал стреляться с Вадковским, то был подвергнут домашнему аресту. Последний скандал на него подействовал весьма сильно, он предался пьянству еще больше.

* * *

Торговые части Петербурга, где теперь стоят Гостиный и Апраксин дворы, в середине XVIII в. были топкими местами, так что в плохую погоду не было возможности ни пройти, ни проехать. Невский проспект, на котором теперь красуется лицевой своей стороной Гостиный двор, получил свое название при императрице Анне (1738); в это время было постановлено: «По комиссскому рассуждению, впредь именовать Большую перспективу, что следует от Адмиралтейства к Невскому монастырю,— Невскою перспективою». Невский проспект был тогда не что иное, как длинная аллея, вымощенная бревнами и обсаженная по обеим сторонам деревьями. Проложили и работали над ней при Петре I пленные шведы; их обязанностью было

также мести ее каждую субботу. Улицам Петербурга предписывалась чистота; каждый домовладелец обязан был против своего двора рано утром или вечером, когда по улицам не было ни езды, ни ходьбы, сметать всякий сор.

За неисполнение этого правила налагался штраф: по две деньги с сажени в ширину его двора. Особенно строго наказывались те, кто вывозил на Неву и другие реки нечистоты. За это у знатных их служители, а незнатные домовладельцы самолично должны были быть биты кнутом и ссылаемы в вечную каторжную работу.

Установлено было, чтобы все торгующие съестными припасами на улицах и в лавках «ходили в белом мундире по указу, а мундиры бы делать по образцу, как в мясном и рыбном рядах у торговых людей». С нарушителей брали штраф, а товар отбирали «на великого государя».

Было также запрещено: «чтоб никто никакого чину по малой речке Мье и по другим малым речкам и по каналам днем и ночью, на лошадях, в санях и верхом, кроме пеших, отнюдь не ездил, того ради, что от коневого помета за-сариваются оные речки и каналы». Также замечено было, что извозчики в Петербурге ездили на невзнузданных лошадях и топтали пешеходов, почему было постановлено за первую подобную вину — «кошки», за вторую — кнут, за третью — ссылка на каторгу. «Имеющим же охоту,— сказано в указе,— бегать на резвых лошадях взапуски или взаклад, и тем людям такое бегание позволяется чинить, выезжая в Ямскую слободу» и т. д.

Не менее интересно было в описываемое время запрещение нищим шататься по улицам и просить милостыню, «понеже в таковых многие за леностями и молодые, которые в работы и наймы не употребляются, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме

воровства, показать не можно...». С подавших милостыню взыскивался штраф в 5 рублей, потому что желающие помогать бедным обязывались делать пожертвования на богоугодные заведения.

В деревянном Гостином дворе, стоявшем на месте нынешнего Гостиного двора, торговали на ларях, в шалашах и вразнос. По рассказам иностранцев, бывших в это время в Петербурге, иногда и проезд по проспекту от тесноты был невозможен, особенно от возов с дровами и сеном.

Торговцы того времени пользовались весьма дурной славой. Явился даже обличитель купцов, Матинский, написавший комическую оперу «Санктпетербургский гостиный двор», где был выведен разными плутнями и мошенничеством нажившийся гостинодворец Феропонт Сквалыгин и товарищ в его плутовских проделках, взяточник, подьячий Крюкодей. Опера была дана в первый раз в ноябре 1783 г. на Царицыном лугу в театре Книпера и Дмитревского. Как гласила афиша, сочинения она «путешествующего по Италии крепостного человека Матинского графа Ягужинского, музыка тоже Матинского». Опера имела необычайный успех.

Матинский Михаил Алексеевич (1750 – 1820) — русский драматург, композитор, педагог. Из крепостных. Автор текста и музыки одной из ранних комических опер — «Санктпетербургский гостиный двор» (пост. 1779). Для новой постановки оперы (1792) переработал либретто («Как поживешь, так и прослывешь») композитор В. А. Пашкевич — музыку.

Образ жизни купца XVIII в., как говорит П. И. Страхов, был таков, что блаженство его состояло в том, чтобы иметь жирную лошадь, толстую жену, крепкое пиво, в доме своем особенную светелку, баню и сад. Утром сидел он в лавке, где со знакомыми и

покупателями выпивал несколько так называемых «галенков» чаю. После обеда спал три часа, а остальное время проводил с приятелями, играя в шашки на пиво. Богатый купец имел свою пословицу, которая в кругу его знакомых заменяла остроумие, возбуждала смех и часто давала предлог к выпивке. Купцы за особенное качество ума считали бестолковость в разговорах; речь их иногда делалась совсем непонятной от излюбленной пословицы, которую они употребляли без всякой надобности, через несколько слов.

При первом с кем-нибудь свидании или знакомстве купец тотчас старался закидать его пословицами и прибаутками и тем дать знать, что он, как говорится, «сам себе на уме». Купец всегда любил выпить и помимо разных семейных празднеств - именин, родин, крестин - искал случая напиться, особенно баня еженедельно давала предлог к пьянству и созывам гостей.

Летом в праздники купцы с друзьями ездили за город с пирогами, самоварами и водкой. Смотрение кулачных боев, медвежьей травли, катаний с гор составляли любимейшие зимние удовольствия. Жены купцов не пили пива и не играли в шашки, но хозяйка дома свою гостью отводила потихоньку в спальню, будто для разговора, и подносила ей там по чарочке тайком, пока не напавала допьяна.

Приказчики подражали хозяевам, с той только разницей, что напивались допьяна при игре одного из товарищей на гусях.

Достоинство молодого купеческого сына состояло в том, чтобы он умел твердо читать и писать и знал бы проворно выкладывать на счетах. Но более способным считался тот, кто умел быстро и звонко звать покупателя, хвалить товар, божиться, обвешивать и обсчитывать. Дочери богатых купцов всегда составляли лакомый кусок для промотавшихся дворян. Было время,

говорит Страхов, что из Петербурга разорившиеся моты на последние деньги скакали в Москву для поправления своего состояния женитьбой. Видные и красивые осаждали миллионы как крепости, брали их иногда хитростью, а иногда штурмом. Женившись на богачке, из всей силы продолжали мотать до смерти, оставляя детям при нищете одно удовольствие — вспоминать, что мать их была миллионерша.

Купец носил русское платье, ходил «при бороде», летом был в чуйке, зимой в шубе. Жил он в своем деревянном домике где-нибудь на Песках или у Владимирской; вид его был смирный, почитал он после Бога власть, поставленную от Бога. Стоял почтительно за прилавком, сняв шапку пред благородной полицией, боялся военных, чиновников, целый век обдергивался, суетился. Жену, детей держал в черном теле и в страхе Божьем. Умирал такой отец семейства и выносили его в дубовой колоде ногами в ворота на «Большую Охту», или на «Волково».

После смерти старика-купца часто оказывался значительный капитал, наследник на месте отеческого диконького домика выводил огромный дом, и сам облакался в вариант европейской моды: длинный сюртук, брюки, вправленные в сапоги. Бороды уже не было. Одежду купца чистил старший приказчик, но сапоги вверялись сыну или мальчику. Чистка сапог требовала долгой работы и особенного умения. Вакса была восковая, накладывать ее на кожу нужно было понемножку, разогревая дыханием, затем сейчас же растирать и намазывать следующий слой. Сапожный глянец высоко ценился купцами.

Вставал купец рано и являлся в лавку зимой вместе с первым проблеском света, летом он приходил в шесть часов утра. Отпирая лавку, пили сбитень, съедали несколько калачей и принимались за торговлю. В торговле в то время первое дело было зазвать к себе

покупателя и отбить его у соседа. Поэтому молодцы с зычным голосом, неотвязчивые и умеющие в зазывах своих насулить покупателю с три короба, высоко ценились хозяевами. Когда покупатель в лавку был зазван, торговец старался улестить его и продать товар втридорога. На такие уловки нужна была опытность. Платье, походка, речь покупателя, тут все берется в расчет. С одним надобно кланяться, упрашивать, сделать уступку «из уважения», с другого заломить сразу цену и вести себя гордо, не уступать копейки, третий, как, например, мужичок, требует фамильярного обращения: стукнуть по плечу, по животу, и «что ты, мол, брат, со своими торгуешься, со своего человека земляка лишнего не возьмем». С духовенством можно заговорить от Писания, следует подойти под благословение, в самой физиономии выразить некоторую святость.

Всякий товар надобно было показать лицом. Например, материи торговец старался на прилавок накидать такую грудку, что у покупателя разбегаются глаза. Кусок материи разворачивался так, чтобы на него прямо падал свет и т. д.

Купцы из лавок ходили обедать домой и после обеда ложились отдыхать. В то время спали после обеда все, начиная от вельмож до уличной черни, которая «отдыхала» прямо на улицах.

Не спать после обеда считалось в некотором роде ересью, как всякое отступление от прадедовских обычаев. Когда смеркалось, купец запирает лавку на замок, прикреплял восковую печать и, помолившись, шел домой. При однообразии торговой жизни в рядах Гостиного доставляла развлечение игра в шашки; почти около каждой лавки стояла скамейка, посредине которой была нарисована «шашельница». Около играющих иногда образовывалась целая толпа зрителей, которые в игре принимали живейшее

участие, ободряли игроков и смеялись над их оплошностями.

Вот как рассказывает об этом времени граф Сегюр:

«Богатые купцы в городах любят угощать с безмерною и грубою роскошью: они подают на стол огромнейшие блюда говядины, дичи, рыбы, яиц, пирогов, подносимых без порядка, некстати и в таком множестве, что самые отважные желудки приходят в ужас. Так как у низшего класса народа в этом государстве нет всеоживляющего и подстрекающего двигателя — самолюбия, нет желания возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслаждения, то ничего не может быть однообразнее их жизни... ограниченнее их нужд и постоянное их привычек. Нынешний день у них всегда повторение вчерашнего; ничто не изменяется; даже их женщины, в своей восточной одежде, с румянами на лице (у них даже слово красный означает красоту), в праздничные дни надевают покрывала с галунами и повойники с бисером, доставшиеся им по наследству от матушек и украшавшие их прабабушек. Русское простонародье, погруженное в рабство, не знакомо с нравственным благосостоянием, но оно пользуется некоторою степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных народов.

Раз утром торопливо прибегает ко мне какой-то человек, смущенный, взволнованный страхом, страданием и гневом, с растрепанными волосами, с глазами красными и в слезах; голос его дрожал, платье его было в беспорядке; это был француз. Я спросил его, отчего он так расстроен.

— Граф, — отвечал он, — прибегаю к вашему покровительству, со мной поступили страшно

несправедливо и жестоко; по приказанью одного вельможи меня сейчас оскорбили без всякой причины: мне дали сто ударов кнутом.

— Такое обращение, — сказал я, — даже в случае важного проступка непростительно; если же это случилось без всякого повода, как вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невероятно. Кто же это мог сделать?

— Его сиятельство граф Б.

— Вы с ума сошли, — возразил я, — невозможно, чтобы человек такой почтенный, образованный и всеми уважаемый, как граф Б., позволил себе такое обращение с французом. Вероятно, вы сами осмелились его оскорбить?

— Нет, — возразил он, — я даже никогда не знал графа Б.; я повар. Узнав, что граф желает иметь повара, я явился к нему в дом, и меня повели наверх, в его комнаты. Только что доложили обо мне, он приказал мне дать сто ударов, что сейчас же и было исполнено. Вы не поверите, что это так случилось, однако это правда; если хотите, я могу представить вам доказательство и показать мою спину.

— Слушайте же, — сказал я ему наконец, — если, вопреки всякому вероятию, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворения за это оскорбление. Я не потерплю, чтобы обращались таким образом с моими соотечественниками, которых я обязан защищать. Если то, что вы мне сказали, — неправда, то я сумею наказать вас за такую клевету. Снесите сами письмо, которое я сейчас напишу графу; кто-нибудь из моих людей пойдет с вами.

Я действительно тотчас написал графу Б. о странной жалобе повара и, между прочим, заметил, что хоть я и не верю всему этому, однако обязан оказать защиту моему французцу и прошу его объяснить мне это странное дело. Очень могло быть, что кто-нибудь из его

слуг недостойно воспользовался его именем для такого насилия. Я его предупреждал, что с нетерпением ожидаю его ответа, чтобы принять нужные меры для наказания того, кто принес жалобу, в случае, если он солгал, и чтобы удовлетворить его, если он, против всякого вероятия, говорит правду.

Прошли два часа; я не получал никакого ответа. Наконец я стал терять терпение и хотел уже идти сам за объяснением, которого требовал, как вдруг опять явился повар, но в совершенно другом настроении: он был спокоен, улыбался и смотрел весело.

— Ну, что же, принесли вы мне ответ? — спросил я его.

— Нет, граф, его превосходительство сам доставит вам его вскоре; а мне уж больше не на что жаловаться, я доволен, совершенно доволен; тут вышла ошибка, мне остается только поблагодарить вас за вашу милость.

— Как, разве уже следы ваших ста ударов исчезли?

— Нет, они еще на моей спине и очень заметны, но их очень хорошо залечили и меня совершенно успокоили. Мне все объяснили; вот как было дело: у графа Б. был крепостной повар, родом из его вотчины; несколько дней тому назад он бежал и, говорят, обокрал его. Его сиятельство приказал отыскать его и, как только приведут, высечь. В это-то самое время я явился, чтобы проситься на его место. Когда меня ввели в кабинет графа, он сидел за своим столом, спиной к двери, и был очень занят. Меня ввел лакей и сказал графу: «Ваше сиятельство, вот повар». Граф, не оборачиваясь, тотчас отвечал: «Свести его на двор и дать ему сто ударов!» Лакей тотчас запирает дверь, тащит меня на двор и, с помощью своих товарищей, как я уже вам говорил, отсчитывает на спине бедного французского повара удары, назначенные беглому русскому. Его сиятельство сожалеет обо мне, сам

объяснил мне эту ошибку и потом подарил мне вот этот кошелек с золотом.

Я отпустил этого бедняка, но не мог не заметить, что он слишком легко утешился после побоев.

Все эти выходки — выходки то жестокие, то странные и редко забавные — происходят от недостатка твердых учреждений и гарантий. В стране безгласного послушания и несправедливости владелец самый справедливый и разумный должен остерегаться последствий необдуманного и поспешного приказания.

Кстати, я расскажу историю об одном ловком, дерзком плуте, чтобы показать степень неблагоразумия петербуржцев, людей самых гостеприимных в мире, принимавших без разбору иностранцев. Этот смелый обманщик называл себя, помнится, графом де Вернелем. Он, по-видимому, был богат и несколько лет путешествовал. Он уверял, что, не имев прежде намерения быть в России, он не взял с собой никаких бумаг, нужных для предъявления нашему посольству, и показывал только какие-то неважные письма, будто бы писанные к нему какими-то немецкими или польскими дамами. Он хорошо говорил, был недурен собою, забавен, мило пел и играл и потому, как мне рассказывали, втерся в лучшее петербургское общество. Ему все удавалось, и все шло успешно. Но скоро в одном доме заметили пропажу столовых приборов, в другом пропали часы, там — табакерки и драгоценные вещицы. Так как эти вещи исчезали именно в тех домах, где бывал этот модный плут, то его стали подозревать, о нем стали поговаривать, наконец, на него донесли, хотели его схватить, но он скрылся. Тогда в России паспорта предъявлялись только при переезде через границу; внутри же России всякий мог беспрепятственно и свободно разъезжать от Балтийского моря до Черного, от Борисфена и Двины до Амура, отделяющего Китай от России, и до самой

Камчатки. Только если кто-либо хотел выехать в чужие края из Петербурга, то должен был свой паспорт вытребовать за восемь дней до отъезда, чтобы между тем можно было объявить о выезжающем кредиторам и предохранить их от обмана. Самозванец граф, разумеется, не мог исполнить этих правил. Он об них и не заботился и, поехав на авось, достиг границы безо всякого вида. Тут он остановился в гостинице, пешком отправился к местному начальнику, сказал свое имя и велел о себе доложить. Лакей отвечал ему, что генерал только что встал, одевается и просит его подождать. Через несколько минут граф наш начинает сердиться, кричать и браниться, называет губернатора невежею и объясняет, что он не вышел бы из Польши, если бы знал, что в России встретит только варваров, грубых лакеев и невоспитанных губернаторов. Лакей тотчас же отправился к его превосходительству и рассказал ему, что пришедший иностранец расходился и бранит его так и так. Губернатор, вышедший из себя, велел схватить дерзкого незнакомца, посадить его немедленно в кибитку и высадить на польскую землю, о которой он так сожалел. Приказание немедленно было исполнено; а не прошло трех часов, как курьер из Петербурга привез губернатору повеление захватить мошенника».

Утром по Гостиному двору проходили бесконечные вереницы нищих; шли бабы с грудными младенцами и с поленьями вместо них; шел благородный чиновник, поклонник алкоголя, в фуражке с кокардой, рассказывая публике мнимую историю своих бедствий; шел пропойца-мастеровой; собирали чухонки на свадьбу, гуляя попарно, со словами: «Помогай невесте»; возили на розвальнях пустые гробы или крышку от гроба старухи, собирая на похороны умершему; шли фонарщики, собирая на разбитое стекло в фонарях. Ходил и нижний полицейский чин с кренделем в платке,

поздравляя гостинодворцев со своими именинами. Бродил здесь и нищенствующий поэт Петр Татаринов с акrostихом, из заглавных букв которого выходило: «Татаринову на сапоги». Проходил и артист со скрипкой, наигрывая полонез Огинского. Бродили, особенно перед праздниками, разные калеки, слепцы, уроды, юродивые, блаженные, странники и странницы. Между последними долго пользовалась большой симпатией у торговцев старушка лет шестидесяти, в черном коленкоровом платье, с ридикюлем в руках. Она была из княжеского рода, воспитывалась чуть ли не в Смольном и говорила по-французски и по-немецки. Звали ее Аннушкой или Анной Ивановной. В молодости она имела жениха — гвардейского офицера, женившегося на другой. Обманутая невеста покинула Петербург и только спустя несколько лет явилась в столицу, но уже юродивой. Одета в лохмотья, она ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим. На улице заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко била их палкой. Аннушка могла предсказывать. Раз, встретившись в лавре с одним архимандритом, она предсказала ему получение епископского сана; действительно, архимандрит вскоре получил епископство и был сделан викарием в Петербурге. Впоследствии он поместил Аннушку в Охтенскую богадельню под вымышленной фамилией Ложкиной. В богадельне ей не понравилось. Незадолго до своей смерти Аннушка пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав на землю, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Анне. Когда панихида была отслужена, она покров пожертвовала в церковь с тем, чтобы им покрывали бедных умерших, и просила протоиерея похоронить ее на этом месте. При погребении Аннушки присутствовали толпы народа.

В числе разных пустосвяток, бродивших по Гостиному двору, обращала на себя внимание толстая баба лет сорока, называвшая себя «голубицей оливаной». Носила эта голубица черный подрясник с широким ременным поясом; на голове у нее была иерейская скуфья, из-под которой торчали распущенные длинные волосы; в руках пучок восковых свечей и большая трость, которую она называла «жезлом иерусалимским». На шее у нее были надеты четки с большим крестом и образ, вырезанный на перламутре. Народ и извозчики звали ее Макарьевной. Говорила она иносказательно; на купеческих свадьбах и поминках играла первую роль и садилась за стол с духовенством. Занималась она также лечением, обтирая купчих разными мазями в бане. Круг действий Макарьевны не ограничивался одним Петербургом. Она годами жила в Москве, посещала нижегородскую ярмарку, Киев и другие города. Макарьевна выдала свою дочь за квартального надзирателя, дав в приданое тысяч двадцать. Подчас она жила очень весело, любила под вечерок кататься на лихачах, выбирая который помоложе и подюжее.

Немалое любопытство вызывала у гостинодворцев утренняя доставка преступников на Конную площадь. Телесные наказания производились публично: преступника везли рано утром на позорной колеснице, одетого в длинный, черный суконный кафтан и такую же шапку, на груди у него висела черная деревянная доска с надписью крупными белыми буквами о роде преступления; преступник сидел на скамейке спиной к лошадям, руки и ноги его были привязаны к скамейке сыромятными ремнями. Позорная колесница следовала по улицам, окруженная солдатами с барабанщиком, который бил при этом особенную глухую дробь. В отдельном фургоне за ним ехал, а иногда шел пешком

палач в красной рубашке, под конвоем солдат, выпрашивая у торговцев на косушку водки.

По прибытии позорной колесницы к месту казни преступника вводили на эшафот; здесь к нему подходил священник и напутствовал его краткой речью, давал поцеловать крест. Затем чиновник читал приговор. Тюремные сторожа привязывали преступника к позорному столбу; снимали с него верхнее платье и передавали в руки палачам. Те разрывали ему как ворот рубашки, так и спереди рубашку до конца, и, обнажая по пояс, клали преступника на «кобылу», привязывали к ней руки и ноги ремнями. Потом палачи брали плети, становились в ногах преступника и ждали приказа начать. Начинал стоявший с левой стороны палач; медленно поднимая плеть и с криком: «Берегись, ожгу!» — наносил удар, за ним бил другой и т. д.

По окончании казни преступника отвязывали, накидывали на спину рубашку и после наложения клейма надевали шапку, сводили под руки с эшафота, клали на выдвижную доску с матрасом в фургоне и вместе с фельдшером отвозили в тюремную больницу. При высылке на каторгу палачом клещами вырывались ноздри. Ворам ставили на щеках и на лбу знаки: «вор» и затем их затирали порохом.

В Гостином дворе в конце XVIII в. нередко видели тучного вялого старика, известного распространителя скопческой ереси Кондратия Селиванова. О нем рассказывали много таинственного: говорили, что Селиванов предсказывает будущее, а этого уже было достаточно, чтобы привлечь суеверную публику. Петербургские барыни толпами приезжали к пророку. Селиванов жил в Басковом переулке, близ артиллерийских казарм. Здесь нередко стояло до десяти карет, заложенных, по тогдашнему обычаю, четвернями и шестернями. Даже такие особы, как министр полиции Балашов и петербургский генерал-

губернатор граф Милорадович, не брезговали беседовать с этим старцем и получать от него благословение. Селиванов принимал гостей под пологом с кисейными занавесками, лежа на пуховиках в батистовой рубашке. Впоследствии он жил в своем доме близ Лиговки. Это был первый в Петербурге скопческий дом, или, как его называли скопцы, «Новый Иерусалим». В этот храм стекались скопцы со всех концов России. Приходивший встречал самое широкое гостеприимство. Лица, приставленные к пришедшим, незаметно выводывали от последних про их домашние нужды и обстоятельства и затем все передавали Селиванову, который этим при разговорах с ними и пользовался.

Таким образом, слава лжепророка росла, как и усердные приношения в его кассу. Селиванов прожил до 1820 г., т. е. до ссылки его в монастырь. В этом доме была устроена зала, где могло радеть более шестисот человек. Разделена она была на две части глухой перегородкой. В одной половине радели мужчины, в другой женщины. Над перегородкой была ложа, вроде кафедры, под балдахином, где сидел Селиванов. Молящиеся кружились внизу, одетые в двойные белые рубашки. В одной из комнат, примыкающих к храму, помещалось всегда до десятка и более молодых бледнолицых мальчиков; здесь они подвергались операции, которая делала их голоса дискантами. «Настало златое время воскресения»,— говорили скопцы. Полиция знала, что делается в этом доме, знала также, что число скопцов в Петербурге множится. Никаких, однако, мер не предпринималось, еще не существовало законов против скопчества. На секту смотрели снисходительно. Народ же на скопцов смотрел благодушно и в шутку называл их «масонами».

Петербург притягивал авантюристов всех мастей.

Знаменитый обольститель XVIII в. Казанова большую часть жизни провел в путешествиях. Не миновал он и

России, где побывал в 1765—1766 гг.

Небезынтересны его записки о Петербурге. Хотя, врет он во многом. Например, чего стоит сцена с покупкой девушки.

«...Я выехал из Риги 15-го декабря на пути в Петербург, куда прибыл через 60 часов после выезда. Расстояние между этими двумя городами почти такое же, как между Парижем и Лионом, считая французскую милю (лье) около 4-х верст. Я позволил стать сзади моей кареты бедному французу-лакею, который зато служил мне бесплатно во все время моей поездки. Спустя три месяца после того, я был ни мало удивлен, увидев его возле себя за столом у графа Чернышева в качестве гувернера при сыне его. Но не стану забежать вперед в своем рассказе. Мне предстоит сказать многое о Петербурге, прежде чем останавливать внимание на лакеях, которых я встречал там не только гувернерами князей, но и еще лучше.

Петербург поразил меня своим странным видом: мне казалось, что я вижу поселение дикарей, перенесенное в европейский город. Улицы длинные и широки, площади просторны, дома просторны: все это ново и неопратно. Известно, что этот город был импровизирован царем Петром Великим. Его архитекторам удалось подражание постройкам на европейскую стать; но все-таки эта столица высматривает пустыней и соседкою северных льдов. Нева, орошающая своими сонными волнами стены многочисленных дворцов, не река, а скорее озеро. Я нашел себе две комнаты в отеле, с окнами на главную набережную. Мой хозяин был штутгартский немец, сам недавно приехавший сюда. Он очень ловко объяснялся со всеми этими русскими и сразу давал им понимать себя, чему я удивился бы, если б не знал заранее, что немецкий язык общераспространен в этой стране, а туземное наречие здесь употребляется одною только чернью. Хозяин мой,

видя во мне новоприезжего, растолковал на своей табарщине, что при дворе дается бал-маскарад,— огромный бал на шесть тысяч особ, долженствующий продолжаться 60 часов. Я взял предложенный им билет и, завернувшись в домино, побежал в императорский дворец. Общество собралось уже все и танцы были в самом разгаре; в некоторых покоях помещались буфеты внушительной наружности, ломившиеся под тяжестью съедобных вещей, которых достало бы для насыщения самых дюжих appetitов. Вся обстановка бала представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядных гостей; общий вид был великолепный. Любуясь им, я вдруг услышал случайно чьи-то слова: «Посмотрите, вот императрица; она думает, что ее никто не узнает; но погодите, ее скоро все различат по ее неотступному спутнику, Орлову». Я пошел вслед за домино, о котором говорили, и вскоре убедился, что то была действительно Екатерина: все маски говорили о ней одно и то же, притворяясь неузнающими ее. Среди огромной толпы она ходила взад и вперед, теснимая со всех сторон, что, по-видимому, не причиняло ей неудовольствия; иногда она садилась сзади какой-нибудь группы, ведущей приятельскую болтовню. Этим она рисковала столкнуться с кое-какими маленькими неприятностями, □ так как разговор мог касаться ее самой; но, с другой стороны, вознаграждалась возможностью услышать полезную для себя истину: счастье, редко выпадающее на долю царей. В некотором расстоянии от императрицы, я заметил маску колоссального роста, с геркулесовскими плечами. Когда эта атлетическая фигура проходила мимо, все говорили: «это Орлов»...

Орлов Алексей Григорьевич (1737 □ 1807) — граф, гос. деятель. Выдвинулся в связи с участием в дворцовом перевороте 1762 г., в результате которого Екатерина II была возведена на престол.

Был главнокомандующим русской эскадрой при разгроме турецкого флота в 1770 г. в Чесменской бухте.

Орлов Григорий Григорьевич (1734 – 1783) — граф, гос. деятель. Фаворит Екатерины II. Главный организатор дворцового переворота 1762 г.

...После бала, проспав ровно целые сутки, я поехал к генералу Мелиссино. У меня было к нему рекомендательное письмо от прежней его фаворитки, де Лольо. Благодаря этой рекомендации, генерал принял меня как нельзя лучше и пригласил бывать на его ужинах. В его доме все было на французский лад: стол и напитки отличные, беседа оживленная, а игра и пуще того. Я познакомился с его старшим сыном, женатым на княжне Долгоруковой. С первого же вечера я засел за фараон; общество состояло все из людей порядочных, проигрывающих без сожаления и выигрывающих без похвальбы. Скромность привычных посетителей, равно как и почетное их положение в обществе, ограждали их от всяких придирок административной власти. Банк держал некто барон Лефорт, сын или племянник знаменитого адмирала Лефорта. Этот молодой человек был запятнан одним дурным делом, навлекшим на него опалу императрицы. Во время коронации Екатерины в Москве, он исходатайствовал привилегию на учреждение лотереи, для которой потребный фонд дало правительство. Вследствие ошибочных действий правления, заведывавшего делом, лотерея эта лопнула, и тогда вся беда обрушилась на бедного барона.

Так как я играл очень сдержанно, то мой выигрыш едва доходил до нескольких рублей. Князь N в моих глазах спустил одним разом десять тысяч рублей, отчего нисколько не казался смущенным, и я вслух выразил Лефорту мое удивление перед подобным хладнокровием, столь редким у игроков.

— Нечего сказать, велика заслуга! — возразил мне банкир, — да ведь князь-то играл на честное слово и, стало быть, ничего не заплатит: это его привычка.

— А честь?

— Честь не пострадает от неплатежа игорных долгов: по крайней мере, так принято в здешней стране. Между двумя игроками существует безмолвный договор, по которому проигравший на слово волен платить или нет; выигравший был бы смешон, если бы требовал уплаты, которую его должник не предлагает внести сам.

— Подобный обычай должен бы, по крайней мере, давать право банкиру отвергать ставку того или другого понтера.

— Ну, ни один банкомет не посмеет нанести такой обиды кому бы то ни было. Проигравшийся дотла почти всегда удаляется, не расплатившись; честнейшие из них оставляют залог, но это случается редко. Здесь есть молодые люди самых знатных фамилий, которые ведут, что называется, игру мнимую, безответственную, и смеются прямо в глаза тем, кто у них выигрывает.

В доме Мелиссино я познакомился также с молодым гвардейским офицером Зиновьевым, близким родственником Орловых. Он меня представил английскому посланнику, лорду Макартнею. Этот молодой дипломат, красивый, богатый, изящный в обращении, вздумал влюбиться в одну из фрейлин императрицы и имел неосторожность сделать ее беременной. Екатерина нашла поступок весьма дерзким; она простила девушке ее погрешность, но потребовала, чтобы посланник был отозван.

У меня было еще письмо мадам Лольо к княгине Дашковой, удаленной из Петербурга после того, как она оказала содействие своей государыне к восшествию на престол, который она надеялась разделять с нею. Я

поехал засвидетельствовать ей мое почтение, в ее деревню. Застал я ее в трауре по мужу, покойному князю. Она предложила мне свою рекомендацию к графу Панину и сказала, что с этой рекомендацией я могу смело явиться к нему.

Ныне княгиня Дашкова, уже пожилая, состоит президентом петербургской академии. Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно наыворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведуют государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране не достаёт одной только вещи, — а этим татарским красоткам — одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками!

...Я имел много случаев заметить, каким уважением пользуются французские книги со стороны русских, т. е., людей образованных или претендующих на образованность. Говоря о французских книгах, я разумею сочинения Вольтера, которые для московитов представляли всю французскую литературу. Великий писатель посвятил императрице свою «Философию истории», о которой он сам отзывался как о сочинении, написанном для Екатерины. Месяц спустя после выпуска из печати три тысячи экземпляров этого сочинения были опубликованы в России и раскуплены нарасхват в одну неделю. Каждый русский, читающий по-французски, носил книгу в своем кармане, словно молитвенник или катехизис. Особы высшего круга только и бредили Вольтером и божились не иначе, как его именем. Прочитав его, они считали себя обладателями знаний самобытных и всесторонних, почти наравне со своим учителем. «Но для того, чтоб основательно усвоить знания и мудрость Вольтера», говаривал я им часто, «лучше следовало бы изучать те источники, откуда он сам почерпнул их: это было бы

средством вернейшей оценки того и другого». Но я проповедовал глухим. Фернейский патриарх был в моих глазах—альфа и омега всякого знания и всякой премудрости. Русские моего времени напоминали мне собою чрезвычайно меткое и тонкое изречение одного знаменитого римского прелата, который сказал мне однажды: «Берегитесь когда-либо спорить с таким человеком, кто ничего не читал, кроме одной только книги». Итак, я бесстрастно смотрел, как проносился мимо меня этот шумный поток восторженных похвал.

...Иногда служанка обращалась ко мне с несколькими словами на своем татарском диалекте, над которым я мог бы вдоволь посмеяться при всяком другом случае. Сколько я ни бился, сколько ни ломал себе голову над русской грамматикой,—уста мои отказывались произнести внятно хоть бы одно слово этого бычачьего языка. К счастью еще, что в два месяца эта девушка кое-как выучилась по-итальянски, настолько, что могла что-нибудь говорить со мной... Никогда я не мог выучиться русскому языку, о котором Ж. Ж. Руссо (невежественный великий человек!) говорит как об испорченном наречии греческого. Русский язык, напротив того, есть ничто иное, как говор, почти первобытный, сложившийся в глубине Востока. Я всегда думал, что кто-либо из ученых ориенталистов, путем сравнительных выводов, сумеет открыть коренные начала этого языка.

...Зимою иностранцы здесь беспрестанно отмораживают себе уши, носы и щеки. Одним утром, на пути в Петергоф, я встречаю русского, который, набрав в горсть снега, вдруг кидается на меня и, крепко ухватившись, начинает тереть мне снегом левое ухо. В первую минуту я принял было оборонительное положение; но, к счастью, в пору догадался о причине этого поступка: мое ухо начинало отмораживаться, а добрый человек это заметил, видя, что оно побелело.

...Императрица поручила своему архитектору Ринальди (это было летом) построить на Дворцовой площади обширный деревянный амфитеатр, которого план я видел. Ее величеству угодно было дать карусель, на которой мог бы красоваться цвет воинов ее империи. Много подданных государыни было приглашено на этот праздник, впрочем, тогда не состоявшийся по причине дурной погоды. В программе возвещалось, что карусель откроется в первый красный день; но этот красный день не наступил: и действительно, утро без дождя, ветра или снега — редкость необычайная в Петербурге. В Италии мы привыкли полагаться на хорошую погоду, в России же должно всегда рассчитывать на ненастную. Вот почему мне всегда смертельно хочется смеяться, когда я встречаю русских путешественников, говорящих с умилением о ясном небе их родины: странное небо, которого я, по крайней мере, никогда не знал иначе, как в виде сероватого тумана, извергающего густые хлопья снега!

...Летом в Петербурге можно знать о наступлении вечера только по заревому пушечному выстрелу; без того нельзя знать об этом наверно, ибо в летнюю пору ночи не бывает. В полночь вы можете читать письмо без свечки. Явление удивительное, не правда ли? Я согласен; но оно надоедает ужасно. Шутка плоха, когда она слишком длинна. Кто может равнодушно вынести бесконечный день из целых семи недель?..

...Скажу несколько слов о небольшой поездке, которую я сделал в окрестностях Петербурга. Это было по случаю большого смотра пехотных войск, на котором присутствовал весь двор. Квартыры заранее были заняты для главных офицеров и придворных дам; а потому мудрено было достать себе удобное помещение на пространстве трех миль в окружности. Самая бедная деревушка в любом краю Западной Европы есть чудо великолепия в сравнении с русскими селениями,

состоящими сплошь из лачуг и хлевов, где нечистота является наименьшим неудобством. Поэтому я решился избрать убежищем свою карету, откуда и не выходил. В моем просторном и покойном дормезе я даже принимал визиты, иногда человек пяти в один раз; но особенно оказалось выгодным мое подвижное жилище в том отношении, что с ним я мог переноситься в какое угодно место лагеря и не упустить ни одной занимательной подробности этого зрелища. Оно длилось три дня. На маневрах представлялось подобие военных действий, пускались фейерверки, сделан взрыв крепостцы,— взрыв, который стоил жизни нескольким солдатам, но не произвел сильного впечатления как ожидавшийся заранее.

...Прогуливаясь близ Екатерингофа вместе с Зиновьевым, мы встретили очень молоденькую, еще неразвившуюся девушку, поразительно-хорошенькую, но дико застенчивую; при нашем приближении она бросилась бежать; а мы, по ее следам, вошли в избушку, куда она скрылась и где мы нашли ее отца со всею семьей. Девочка спряталась в углу и глядела на нас с тоскливым выражением испуга, как горлица, попадающая на зуб волку.

Зиновьев вступил в разговор с ее отцом. Сколько я понял, речь шла о девочке, потому что она, по знаку своего отца, послушно подошла вперед. Через четверть часа мы вышли из хижины, подарив несколько рублей детям. Тут Зиновьев мне сказал, что он предложил хозяину купить у него дочь себе в служанки, на что тот согласился.

— Сколько же он хочет за это сокровище?

— Цену непомерную: сто рублей... Вы видите, что тут ничего не поделаешь.

— Как ничего не поделаешь? Да это просто даром!

— Так, значит, вы не прочь дать сто рублей за девочку?

— Еще бы. Только согласится ли она следовать за мной и принадлежать мне?

— Она обязана будет к этому, как только поступит в ваше владение, — и если рассудок не вразумит ее, то вы в полном праве пустить в ход палку.

— Следовательно, несмотря на ее нежелание, я могу заставить ее быть при себе, сколько мне угодно?

— Без всякого сомнения,—по крайней мере, покуда она не возвратит назад ста рублей.

— Если я ее возьму, какое жалованье должен ей давать?

— Ни полушки: только кормить ее да отпускать по субботам в баню, а по воскресеньям — в церковь.

— При окончательном выезде моем из Петербурга, дозволено ли мне будет увезти ее с собой?

— Да, только нужно получить на это разрешение, со взносом денежного обеспечения, ибо эта девушка, прежде чем она раба ваша — есть царская.

— Вот и все, о чем я хотел знать. Теперь угодно вам будет взять на себя труд договориться о сделке с ее отцом.

— Хоть сейчас, коли хотите, — и вздумай вы набрать себе целый гарем, так стоит лишь молвить одно слово; в красивых девушках недостатка здесь нет.

...На другой день утром мы с Зиновьевым опять направились туда; я отдал своему спутнику сто рублей, и мы вошли в избу. Предложение, которое от моего имени заявил хозяину Зиновьев, привело доброго человека в немой восторг и удивление. Он стал на колена и сотворил молитву святому Николаю, потом дал благословение дочке и сказал ей несколько слов на ухо; девочка, посмотрев на меня с улыбкой, проговорила: «Охотно»...

Зиновьев выложил сто рублей на стол; отец взял их и передал дочери, которая тотчас вручила деньги своей матери. Покупной договор был подписан всеми

присутствовавшими; мои слуга и кучер, вместо рукоприкладства, поставили на акте кресты, после чего я посадил в карету свою покупку, одетую в грубое сукно, без чулок и рубашки.

...Я одел ее в платье французского покроя. Однажды я повел ее, наряженную таким образом, в публичную баню, где 50 или 60 человек обоего пола, голых как ладонь, мылись себе, не обращая ни на кого внимания и полагая, вероятно, что и на них никто не смотрит. Происходило ли это от недостатка стыдливости, или от избытка первобытной невинности нравов — представляю угадать читателю.

...Кажется, эта девушка (Заира) сильно привязалась ко мне и вот отчего: во-первых, потому, что я всегда обедал с нею за одним столом, что очень ее трогало; во-вторых, за то, что я иногда ее водил к ее родителям, — льгота, которою рабы редко пользуются от своих господ; а наконец, если уже все высказать, так и за то, что я, от времени до времени, поколачивал ее палкой — действие, общераспространенное в России, но, большею частью, применяемое без толку. Этот обычай, не всегда удовлетворительный в своем практическом приложении, в принципе превосходит как местная насущная необходимость. От русских ничего не добьешься путем убеждений, коих и понимать они, кажется, неспособны; словами из них не сделаешь ровно ничего, а колотушками — все что угодно. Побитый раб всегда так рассуждает: «Барин мой мог бы прогнать меня долой, да не сделал этого; следовательно, он хочет держать меня при себе, потому что любит; итак, мое дело любить его и служить ему усердно».

По этому выводу я припоминаю, что у меня в услужении был один казак (?), умевший говорить по-французски. Иногда он чересчур упивался водкой и я старался образумить его увещаниями. Только один мой

знакомый, поглядевши на это, и говорит мне: «Ну, смотрите! вы не бьете вашего слугу, так он же побьет вас»,— что и сбылось, или чуть-чуть не сбылось. Однажды, когда он был мертвецки пьян, я стал журить его и погрозил ему движением руки. Тотчас же он схватывает палку и бросается на меня: он попал бы наверно, если б я не успел сбить его с ног. Русский раб, обыкновенно столь покорный и безответный, в пьяном виде становится просто страшен. стакан водки делает из него дикого зверя. Господствующий порок этого народа, кроме обжорства, чрезмерное пьянство — порок, впрочем, извиняемый свойствами климата. Кучер, всю ночь напролет сидящий на своих козлах у господского подъезда, греется выпивкой; первый стакан водки непременно позовет на другой, и так далее до того, что это лекарство оказывается вреднее самого недуга, которому должно было противодействовать, — и если упившийся кучер заснет, то ему уже никогда более не проснуться...

...Однажды явился ко мне с визитом молодой француз по имени Кревкёр в паре с миловидной и молоденькой парижанкой мамзель Ларивьер и вручил мне письмо от принца Карла Ккурляндского, который усердно рекомендовал мне его.

— Потрудитесь сказать, в чем же могу я быть вам полезен?

— Представьте меня вашим друзьям.

— У меня здесь их очень мало, потому что я сам иностранец. Бывайте у меня, я со своей стороны стану посещать вас; а что касается до знакомств, которые я могу иметь здесь, то обычай не позволяет мне ввести вас в эти знакомства. Под каким именем должен я представить даму, которая пожаловала вместе с вами? Супруга ли она ваша? Кроме того, ведь меня непременно спросят, какая причина вашего приезда в Петербург? Что же буду я отвечать на все это?

— Что я дворянин из Лотарингии, путешествующий для своего удовольствия. Девица Ларивьер — моя подруга.

— Признаюсь вам, подобные основания для рекомендации не покажутся удовлетворительными. Впрочем, вы, может быть, хотите изучать страну, ее нравы, обычаи; может быть, имеете единственную целью — развлечение; в таком случае, для вас нет и надобности в частных знакомствах; к вашим услугам театры, гулянья, балы общественные, даже придворные балы. Чтобы пользоваться всеми этими удовольствиями, нужны только деньги.

— А их-то именно и нет у меня.

— Вы не имеете денег, а решились без них приехать на житье в иностранный столичный город?

— Мамзель Ларивьер склонила меня пуститься в это путешествие, уверив меня, что тут мы добудем средства жить со дня на день. Мы выехали из Парижа без копейки, и вот до сих пор еще очень удачно выпутывались из затруднений.

— Вероятно, сама мамзель Ларивьер и хозяйничает вашим общим кошельком?

— Наш кошелек, □ перебила она меня смеясь, — в карманах наших друзей.

— Я считаю очень естественным, что вы, сударыня, находите друзей по всему свету, — и будьте уверены, что в качестве одного из них я тоже предложил бы вам свой кошелек; но, к несчастью, я не богат.

Тут разговор наш был прерван входом некоего Бомбакка, гамбургского уроженца, который бежал от долгов из Англии, где жил прежде, и поселился здесь. Этот господин устроил себе в Петербурге известное положение: он занял место по военному ведомству, довольно видное; жил на большую ногу, и так как был большой любитель игры, женщин и лакомого стола, то при настоящем случае я и подумал, что в его особе как

раз подоспевает готовое знакомство для оригинальных странствователей, кошельки которых находятся в карманах их друзей. Бомбакк тотчас же растаял от смазливой дамочки, что ему принято было весьма благосклонно, и через четверть часа пригласил их на завтра к обеду, также как и меня с Заирой.

Когда я к нему приехал, Кревкёр и мамзель Ларивьер были уже за столом с двумя русскими офицерами, братьями Луниными (ныне генерал-майорами, а тогда еще в самых первоначальных чинах). Младший из них, белокурый, нежный и хорошенький, как барышня, слыл любимцем кабинет-секретаря г. Теплова... Вечер закончился оргией.

...По возвращении моем из Москвы в Петербург первой для меня новостью была весть о побеге Бомбакка и ареста его в Москве. Бедняка засадили в тюрьму; дело его было важно как усложнившееся бегством. Однако ж его не осудили на смерть и даже не лишили прежнего звания, но назначили на постоянную службу в камчатском гарнизоне. Что касается Кревкёра и его подруги Ларивьер, то они скрылись с кошельками друзей в своих карманах».

В конце XVIII столетия своей известностью Калиостро затмил современников — Вольтера, Дидро. О нем написано множество сочинений: в одних он превозносится, в других охаивается. Он сам издал на французском «Записки», полные самовозвеличения.

Странствуя по свету, Калиостро оказался и в России. Об этом Алексей Толстой написал даже романтический рассказ, а Марк Захаров снял фильм.

В начале 1779 г. он появился в Митаве. Выдавая себя за испанского полковника, он втерся в лучшее общество этого курляндского города. Он намекал, что имеет важное масонское поручение в северные страны. Представляя себя гроссмейстером ордена, он даже открыл масонскую ложу, в которую вступило много

образованных людей. Это тем более удивительно, поскольку сам Калиостро писал неграмотно, говорил по-французски скверно, по-итальянски — с сицилийским акцентом.

Все с нетерпением ждали от него какого-нибудь магического представления.

И Калиостро его устроил в доме графа Медема. Он спросил имена двух умерших членов семейства Медемов, написал имена на бумаге, покрытой кабалистическими знаками, сжег эту бумагу, натер пеплом голову мальчику — младшему члену семьи и завел его в соседнюю комнату. Заперев дверь, Калиостро попросил всех сесть у двери и не произносить ни слова. Сам он с обнаженной шпагой шагал перед дверью и выкрикивал какие-то слова. Потом Калиостро велел через дверь стать мальчику на колени и говорить, что он видит. Мальчик назвал родственников, чьи имена были на бумажке. Потом он сказал, что видит лес и в нем срубленное дерево, по его словам, открылась земля, и мальчик увидел золото, серебро, красный порошок и железные инструменты. Вдруг все исчезло, и мальчик увидел высокого мужчину в длинном белом одеянии с красным крестом на груди.

Калиостро брал он аудиторию в основном речами, полными философских и мистических сентенций, многочисленных библейских цитат. Барон фон Ховен подарил ему 800 червонцев и бриллиантовый перстень.

Герцогиня Курляндская носила ожерелье из крупных жемчужин. Калиостро рассказал ей, что ему оно прекрасно известно, ибо он сам делал это ожерелье в Голландии, расплавив и увеличив мелкий жемчуг.

В Петербурге Калиостро явился под видом врача и полковника испанской армии. Об Испании в столичном свете имели смутные представления, но к врачу потянулись.

Новый врач — это новая надежда для больного. Калиостро внимательно выслушивал больных, осматривал их, давал советы и лекарства, и скоро о нем стали говорить. Слух о приезде земляке дошел и до испанского посланника, который сразу понял, что полковник поддельный. Посланник опубликовал это в газетах, но Калиостро успел уже втереться в разные салоны и даже показать свою жену влиятельному князю Потемкину.

Неизвестно, насколько была близка связь светлейшего с очаровательной Лоренцой, но это возбудило негодование Екатерины II. Лоренце вроде бы предложили тридцать тысяч рублей, чтобы она уехала из России. Авантюристка деньги получила, но при свидании с князем говорила, что жалеет об этом, что деньги вернет, ибо разлука невыносима для нее. Растроганный Потемкин отвалил ей еще тридцать тысяч.

В это время прусский посланник представил в суд долговое обязательство Калиостро на крупную сумму, выданное им в Кадиксе прусскому консулу. Тогда же богатая дама обратилась к Калиостро полечить ее маленького ребенка. Калиостро взял мальчика к себе на несколько дней и вернул здоровым. Но мать обнаружила, что ребенок не ее, хотя очень похож.

Возмутились столичные врачи, устроив перед домом Калиостро своеобразную демонстрацию. Они подали императрице жалобу, что шарлатан, продавая лекарства, будто бы возвращавшие молодость, подрывает доверие к медицине и приносит большой вред.

Калиостро предложил составить микстуру из ядов □ и он, и его противники должны были ее выпить. Кто останется жив — тот и прав. Но на такое разрешение спора никто не согласился, и Калиостро, согласно распоряжению императрицы, был выслан. Екатерина

потом написала пьесу «Обманщик» — о Калиостро. Она не любила ни масонов, ни мистиков, об их обществах отзывалась как о вредных затеях.

Позже, уже в XIX в. в России объявился и свой собственный Калиостро. Под этим именем по провинции разъезжал «профессор черной и белой магии» отставной штабс-капитан. Кроме разных фокусов, показываемых в балаганах, он шел на прямое надувательство публики. На всю витебскую ярмарку извещалось, что показывается лошадь, «у которой хвост там, где обычно голова». Поглядеть на такое чудо за гривенник валили и местный шляхтич, и еврей-корчмарь, и даже приехавший на ярмарку крестьянин. Что же они видели, войдя в балаган? Обыкновенное стойло, где находилась самая обыкновенная лошадь. Правда, привязана она к яслям была не за голову, как обыкновенно, а за хвост. Вот и все чудо.

На следующий день балаган мнимого Калиостро украсился вывеской: «Здесь угадывают!». Балаган имел сквозной проход с каморкой, обитой черным сукном. Там стоял черный стол с черной вазой, покрытой черной салфеткой. У стола в черном одеянии — Калиостро, говоривший шепотом посетителю:

□ Потрудитесь, пожалуйста, окунуть палец в вазу.

Какой-нибудь местечковый шляхтич делал это, и Калиостро предлагал ему:

— Теперь понюхайте.

Пришедший подносил палец к носу и восклицал:

— Фу! Да ведь это какие-то помои!

— Вы угадали! — торжественно возглашал Калиостро.

Одураченные люди делали таинственное лицо и настоятельно советовали посетить чародея.

На третий день афиша зазывала: «Граф Калиостро на глазах почтеннейшей публики съест живого

человека». Балаган не вмещал всех желающих, и представление перенесли в местный клуб.

На сцене появился Калиостро:

□ Согласно своему обещанию съесть человека покорнейше прошу кого-нибудь из вас пожаловать ко мне для эксперимента.

В зале молчание.

— Итак, никто не желает быть съеденным? В таком случае, как же я могу провести сеанс?

Публика, которая чувствует, что ее опять обманули, негодует. Калиостро обращается к исправнику, сидящему в первом ряду:

— Не угодно ли подняться ко мне?

Исправник сердито фыркает.

Калиостро обращается к его соседу. Тот же результат.

— Нет уж, нас не надуешь! — раздается в публике голос. Из кресла поднимается могучий купец, довольно под хмельком. Он протискивается на сцену:

— Ну-ка, слопай меня!

— С удовольствием,— отвечает Калиостро. — Потрудитесь нагнуться, я люблю начинать с шеи.

Купец со смехом нагибается, и Калиостро вцепляется зубами в шею, начиная ее грызть. Клуб оглашается воплем. Купец вырывается и бежит прочь. Стоит дикий хохот.

— Какой нервный! — замечает Калиостро. — Не найдется ли среди уважаемой публики кого покрепче духом?

Конечно, никого не находится, и ловкач становится обладателем приличной суммы, заплаченной за билеты.

Калиостро подружился с молодым актером Лариным. И, конечно, главной темой их бесед были всевозможные способы добывания денег.

— У нашей актрисы, комической старухи, — сказал как-то Ларин,— имеется капитал в целых триста рублей.

За пять лет накопила...

— А можно у нее эти деньги под большой процент одолжить? — заинтересовался Калиостро.

— Ну что ты! Скупа дальше некуда!

— Давай все же попробуем!

Они три дня уговаривали старуху.

— Через две недели за триста отдам четыреста! — клялся Калиостро.— Если не верите моему честному слову, поверьте своему же товарищу актеру!

— Знаю я нас, шарамыжников! Ни копейки не дам!

— Клянусь, через две недели деньги с прибылью будут у вас!

— Да на что они вам?

— В оборот пустить, в самый верный и прибыльный оборот!

— Долгие годы копила, копеечка к копеечке... А тут возьми да и отдай!..

— Все понимаю!.. Хорошо, я верну вам вдвое больше — шестьсот рублей!

Старуха, пораженная такой огромной для нее суммой, сомневаясь и проклиная навязавшегося на ее голову проходимца, согласилась.

— А как ты, батюшка, увезешь их да сгинешь?

— Никогда! Я — граф Калиостро, превращающий камни в золоте! Дайте мне только денег, эту точку опоры, и я, подобно Архимеду, переверну весь мир.

Друзья остановились в лучшей гостинице, Калиостро заказал обед с шампанским. Ларин высказал сомнения по поводу таких трат, но его старший товарищ заявил:

— Граф Калиостро должен жить соответственно. Твое дело пока молчать да учиться.

Он заказал огромные афиши о «магических вечерах». Но первое представление, на котором Калиостро показывал фокусы, едва окупило плату за

помещение. На другой день еще хуже. Ларин впал в отчаяние. Старухины деньги уходили.

— Ничего, — ободрял его Калиостро, — будут деньги! Нам бы только губернатора на представление заполучить!

— Да зачем?

— Чтобы уверился в моей чудодейственной силе. Некое разрешение от него требуется.

Какую-то часть денег Калиостро потратил на губернаторского камердинера, горничных губернаторши — и в результате правитель губернии оказался на представлении.

В этот раз был показан новый фокус. Калиостро подошел к губернатору, сидевшему с женой в первом ряду, и сказал:

— Ваше превосходительство! Позвольте попросить у вашей супруги на минуту носовой платок.

Губернатор благосклонно кивнул. Калиостро, получив платок, показал его публике:

— Прошу обратить внимание на метку и духи.

После он разорвал платок на клочки и продемонстрировал их зрителям. Этими клочками Калиостро зарядил револьвер и попросил кадета из публики выстрелить в зажженную свечу. Свеча погасла. Калиостро взял ее, переломил и достал из середины пакетик, перевязанный ленточкой. Его Калиостро передал губернатору. Каково же было удивление, когда там оказался тот же платок, только целехонький.

В гостинице Калиостро говорил Ларину:

— Ну теперь дело в шляпе. Рыбка клюнула!

— Да ведь сборов-то никаких!

— Погоди, все будет.

Назавтра в номер чародея приходили и о чем-то шептались с ним местные факторы-евреи. Калиостро после их визита сказал Ларину, что уезжает на два дня.

— А как же я?

— Жди здесь. Гостиница оплачена, не беспокойся, вот тебе десять рублей на карманные расходы...

Ларину ничего не оставалось делать, как валяться на диване и размышлять о своем друге. Даже ему Калиостро не раскрыл фокуса. А суть его была до смешного проста: существовал второй платок, купленный Калиостро у губернаторской горничной.

Через двое суток поздним вечером появился Калиостро с дамой. Ее лицо скрывала вуаль.

— Это Сомнамбула, таинственная женщина и провидица!

Сняв вуаль, таинственная женщина оказалась молодой красивой еврейкой. Густые черные волосы струились по плечам, огромные глаза с длинными ресницами... Наутро Калиостро отправился в канцелярию губернатора и выпросил у него разрешение на показ в городе известной европейской предсказательницы Сомнамбулы.

Сняли две комнаты, задрапировав их черной материей, по углам расставили свечи. Сомнамбула в восточном одеянии возлегла на диване, в полумраке она выглядела еще прекраснее и таинственнее. Ларин был за кассира.

Входной билет оценили в рубль, что было немало. Сбор первого дня составил, однако, всего шесть рублей. Ларин опять впал в панику. Калиостро смеялся: «Погоди, что будет завтра!»

А завтра пришло более ста человек, послезавтра — триста и т. д.

Что же за трюк придумал Калиостро?

Человек входил в таинственный полумрак. На него глядели горящие очи Сомнамбулы. Она монотонно, с паузами, начинала говорить:

□ Степан Иванович Тихонов... Вам тридцать пять лет... Женаты десятый год на Анне Антоновне Крыловой... У вас двое детей: сын и дочь... Их зовут

Алексей и Елена... Служите в земстве, жалованья получаете шестьдесят рублей...

Вошедший в комнату был поражен: все верно. А Сомнамбула продолжала:

— Со временем вы разбогатеете... Ваши дети будут владеть миллионами...

Или: — Купите непременно выигрышный билет, и вы получите большую сумму.

Сомнамбула говорила только приятное. От нее уходили окрыленными, не жалея о потраченном рубле. У кого не было, тот наскребал этот рубль и шел к предсказательнице.

Друзья, пожалуй, обобрали бы весь город, но вдруг последовал приказ губернатора, в котором фокуснику предписывалось в течение суток покинуть губернию — «за эксплуатацию жителей обманными деяниями, совершаемыми им совместно с еврейкою Ривкою Розенталь, именующей себя Сомнамбулой».

В тот же день все трое, не искушая судьбу, уехали: Сомнамбула — домой в Варшаву, а друзья в Динабург, где комическая старуха уж и не чаяла их увидеть.

— Я думала, плакали мои целковые! — ликовала она, пересчитывая без конца шестьсот рублей, полученные от Калиостро. Вдруг старуху осенило подозрение:

— Да не фальшивые ли они?

— У меня деньги не могут быть фальшивыми. Если бы я даже сам их делал, все равно они были бы настоящими.

Объясним фокус с Сомнамбулой. Калиостро нанял восьмерых евреев. Каждый из них должен был изучить один из восьми кварталов города: собрать подробные сведения о каждом жителе и записать их в свою книгу. Сквозь замаскированные щели в обивке евреи смотрели на вошедшего, и знавший его подходил к слуховой

трубке, выведенной к уху Сомнамбулы, давая характеристику. Очень просто.

Где и как кончил свои дни наш отечественный Калиостро — неизвестно. Человеческую натуру он знал совершенно и с успехом играл на ее слабых струнах.

При Екатерине II в Петербурге появился иноземный механик Кемпелен, показывавший изумляющую всех новинку — автомат, играющий в шахматы. Внешне автоматический шахматист напоминал крупного человека в восточном одеянии. Перед игрой механик снимал панель, и глазам зрителей представляли различные колесики, пружинки. Кемпелен заводил ключом машину, и зубчатые колесики вертелись, трещали. Автомат делал ход первым. Он брал пальцами пешку и ставил ее на клетку доски, после чего до ответного хода пребывал в неподвижности. Двукратный кивок автомата означал шах королю. Никто не мог выиграть. Кемпелен богател. Екатерина II выразила желание купить чудесную игрушку, но механик уверил государыню, что без него автомат быстро сломается.

Однажды любитель-шахматист, играя с машиной, попробовал незаметно продвинуть свою фигуру. Автомат отреагировал: толкнул соперника в грудь. Шахматист ответил, и автомат с грохотом рухнул на пол — в нем находился безногий и с одной левой рукой поляк Воронский. Когда-то красавец, он во время польских волнений был ранен, и хирурги добросовестно потрудились над ним. Воронский сам придумал такой автомат и способ зарабатывать деньги шахматами.

Явившийся в апрельский Петербург 1771 г. некий немец собирал невских жителей в трактир Гейденрайха «Лондон», что на Новой Исаакиевской улице, суля им весьма замысловатое зрелище: «Новоизобретенный оптический, с великим трудом и искусством сделанный Театр Света, какого здесь еще не видали».

Уточняя, что речь идет не столько о свете, сколько о театре, афиша на русском и немецком языках извещала: «Он состоит в четырех отменных исторических дистанциях, в коих ежедневно являются перемены, состоящие в разных перспективных иллуминированных улицах с некоторыми в торжественные дни возженными фейерверками, с превеликолепно иллуминированными садами и достопамятными церквями знатнейших городов в Европе. Но сии оптические представления весьма отличны от известных уже публике общих оптических представлений, потому что представляются в настоящей их величине и совершенной красоте. К большому еще увеселению видны будут разные мосты и улицы, по которым люди ходят взад и вперед; ездят верхом, также в колясках на санях с колокольчиком, так что зрителям представится, будто бы они действительно видят настоящую, весьма приятную из большого города простирающуюся дорогу».

Кроме «отменных исторических дистанций», показываемых, вероятно, при помощи движущихся фигурок и волшебного фонаря, этот «автоматических и оптических инструментов художник» предлагал петербуржцам еще одну невидаль: «Механическим образом сделанная машина представляет почти живого старика из Швабии, у которого движутся глаза и всякий член. Сей старик отвечает на всякий вопрос громко и явственно; сказывает сколько ему лет; узнает цвет платья; не дается в обман: если положишь к нему в ящик деньги, то он, выняв, рассказывает, в каком году и в каком месте монета чеканена; также курит табак, умеет играть в карты и в тавлей, да и многие другие удивления достойные показывает действия».

Вообще-то механические фигуры для Петербурга особой новизны не составляли. Периодически заезжие искусники демонстрировали различного рода

«художественные машины»: то «в натуральной величине пастуха и пастушку, которые играют тринадцать арий на флейтоверсе», то «малую голландскую женщину, которая каждую минуту по 18 дюймов лент делает». Но чтобы «механическим образом сделанная машина» говорила — такое и впрямь могло привести в изумление. Оттого, надо полагать, любители подобных художеств потянулись на Новую Исаакиевскую, чтобы взглянуть на «почти живого старика», прозываемого Корнелием, и либо уверовали в чудо, либо дивились хитроумию немецкого механика, либо называли увиденное шарлатанством и жалели немалую по тому времени сумму в 30 копеек, отданную за первое кресло. Лишь через месяц, когда внимание к «Театру Света», видимо, ослабело, его содержатель объявил о снижении цен на места, уверяя горожан в том, что никто из них о любопытстве своем «сожалеть не будет, потому что таковых искусных машин, как особливо представляемая старика Корнелия, ни в какое время не видано было». Последнее, впрочем вызывало сомнение.

К 1771 г. уже два поколения наезжавших в Париж обитателей русской столицы могли видеть знаменитый автомат работы Жака Вокансона — «Флейтиста», который, как излагал один из словарей XVIII в., «играет многие песни с удивительно исправностью, употребляя свои губы к надуванию немецкой флейты и пальцы к переменению тонов». А возвратившиеся из Швейцарии, возможно, рассказывали о некоторых удивительных созданиях Пьера-Жака и Анри-Луи Дрозов — механической девочке, что «сидя в креслах, играет на клавирах», или о «фигуре, представляющей двухлетнего младенца, который, сидя, пишет на налое». «Оная, — уведомят в 1777 г. «Санкт-Петербургские ведомости», — сама обмакивает перо в чернила, стрясает с него лишнее и пишет явственно и

правильно все то, что ей сказывают, без всякого к ней со стороны прикосновения. Она ставит, где надобно, прописные буквы и отставляет в письме слова порядочно; при том надлежащее между строками наблюдает расстояние. Во время письма смотрит на бумагу, а по написании буквы или слова, обращает глаза на того, кто ей сказывает, или на подлинник, с которого списывает, и оному в исправном букв написании как будто подражать старается».

Сомнительно, чтобы по своему внутреннему устройству Корнелий походил на означенные автоматы. Скорее всего, это была попросту замаскированная под автомат (подобно уже прославленному к этому времени «Шахматному игроку» Вольфганга Кемпелена) кукла, движениями которой при помощи изобретательно сконструированного механизма управлял и за которую через систему акустических труб говорил помощник немецкого механика, спрятанный либо в солидного объема подставке, либо за стеной в соседнем помещении.

* * *

Императрица Екатерина II скончалась в ноябре 1796 г. Если верить легенде, то за несколько месяцев до ее смерти были некоторые предзнаменования. Так в июле ужасный громовой удар повредил многие украшения в любимой ее комнате в Эрмитаже. В исторических записках, вышедших в Париже, находим другое предзнаменование кончины императрицы. Автор рассказывает, что Екатерина была вызвана каким-то привидением в тронную залу и что там увидела свою тень, сидящую на престоле. Очевидно, автор записок повторяет уже известную легенду о видении императрицы Анны Иоанновны. Рассказывали также, что императрица, садясь в карету, чтобы ехать на бал к графу Самойлову, увидела, как яркая звезда упала за ее

каретой. На другой день Екатерина сказала своей приближенной, графине А. А. Матюшкиной: «Такой случай падения звезды был перед кончиною императрицы Елизаветы, и мне это то же предвещает!».

Де Санглен в своих записках рассказывает, что накануне удара императрица много говорила о смерти короля сардинского и страдала собственной своей кончиною Л. А. Нарышкина. Не было ли это предчувствием? — говорит он. Позднее ему передавала Перекусихина и камердинер покойной Захар Зотов, что в среду, 5 ноября, встав по обыкновению в 7 часов утра, императрица сказала вошедшей к ней Перекусихиной: «Ныне я умру,— и, указав на часы, прибавила:

— Смотри! в первый раз они остановились».— «И, матушка, пошли за часовщиком, и часы опять пойдут».— «Тут увидишь,— сказала государыня и, вручив ей 20 тысяч рублей, прибавила: — Это тебе».

После этого императрица выпила две большие чашки крепкого кофе, пошутила с Перекусихиной и пошла в кабинет, где приступила к обычным своим занятиям. В 10 часов утра комнатные служители удивились долгому ее отсутствию, в тревоге отворили дверь и увидели императрицу лежавшей на полу. Перекусихина и Зотов в ужасе поднимают ее, выносят и кладут на пол на сафьяновый матрас. Доктор Роджерсон тотчас пускает кровь и кладет к ногам шпанские мушки. Императрица не приходит в чувство. Роджерсон делает два прижигания раскаленным железом на плечах Екатерины, пытаясь привести ее в чувство, но и это не помогает. Тридцать шесть часов организм Екатерины борется со смертью. Перекусихина не отходит от Екатерины, доктора ежеминутно меняют платки. Только одно дыхание указывает еще на жизнь в организме; в девятом часу дыхание становится труднее, и, наконец, вздохнув в последний раз, императрица в 9 часов 55 минут умирает.

Башилов в своих «Записках пажа» говорит: «Я был дежурным у дверей той комнаты, где лежало тело государыни; перед этой комнатой сидели все сенные девушки, мамушки и камердинеры и горько плакали по своей благодетельнице. Вдруг отворились двери, и государь с государыней пришли на поклонение к усопшей. Все пали ниц. Государь сказал нам: «Встаньте, я вас никогда не забуду, и все остается при вас». Мы стали на колени, государь сказал нам: «Подите к обер-камергеру, графу Шереметеву»».

Император Павел I прибыл из Гатчины за сутки до кончины императрицы. Первым его поздравил со вступлением на престол капитан Талызин, за что получил Св. Анну. Болотов рассказывает, что когда узнал о смерти Екатерины князь П. А. Зубов, ему сделалось дурно, он упал в обморок. Так как при этом было мало людей, то император Павел, забыв свою нелюбовь к фавориту, первый подал ему стакан холодной воды и брызгал ему водой в лицо, чтоб привести скорее в чувство.

Вот как описывает свое дежурство в первую ночь после смерти императрицы фрейлина Е. В. Новосильцева: «Мы вошли в опочивальню покойной государыни. Она лежала в спальном платье на кровати; при ней тут находились доктор и священник, который читал Евангелие. Рука ее была протянута, я подошла, поцеловала, и, как я ни была молода, но мне все пришло в голову, что вчера за какое счастье считали целовать эту руку сколько людей. В комнате было очень холодно; я, закутавшись, села в угол, поодаль, подруга моя скоро заснула, доктор вышел зачем-то, а священник подошел ко мне и сказал: «Сударыня, мне очень дурно, я выйду и пришлю другого». Я ему предложила одеколону и хотела подать воды, но он мне опять сказал: «Нет, этого мне недостаточно, я чувствую, что упаду и только вам

наделаю хлопот». — «Ну, делайте, как знаете», — отвечала я ему, и он вышел.

Тут я осталась совершенно одна с телом императрицы в полутемной горнице, но я не боялась. Взглянув кругом себя, я увидела вдали какую-то картину, которая мне показалась замечательна; я подошла, чтоб ее рассмотреть поближе, оперлась на что-то, перед ней лежащее, — я и не могла сделать иначе. И вдруг из этой массы выскочила голова и закричала: «Что надобно?». Тут я увидела, что это был камергер N.N., который от холода завернулся в свою шубу. Я его успокоила и просила извинения, что потревожила. Он опять завернулся в шубу, а я возвратилась на свое место и стала глядеть на императрицу, лежащую с покрытым лицом. Вдруг я увидела, что покрывало на груди ее стало подниматься как бы дыханием; это показалось мне страшным. Я глядела еще пристальнее, и движение стало еще заметнее. Я пошла прямо к постели, чтоб удостовериться в том, что мне виделось. Пока я стояла над нею, не зная, что мне делать и как в этом случае поступить, зашел доктор и спросил, что я делаю и зачем стою?.. Я ему показала вздымающуюся грудь покойницы и сказала тихо: «Ах, посмотрите, может быть, она жива, какая радость!». Он мне на это сказал: «Это — движение последней влаги!..».

По рассказам современников, на улицах Петербурга происходили весьма трогательные сцены, точно каждый терял нежно любимую мать. Люди всех сословий пешком, в санях и в каретах, встречая своих знакомых, со слезами на глазах, выражали сокрушение о случившемся. Площадь перед дворцом была полна народа. Ночью выпал глубокий снег, к утру настала оттепель и заморосил дождь. Войска шли ко дворцу в лучших нарядах и шляпах с дорогим плюмажем, увязая в глубоком снегу. На Литейной, на Марсовом поле и на

других улицах перед казармами стояли аналои со священниками, где войска и приносили присягу.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Не встанет свеча перед Богом, а встанет душа.

В 1712 г. была заложена, а в марте 1713 г. освящена деревянная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а рядом с монастырем, по берегу Невы, образовалась так называемая подмонастырская, или Невская, слободка. Образование этой слободки вполне естественно и понятно. При постройке монастыря — который строился очень долго — нужно было большое количество рабочих. Этот рабочий люд и строил себе хибарки как по Черной речке, так и по Неве; затем к рабочим присоединился торговый люд. В этой же местности были найдены большие залежи глины, и здесь появились первые кирпичные заводы. Когда возникла эта слободка, кто был первым жителем, — мы не знаем, но можем руководствоваться различными датами, и, прежде всего, временем основания Александро-Невского монастыря. В журнале Петра I за июль 1710 г. записано: «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где быть каким строениям и над Невую рекою при С.-Петербурге, на устье речки Черной усмотрел изрядное место, которое называлось Виктори, где указал строить монастырь во имя Святой Троицы и св. Александра Невского и на том месте, в присутствии его, государя, и при нем обретающих министров и генералитета, архимандрит, назначенный в тот монастырь, Феодосий, водрузил крест с таковым написанием: «Во имя Отца и Сына и св. Духа повелением Царского Пресветлого Величества на сем месте имеет создаться монастырь» и была поставлена на том месте часовня». Затем второе указание мы

находим в собрании законов 1713 г.: «О продаже кирпичных сараев, построенных от канцелярии каменных дел частным людям, с предоставлением каждому свободы делать кирпичи и продавать по вольной цене».

Название финской деревушки Вихтулы переделали в Викторию, намекая, что именно здесь Александр Невский разбил шведов. Не важно, что в летописи это событие происходит в устье Ижоры-реки, гораздо выше по Неве.

Таким образом, можно допустить, что заселение этой части Невского берега произошло в 1710—1713 гг. К этому выводу приходит и П. Н. Петров, говорящий, что «с учреждением Невского монастыря архимандрит Феодосий, для строительных работ вызвав из приписных к его обители деревень рабочих людей, образовал с первого же времени, т. е. никак не позднее 1712 года, подмонастырскую слободу по Неве». А строительные работы предполагались огромные: архитектор Д. Трезини уже составил особый замысловатый план предполагаемого монастыря, основанием которого должен был быть крест. Петр I в 1717 г. утвердил план будущих каменных монастырских построек. План этот был выгравирован, рассылался за границу, раздавался приезжим знатым иностранцам, чтобы они, восхищаясь грандиозностью постройки, прославляли русского царя...

С 1712 г. основное «партикулярное» строительство велось вокруг деревянной церкви. Создавалась Подмонастырная слобода, на территории которой, окруженной палисадом с пушками, соорудили близ Невы высокую звонницу с часами и шпилем, деревянные «архимандричьи» кельи, братские кельи мазанковые, амбары, погреба, кузни. Здесь же в слободе завели лесопильни, кирпичные заводы, учредили «гошпиталь». Разворачивавшееся строительство действительно

требовало прямой связи со строившимся центром города, его Адмиралтейской частью, а также прямого сообщения со старой Новгородской дорогой, поэтому «от монастыря к Адмиралтейству до борку перспективная дорога застроена в 1712 году». Эта просека и дала начало будущему Невскому проспекту.

Годы, последовавшие за Полтавской баталией, отмечены размахом строительных работ. В 1716–1717 гг. А. Ф. Зубовым была создана знаменитая «Панорама Петербурга». Образ молодой столицы слагался из того, что было уже возведено, строилось, и того, что только предполагалось «построенну быть» — существовало в чертежах, планах, проектах.

Панорама дополнялась одиннадцатью малыми гравюрами, на которых показаны главнейшие — от Кроншлотской крепости до Летнего дворца — сооружения, не уместившиеся на центральной Панораме. Первой была гравюра с надписью «Монастырь святого Александра Невского».

Каменное строительство на правом берегу Черной речки возглавлял Меншиков. Строили «с поспешанием» сразу северо-восточное угловое здание двойной двухэтажной церкви и первый, примыкающий к ней, уступ с кельями и трапезной — часть будущего Духовского корпуса. Трезини лично руководил «каменным делом» только первые годы. Уже через год появилась необходимость в опытном помощнике, который мог бы вести дальнейшие работы по указаниям Трезини. Таким помощником с середины 1718 г. стал архитектор Христофор Конрат, а с начала 1720 г. — Теодор Швертфегер, «архитект прусские Земли», с именем которого связан большой период строительства монастыря и первое изменение его генерального плана. Дело в том, что Трезини спроектировал главный вход в собор со стороны Невы, то есть с востока, там, где по церковным канонам, должен быть алтарь. Эта ошибка

вынуждала пересмотреть проект. Хотя Трезини с 1720 г. почти полностью отошел от строительства монастыря, тем не менее весьма вероятно его участие в переделке проекта вместе с Швертфегером. Проект Швертфегера до наших дней не сохранился и так же, как первоначальный, известен по гравюре, сделанной П. Пикартом в 1723 г.

После разработки нового проекта, утвержденного Петром I, Трезини полностью отошел от строительства монастыря. К этому времени были завершены основные строительные работы по возведению всех трех уступов Духовского корпуса и Благовещенской (нижней) церкви. Дистраивал здания и руководил работами уже Швертфегер. В августе 1724 г. в присутствии Петра I состоялась торжественная церемония освящения верхней церкви «во имя Александра Невского», и в тот же день в ней была установлена привезенная ранее из Рождественского монастыря, что во Владимире на Клязьме, рака с прахом Александра Ярославича.

Вот как об этом пишет историк XIX в. М. И. Пыляев:

«У села Усть-Ижоры Петр встретил шествие, перенес мощи угодника к себе на лодку, на которой стал сам у руля, а своих сподвижников превратил в простых гребцов. Лодка, сопровождаемая множеством судов, прибыла в Петербург, где ее первый встретил ботик Петра под императорским штандартом, а затем императрица, весь двор, все духовенство, вся гвардия и народ. Государь с приближенными поднял с лодки святыню и под богатым балдахином перенес в освященную только в этот день новую Александровскую церковь, где она и пребывала до постройки главного собора».

Впоследствии, в 1750–1753 гг. на петербургском Монетном дворе в Петропавловской крепости была сооружена гробница Александра Невского. На ее

изготовление пошло 90 пудов серебра — годовая добыча колыванских рудников.

Гробница состоит из шести частей. Высокий саркофаг украшен барельефными изображениями сцен из жизни Александра Невского. Они повествуют о победах князя: битве на Неве (1240 г.), освобождении Пскова (1242 г.) и происшедшем в том же году знаменитом Ледовом побоище, завершившемся разгромом немецких рыцарей. За саркофагом возвышается огромная пирамида, в верхней части которой в лучах солнца изображен вензель Александра Невского. Под ним на фоне горностаевой мантии — чеканный портрет князя. Ниже по обеим сторонам пирамиды расположены фигуры ангелов. На щитках, которые они держат в руках, выгравированы тексты Ломоносова, посвященные Александру Невскому и императрице Елизавете, приказавшей создать эту гробницу-памятник. Слева и справа от пирамиды помещаются стопки с воинскими до-спехами из серебра, а рядом с саркофагом — две курильницы в виде треножников. Гигантские размеры гробницы, сложная форма, многочисленные украшения в виде скульптур, барельефов, узоров, применение разнообразной техники (литье, чеканка, гравировка и т. д.) требовали от ее создателей виртуозного мастерства.

Алекسانдро-Невский монастырь готовил священнослужителей для высшей церковной иерархии, в нем открылись типография, Словенская школа, в 1726 г. — Славяно-греко-латинская семинария, а затем действующая и поныне Духовная академия.

В конце XVIII столетия у южной стены здания образовалась так называемая «палатка», в которой производились захоронения, так же, как и в самом здании Благовещенской церкви, где сразу было предусмотрено строительство усыпальниц на двадцать пять мест. В 1822 г. к зданию пристроили одноэтажную

заалтарную ризницу, которая вместе с «палаткой» и пристройкой к первому уступу Духовского корпуса несколько искажила его облик.

Но главной заботой была центральная соборная церковь. Строительство ее началось еще при жизни Петра I в мае 1722 г. Тогда спешно сделали фундамент — за 20 дней — в июне состоялась торжественная закладка собора. Все внимание Швертфегер отдал этому зданию, строившемуся уже только по его проекту. К 1727 г. стены возвели под крышу, начали возводить барабан купола и колокольни. Однако после 1727 г. работа замедлилась, а к 1730 г. всякое строительство прекратилось.

Лишь после воцарения Анны Иоанновны в апреле 1732 г. последовал указ, касавшийся «каменного строения» Невского монастыря: велено было «строение продолжать из казны», на что ассигновали двадцать тысяч рублей. Заведовать Конторой строения поставили давно «обретавшегося» на строительных работах подполковника Военной коллегии М. О. Аничкова. Однако и он, и Контора подчинялись Канцелярии от строений, возглавляемой с петровских времен энергичными и знающими У. А. Сенявиным и Д. Трезини. Канцелярия руководила всем строительством города, но вскоре централизованное руководство было разделено между различными ведомствами, отчего пошла неразбериха и «конфузия». В довершение, по настоянию вошедшего в милость Б.-Х. Миниха, Сенявин и Трезини были отставлены от Канцелярии и вместо Сенявина поставлен бывший парикмахер, гоф-интендант Кормедон, человек, близкий Миниху. Все это не могло не сказаться и на строительстве монастыря. Отошедшему от дел за последние два года Швертфегеру предложили возобновить работы, и контора даже наняла каменщиков, но они «за самовольною архитектора Фегера от строений отлучкою

и непоказанием им работ, разошлись». Собор вчерне все же достроили, назначив вместо Швертфегера талантливого ученика Трезини М. Г. Земцова, а Швертфегеру в 1733 г. указом Сената велено «от того дела и от службы отказать».

Занятый на строительных работах в городе Земцов недолго пробыл архитектором Александро-Невского монастыря. В 1735 г. его назначили архитектором Главной полицмейстерской канцелярии, то есть фактически главным архитектором города. Вместо Земцова продолжение строительства возложили на П. М. Еропкина, но и он ничего практически не смог сделать. После образования в 1737 г. Комиссии о Санкт-Петербургском строении, руководителем которой стал Еропкин, он полностью переключился на разработку проекта преобразования Петербурга.

После трагической смерти Еропкина, строителем ансамбля, так и не продвинувшегося в годы правления Анны Иоанновны, вновь назначили Земцова.

Еще в первое его заведование работами, в 1734 г., на стройку был принят в числе прочих каменных дел мастер К.-Ф. Фоссатти, по-видимому, довольно опытный строитель, который в дальнейшем примет участие как исполнитель в сооружении ряда монастырских зданий.

Особая комиссия для обследования состояния собора была назначена уже после смерти Анны Иоанновны. Возглавлял ее фельдмаршал Б.-Х. Миних. В составе комиссии, помимо сенатора А. Л. Нарышкина и генерала Измайлова, были архитекторы Б.-К. Растрелли, М. Г. Земцов, Я. И. Шумахер, И. К. Коробов, П. и Дж. Трезини.

Выяснилось, что собор из-за недостаточной прочности фундамента осел, дал трещины на сводах и стенах и грозит обвалиться. Поэтому после повторного обследования архитекторами было решено разобрать его «до подошвы». Одновременно Канцелярия от

строений, в ведение которой с января 1741 г. целиком перешло строительство, поручила той же Комиссии решать вопрос о дальнейших работах. Решено было продолжать их, руководствуясь, в основном, старым генеральным проектом. Но до возобновления строительных работ прошло еще немало времени. Только после воцарения Елизаветы Петровны, с конца 1741 г., начался новый период в строительстве ансамбля.

Наиболее длительный период строительства - 9 лет — связан с деятельностью П.-А. Трезини. Хорошо освещенный документально этот период строительства, начиная с 1741 г. до завершения постройки монастырских корпусов и Митрополичьего дворца, не ясен во многом, что касается проектирования и авторов проекта. Историки русской архитектуры часто расходятся в атрибуции отдельных сооружений, используя разноречивые архивные документы. Во всяком случае, вероятно, основная роль в проектировании не только Федоровской церкви (что признано бесспорным) принадлежит П.-А. Трезини, архитектору одаренному, обладавшему утонченным вкусом, большим мастерством и художественным тактом, что особенно важно учитывать, так как ему приходилось вести работу в уже начатом ансамбле.

Первоначально он предполагал изменить характер южных уступов, продлив их до соединения с северными круглой двухэтажной галереей, огибающей алтарную часть собора, но в конце концов начал строить, точно повторяя структуру Духовского корпуса, и лишь внес большую пластичность в декоративную обработку фасадов, применив вместо межоконной раскреповки одной полуколонной (как это было в Духовском корпусе) полуколонну на фоне плоских пилястр. Эта деталь сообщила живописность и эффектность ясным и четким объемам уступов, законченных к 1748 г. В 1744 г.

Трезини составил план, самый ранний из сохранившихся планов монастыря, а в 1745-м заложил по своим чертежам новую церковь, Федоровскую, завершающую главную восточную линию монастырского каре.

Федоровская церковь, так же как и Благовещенская, с годами обросла пристройками.

Одна из них была сделана в 1891 г. архитектором В. И. Карповым, построившим Исидоровскую одноэтажную церковь-усыпальницу, примыкающую к старому зданию с восточной стороны. Другая — более ранняя, 1754 г., очень интересна в архитектурном отношении.

Чтобы замкнуть «перспективу» и устроить парадный въезд, Расторгуеву, только что перешедшему со стройки Стрельнинского дворца в Контору строения монастыря, было поручено в 1753 г. спроектировать колокольню с воротами.

Богато декорированное колоннами, многоярусное деревянное сооружение на каменном фундаменте с высоким lanternом и «боевыми» часами воздвигли в 1756 г. там, где 30 лет спустя встанет Надвратная церковь лавры, существующая и поныне.

В 1756 г. начали возводить здание Архиерейского дома и всего Митрополичьего корпуса.

Западная линия, которую строил вначале Расторгуев, а потом Антонетти, с начала XIX в. постепенно теряет свой изначальный облик. В 1819 г. над Митрополичьим домом сделали первую надстройку. В 1860 г. начали пристраивать к палатам со стороны сада двухэтажный флигель. С 1861 г. в лавре работал А. М. Горностаев.

Талантливый зодчий, знаток архитектуры предшествующего периода и прекрасный стилист, он, по мере возможности, сохранил первоначальный облик западных корпусов с их характерным для XVIII в. декором. В своем проекте надстройки второго этажа обеих крыльев Митрополичьего корпуса он использовал

приемы и стилистические особенности, присущие архитектуре старых Архиерейских палат.

Поэтому современный облик зданий, несмотря на неизбежные при перестройках потери, сохранил во многом художественную выразительность прежних монастырских строений. Сохранились в основном и некоторые интерьеры, в том числе впечатляющий парадным великолепием приемный зал.

Одной из потерь в планировке была утрата широкого сквозного проезда в центре Митрополичьего дома. Проезд заложили в 1880-х гг. (устроив на его месте вестибюль) так же, как значительно ранее были заложены проезды в боковых — южном и северном — «служительских» корпусах.

С начала 1760-х гг., т. е. правления Екатерины II, строительные работы приобретают большой размах.

В 1774 г. было закончено строительство всего монастырского каре. Оставалось незастроенным пространство в середине уступов восточного корпуса — то место, где еще недавно поднимались стены недостроенного собора Швертфегера. Возведение нового собора составляет последний период в создании ансамбля.

Иконостас собора в это время был сделан из белого итальянского мрамора. Вокруг икон — красный сибирский агат; нижний цоколь клиросов из синего итальянского мрамора. Над южными воротами — благославляющий Спаситель Ван-Дейка, над северными — Богородица с младенцем кисти Куверчино. На правом клиросе средняя икона — Божией матери с младенцем, а верхняя — Спасителя, приемлющего поругание, на левом клиросе — Богородица, а над нею воскрешение Лазаря кисти художника Бассано. На восточной стене — «Воскресение Христово» Рубенса, ему же приписывается «Снятие с креста» за левым клиросом и, наконец, образ «Благовещения» Рафаэля Мэнгса. В

ризнице лавры хранилось много драгоценностей: большой золотой крест 1660 г., антиминсы XII–XIV вв., золотые с бриллиантами диски и потиры, трость Петра I из слоновой кости с набалдашником, который он сам выточил, его же маршальский жезл и т. д.

Затянувшееся на многие десятилетия строительство подходило к концу. Старое неудавшееся здание собора было разобрано в 1755 г. В 1763 г. архитекторам предложили разработать проекты нового собора. Ни один из проектов не получил «апробации» Екатерины II, и только через 11 лет составление проекта поручили тридцатилетнему архитектору И. Е. Старову. В феврале 1776 г. проект, представленный Екатерине II — план, фасад, разрез и приложенная к ним смета,— был утвержден, и Старова назначили руководителем строительства.

Расположение ансамбля на главной магистрали города обязывало упорядочить его окружение и прежде всего «оформить» его выход к проспекту. Поэтому с 1783 г., в одно время с руководством строительством собора, Старов разрабатывает реконструкцию северной левобережной стороны монастырской территории, которая и была завершена к 1789 г.

Охватив полуциркульными дугами низких каменных стен вновь организованную площадь, замыкающую Невский проспект, архитектор поместил по сторонам ее два двухэтажных скромных жилых здания и встроил в западное крыло полуциркуля одноэтажное здание богадельни. В центре полукольца, там, где и ранее был проезд, ведущий к мосту, у ворот каре, Старов воздвиг каменную Надвратную церковь, решенную в формах раннего классицизма. Невысокий купол, плавные линии кровли алтарного выступа и симметричного ему выступа, внутри которого размещена лестница, создают строгий силуэт здания. Строительством Надвратной церкви и каменных стен Старов не только создал въезд

на территорию монастыря, но и включил левобережье с каменной Лазаревской церковью и Лазаревским кладбищем в общий ансамбль.

Со времени окончания Надвратной церкви, в 1786 г., в соборе начались отделочные работы, создавалось декоративное убранство здания, в котором приняли участие десятки великолепных мастеров, — скульптор Ф. Шубин, лепщики К. Фонтано и Ф. Ламони, мраморщик И. Пинкетти, резчики Ф. Кауш и И. Акимов, живописцы Я. Меттенлейтер, Ф. Данилов, Г. Угрюмов и многие другие, работы которых, за исключением первоначальной росписи собора, сохранились до сегодняшнего дня. К августу 1790 г. все работы по отделке собора были завершены.

Архитектурный облик и декоративное убранство Троицкого собора вызвали восторг современников. И это понятно: в конце XVIII столетия он был единственным завершенным монументальным собором Петербурга и долго не имел себе равных.

Восхищение величием замысла и мастерством исполнения выдержало испытание временем. Значение созданного Старовым не ограничивается только художественными достоинствами самого собора. Зодчий завершил создание исторического ансамбля, первого по времени замысла и началу строительства ансамбля Петербурга и одного из самых крупных архитектурных комплексов рубежа XVIII–XIX вв. на берегах Невы. Старов одновременно включил его в городскую застройку и выделил в панораме Петербурга могучим собором, который вместе со стройными башнями широко раскинувшихся корпусов создал один из красивейших архитектурных силуэтов столицы.

В церкви святого Лазаря, построенной в 1717 г., была захоронена любимая сестра Петра I Наталья. Этим было положено начало старейшему кладбищу Санкт-Петербурга, на котором предавали погребению лиц

придворного сословия и высокопоставленных чиновников. Здесь покоятся останки знаменитого русского генерала времен Петра В. Шереметьева и Ф. Уварова, командовавшего кавалерией в Отечественную войну 1812 г. На монастырском кладбище захоронены Ломоносов, архитекторы Старов, Воронин, Росси, драматург Фонвизин и др. Над созданием многих надгробий трудились талантливые скульпторы и архитекторы, такие как Мартос, Козловский, Воронихин, Кваренги, Гордеев и др.

С 1918 г. во внутреннем дворе лавры существовала Коммунистическая площадка – кладбище для героев Гражданской и Великой Отечественной войн, государственных деятелей.

В 1797 г. монастырь преобразован в лавру. Там были собраны библиотека и большой исторический архив. В 1909 г. открылся музей – Древлехранилище лавры.

С 1789 г. все главнейшие стороны деятельности Александро-Невской обители, получив самостоятельную организацию, выросли, окрепли и, по естественному порядку жизни, обособились. Церковно-административная деятельность отошла к Консistorии. Школьное обучение сложилось в самостоятельную цепь духовно-учебных заведений. Церковно-назидательное издательство перешло в руки высших органов церковного управления и духовной науки. Образовались самостоятельные установления флотского и заграничного духовенства.

В августе 1790 г. состоялось торжественное освящение Троицкого собора владыкой Гавриилом и перенесение в него мощей св. Александра Невского. Троицкий собор отличался богатством внутреннего убранства, правда, вместо икон его украшали произведения кисти Ван-Дейка, Рубенса, Бассано, многих известных русских живописцев. Монастырь и Троицкий собор часто посещали русские императоры и

вносили богатые вклады, среди них золотые священные сосуды, подаренные Екатериной II вскоре после освящения собора, четыре драгоценных престольных Евангелия XVII в., золотой крест, выполненный в 1660 г. для Кириллова монастыря, и даже образ «Моление о чаше», присланный в дар от папы Пия IV Екатерине II. Среди наиболее драгоценных предметов, хранившихся в ризнице монастыря, была корона св. Александра Невского, «сделанная наподобие архиерейской шапки из белых горностаев и пунцового бархата».

Богослужение в Троицком соборе отличалось красотой и торжественностью. Хор митрополичьих певчих в лавре ничем не уступал придворным певчим. Еще при Петре I в монастыре было введено нотное пение. Указом императора было повелено списать у певчих государя копии «со всех знаменного напеву переводов, для знания в Невском монастыре клирошанам». Со времен Екатерины II в Лавре было повелено одному иеромонаху, чтецу и певцу отправлять службу на греческом языке.

Лавра — название, присваиваемое некоторым крупнейшим мужским монастырям, находящимся вне зависимости от епархиальных епископов и подчиненных непосредственно высшей церковной власти. В России это Троице-Сергиева, Александро-Невская, на Украине — Киево-Печерская и Почаевская.

Ввиду большого культурного и исторического значения Александро-Невского некрополя он был преобразован в государственный заповедник, а в 1930 г. на его месте был основан музей городской скульптуры.

В то же время было реорганизовано Тихвинское кладбище, куда были перенесены останки многих выдающихся людей. К их числу принадлежат И. Крылов, Н. Карамзин, В. Жуковский, Ф. Достоевский;

композиторы М. Глинка, М. Мусоргский, А. Бородин, П. Чайковский, А. Даргомыжский. Здесь погребены также многие художники, артисты. Для монастырского некрополя символична близость погребений к мощам — в данном случае святого защитника Русской земли князя Александра Невского. Главной причиной захоронения мертвых «у святых» было желание обеспечить защиту не только телу усопшего, но и всему его существу в ожидании дня пробуждения и Страшного суда.

После Февральской революции 1917 года правящим архиереем Санкт-Петербургской епархии был избран епископ Гдовский Вениамин (ум. 1922). В мае 1917 г. была проведена ревизия финансово-хозяйственного управления лавры, и по итогам ревизии прежний наместник лавры, архимандрит Филарет, был отстранен от должности. Новым наместником был назначен епископ Елизаветградский Прокопий (Семенович). В период с 14 декабря 1917 г. по 26 января 1918 г. епископ Прокопий являлся настоятелем обители, а 26 января 1918 г. священноархимандритом Лавры был назначен митрополит Вениамин. Наместником стал архимандрит Виктор (Островидов).

В соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все церковное имущество было национализировано, и уже 13 января 1918 г. Александра Коллонтай приказала реквизировать все помещения Александро-Невской лавры. Монастырское имущество удалось отстоять, но в том же году все жилые помещения перешли в ведение Петросовета. Часть лаврских помещений занял Петроградский Епархиальный совет, а Надвратная церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радостей» стала приходской.

В декабре 1919 г. новым наместником был назначен архимандрит Николай (Ярушевич), при котором

отношение лаврского священноначалия к Советской власти стало более лояльным. В соответствии с Конституцией 1918 г. при каждой церковной общине должен был быть организован церковно-приходской совет. Такой совет был организован и при лавре. К ведению Совета относились сношения с государственной властью и церковно-хозяйственные функции, а также аккумуляция всех денежных пожертвований. Все остальные дела находились в ведении Духовного собора лавры.

12 мая 1922 г., в разгар «изъятия церковных ценностей в пользу голодающих», была вскрыта рака с мощами св. кн. Александра Невского. Рака была изъята и помещена в Эрмитаж. 20 ноября того же года были изъяты и св. мощи, вернувшиеся в собор лишь в 1989 г.

Во время «обновленческого раскола» 1920–1940-х гг., основой которого была группа петроградских священников, лавра на короткое время перешла в руки обновленцев. Но уже в 1923 г. епископ Лужский Мануил (Лемешевский), специально присланный в Петроград святителем Тихоном, Патриархом Московским и всея Руси, для борьбы с раскольниками, вернул братию обители в лоно православной церкви. Уже к 1926 г. из 115 «обновленческих церквей» осталось только 32.

При митрополите Иосифе (Петровых) Свято-Троицкий собор Лавры становится кафедральным и продолжает пребывать таковым до 1933 г. После закрытия собора в 1933 г. в ведении церкви остается только Свято-Духовский храм, который закрывается в 1935 г. С этого времени весь комплекс лаврских зданий используется под хозяйственные цели.

После изменения отношения Советской власти к Русской православной церкви в 1943 г. государство возвращает для организации и размещения Ленинградского Епархиального управления Свято-Духовский храм лавры в 1946 г. Новый митрополит

Ленинградский Григорий (Чуков) ходатайствует перед светской властью и о возвращении Свято-Троицкого собора, но безуспешно. Только в 1956 г. митрополит Елевферий (Воронцов) добивается возвращения собора церкви. Первым настоятелем собора после его освящения 12-13 сентября 1957 г. стал епископ Алексей (Коноплев). В храме возобновились ежедневные богослужения.

В 1961 г., во время «хрущевских гонений», поступило распоряжение о передаче Свято-Духовского храма государству. В связи с этим останки митрополитов Григория и Елевферия были перенесены из храма в специально устроенную крипту в подвале Свято-Троицкого собора, а Епархиальное управление переехало в здание Духовной академии на наб. Обводного канала, дом 17. В память о том, что правящий архиерей Ленинградской епархии является священноархимандритом лавры, митрополит Никодим (Ротов) переводит Свято-Троицкий собор в свое непосредственное подчинение и в 1967 настоятели стали именоваться наместниками. Эта традиция сохранилась до 1997 г., когда приход был упразднен и все его имущество распоряжением митрополита Владимира (Котлярова) было передано возрожденной Александро-Невской лавре.

В 1985 г. церкви был передан Никольский кладбищенский храм, торжественно освященный 22 апреля 1985 г. В храме хранятся останки почитаемого многими верующими угодника Божия, затворника Матфея (Тотамира). Воскресные богослужения совершаются в храме еженедельно и в настоящее время.

Ныне Свято-Троицкая Александро-Невская лавра является действующим общежительным мужским монастырем Санкт-Петербургской епархии.

При митрополите Никодиме (Ротове, 1978) настоятель собора стал носить титул наместника, а правящий архиерей Санкт-Петербургской епархии стал настоятелем собора. В этом, на первый взгляд, незначительном изменении была христианская надежда и мудрое предвидение владыки Никодима о будущем монастыря.

Благодатным знамением к грядущим изменениям в судьбе лавры послужило возвращение 3 июня 1989 г., мощей Александра Невского — небесного покровителя монастыря и града Святого Петра. Это произошло когда Ленинградскую кафедру занимал митрополит Алексей, ныне патриарх. Алексием, митрополитом Ленинградским и Новгородским, было совершено перенесение из Казанского собора мощей Александра Невского. Звоном лаврских колоколов и крестным ходом духовенства и мирян они были торжественно перенесены на место своего честного положения, благоговейного поклонения и почитания, куда и были первоначально принесены Петром I из Владимира в августе 1724 г.

Возрождение лавры как монастыря началось летом 1995 г. при правящем митрополите Иоанне (Снычеве, 1996). Первым наместником монастыря стал старейший клирик Санкт-Петербургской епархии архимандрит Кирилл (Начис) — епархиальный духовник. К этому времени монашествующим был частично предан Духовской корпус, где и поселилась немногочисленная монашеская братия состоявшая в основном из постриженников Санкт-Петербургских духовных школ.

Первое монашеское богослужение состоялось 14 сентября 1995 г. Службу возглавил наместник лавры архимандрит Кирилл. За неимением достаточного числа братии пел хор из учащихся Духовной семинарии.

В апреле 1996 г., при правящем архиерее митрополите Владимире (Котлярове), был назначен

новый наместник лавры игумен Викентий (Кузьмин). 5 апреля 1996 г. при участии патриарха Алексия II, духовенства Санкт-Петербургской епархии, руководства города (где, кстати, присутствовал и будущий президент России В. Путин) и начальства НИИ «ПРОМЕТЕЙ» которому на тот момент принадлежало большинство зданий лавры, состоялась символическая передача комплекса лавры. К этому времени уже началась передача Митрополичьего, Духовского и Просфорного корпусов. Окончательная передача архитектурного комплекса лавры осуществилась к 2000 г..

В октябре 1996 года наместником лавры был назначен архимандрит Назарий (Лавриненко).

3 ноября 1997 года приходское собрание Свято-Троицкого собора было упразднено и управление передано Духовному собору лавры. Был также принят устав монастыря, назначены основные должностные лица: благочинный, эконо́м, духовник, ризничий, казначей, секретарь. Лавра начала жить полноценной монашеской жизнью.

В настоящее время количество монахов постоянно увеличивается за счет новых постригов из числа послушников, а также монашествующих, приходящих из других монастырей.

И вспоминаются стихи скромного поэта начала XIX в. Алексея Мерзлякова:

На пламенном коне, как некий бог, летит:
Объемлют взоры всё, и длань повелевает;
Вражды, коварства змей, растоптан, умирает;
Бездушная скала приемлет жизнь и вид,
И росс бы совершен был новых дней в начале,

Но смерть рекла Петру: «Стой! Ты не Бог, — не дале!»

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МОДА XVIII СТОЛЕТИЯ

...И опять в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

Г. Иванов

В XVIII в. законодателями мод в России были придворные дамы и кавалеры, по которым равнялось остальное столичное, а в последней четверти века и провинциальное дворянство. Подражала им также некоторая часть богатого купечества и разночинцев. В основном же купцы и их семьи одевались в русское национальное платье, перенимая лишь немного из модного костюма.

Городской костюм, принятый повсеместно в Западной Европе, был введен в России указом Петра I в 1700 г.: «О ношении платья на манер венгерского». В 1702 г. уже предписывалось: «Всякого чина людям, кроме духовенства и пашенных крестьян, носить платье саксонское, немецкое или французское, а русского не носить, не делать и им не торговать».

Академик И. Георги, ездивший по стране через десять лет после издания указа, пишет: «Дворянки первого и до последнего класса, даже в самых отдаленнейших от столиц российских местах, одеваются так же по принимаемым от времени до времени из европейских государств модам, редко по предписанному указами образцу, отдаляющему от беспутной и разорительной роскоши. Последняя и скудная дворянка, да что еще хуже, служанка

старается наряжаться в модные лоскутки каких-либо женских нарядов великой цены, по назначению моды, а не по внутреннему вестей, составляющих те наряды, достоинству и все не на русский, а на иностранный образец, большей частью европейский».

Сам Петр I в воспоминаниях и портретах предстает перед нами обычно в красной фризовой куртке и холщовых белых штанах и в зеленом мундире Преображенского полка.

После указов о гражданской одежде вводится французский костюм для государственных служащих. К тому же каждый класс из «Табели о рангах» носил одежду из определенной ткани, жены так же.

Вот как описывает Пушкин в «Арапе Петра Великого» женскую одежду высшего света:

«Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и на шее. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начал танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку».

Обычно женщины носили высокий фонтаж (головной убор с гофрированным кружевом), узкий лиф, блузу с широкими полудлинными рукавами и юбку с оборками по низу.

После Екатерины I и до восшествия на престол в 1741 г. Елизаветы Петровны петербургскую моду дворянства диктовали в основном германские вкусы. Петербургские мещане, небогатые купцы и ремесленники до самой революции носили обычно жилет поверх длинной цветной рубашки.

Но женщины, как во все времена, стремились к большему.

Вот что пишет о петербургской моде времен Анны Иоанновны уже знакомая нам английская гувернантка Элизабет Джастис:

«Что касается одежды в России, то там, как и в любом обществе любой страны, каждый появляется в одеждах, присущих его отечеству. В обычае русских женщин носить европейское платье; на голову они надевают шапочку с верхом из бархата, сукна или дорогого шелка, отороченную мехом примерно на полквартира (примерно 12 см) в высоту; белье простое, башмаки и чулки редки. Замужние женщины укладывают волосы под головной убор, так что вы не можете их видеть, хотя они у всех очень длинные; однако для замужней женщины считается неприличным показывать их. Незамужние стягивают волосы на затылке лентой, носят жакет без рукавов. Юбки обычно сшиты из очень яркой ткани. Головные уборы даже у бедных людей спереди жесткие благодаря картону и возвышаются над лбом примерно на полквартира; сверху накладывают бисер, золотые или серебряные галуны либо что-нибудь другое, приятное на вид. Эти головные уборы они покрывают кусочками сукна, шелка или миткаля длиной около ярда и держат их за два конца руками, а другие свешиваются над плечами.

Зимой русские одеваются в подбитые дорогим мехом жакеты, достигающие до бедер. Некоторые ходят в них и летом, чтобы, как они говорят, не впускать жару. Но я придерживаюсь мнения, что это делается напоказ, так как они обычно сшиты из дорогого шелка; русские приобретут красивый жакет и шапку, даже если за душой у них не останется ни гроша».

Здесь Джастис права. Вышел даже в 1742 г. указ о людях, которые «не рассуждая о крайнем своем

разорении, но только б нарядными себя показать, как сами, так и их жены и дети, не по достоинству своему, носят пребогатые с позументом и из серебряных и золотых материй платье, и делают зело же богатые на людей ливреи...».

Под влиянием двора и богатейшего дворянства с каждым годом возрастала роскошь и пышность модного платья. Историк М. Щербатов утверждал, что «часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого-нибудь придворного и щеголя».

Богатые дворяне выписывали нарядные костюмы из Парижа или Лондона, или покупали их у торговцев модными товарами, привозивших готовые платья, материи и всякие модные мелочи из-за границы, или заказывали их в иностранных мастерских.

Крепостные портные и портнихи, обученные по таким образцам, шили одежду для небогатых дворян, а также домашнее платье и ливреи в знатных домах.

Для всего XVIII в., за исключением последних нескольких лет, характерно женское платье с тесно облегающим фигуру декольтированным корсажем и более или менее широкой юбкой.

Модные новости, какие приносит каждый год или каждый сезон, не меняют основного характера костюма, не создают нового «силуэта» фигуры. Они чаще всего касаются цвета или рисунка материи, отделки платья, фасона рукавов, длины юбки, формы выреза корсажа и т. п. Такие варианты моды легко воспринимаются, быстро распространяются и так же быстро исчезают, уступая место новым маленьким изобретениям моды.

Изменения костюма, резко преображающие весь облик фигуры, происходят относительно редко, они постепенно завоевывают общее признание и удерживаются в течение длительного времени.

За вторую половину XVIII в. такие изменения костюма происходят трижды.

Первое изменение касается фасона юбки. До начала 1760-х годов юбки нарядных платьев носят на «панье», то есть сверх нижней юбки, имеющей форму колокола и обшитой несколькими (5—8) обручами, полосами плотной ткани со встреченными в нее косточками китового уса или же обшитой в несколько рядов плетением из тростника. К концу 1750-х годов «панье» так сильно расширяет подол юбки, что дамы уже не могут пройти в обычную одностворчатую дверь, не могут сесть в обычный экипаж. Ежемесячное издание «Трудолюбивая пчела» сообщает в 1759 г. в «Письме к зрителю»: «...красавицы совсем исшалились. Их юбки, которые пучиться и расширяться начали перед вашим отъездом, делают теперь преужасную окружность, которая день ото дня увеличивается... они приобрели в широте то, что в высоте потеряли (вышли из моды очень высокие головные уборы) и против всех правил архитектуры расширяют основание, а верх уменьшают... Многие рассматрительные особы думают, что с некоторого времени наш пол сделался весьма смелым и что сии китовыми обручами обложенные юбки введены в употребление для того, чтоб нас не близко к себе допускать...».

В начале 1760-х годов появляются набедренные эластичные фижмы, заменяющие «панье». Они не только не уменьшают ширины юбки, но еще расширяют ее в боках. Удобство фижм заключается в том, что они эластичны и их можно сжать локтями, кроме того, подол платья становится мягким. Платье не сидит так топорно, как на «панье», а слегка колышется при движении.

Следующее коренное изменение контура фигуры происходит в самом конце 1760-х годов. Юбку платья перестают «раздувать» на боках. Вместо этого вводится

турнюр, сначала небольшой, а в 1770—1780-х годах довольно объемистый ватный валик, который прикрепляется сзади, немного ниже уровня талии, под юбку. Все сборки платья драпируют теперь не на боках и сзади, как раньше, а только на турнюре. Корсаж по-прежнему тесно облегает фигуру до уровня бедра. Одновременно с турнюром появляются высокая прическа и высокие головные уборы — шляпы и чепцы.

В еженедельнике «Всякая всячина» за 1769 г. так сообщалось об этом нововведении: «Женщины все выросли на пядень с тех пор, как бока их потеряли стремление выпячиваться, как прежде бывало, но сей рост покрыт волосами... В новом моем доме я заказал двери сделать выше, чтобы дочь моя как-нибудь головою не увязла... Беспреданно дома переделывать для выдумок! Лет с двадцать назад, бывало, расширяй дома, двери, кареты и прочая для фишбейнов (китовый ус), а ныне возвышай дома...».

Нужно заметить, что высокие прически и головные уборы были сразу же приняты большинством дам и продержались до середины 1790-х гг., в то время как от фижм, во всяком случае для нарядных платьев, долго не могли отказаться.

Около середины 1790-х гг. вновь коренным образом меняется «силуэт», женской фигуры. Новая мода предписывает не сжимающее талию свободное платье со струящимися складками по образцу античных хитонов и туник, с высокой талией, прическу с локонами или греческим узлом на затылке и туфли без каблуков.

Свободные платья со струящимися, а не драпированными складками, так называемые «шемизы», носили и в 1780-х гг., но надевали их сверх корсета и фижм или сверх корсета и турнюра, их носили главным образом в доме, они и назывались «покоевыми» или «интерьерными» платьями.

О появлении нового фасона платья журнал «Магазин общепользных знаний» 1795 г. сообщает: «Недавно в Петербурге начали носить «англинско-греко-российский наряд»... Это не греческая сорочка, но обыкновенный шемиз, сделанный из кисеи, с английской талией, с полуоткрытой грудью, обшитый узенькой фалбалой (оборкой), под грудью стянут поясом».

Введению этой моды «на античный манер» много способствовала художница-портретистка Э. Виже-Лебрэн, жившая в Петербурге с 1795 по 1801 г. По ее совету на одном из придворных балов все дамы были одеты в белые «античные» платья. Апробированная при дворе мода вскоре нашла подражательниц и вне придворного круга.

В начале XIX в. полупрозрачные белые платья носили на одной рубашке, а заправские щеголихи на розовом трико.

Ф. Вигель в первом томе своих «Записок» говорит: «...костюмы, коих память одно ваяние сохранило на берегах Егейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве... и право, было недурно: на молодых женщинах и девицах все было так чисто, просто, свежо: собранные в виде диадемы волосы так украшали их молодое чело. Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно охватывали стан и верно обрисовывали прелестные формы... Но каково же было пожилым и дородным женщинам? Им не так выгодно было выказывать формы; ну что ж, и они из русских Матрен перешли в римские матроны».

В XVIII в. не существует еще строгого разделения туалетов на дневные и вечерние. Нарядный костюм для прогулки, для визита или званого обеда ни в чем существенном не отличается от костюма для театра, вечера или бала. Разница лишь в количестве

драгоценных украшений на платьях и головных уборах. Днем, особенно вне дома, на улице или в саду носят их меньше, чем в закрытом помещении и вечером. Даже размер декольте на платьях не меняется в зависимости от их назначения.

Начиная с 1770-х гг. вырез корсажа, правда, прикрывают, выходя на улицу, косынкой или мантилей, но с появлением в 1790-х годах платьев «на античный манер» вновь выходят из дому с открытой шеей и грудью.

От всех нарядных платьев как в XVIII, так и в XIX в. отличаются парадные придворные платья. Во второй половине XVIII в. были приняты два фасона таких платьев. Первый вид платья состоит из шнурованного корсажа без рукавов, юбки на фижмах и распашного верхнего платья со свободно спадающим шлейфом, который для танцев укорачивают, закладывая его концы в карманы. Этого вида парадное придворное платье встречается с середины 1760-х до середины 1780-х годов.

Другое платье — из шнурованного корсажа и юбки на фижмах, сверх которых иногда надевали верхнее распашное платье. Шлейфы этих платьев были пристегнуты на талии. Платья такого фасона с небольшими изменениями носили на торжественных приемах при дворе до начала XIX в.

Придворные дамы, и особенно дамы, «коим проезд ко двору дозволен», одевались с необычайной роскошью, носили платья из самых дорогих привозных тканей с богатой отделкой, золотыми и серебряными вышивками, осыпанными драгоценными камнями, с тончайшим кружевом. Такая расточительность подрывала благосостояние дворянских семей. Это побудило Екатерину II в 1782 г. издать ряд законов, регламентирующих как парадный, так и обычный придворный костюм.

Первым по времени вышел закон «Об уборе дам, имеющих проезд ко двору», который предписывал им наблюдать «более простоту и умеренность в образе одежды» и не «употреблять таких вещей, коим одна только новость дает всю цену». Запрещалось отделывать платья золотым и серебряным шитьем или кружевом шире двух вершков (9 см), а также носить головные уборы выше двух вершков, «разумея от лба».

Вслед за тем был опубликован закон, разрешающий всем дворянам, в том числе и дамам, носить платья тех цветов, какие присвоены губернии, в которой они живут, и в этих туалетах «иметь проезд и в столицах во все публичные места и ко двору».

Статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записывает по этому поводу в свой дневник: «Губернским мундирам рады отцы да мужья».

Дамы надевали на атласную юбку и корсаж нечто вроде казакина или сюртука из гладкой шерстяной ткани (стамеда) того же цвета, что форменный губернский кафтан мужа или отца, с оторочкой в цвет воротника и обшлагов кафтана.

Третий закон, изданный в том же году, — «О назначении, в какие праздники какое платье носить особам обоего пола, имеющим проезд ко двору». В нем сказано, что по большим праздникам дамам и кавалерам разрешается носить московские золотые и серебряные парчи, в прочие праздничные и другие дни — всякие шелковые материи, кавалерам еще и сукно. Распоряжение относительно ширины отделки остается в силе.

В некоторые торжественные дни уже во времена царствования Екатерины II дамы должны были являться в русском платье, то есть в сарафанах. Сарафаны придворного наряда были в известной мере приспособлены к господствующей моде. В XVIII в. они были распашными, и носили их на корсаже и юбке, как

все нарядные платья. Головной убор к ним был в виде невысокого кокошника или серповидной девичьей повязки. Академик И. Георги пишет, что «женщины придворные одеваются в так называемое русское платье, но оное мало отвечает сему наименованию и есть паче отонченного европейского вкуса, ибо и самый вид оного больше на вид польского похож».

Нарядность, присущая костюму XVIII в., сказалась на утреннем и на домашнем платье дам и молодых девушек.

Женщины проводили большую часть дня дома. Между 11 и 3 часами дня могли «запросто» появиться визитеры, друзья, знакомые и даже малознакомые люди, но люди «своего круга», чьим мнением дорожили и осуждения или насмешек которых боялись.

Некоторые знатные дамы и известные щеголихи принимали визиты и за туалетным столиком, в то время как парикмахер «сооружал и пудрил куафюру», а они сидели, завернувшись поверх утреннего платья в свой «пудермантель» или пеньюар. Но этот обычай в России не был особенно широко распространен. Как правило, дамы были уже полностью одеты и причесаны, когда к ним являлись утренние визитеры.

Женщины, жившие в своих имениях, также должны были быть готовы к приему гостей, которые могли неожиданно приехать из соседних имений или из города. При малой занятости людей дворянского круга езда в гости, посещение или прием друзей и знакомых были явлением повседневным.

Помещицы, жившие долго безвыездно в деревне, часто отставали, конечно, от моды или вовсе модой не интересовались, а наряжались, как умели, на свой вкус.

Знатные дамы и щеголихи, или «вертопрашки», как их тогда называли, переодевались в течение дня несколько раз. Утром, то есть до трех часов, они сидели в своей гостиной в утреннем платье и в блондовом или

батистовом чепце, а в 1780-х годах иногда и в большой шляпе с перьями и лентами и занимались каким-нибудь модным рукоделием.

Многие женщины предпочитали утреннему платью обыкновенное домашнее платье, шитое по последней моде, но всегда более скромное, чем выходное. Молодые девушки специально утренних платьев не имели.

В 1760-х гг. домашние платья на фижмах не носили. Чтобы придать костюму привычный вид, юбку распашного верхнего платья или длинную (ниже колен) баску корсажа драпировали на боках фестонами. Позже, в 1770-х и 1780-х гг., домашние платья носили на турнюре.

Молодые женщины и девушки, обладавшие стройной фигурой, носили дома корсаж с рукавами и присобранную на боках и сзади юбку. Юбка оставалась без изменений до последних лет XVIII в., фасон корсажа менялся в зависимости от моды. Корсажи домашних платьев не стягивали так туго, как корсажи выходных туалетов. Чтобы скрыть слабую шнуровку, многие носили дома большие шали-мантильи, косынки и полудлинные пелерины с декоративным капюшоном или безрукавные душегрейки.

В далекие времена возник и распространился обычай, предписывавший замужним женщинам никогда не показываться на люди с непокрытой головой. Этот обычай сохранился преимущественно в крестьянской среде во многих европейских странах, а в России также и в купеческой и мещанской среде. Но женщины XVIII и XIX вв., одевавшиеся по моде, давно порвали с древними традициями и носили нарядные и кокетливые чепцы отнюдь не из каких-либо этических или религиозных побуждений. Белый легкий чепец создает впечатление опрятности, сообщает нежность цвету

лица молодой женщины и смягчает желтизну вялых щек старухи.

Носили чепцы и с нарядными дневными и вечерними платьями и вне дома, но этот обычай не был повсеместно распространен в XVIII в. и в первой четверти XIX. В XVIII в. чепцы заменяли шляпами или украшали прическу лентами, кружевом, перьями, цветами, с бальным нарядом — драгоценностями. Особенно примечательны головные уборы в конце 1770-х годов: на высокую прическу водружали модель парусного судна, цветочную корзинку, рог изобилия с ниспадающими из него цветами и плодами и т. п.

Много своеобразия и изящества в нарядный туалет дамы или молодой девушки вносили шали, шарфы и косынки. С их помощью можно было подчеркнуть величавость или грациозность фигуры, стройность талии, легкость движений или горделивость осанки.

С 1770-х годов большие газовые или кисейные косынки, концы которых закладывали под край выреза корсажа, создавали впечатление модного тогда высокого бюста, при котором талия кажется очень тонкой и стройной. Платья со струящимися складками требовали либо полупрозрачных легких шарфов с развевающимися концами, которые сообщали движениям легкость, «воздушность», либо тяжелых кашемировых шалей, плотно облегающих плечи и придававших фигуре вид тонкий и хрупкий.

Не менее важно было научиться с грацией пользоваться веером. Складные веера или опахала имелись у женщин привилегированных слоев общества уже в XVII в., когда боярыни и дворянки ходили еще в национальном русском платье. На гравюре художника де Бруинна, бывшего в Петербурге в 1702 г., изображена одна из царевен в великолепном древнерусском наряде с веером в руке.

Веера второй половины XVIII в., как и позже, — чаще всего шелковые расписные, иногда с нашитыми блестками, станки вееров деревянные, черепаховые, перламутровые, встречаются и инкрустированные золотом.

Веера не только дополняют наряд светской женщины, но, как пишет журнал «Смесь» в 1769 г., «...они прекрасны и полезны, исправляют должность зефира, отвращают солнечные лучи, от которых загорают и княжеские лица, прикрывают не весьма хорошие зубы и непристойные усмешки. Одним словом, они ко всему пригодны». Другой журнал 1784 г. отмечает еще одно назначение веера: «Великих дарований красавицам свойственно иметь сведения о том, сколько раз махнуть веером так, чтобы косыночка, закрывающая их грудь, приняла то прекрасное положение, при котором вопреки булавок видима быть могла восхищающая непорядочность; так же известно им, сколько ударов веера потребно для того, чтобы сия косыночка пока закрылась, или сколько оных нужно для того, дабы приятным образом развеять свои волосы, придавая им восхищающее положение, которое, кроме опахала, никакая рука смертная доставить им не может».

Вместе с модами менялась и форма обуви, а с нею походка женщин. В течение всего XVIII в., за исключением последних нескольких лет, дамы ходили в туфлях на более или менее высоких каблуках. Туфли были кожаные, шелковые, парчовые или глазетовые, украшенные пряжками, бантами или розетками. Знатные дамы носили в парадных случаях расшитые жемчугом и драгоценными камнями туфли на красных каблуках.

С воцарением платьев «на античный манер» появились туфли без каблуков, обычно с завязками вокруг ноги. Привыкшие к каблукам женщины

почувствовали себя несколько неловко в остроносой мягкой обуви без каблуков. Они не сразу сумели приспособиться к плавной, скользящей походке, которой требовал стиль платьев, неправильно ставили ступню, из-за чего получались неровные, некрасивые шаги.

Некоторые дамы стали учиться походке и поклонам у учителей танцев. Другие могли воспользоваться советами вышедшей в 1802 г. в Петербурге книжки «Искусство сохранять красоту. Подарок российским дамам и девицам», в которой поясняется, «каким образом ступать прилично»: «При всяком шаге должно ногу подавать вперед, держа пяту вверх поднявши, носки протянуть вниз и не спускать пяты прежде носка. Неся ногу вперед, утверждать тело на бедрах, не шататься и не торопиться».

«Каким образом женщины должны держать себя в походке и поклонах: надобно держать тело прямо и непринужденно, крепко утвердивши оное на бедрах, голову поднять вверх, свободно и непринужденно двигать шею; плечи как можно опустить и подать назад, руки держать подле тела несколько впереди; локти прижать к бедрам, а кисть руки положить в другую перед собою.

Чтоб поклониться по правилам, надлежит тело подать несколько назад, держа голову как можно прямо, нагнуть коленки весьма низко, ровным движением и без торопливости и подняться таким же образом».

Постепенно к туфлям и ботинкам без каблуков привыкли, и продержались они до конца 1830-х годов.

Нужно заметить, что с парадным платьем, сохранившим фасон XVIII в., и в эти годы носили атласные туфли на высоком каблуке. Туфли на каблуках носили и некоторые знатные старухи, которые в

парадных случаях еще в 1820-х годах являлись в обществе в старинных платьях времен их молодости.

При пышных, многокрасочных, часто ярких туалетах XVIII в., при высоких прическах и огромных шляпах последней трети столетия ненарумяненное лицо казалось чрезвычайно бледным, почти серым. Поэтому без румян женщины не обходились. Конечно, не все дамы и молодые девушки соблюдали должную меру в их употреблении. Во времена белых легких платьев и «античных» причесок исчезают румяна. Теперь нравится «благородная» бледность, и дамы, не наделенные ею от природы, вынуждены белить или сильно пудрить лицо. Бледность или совсем легкий румянец остаются в моде в течение нескольких десятилетий, и к ярким румянам женщины не возвращаются.

* * *

XVIII в. — век французского кафтана, камзола, коротких панталон — кюлотов, длинных чулок и башмаков с пряжками, белых париков или пудренных волос. Так со времен Петра I одевались дворяне и разночинная интеллигенция. Лишь в последние 10-15 лет века пришли новые моды, покорившие сначала только молодых и старых щеголей, а затем и всех остальных, кроме некоторых особенно упорных стариков.

Мужские костюмы были не менее красочны и богато отделаны, чем женские.

С середины века и до 1770-х гг. мужской костюм менялся мало, варианты моды касались в основном только деталей костюма. Так, несколько уменьшилась высота обшлага на рукаве, немного укоротились полы кафтана, но основная форма кафтана оставалась прежней. То же можно сказать и о кюлотах. Если до

1760-х гг. чулки натягивали, «накатывали» на обшивку кюлотов, то позже обшивка кюлотов у колен проходила поверх чулка и кюлоты закрывали колени, покрой же существенным образом не менялся.

До 1760-х гг. парадный кафтан, застегнутый на три-четыре средние пуговицы, обрисовывал талию. Чтобы талия казалась тоньше, юбку кафтана расширяли на боках. Для этого в подкладку вшивали пластинки китового уса, грубую парусину, волосяную ткань или просто толстую бумагу или подшивали волосяной валик. Кроме того, щеголи подкладывали и плечи.

В конце 1770-х гг. или в самом начале 1780-х веера складок на юбке спинки кафтана выходят из моды. Кафтан шьют со скошенными передними и гладкими задними полами, с более высоким стоячим воротником и с узкой спинкой, что сразу резко меняет очертания фигуры. Новые кафтаны либо совсем не застегивают, либо застегивают на груди на крючки, хотя на них большей частью нашиты пуговицы и петли. Шпага висит слева на боку под кафтаном, если полы сзади не имеют разреза, или пропускается в левый из трех разрезов на спинке. Встречаются и кафтаны с одним разрезом по среднему шву.

К началу 1790-х гг. щеголи носят прямо-полые кафтаны с очень узкой спинкой и высокой талией, старики и солидные люди предпочитают более удобный покррой.

Прямополые кафтаны остаются без изменений и в дальнейшем. До середины 1810-х гг. они составляли придворный парадный костюм. Встречались они и в повседневном быту еще в 1820-х гг., их носили многие «барственные» старики, особенно москвичи, оппозиционно настроенные против всяких «новшеств», в том числе и модных. По обычаям екатерининского времени одевались и некоторые старики, стоявшие в свое время близко ко двору.

В начале 1770-х гг. появился новый вид одежды, именуемый «фраком». Сперва его носили только на улице или употребляли для верховой езды. У него характерный для всех последующих фраков стояче-отложной воротник, передние полы округлены и отходят назад, из-под стояче-отложного воротника спускаются на плечи пелеринки. В последующие годы пелеринки исчезают, и с конца 1770-х или начала 1780-х гг. фрак начинает заменять в дневном костюме кафтан. Сперва его отличает от кафтана главным образом стояче-отложной воротник и несколько более широкая спинка, кроме того, его застегивают, в отличие от модных в это время кафтанов, вверху на три пуговицы. Шьют фраки, как и кафтаны, из цветного сукна, а нарядные — из шелков и бархата и отделывают их также тесьмой, галуном, вышивкой, как и кафтаны. Затем фрак постепенно несколько видоизменяется и к началу 1790-х гг. бытуют два вида фраков. Один из них «английский» с короткими фалдами, его носят с панталонами в обтяжку или лосинами и невысокими сапогами. Это дневной костюм. Другой, более нарядный фрак, именуемый «французским», с фалдами ниже колен и округленными передними полами, считается вечерним или нарядным костюмом, и носят его с кюлотами, длинными чулками и туфлями.

Мужчины, как пишет журнал «Магазин общепользных знаний», в 1795 г. в основном придерживаются английских мод: носят круглые шляпы, сапоги, короткие жилеты и фраки.

Заимствовав кое-что из костюма революционной Франции, щеголи сильно утрировали эту моду — носили жилеты, едва достигающие до пояса, с тройными отворотами, торчащими до плеч, коротенькие фраки с высоким до ушей воротником, маленькие круглые шляпы, сапоги с большими отворотами, петлями и кисточками, и все это кричаще ярких тонов. Этот

костюм казался солидным людям совершенно неприличным. Как известно, лучший способ борьбы с безвкусицей франтов — насмешка. По этому пути пошла Екатерина II. Она велела вырядить петербургских будочников в такой же «щегольской» костюм и дать им в руки весьма модный в это время двойной лорнет. В таком виде городская стража приветствовала всех встречавшихся на улице модников.

С восшествием на престол Павла I (1796) мода, пришедшая в Россию из революционной Франции, в частности «демократические» длинные панталоны, санюлоты, фраки, круглые шляпы, короткая стрижка, вдова была запрещена.

Все военные должны были появляться только в своих мундирах, а штатские в губернском дворянском мундире или в ставших уже старинными кафтанах и кюлотах.

А. Бутенев в своих «Воспоминаниях» рассказывает: «Полиция везде должна была преследовать фраки и круглые шляпы до такой степени, что даже мальчики... были принуждены носить одежду французскую, трехрогие шляпы, башмаки с пряжками вместо курточек и прочего... на нас должны были напяливать, когда мы покидали курточку, длинный французский кафтан, короткие штаны, башмаки с пряжками и пудрить к тому же нам головы. Иногда, в торжественные дни, надевали на нас даже губернский мундир, при белых жилете и брюках... Тогдашний военный губернатор Архаров, обер-полицмейстер Эртель и комендант Шейдеман (с косою, болтавшеюся у него до пят) строжайше наблюдали за точным исполнением этих повелений... Даже и на частных вечерах, концертах и т. п. хозяин дома обязан был предупредить полицию, которая посылала квартального в мундире присутствовать на оных».

Зато на другой день после смерти Павла I, «словно сговорились все жители столицы, утром 12 марта 1801 г. появились в таких костюмах, в таких прическах и с такой упряжью, какие были строжайше запрещены Павлом. Можно было видеть прически а ля Титюс, коса исчезла, длинные панталоны, круглые шляпы, сапоги с ботфортами могли безнаказанно показываться на улицах. В столице закипела жизнь и движение в противоположность гробовой тишине, господствовавшей там долго».

Запрещение, наложенное на фраки Павлом I, не было официально отменено, и кое-где фрак продолжали считать одеждой неприличной. В 1802 г. директор Благородного собрания в Москве объясняет чрезвычайно малый съезд в Собрание тем, что туда не разрешают приезжать во фраке, в то время как в Английский клуб вход во фраке разрешается. Пришлось генерал-губернатору разрешить и в Благородном собрании появляться во фраке.

Вновь воцарившийся фрак стал с этих пор на долгие годы основной мужской одеждой. Дневной фрак носили с панталонами в обтяжку, заправленными в сапоги с отворотами; вечерний — с короткими панталонами-кюлотами, длинными чулками и туфлями.

В 1810 г. поэт К. Батюшков наблюдал на Кузнецком мосту в Москве «большое стечение московских франтов в лакированных сапогах, в широких английских фраках, и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных», а на Тверском бульваре появился некий щеголь в голубых панталонах и широком фраке.

Одеваться по моде считалось признаком культуры. Одеваться богато считалось в некоторых кругах признаком высокого достоинства. В первую очередь это относится к придворному кругу. Не только вельможи, но и люди, не занимавшие при дворе высоких должностей, носили в XVIII в. парадные костюмы из различных

шелков, бархата, парчи и глазета, отделанные золотом, серебром, драгоценными камнями. Парадные костюмы и шляпы фаворитов императрицы были буквально усеяны бриллиантами. Жабо и манжеты делали из тончайшего и очень дорогого кружева, пуговицы на кафтанах и камзолах, пряжки на башмаках с красными каблуками, эфес шпаги сверкали золотом, серебром, алмазами или граненым стальным бисером.

Красочно и нарядно одевались не только при дворе, на балу, на вечере, но и для выхода на улицу, для визита, гулянья и т. д., и не только вельможи и щеголи, но и люди солидные и скромные. Из «описи пожиткам покойного господина профессора Лосенкова» известно, что у знаменитого художника были: кафтан сукна кирпичного цвета, камзол бирюзового сукна с золотыми пуговицами, атласный белый камзол, вышитый золотом, летний камзол с белыми и красными полосами, белые шелковые чулки, парики и т. д.

Чтобы иметь возможность не только летом, но и в прохладные осенние и весенние месяцы появляться в холодных парадных комнатах и особенно на улице в красивом, ловко сидящем кафтане или позже фраке под кафтан или фрак надевали теплые «душегреи». Короткие штаны, а потом и панталоны делали на вате, сапоги и башмаки шили на два, три или четыре чулка.

Парадный кафтан отделявали шитьем по борту (ширина золотого или серебряного шитья не должна была, согласно указам Екатерины II, превышать двух вершков) шелковыми вышивками на передних полах, обшлагах рукавов, на карманных клапанах и под ними, сзади на талии. Еще наряднее был обычно камзол атласный или из плотного матового шелка, весь расшитый золотом, серебром, драгоценными камнями, цветной фольгой, окруженной жемчугом, и т. д. Короткие штаны-кюлоты белые, в цвет кафтана или камзола, или черные шелковые застегивали (с 1770-х

гг.) у колена серебряной или золотой пряжкой. Белые шелковые чулки, иногда с цветной или золотой стрелкой, и черные туфли с большой пряжкой дополняли костюм.

Прямополые кафтаны имели шитье только по бортам, на воротнике и на обшлагах рукавов.

Много шитья было и на нарядных кафтанах, а потом и на французских фраках, которые носили не только вечером, но и днем.

Вот как описывается в журнале «И то и сие» в 1769 г. молодой человек, идущий по улице:

«Платье на нем все играло и тихие зефиры колебали его кисточками, которые висели на кафтане его подле петель; голова у него была напудрена, тонкие его манжеты и ленточки на шпаге заставляли всякую красавицу вздохнуть о нем от чистого сердца. Он выступал замысловато и нес над собою зонтик, а по-русски подсолнечник или тенник, кто как изволит».

В описи гардероба графа Н. Шереметева, умершего в 1808 г., значится: кафтаны, камзолы и штаны из парчи, шитые золотом или серебром (парадные костюмы); кафтаны, камзолы и штаны без шитья; кафтаны и штаны из вышитого бархата; к ним камзолы атласные, парчовые и глазетовые; кафтаны, штаны и камзолы из расшитого сукна; старые фраки (т. е. фраки 1770—1780-х гг.): суконный кофейного цвета, по бортам вышит золотом, казимировый алый с белыми полосками, по бортам выложен золотой тесьмой и шнурками, подложен белым косматым бархатом и т. д.

Утром, а порою и в течение дня, если позволяли обстоятельства, мужчины носили шлафрок или халат.

В XVIII в. шлафроки были часто не менее нарядны, чем кафтаны и позже фраки.

Шлафроки богатых людей, а также модных щеголей шили из цветных шелков, из бархата, отделывали шалевым воротником и обшлагами другого цвета

(например, голубой атласный шлафрок с обшлагами из палевого атласа, красные бархатные кюлоты, светло-серые чулки и светлые башмаки видим мы на портрете Бецкого). Теплые халаты подбивали ватой или мехом и обшивали мехом. На халатах некоторых вельмож были вышиты орденские звезды.

Сняв шлафрок, люди надевали свои обычные кафтаны или фраки, а с 1800-х годов и сюртуки. В дальнейшем сюртук — обычная дневная одежда мужчин как дома, так и на улице.

Мода меняет не только фасоны платья, не только форму и величину шляп, но постоянным изменениям подвержены и всякие «мелочи туалета». В XVIII в. мужчины в штатском, а также офицеры в форме имели всегда при себе трость или палку. До 1780-х гг. трость была высокая с небольшим круглым набалдашником из серебра, стали, слоновой кости, из золота; в 1780 г. моден набалдашник из слоновой кости в виде яйца или шляпки гриба, иногда в нем помещен свисток, которым «вертопрахи» пользовались в театре, что, конечно, было запрещено. В 1780-х гг. носят тонкие трости с загнутой ручкой и двумя кисточками на шнурке, затем, до 1790-х гг., в большой моде палки с золотой, серебряной, фарфоровой ручкой, украшенной камеей, или с вделанными в нее лорнетом или часами, а также толстые бамбуковые трости с черным шелковым шнурком и с двумя желудями, суковатые лакированные дубинки или короткие толстые трости, в костяную ручку которых вделана зрительная трубка.

В это же время встречаются и тонкие трости из камыша, а также оплетенные соломкой или свитые из трех прутьев разного цвета.

Приходившие с визитом мужчины входили в гостиную или в кабинет с тростью и шляпой в руке. Этот обычай продержался до последней четверти XVIII в. С этого времени трость оставляли в передней (как и

верхнее платье), а головной убор, кроме картуза, вносили с собой. Только старики, опиравшиеся на палку, брали ее с собой в комнаты.

Долго держалась в XVIII в. мода носить в карманах камзола, а позже жилета, двое часов с висящими наружу цепочками. В 1790-х гг. их носили с ремешками и ленточками, к которым прикрепляли множество брелоков. Богатые люди имели часы «с музыкой», игравшие каждый час коротенькую мелодию.

* * *

Мелкие и средние купцы, сельские и городские разносчики крестьянского происхождения носили обычную крестьянскую одежду. Мелкие городские торговцы из мещан одевались тоже по-русски, но несколько наряднее, чем крестьяне: кафтаны они шили из цветных сукон, длиннее крестьянских и с большим количеством сбор, носили сапоги, а не лапти. Женщины-мещанки чаще ходили в юбках с различными кофтами, пелеринками и душегрейками, чем в сарафанах, носили фигурно повязанные платки вместо традиционных головных уборов, городскую обувь, платье шили не только из домотканых, но и из покупных материй.

Преимущественно по-русски одевалось в XVIII в. и «среднее» городское купечество. Сравнительно немногие купцы носили тот модернизированный русский костюм, который начал формироваться после петровской реформы одежды и полностью сложился как специфически купеческий к середине XIX столетия.

И. Георги пишет: «Покрой оного (купеческого платья) есть поднесь старинный, как то кафтан длинный пониже икор, с частыми борами, подпоясанный кушаком, полукафтанье пониже колен, но оное редко, а большею частию камзол длинный почти до колен и портки или широковатые на восточный образец штаны пестрядинные, кумачовые, редко

немецкие суконные или плисовые; сверху которых висит выпущенная рубаха... зимою круглая шапка теплая с околышем из бобра, соболя или куницы, а летом круглая шляпа, но каждая почти провинция или губерния имеет свой особенный образ одеяния; многие не бреют бороды и усов, но сей обычай почти уже выводится совсем, волосы подстригают, оставляя на лбу повыше бровей, а на затылке почти по плеча висящими; платье по состоянию и возможности бывает различной цены; иные богачи имеют оное из тонкого сукна с серебряными и позолоченными пуговицами; но убогие носят оное из делаемого в России; летом сие китайчатое или холстинное. Хорошо одетый россиянин по древнему своему обычаю имеет вид красивый и важный. Зимой богачи имеют лисьи и других мехов шубы, распашные и бекеши, а убогие овечьи тулупы, покрытые сукном или китайкой, часто же нагольные... но большая часть, а особливо молодых купцов и мещан, оставила и приметно оставляет древнее праотцев своих одеяние и употребляет немецкого покроя».

Для модернизированной народной одежды характерно сочетание русского платья с деталями модного дворянского костюма. Например, у долгополых русских кафтанов, застегнутых по-русски на левую сторону, шили спинку покроем, близким к западноевропейскому: с двумя врезными веерами складок, с характерными для модной мужской одежды карманными клапанами и пуговицами под ними, — или спинку кроили по-русски, отрезную, со сборами на талии, а воротник и отвороты, как у модного сюртука. Даже купцы-щеголи, заказывая модный сюртук, «пускали его подлинней», потому что по народным понятиям «куцая» одежда смешна, а долгополая придает степенность и достоинство. Ко всем этим «не совсем кафтанам» и «не совсем сюртукам» надевали русские рубахи, русские штаны и высокие сапоги.

Одеваться вполне по моде в купечестве считалось неблагопристойным.

Несмотря на безусловное преобладание русской одежды, в купеческой среде конца XVIII в. одновременно бытовало платье разного характера. Автор комедии «Подражатель» (1799) указывает в ремарках на необходимость по-разному одеть артистов, исполняющих роли купцов младшего и старшего поколения, купцов столичных и провинциальных. Все платье жениха, молодого московского купца, «сшито разным покроем и цветов различных, которое он по временам и по случаям на себя надевает, картуз на голове».

На невесте, провинциальной купеческой девушке, согласно ремарке, должны быть: «юбка черная грезетовая. Кофтик розовый люстриновый и такого же цвета передник тафтяной. На голове чепчик купеческий кружевной. Волосы напудрены. Серьги алмазные. На шее и на руках крупный жемчуг».

Отец невесты, пожилой купец, одет в «кафтан темного цвета, старинного покроя, с широкими полами, обшлага большие. Камзол рытого бархата, с долгими полами. На кафтане и на камзоле пуговицы частые. Штаны третьего цвета. Волосы подрезаны и приглажены. В сапогах».

На матери невесты, купчихе: «телогрея парчовая, обложена золотым галуном, юбка штофная, обложена по подолу серебряной сеткой [кружевом]. Сборник парчовый, с сеткою — и жемчужным низаньем. Башмаки шитые золотом бархатные без запяток, чулки белые с красными стрелками. На шее жемчуга несколько ниток».

Купеческая аристократия — заводчики, мануфактуристы, купцы-«экспортеры», торговавшие с иностранцами, и их семьи, приравненные по своему положению в обществе к дворянству, одевались в

модный дворянский костюм, тогда как богатейшие откупщики из крестьян или купцов продолжали в большинстве случаев носить платье крестьянского покроя, но сшитое из самых дорогих материалов. Так одет на известном портрете работы Левицкого откупщик Никифор Сеземов. На нем кафтан тонкого синего сукна, подбитый темным соболем, собольи воротник и манжеты, широкий турецкий кушак завязан по-крестьянски. Он с бородой, усами, волосы подстрижены в кружок.

Женщины купеческого и мещанского звания в XVIII — начале XIX в. носили преимущественно традиционную русскую одежду, особенно если мужья их одевались по-русски, или так называемое немецкое платье. Немецким называли платье, состоящее из юбки и кофты. К нему обычно повязывали голову шелковыми платками, завязывали их бантиком над лбом или «распушивая оные очень высоко, в виде корпуса корабельного или же турецкой чалмы с перевязкой». Степенные женщины надевали к юбкам старинные телогрейки, душегрейки или свободные кофты из плотных материй, на плечи накидывали шаль.

Щеголихи, следившие за модой, шили кофты фасоном, приближавшимся к модному и из самых модных материй. Носить полупрозрачное платье «на античный манер» считалось в купеческой среде совершенно неприличным.

* * *

Мало дошло до нашего времени сведений об одежде рабочих XVIII—начала XIX в. В основном это были монастырские, дворцовые или помещичьи крестьяне, которые работали сезонно, а к весне возвращались в деревню. Потомственных вольнонаемных рабочих было очень мало.

На казенных военных заводах было введено мундирное платье, существовал также регламент, предписывавший владельцам крупных предприятий одевать рабочих одинаково и прилично. Ф. Берхгольц после посещения полотняной фабрики Тамсена в 1722 г. записывает в свой дневник, что на фабрике работают почти исключительно русские, в том числе девушки, отданные на прядильню лет на десять и более в наказание, а некоторые и навсегда. «Все они имели белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами», но, видимо, правило соблюдалось не всегда, что вызвало необходимость в 1741 г. вновь повторить указ.

Приведем выписку из регламента для суконных и каразейных предприятий: «Понеже поныне очень срамно было видеть, что большое число мастеровых и работных людей так ободранно и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют, того ради фабрикантам накрепко повелевается той некрасоте народа упредить, и вышеупомянутым людям всех суконных фабрик всем сплошь равную одежду на известное число годов, для различия от других, по усмотрению своему вскоре сделать... а деньги за оную, во что стало, у них из заслуженной платы по мало вычесть». И правило и «вычеты во что стало» перешли в XIX в.

Очевидно, в маленьких заведениях и на помещичьих фабриках, где разрешалось использовать труд собственных крепостных, рабочие были одеты в свое обычное платье: крестьяне в крестьянское, дворовые в дворовое.

Одежда дворовых, а особенно слуг, отличалась от крестьянской. Зависело платье дворового от его места на той иерархической лестнице, которая существовала среди всей дворни, а главным образом среди прислуги.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. иметь 50, 100 и даже 300 дворовых в богатом имении и немногим меньше в городском барском доме считалось необходимым. Мемуаристы этой поры постоянно упоминают о массе бездельных, полупьяных, оборванных людей, наполнявших барские дворы и службы.

Мужчины-дворовые, в отличие от крестьян, брились, короче стригли волосы и носили «дворовое платье», которое, хотя и были зачастую сшито из тех же домотканых материй, что и крестьянское, но окрашивали его в иные, не «крестьянские тона», например во все оттенки зеленого, голубой и т. п. цвета, а также шили не «по-мужичьи». Дворовые носили жилеты или камзолы, долгополые сюртуки, шейные платки.

Для глаз современника разница в костюме и облике дворового и крестьянина была настолько велика, что в газетах встречаются такие объявления: «Бежал парень в русском дворовом платье, второй в крестьянском обыкновенном платье» («Московские ведомости», 1809). Или:

«От Волконского с Арбата бежал парень в нагольном новом тулупе, сапогах и кожаном картузе. С ним старик в старом крестьянском кафтане» («Московские ведомости», 1809).

Среди дворовых женщин большинства губерний было не принято носить сарафаны, они одевались в юбки с телогрейками, а голову повязывали платками, если по своему положению в доме не имели права на чепец. «В деревне на крестьянках сарафаны, на дворовых телогреи», — пишет А. Н. Радищев. В литературе XVIII — XIX вв. упоминаются дворовые девушки и женщины, одетые также и в платья из полосатого затрапеза, чего ни разу не встретилось в описании костюма крестьян.

Через газету «Московские ведомости» в 1809 г. владельцы разыскивают беглую дворовую женщину 24 лет, в синем полосатом затрапезном коротком платье, в худой шубе и русском кафтане, в русских котях, и девку 19 лет в синей крашенинной шубе, с платками на голове.

Учитель сообщает, что от него бежала дворовая девка 23 лет в кофточке, в тиковой полосатой юбке, в байковом темно-зеленом капоте и хорошенькой шубейке на заячьем меху, крытой малиновым гарнитуром.

Платье прислуги «при господах» целиком зависело от вкуса, богатства и положения в обществе самих владельцев. На нем «лежала печать дома», поэтому так много выдумки и денег тратили господа на одежду своих лакеев, буфетчиков, швейцаров, фореиторов, кучеров, егерей, казачков и других прислуживающих.

Существовала «Табель экипажам и ливреям по различию чинов», регламентировавшая количество галуна, которое можно было нашить на ливрею слуги. Согласно табели, «двух первых классов особам дозволяется иметь ливрею, выложенную по швам, следующим трем классам, до статского советника включительно, — ливрею, выложенную по бортам, коллежскому советнику — по борту воротника, обшлагов и камзола», остальным до восьмого класса разрешалось выкладывать только воротник и обшлага ливреи.

В ходу были ливреи двух типов: в виде французского прямополого кафтана, к нему кюлоты, камзол, рубашка с жабо, белые чулки и башмаки с пряжками, или напоминающая сюртук, к которому полагались рубашка с высоким воротником, кюлоты, гетры до колен, застегнутые на пуговицы, туфли. В самом конце XVIII в., через некоторое время после того как фраки стали общеупотребительны в дворянском

обществе, в некоторых домах во фраки стали одевать и лакеев. Иногда на плече лакейского фрака был эполет с аксельбантом.

Перчатки прислуге полагалось иметь нитяные белые.

Бороду и усы носить строго запрещалось.

Независимо от того, по-французски, по-английски или по-русски была одета прислуга в доме, кучеров, нянек и кормилиц было принято одевать в богатые русские костюмы. «...А как одеть кучеров иначе, как не в бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые, с бобровыми опушками, с какою то блестящею оторочкою!»— восклицает С. Жихарев в «Дневнике чиновника».

Горничные девушки, экономки и другая женская прислуга дворянских семей, появлявшаяся в комнатах при господах, большей частью была одета в платье общеупотребительного модного покроя, но более скромное и закрытое. Они носили белые или цветные фартучки, на головах белые чепчики или наколки. С конца XVIII в., когда косынки стали почти непременной деталью модного костюма, стали их носить и служанки, особенно к «платьям с барского плеча», следовательно, декольтированным.

Так же как служанки, к концу XVIII — началу XIX в. одевались и многие горожанки «из низов». На гравюрах этого времени встречаем прачек, модисток, цветочниц, продавщиц, одетых в платья модного покроя, с талией под грудью и непременной косынкой на плечах. Так же одета кружевница на известном портрете работы В. Тропинина 1823 г.

М. Загоскин пишет, что в 1812 г. на Невском проспекте «мелькали от времени до времени беленькие щеголеватые платьица русских швей, образовавших свой вкус во французских магазинах, и тафтяные капотцы красавиц среднего состояния».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПРИ ПАВЛЕ I

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли вместе с ним и весь этот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

Ф. М. Достоевский

Рождение Павла очень обрадовало бабушку Елизавету Петровну. Мать Екатерина увидела своего ребенка лишь через 40 дней и должна была только «украдкою наведываться об его здоровье, ибо просто послать спросить значило бы усомниться в попечениях императрицы и могло быть очень дурно принято». Так вспоминала Екатерина II.

Елизавета «поместила его у себя в комнате и прибегала к нему на каждый его крик; его душили излишними заботами... К нему приставили множество бестолковых старух и мамушек, которые своим излишним и неуместным усердием причинили ему несравненно больше физического и нравственного зла, нежели добра».

Петр III сыном не интересовался.

На шестом году к Павлу приставили воспитателя Никиту Панина. Наследника возят на придворные балы, обеды, приемы. Панин воспитывал его во французском духе: книги Вольтера, Дидро, французские пьесы. В 18 лет его женили. Как водится, на одной из многочисленных немецких принцесс, но она скоро умерла от родов.

Когда Павлу исполнилось 22 года, состоялась поездка в Берлин для сватовства очередной принцессы. Берлин наследника поразил. Подобно отцу, он сделался горячим поклонником прусского двора и Фридриха II, которому поклялся в вечной дружбе.

Берлинский опыт, молодой азарт и отцовская кровь начинали будоражить Павла.

«Если бы мне надобно было, — писал он в 1766 г., — образовать себе политическую партию, я мог бы молчать о беспорядках, чтобы пощадить известных лиц, но, будучи тем, что я есмь, — для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело несправое».

С матерью у Павла сложились прохладные отношения, ее любимицы смотрели на него пренебрежительно.

Павел, путешествуя по Европе, открыто выражал недовольство политикой Екатерины и ее приближенными: Потемкиным, Безбородко и прочими. Он говорил: «Лишь только буду иметь власть — их отстегаю, уничтожу и выгоню». Немудрено, ведь они помогали Екатерине заключать союз с Австрией вместо союза с любимой Павлу Пруссией.

В 1783 г. императрица подарила наследнику Гатчину — мызу, принадлежавшую раньше Г. Орлову. Так начинается гатчинский период жизни будущего русского царя. Он сформировал себе военный отряд, представлявший в миниатюре все рода войск. За образец устава был взят прусский, форма тоже прусская, дисциплина строжайшая.

Далее Павел устроил в Гатчине четыре церкви разных вероисповеданий, школу и больницу. Он стал хорошо разбираться в земледелии, помогал крестьянам.

Петербургский двор называл его гатчинским помещиком. По вечерам Павел при свечах составлял на будущее указы и проекты.

С 1790 г. Павел стал проявлять «приметную склонность к задумчивости». Он поднимался в 4 утра и спешил на учения, осматривал казармы. Гатчина и Павловск превратились в военный лагерь. Известия о французской революции произвели, видимо, еще один незаметный сдвиг в психике князя. Французские эмигранты рассказывали ужасы. Ростопчин писал Воронцову: «Вы увидите впоследствии, сколько вреда наделало пребывание Эстергази: он так усердно проповедовал в пользу деспотизма и необходимости править железной лозой, что государь-наследник усвоил себе эту систему и уже поступает согласно с нею. Каждый день только и слышно, что о насилиях, о мелочных придирках, которых бы постыдился всякий частный человек. Он ежеминутно воображает себе, что хотят ему досадить, что намерены осуждать его действия... Недавно велел посадить под арест четырех офицеров за то, что у них были несколько короткие косы, — причина, совершенно достаточная для того, чтобы заподозрить в них революционное направление».

Екатерина II, процарствовав 34 года, умерла. В государственной системе процветала взятка, в делах неразбериха, расходы империи превышали доходы. Павел грозил навести порядок. Зимний дворец обступили будки с часовыми, залы наполнились офицерами. Страна начинала жить по-гатчински. Канцелярии, коллегии работали с пяти утра. 200 полицейских бегали по улицам и срывали с прохожих круглые шляпы, у фраков обрезали торчащие воротники, а жилеты разрывались на куски.

В 1797 г. указом наистрожайше подтверждено, чтобы никто в городе, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других не

носил; затем позднее воспрещалось с подпиской всем, в городе находящимся, ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, а также «не обвертывать шеи безмерно платками, галстухами или косынками, а повязывать ее приличным образом, без излишней толстоты». В 1800 г. было обязательно для всех жителей Российской империи, как состоявших на службе, так и бывших в отставке, с каким бы то ни было мундиром, военным, морским или гражданским, носить длиннополый, прусской формы мундир, ботфорты, краги, шпагу на пояснице, шпоры с колесцами, трость почти в сажень, шляпу с широкими галунами и напудренный парик с длинной косой.

По выражению Державина, в это время зашумели шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоевании города ворвались в покои везде военные люди с великим шумом.

При въезде и выезде из города стояли будки с полосатыми шлагбаумами, и караульные офицеры записывали всех проезжающих. Этот список ежедневно доставлялся Павлу.

Как говорил современник, «нельзя было не заметить с первого шага в столице, как дрожь, и не от стужи только, словно эпидемия, всех равно пронимала, особенно после счастливого времени, проведенного нами при Екатерине, царствование которой отличалось милостивою снисходительностью ко всему, что не носило характера преступления».

Владельцы кофеен, купцы, наемная прислуга должны были ежедневно сообщать полиции об услышанном.

Гулять по императорскому саду можно было только сняв шапку.

Если встречался император, следовало выйти из экипажа, иначе наказывали кнутом.

Красавица Ирина Богаевская, выйдя из кареты, сделала книксен перед Павлом. Тот, внимательно осмотрев ее, ласково покивал головой. Разъехались. Но минут через пять император послал Кутайсова узнать имя приглянувшейся дамы. Богаевская ехала к заболевшей подруге Полуектовой и назвалась ею.

Назавтра Кутайсов был отправлен к Полуектовой, но та за день успела умереть. «Да, превратна человеческая судьба», — сказал Павел.

Богаевская с мужем уехали в деревню и за время царствования Павла не рискнули приехать в столицу.

Изгнание из Петербурга, ссылка стали обычным делом. Вице-директора департамента, не смогшего поставить для разных полков сукно одинакового цвета, вывезли, больного, за заставу с приказом никогда не возвращаться. Девушка отказалась выйти замуж по велению императора, и всю ее родню сослали в Сибирь.

В окне нижнего этажа Зимнего дворца Павел велел выставить ящик с прорезью, куда каждый мог бросить жалобу. Ключ от комнаты был только у Павла, он каждый вечер вынимал эту корреспонденцию и ставил резолюции. «Этим путем обнаружались многие несправедливости, а в таковых случаях Павел был непреклонен... В продолжение существования ящика,— продолжает очевидец,— невероятно какое существовало правосудие во всех сословиях и правомерность...».

Но жулики управились с ящиком: они стали туда бросать разные пасквили на Павла, и он велел ящик снять...

Новый император отменил хлебную подать, очень тяжелую для крестьян, чрезвычайный рекрутский набор, велел не продавать крестьян без земли. Дворян он лишил привилегии — свободы от телесного наказания. Павел их вообще считал тунеядцами.

Вот несколько анекдотов о Павле I из старых книг.

Изгоняя роскошь и желая приучить подданных своих к умеренности, император Павел назначил число блюд по сословиям, а у служащих — по чинам.

Майору определено было иметь за столом три блюда.

Яков Петрович Кульнев, впоследствии генерал и славный партизан, служил тогда майором в Сумском гусарском полку и не имел почти никакого состояния. Павел, увидя его где-то, спросил:

— Господин майор, сколько у вас за обедом подано блюд?

— Три, ваше императорское величество.

— А позвольте узнать, господин майор, какие?

— Курица плашмя, курица ребром и курица боком, — отвечал Кульнев.

Император расхохотался.

Павел любил показывать себя человеком бережливым. Он имел одну шинель для весны, осени и зимы, ее подшивали то ватой, то мехом, смотря по температуре, в самый день его выезда.

Случалось однако, что вдруг становилось теплее требуемых градусов для меха, тогда поставленный у термометра придворный служитель натирал его льдом до выхода государя, а в противном случае согревал его своим дыханием. Павел не показывал вида, что замечает обман, довольный тем, что исполнялась его воля.

Точно так же поступали и в приготовлении его опочивальни. Там вечером должно было быть не менее четырнадцати градусов тепла, а печь оставаться холодной. Государь спал головой к печке. Но как в зимнее время соблюсти эти два условия? Во время ужина слуги расстилали в спальне рогожи и всю печь натирали льдом. Павел, входя в комнату, тотчас смотрел на термометр — там 14 градусов. Трогал печку — она холодная. Довольный исполнением своей воли, он

ложился в постель и засыпал спокойно, хотя впоследствии стенки печи, естественно, делались горячими.

Пушкин рассказывал, что когда он служил в министерстве иностранных дел, ему случилось дежурить с одним весьма старым чиновником. Желая извлечь из него хоть что-нибудь, Пушкин расспрашивал его про службу и слышал от него следующее.

Однажды он дежурил в этой самой комнате, у этого самого стола. Это было за несколько дней перед смертью Павла. Было уже за полночь. Вдруг дверь с шумом растворилась. Вбежал сторож впопыхах, объявляя, что за ним идет государь. Павел вошел и в большом волнении начал ходить по комнате; потом приказал чиновнику взять лист бумаги и начал диктовать с большим жаром. Чиновник начал с заголовка: «Указ его императорского величества» — и капнул чернилами. Поспешно схватил он другой лист и снова начал писать заголовок, а государь все ходил по комнате и продолжал диктовать. Чиновник до того растерялся, что не мог вспомнить начала приказа, и боялся начать с середины, сидел ни жив ни мертв перед бумагой. Павел вдруг остановился и потребовал указ для подписания. Дрожащий чиновник подал ему лист, на котором был написан заголовок и больше ничего.

□ Что ж государь? — спросил Пушкин.

□ Да ничего-с. Изволил только ударить меня в рожу и вышел.

* * *

* * *

В ноябре 1796 г. появился указ Павла о немедленном сношении Летнего дворца Елизаветы «в третьем саду» и постройке вместо него Михайловского замка. Приступив к строительству, Павел не стал

считаться с условиями климата: в январе начали рыть рвы под фундамент, а в феврале состоялась торжественная закладка замка.

Причину постройки нового дворца объясняли загадочным случаем.

Дело в том, что новый император очень верил снам.

Например граф Растопчин рассказывает, что Павлу накануне вступления на трон снилось, будто его к небесам три раза поднимает какая-то неведомая сила.

Сон его накануне смерти тоже описан. Павлу привиделось, что ему на спину надевают узкий парчовый кафтан, и с таким усилием, что он готов был закричать от боли.

Постройка дворца также находится в прямой связи с этой верой в видения. Вот как рассказывали тогда об этом случае. Однажды солдату, стоявшему в карауле при Летнем дворце, явился в сиянии юноша и сказал оторопевшему часовому, что он, архангел Михаил, приказывает ему идти к императору и сказать, чтобы на месте этого старого Летнего дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Солдат донес о бывшем ему видении по начальству, и когда об этом доложили императору, он ответил: «Мне уже известно желание архангела Михаила, воля его будет исполнена». Вслед за этим он распорядился о постройке нового дворца, при котором должна быть построена и церковь во имя архистратига Михаила, а сам дворец приказано назвать Михайловским замком.

Главным распорядителем всех работ был назначен сперва тайный советник В. С. Попов, потом гофмаршал граф Тизенгаузен. Первым архитектором был В. Ф. Бренна, к нему прикомандировано несколько архитектурных учеников и несколько каменных мастеров, и учреждена «особая экспедиция для строения», которой отпускалась из кабинета и казначейства единовременно сумма в 791 200 рублей и

ежегодно по 1 173871 рубль 10 копеек в течение трехлетнего срока. Экспедиции было велено замок закончить вчерне непременно в 1797 г.

Бренна Викентий Францевич (1740 – 1819) — художник-декоратор и архитектор; по происхождению итальянец. В 1780-1801 гг. работал в России. Участвовал в строительстве дворца в Павловске и Михайловского замка в Петербурге, возводившегося по проекту Баженова.

При такой поспешности работы производились и днем, и ночью. Очевидцы рассказывали, что в ночное время работы освещались факелами и фонарями, рабочих ежедневно на строительстве было от 2 500 до 6 000 человек, не считая мастеров и надзирателей. Материалы доставлялись тоже с большой поспешностью, и, кроме заготавливаемых по подрядам, для замка были разобраны каменные галереи дворца в Пелле и перевезены сюда, а также брали мрамор и камни от строившегося в ту пору Исаакиевского собора, который после того и стали достраивать из кирпича.

Известный в то время своими проказами, стихами и остротами Алексей Копьев написал на эту тему стихотворение:

Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.

Император Павел за это стихотворение приказал в тот же день зачислить его в один из армейских полков солдатом.

Участок Михайловского замка начинался от ныне существующей Манежной площади и тянулся до Летнего сада, от которого его отделяла река Мойка; боковыми границами его служили Фонтанка и восточный край так называемого третьего – впоследствии Михайловского сада.

Закладка Михайловского замка проходила с церемонией, на которой присутствовал сам Павел с императрицей и все августейшее семейство. Император с императрицей по выходу из кареты шествовали в сопровождении придворных, иностранных посланников и всего двора, государь был встречен архиереем Иннокентием и всем столичным духовенством. Процессия остановилась у мраморного камня, приготовленного для закладки, с высеченной на нем надписью: «В лето 1797-е, месяца февраля в 26 день, в начале царствования государя императора и всей России самодержца Павла Первого, положено основание зданию Михайловского замка его императорским величеством и супругой его, государыней императрицей Марией Феодоровной». По обеим сторонам камня были поставлены богато убранные столы, на которых на серебряных блюдах лежали серебряные лопатки с именами Павла и Марии, известка, яшмовые камни, наподобие кирпича, с вензелями императора и супруги его, серебряный молоток с надписью и на особых столиках разные новые монеты, золотые и серебряные. После молебна и пушечной пальбы с крепости началась закладка замка. Государю подносили: лопатку — коллежский советник Пушкин, известь — архитектор Соколов, камень — действительный статский советник Ходнев, блюдо с монетой — граф Тизенгаузен.

Императрице известь подавал архитектор Бренна, камень — подполковник и капитан Михайловского замка Жандр, великим князьям и княжнам — архитекторы Баженов и другие.

Михайловский замок был готов в 1800 г., и в ноябре состоялось его освящение одновременно с освящением и церкви. Освящение отличалось большой торжественностью. Павел и великие князья ехали верхом. Императрица, великие княжны и первые чины

двора ехали в церемониальных каретах от Зимнего дворца к замку между выстроенными полками, при колокольном звоне по всему городу. Церковь освящал митрополит Амвросий в сослужении со всем Святейшим Синодом. Митрополит после освящения получил от Павла в награду бриллиантовый крест.

Замок был очень разукрашен, на всех фасадах красовались мраморные статуи, вазы и разные фигуры, служащие теперь украшением Зимнего дворца. Замок представлял образец архитектуры итальянского Возрождения, его тогда окружали рвы с подъемными мостами, брустверы, чугунные решетки и т. д. Замок имел двадцать бронзовых пушек двадцатифунтового калибра со всеми снарядами, расставленных в разных местах на платформах. Внешний вид замка — четырехугольник. Внутри замка три двора, в середине главный в виде восьмиугольника, к Фонтанке имеющий форму пятиугольника и на углу к Царицыну лугу — треугольный. Вход в замок через трое ворот. Воскресенские — с портиками и колоннами полированного гранита с украшениями из пудожского камня, ведут на главный двор, куда позволялось въезжать лишь членам императорского семейства и посланникам. Рождественские — чугунные, со стороны Большой Садовой улицы, и Зачатейские ворота — с Фонтанки. Наружные фасады замка не одинаковы. Главный фасад из красного и серого мрамора, подвалы и нижний этаж выстроены из тесаного гранита, остальные части стен окрашены в красноватый цвет, происхождение которого, по достоверному преданию, приписывается рыцарской любезности императора: одна из придворных дам явилась однажды в перчатках этого цвета, и император послал одну из этих перчаток в образец составителю краски. После окраски замка многие петербургские домовладельцы поспешили окрасить и свои дома в такой колер.

Михайловский замок окружала каменная стена, к замку от Большой Садовой вели три липовые и березовые аллеи, посаженные еще при императрице Анне Иоанновне; каждая из них упиралась в железные ворота, украшенные императорскими вензелями, перед замком расстилался обширный плац, окаймленный с обеих сторон садами. На плацу был поставлен и освящен вместе с Михайловским замком памятник Петру I. Император изображен в римской тоге с лавровым венком на голове и с фельдмаршальским жезлом в правой руке. Мысль соорудить этот памятник принадлежит императрице Анне Иоанновне, предполагавшей поставить его на Васильевском острове, на площади Коллегий; отлит он был в царствование Елизаветы Петровны графом Растрелли или, вернее, литейщиком Мартилли. В царствование Екатерины II он лежал на берегу Невы у Исаакиевского моста под навесом и только по повелению Павла поставлен на это место. На другой стороне плаца возвышаются два каменных двухэтажных павильона, предназначенных тогда для жилья дворцовых слуг.

Плац перед главным фасадом замка назывался Коннетабльским; здесь происходили смотры и парады, страсть к которым у императора Павла доходила до крайних пределов — даже балетные танцовщицы были привлечены одно время для этого удовольствия. А. М. Каратыгина в своих воспоминаниях рассказывает: «Раз Берилова (известная танцовщица) с моей матушкой пошли посмотреть развод у дворца. Государь увидел, узнал их и, подъехав к ним, спросил: «Как вы очутились тут?». На ответ, что им очень нравится это зрелище, Павел Петрович только улыбнулся. Каково же было общее удивление и смущение, когда вслед за тем в театральную дирекцию прислан был высочайший

приказ, чтобы все балетные актрисы присутствовали при каждом разводе войск у дворца!».

* * *

Император Павел ввел полную реформу военного быта и завел прусские военные порядки. Суворов говорил: «Русские всегда били пруссаков; так чего ж тут перенимать?». Когда Суворов получил палочки для меры солдатских кос и буклей, то сказал: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный руссак». Слова эти повели к разрыву между императором и фельдмаршалом. Гораздо ранее, когда еще в Гатчине Павел стал вводить новые порядки, Екатерина II называла их «обрядами неудобноносимыми». По словам Болотова, Измайловский полк, которым командовал Константин Павлович, в одну ночь изучил новые приемы фронтовой службы и тем доставил такое удовольствие императору, что он заплакал от радости.

Муфты и шубы были изгнаны из гвардии, мундир, прежде стоивший 120 рублей, обходился в 22 рубля. Служба в гвардии при Екатерине была самая легкая, офицеры, стоявшие на карауле, одевались в халаты, случалось иногда и так, что жена надевала мундир мужа и несла за него службу. В павловское время мундиры были широки и свободны, узкие и обтянутые явились в царствование Александра I, зато букли, косы и треуголки доводили солдат до слез. Если солдат готовился к параду, то еще с вечера должен был причесать голову, намазать ее салом и обсыпать мукой. Для солдат вместо пудры отпускалась ржаная мука. Причесанный солдат ночь спал сидя, чтобы не измять буклей; бывали случаи, что и крысы отъедали косы у сонных. Также неудобны были для солдат огромные треугольные шляпы. Когда на ученье скомандуют

беглым шагом □ так шляпы и летят с голов, поэтому наряжалась особая команда для их подбирания.

А. М. Тургенев в своих записках рассказывает, какие он должен был перетерпеть страдания, когда его готовили к дежурству при дворе в один из первых дней нового царствования:

«В пять часов утра я был уже на ротном дворе: двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обдывать на голове волосы по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моей головой, чтобы оболванить ее по утвержденной форме, и началась потеха. Меня посадили на скамью посередине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного чем менее сажени ростом, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне и еще 73 года жить на этом свете, я этой проделки не забуду!

Минут 5 или 6 усердного трения головы моей костюмером привело меня в такое состояние, что я испугался, полагал, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и все в ней находившееся вертящимися.

Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем. Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие господина костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и господин профессор оболванения голов по форме благоволил объявить вахтмистру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей. Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, вместо пудромантеля окутали рогожным кулем; костюмер стал против меня ровно в разрезе на

две половины лица и, набрав в рот артельного квасу, начал из уст своих, как из пожарной трубы, опрыскивать черепоздание мое; едва он увлажил по шву головы, другой костюмер начал обильно сыпать пуховкою на голову муку во всех направлениях; по окончании сей операции причесали мне волосы гребнем и приказали сидеть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на голове клестер-коре; сзади в волосы привязали мне железный, длиною 8 вершков, прут для образования косы по форме, букли приделали мне войлочные, огромной натуры, посредством согнутой дугой проволоки, которая огибала череп головы и, опираясь на нем, держала войлочные фальконеты с обеих сторон на высоте половины уха. К девяти часам утра составившаяся из муки кора затвердела на черепе головы моей, как изверженная лава вулкана, и я под сим покровом мог безущербно выстоять под дождем, снегом несколько часов, как мраморная статуя, поставленная в саду».

На первых порах такие реформы поглощали все внимание начальствующих лиц. Известно, что Павел шутить не любил...

* * *

Император говорил, что если каждый частный человек не лишен удовольствия обедать в своей семье, то зачем лишаться его государю. Поэтому он положил за правило, чтобы члены его семейства обедали всегда с ним вместе, и особые столы во дворце были уничтожены.

Несмотря на известную воздержанность в пище Павла, обеденный стол убирался роскошно и в особенности изобиловал десертом. Вот как описывает обед императора Павла старый его паж К. К. Бошняк. Ровно в известный час император в сопровождении всех лиц императорской фамилии с их воспитателями

вступал в столовую. Он шел обыкновенно впереди всех с императрицей. Грозно кругом оглядываясь, он отрывистым движением снимал с рук краги, которые вместе со шляпой принимал дежурный камер-паж. За столом царило глубокое молчание, прерываемое иногда государем да воспитателем графом Строгановым, державшим иногда вступать в спор с Павлом. Случалось, когда царь был в особенно хорошем расположении духа, к столу призывался придворный шут Иванушка, изумлявший иногда самого Павла смелостью своих речей.

Этот Иванушка нередко был отличным орудием для лиц, которые хотели обратить на кого-нибудь гнев или милость монарха. От себя он ничего не выдумывал, но как попугай повторял выученное, причем, при вопросе, от кого он слышал какую-нибудь чересчур смелую выходку, указывал не на тех, кто его действительно научил, а на лиц, о которых его учителя нарочно запрещали ему говорить, зная наверняка, что их-то имена он и назовет. Однажды Павел, выслушивая его далеко не глупые ответы на вопрос: «Что от кого родится?», обратился к Иванушке: «Ну, Иванушка, а от меня что родится?». Шут, нисколько не оробев, бойко ответил: «От тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки...». Разгневанный этим ответом, государь приказал немедленно бедного шута наказать палками. С трудом могли его умиловить, и все ограничилось лишь тем, что дурака удалили из Петербурга.

По окончании обеда Павел, сняв со стола вазы с остатками конфет и бисквитов, бросал последние в угол зала, видимо, забавляясь, как пажи, толкая и обгоняя друг друга, старались набрать как можно больше лакомств.

Император после обеда всегда садился в большие кресла и отдыхал; если он жил летом в Гатчине или

Петергофе — то всегда прямо у растворенных дверей балкона. В это время вся окрестность замирала в молчании; махальные от дворцового караула выставлялись по улицам, езда в городе прекращалась. Раз в такую пору, рассказывает В. И. Даль, пробираясь по направлению ко дворцу, паж Яхонтов вздумал пошалить и, вскочив на простенок к окну, из которого глядели фрейлины, во все безумное горло пустил сигнал: «Слушай!». Можно себе представить, какая тревога поднялась во дворце; император вскочил и позвонил: «Кто кричал «слушай»?» — спросил он вне себя. Вышедший бросился искать в караулке. Последовал второй, третий и четвертый звонок и опять спрос, кто кричал, но виновного не находили. Коменданта уже давно дрожь пробрала до костей: он кидается на колени перед караулом и умоляет солдат: «Братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умиловитим после государя, не бойтесь, отстоим, он добр, сердце отляжет!..» Гвардеец выходит из фронта и говорит смело: «Я кричал, виноват». Чуть не на руках вносят мнимого виноватого к государю. «Ты кричал «слушай»?» — говорит Павел. «Я кричал, ваше императорское величество!» — «Какой у него славный голос! В унтер-офицеры его и сто рублей за потеху».

Павел не ел скоромного по средам и пятницам. Правда, в его время посты в обществе редко соблюдались. Раз, будучи доволен на смотре войсками, наградил их деньгами и, сверх того, велел раздать солдатам и офицерам рыбу. Так как это случилось в рождественский пост, то многие видели в этой раздаче намек на соблюдение поста. Император был религиозен: он издал указ о выходном дне в воскресенье; затем указ об освобождении от телесного наказания судимых за уголовные преступления священнослужителей; в этом указе, между прочим, было сказано: «Чинимое судимым из священнического

сана наказание, ввиду тех самых прихожан, кои получают от них спасительные тайны, располагает народные мысли к презрению священнического сана».

Перед смертью Павел вел жизнь скучную и одинокую. Он сидел в Михайловском замке, охраняемом как средневековая крепость. Единственные его прогулки ограничивались тем, что называлось третьим Летним садом, куда не допускался никто, кроме него самого, императрицы и ближайшей его свиты. Аллеи этого сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом.

Гарнизонная служба в Михайловском замке велась как в осажденной крепости. После вечерней зори немногие допускались в замок по малому подъемному мостику. В числе последних был плац-адъютант замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, например, о пожаре и т. п. Караулы в замке держали поочередно гвардейские полки. Внизу, на главной гауптвахте, находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже расположен был внутренний караул, который наряжался только от одного лейб-батальона Преображенского полка. Павел особенно любил этот батальон и поместил его в здании Зимнего дворца, смежном с Эрмитажем, отличил офицеров и солдат богатым мундиром — первых с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовых — петлицами, обложенными галуном по всей груди. Гатчинские же батальоны были одеты совершенно по-русски: в коротких мундирах с лацканами, в черных штиблетах; на гренадерах были шапки, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлицы, только с одной пуговкой. Офицеры этих батальонов до вступления еще императора Павла на престол одевались крайне неряшливо, в поношенные мундиры, нередко перекрашенные. Офицеры сюда поступали из кадетов

морского корпуса, оказавшись неспособными к морской службе.

***

Георгий Адамович

1801

Вы знаете, — это измена!
Они обманули народ.
Сказал бы, да слушают стены,
Того и гляди донесет.

Ах, нет! Эти шумные флаги,
Вы слышите, этот набат
Широкий... Гвардейцев к присяге
Уже повели, говорят.

Ведь это не тучи, а клочья
Над освобожденной Невой...
Царь Павел преставился ночью,
Мне так рассказал часовой.

Был весел, изволил откусать,
С царицей шутил, — через час
Его незлобивую душу
Архангелы взяли от нас.

Вы знаете, эти улики
Пугают, — до самого дня
Рыдания слышались, крики
В окне, голоса, беготня...

Россия! Что будет с Россией!
Как страшно нам жить, как темно!
Молчите. Мгновенья такие

И вспомнить другим не дано.

1916

***

Есть история, как Павел, поздно вечером прогуливаясь по Сенатской площади, повстречал случайного прохожего, закутанного с ног до головы в глухой плащ (повстречал, несмотря на царскую охрану). Незнакомец поравнялся с царем, и Павел почувствовал, как его левую сторону (а прохожий шел именно слева) сковал могильный холод. «Бедный, бедный Павел...» — отчетливо проговорил незнакомец, затем проследовал к зданию Сената и пропал с глаз. Современники считали, что это был дух Петра I, предсказавший гибель своему потомку и преемнику.

После смерти императора Павла двор вскоре покинул Михайловский замок, и в том же году, по повелению Александра I, замок поступил в гоф-интендантское ведомство, а мебель, статуи, картины и прочие вещи отосланы отсюда для хранения в Таврический, Мраморный, Зимний дворцы и в императорский кабинет. Большая половина бельэтажа дворца оставалась пустой, в остальной помещалась Конюшенная контора и Конская экспедиция; в нижнем этаже жили генералы Дибич, Сухтелен, архитектор Камерон, придворные служители и чиновники, всего до 900 человек. Затем здесь же доживал свой век старый кастелян замка Иван Семенович Брызгалов. В 1840 г. он бродил еще по Петербургу бодрым девяностолетним старцем, в однополом мундире, ботфортах и крагенах, с тростью в сажень, в шляпе с широкими галунами. Брызгалов был родом из крестьян и дослужился при Павле до чина майора; в замке он наблюдал за своевременным подниманием и опусканием подъемных мостов.

Михайловский замок служил императору Павлу I резиденцией только сорок дней.

После смерти императора Павла много перемен произошло как снаружи, так и внутри церкви. Многие украшения, как, например, вазы, стоявшие снаружи и внутри, сняты, нет изображений апостолов, нет канделябр в простенках первого и второго этажей, серебряных царских дверей и лампад, золотой лампы и позолоты в куполе и много другого. В 1822 г. дворец, до того времени называвшийся Михайловским, был переименован в Инженерный замок. До этого года в замке и в принадлежащих к нему зданиях в разное время помещались многие учреждения. Так, здесь стоял лейб-гвардии жандармский полуэскадрон, была школа слепых, комитет по благотворительной части, канцелярия министра духовных дел и просвещения. В 1819 г. в замке было Главное инженерное училище, потом, до 1917 г., и Главное инженерное управление Военного министерства. В октябре 1917 г. замок стал штабом юнкерского мятежа. В 1920–1930-х гг. здесь были Военно-инженерная школа и Военно-инженерный исторический музей РККА, а в 1925–1932 гг. Военно-техническая академия.

В наружной стороне Михайловского замка со дня постройки не сделано особенно важных изменений, за исключением того, что мраморные статуи и другие фигуры сняты и отправлены в другие дворцы и уничтожены укрепления и подъемные мосты. От прежних внутренних украшений осталась одна только Тронная зала с другой круглой комнатой, да еще в некоторых комнатах сохранилась на потолках живопись. В 1820 г. засыпаны окружавшие замок каналы, в 1840-х часть мраморной отделки интерьеров использована на строительство Нового Эрмитажа.

В 1817 г. в Михайловском замке был накрыт полицией в квартире жены полковника Татаринова

«хлыстовский корабль». К этому хлыстовскому обществу принадлежал князь А. Н. Голицын, В. М. Попов, Лабзин, богатый помещик Дубовицкий, князь Энгальчев и другие. Здесь утром по воскресеньям к Татариновой собиралось до 40 человек.

Павел I, как говорят легенды, не нашел успокоения до сих пор, бродя ночами и стелая в коридорах Инженерного замка. Вполне вероятно, что он до сих пор пытается найти заговорщиков, задушивших его, и отплатить им...

В годы советской власти в замке располагался ЛенЦНТИ (Ленинградский центр научно-технической информации) и другие подобные организации. Сегодня здесь филиал Русского музея, но старые стены гостеприимства по-прежнему не излучают. Сторожа всегда здесь видели привидения. Среди сотрудников не было принято надолго задерживаться по вечерам; с наступлением сумерек и окончанием рабочего дня все спешили покинуть замок, чтобы не остаться наедине с призраками. Вроде бы ничего плохого Павел живым не делает (во всяком случае, никто ничего об этом не рассказывает), однако почему-то именно это привидение вселяет в христианские души суеверный ужас.

О Петербурге павловской поры мало записок. Самыми ценными являются, пожалуй, неизвестные до недавнего времени воспоминания европейской художницы француженки Э. Виже-Лебрэн. Она была членом Парижской Королевской Академии, членом Академии св. Луки в Риме, и вообще, женщиной умной. Приведем некоторые выдержки.

«Император Павел I был очень умен, образован и деятелен, но странности его характера доходили до сумасшествия. Добрые движения души у этого несчастного государя перемежались проявлениями жестокости, и его расположение или гнев, милость или

мстительность всегда были лишь проявлениями очередного каприза. По восшествии на престол он первым делом сослал в Сибирь Платона Зубова, конфисковав у того большую часть имущества. Прошло совсем немного времени, Павел вновь призвал Зубова в столицу, полностью возвратив ему богатства. В один прекрасный день весь двор мог наблюдать, как император представляет бывшего фаворита послам Грузии, осыпая его милостями со всей возможной благосклонностью.

Однажды вечером я присутствовала на придворном балу. За исключением императора, все были в масках и черных домино. В дверях между двумя залами случилось какое-то замешательство, и один молодой человек, торопясь пройти, сильно толкнул локтем даму. Та принялась кричать. Павел тут же повернулся к одному из своих адъютантов: «Отведите этого господина в крепость и придите доложить мне, что он там крепко заперт». Адъютант не замедлил вернуться с сообщением, что приказ в точности исполнен. «Однако, — прибавил он, — вашему величеству, может быть, не известно, что молодой человек очень плохо видит», — и в доказательство он показал принесенные им очки несчастного узника. Павел, посмотрев в очки, чтобы удостовериться в сказанном, с пылом сказал: «Быстрее бегите за ним и отведите его к родителям. Я не смогу заснуть, пока вы не придете доложить мне, что он дома.

Невиннейшее нарушение приказов Павла наказывалось ссылкой в Сибирь или, в крайнем случае, — тюрьмой, так что люди, будучи не в состоянии предвидеть, к чему приведет соединенное с самовластием сумасшествие, жили в постоянном страхе. Вскоре многие не осмеливались уже собирать у себя гостей, а если и принимали нескольких близких друзей, то тщательно закрывали ставни. В дни балов было условлено отсылать кареты обратно, чтобы не

привлекать излишнего внимания. Следили за всеми — за каждым словом и действием, и я слышала даже, что не существует больше ни одного собрания, где бы не было своего шпиона. Говорить об императоре чаще всего воздерживались. Вспоминаю, как однажды я приехала в дом, где собрался тогда очень тесный дружеский круг. Увидев, как я вхожу, какая-то незнакомая дама, что-то говорившая об императоре, тут же оборвала свою речь. Графиня Головина поспешила сказать, чтобы та продолжала: «Вы можете говорить без опасений, это госпожа Лебрэн». В самом деле, не иметь возможности произнести слово было достаточно тяжело, особенно после жизни при Екатерине, позволявшей каждому пользоваться полной свободой.

Было бы очень долго перечислять все те пустяки, на которые Павел распространял свою тиранию. Каждый прохожий, например, должен был кланяться императорскому дворцу, даже в отсутствие там самого императора. Он запретил круглые шляпы, в которых видел признак якобинства. Полицейские, лишь только завидев такую, сбивали ее своими тростями, к большому неудовольствию лиц, из-за простого неведения подвергшихся подобного рода экзекуции. Зато, как бы в возмещение этого, все были принуждены пудрить волосы. В то время, когда вышел этот указ, я писала портрет молодого князя Барятинского, и очень просила его приходить на сеансы без пудры; он согласился. Однажды князь вошел ко мне бледный как смерть. «Что случилось?» — спросила я. «Идя к вам, я встретил императора, — ответил он, все еще трясаясь от страха, — и едва успел скрыться в ближайшей подворотне. Я очень боюсь, как бы он меня не узнал».

В ужасе князя Барятинского не было ничего удивительного, в таком же испуге пребывали люди всех сословий, так как никто из обитателей Петербурга не мог быть вполне уверен утром, что вечером заснет в

своей постели. Что касается меня самой, могу сказать, что во время царствования Павла I я испытала самый сильный страх в моей жизни. Однажды я решила провести день на Парголовском озере. Со мной были господин де Ривьер, мой кучер и русский слуга Петруша. Пока господин де Ривьер прохаживался где-то с ружьем в руках, «желая подстрелить птицу или кролика», которым на самом деле он никогда не причинял большого вреда, я оставалась на берегу. Оглянувшись, я увидела, что огонь от костра, который разожгли, чтобы сварить обед, перекинулся на ели и стал быстро распространяться. Деревья касались одно другого, Парголово не так далеко от Петербурга!.. Я принялась ужасно кричать и звать господина де Ривьера. Вчетвером, подгоняемые страхом, мы все же сумели погасить пожар и при этом жестоко обожгли себе руки. Однако в наших мыслях в тот момент были только император и Сибирь, — можно представить, какие силы нам это придавало!

Ужас, который я испытывала перед Павлом, можно объяснить только тем, что это состояние было общим для всех. Вообще же должна признаться, что по отношению ко мне он выказывал лишь благожелательность и отменную учтивость. При нашей первой встрече в Петербурге он в самой любезной манере напомнил мне, что я уже была представлена ему в Париже, когда он приезжал туда под именем графа Северного. Я была тогда достаточно молода, и с тех пор прошло столько лет, что я успела забыть об этом. Но государи обычно одарены памятью на лица и имена, так проявляется их милость к нам.

Среди многих странных приказов, ознаменовавших царствование Павла, был один, которому особенно трудно было повиноваться. Встретив императора, дамам, равно как и мужчинам, нужно было выходить из карет. Каждый согласится, что жестоко заставлять

людей прыгать в снег на самом суровом морозе, однако не подчиниться приказу значило сильно рисковать. При этом следует добавить, что Павла очень часто можно было встретить на петербургских улицах. Он бесконечно фланировал туда и обратно — иногда верхом, а иногда в санях, без свиты и каких-либо знаков, по которым можно было бы узнать императора. Однажды мой кучер все же не успел заметить Павла, неожиданно показавшегося в конце улицы. У меня же оставалось время лишь крикнуть: «Стой! Император!» За то время, пока мне открывали дверцы и я вылезала из кареты, Павел сам вышел из своих саней и поспешил навстречу, чтобы помешать мне ступить на снег. «Мой приказ не относится к иностранцам, — заметил он самым любезным тоном, — и прежде всего к госпоже Лебрен».

Однако даже самые благородные причуды Павла отнюдь не давали уверенности в будущем. Прежде всего это объяснялось тем, что на свете не было более непостоянного в своих склонностях и привязанностях человека. В начале своего царствования, например, он с отвращением относился к Бонапарту; позднее же проникся к нему такой любовью, что повесил портрет французского героя у себя в алтаре, где и показывал его всему свету. И немилость, и благорасположение его были слишком недолговечны; граф Строганов, пожалуй, был единственным человеком, которого он не переставал любить и уважать. Среди вельмож двора у него не было фаворитов, однако он охотно пребывал в обществе одного французского актера по фамилии Фрожер, небесталанного и достаточно умного человека. Фрожер мог в любой час входить в кабинет императора без доклада; их часто видели прогуливающимися вдвоем по саду, они ходили под руку и разговаривали о французской литературе, которую Павел, наряду с театром, очень любил. Этот актер часто присутствовал

на небольших придворных собраниях. Обладая в высшей мере талантом мистификатора, он позволял себе шутки с самыми знатными вельможами, чем очень забавлял императора, но, вероятно, доставлял мало удовольствия тем, кто становился их предметом.

Сами великие князья не были защищены от насмешек Фрожера, из-за чего после смерти Павла он уже не осмеливался появляться при дворе. Император Александр, прогуливаясь однажды в одиночестве по московским улицам, встретил его и подозвал к себе. «Фрожер, почему вы не приходите ко мне?» — спросил он ласково. «Сир,— ответил Фрожер, едва оправившись от испуга, — я не знаю адреса вашего величества». Император очень смеялся этой шутке и щедро наградил французского актера, велел выдать тому невыплаченное жалованье, о котором бедняга не осмеливался спросить.

Было вполне естественно, что Фрожер страшился мести монарха — ведь он так долго прожил рядом с Павлом, а тот бывал мстителен чрезвычайно, так что даже большую часть его ошибочных поступков приписывали той ненависти к русскому дворянству, которую он испытывал при жизни Екатерины. Питая отвращение ко всем вельможам, он мешал в этой ненависти невинных с виноватыми и находил развлечение в унижении тех оставшихся, которых не сослал в Сибирь. К иностранцам он, наоборот, выказывал большое благоволение, и прежде всего к французам. Здесь я должна отметить, что всех путешественников, прибывших из Франции, он всегда принимал с большой добротой, особенно эмигрантов, многие из которых получали от него щедрую помощь. Среди прочих упомяну графа д'Отишана. Оказавшись в Петербурге без каких бы то ни было средств к существованию, он придумал изготавливать очень красивые резиновые калоши. Купив у него пару, я в тот

же вечер принесла их к княгине Долгорукой, чтобы показать собравшимся у нее придворным дамам. Они нашли калоши очаровательными, и под влиянием общего сочувствия, которое возбуждали эмигранты, графу заказали еще множество пар. Вскоре калоши попали на глаза императору, который, как только узнал имя мастера, приказал привести его к себе и дал ему очень хорошее место. К несчастью, это была доверенная должность, и русские придворные были очень обижены, что Павел не смог надолго оставить при ней графа д'Отишана. В возмещение он наградил его таким образом, что полностью защитил от нужды.

Многие случаи подобного рода, о которых я узнавала довольно часто, признаюсь, заставляли меня относиться к императору снисходительнее, чем сами русские, покой которых без конца нарушался странными причудами всемогущего безумца. Трудно представить себе, насколько этот двор, который еще недавно я видела таким спокойным и веселым, был наполнен теперь страхами, недовольством и тайным ропотом. Можно не покривив душой сказать, что пока Павел находился у власти, страх входил в порядок вещей.

Поскольку нельзя мучить других, не мучаясь самому, то Павел был очень далек от того, чтобы жить счастливо. Он терзался навязчивой мыслью, что умрет не иначе как от ножа или яда, и этот факт, впрочем, хорошо известный, являлся еще одним доказательством той путаницы, которая царила во всем поведении несчастного государя. Так, он разгуливал в полном одиночестве по петербургским улицам в любое время дня и ночи, и в то же время велел из предосторожности варить ему первое блюдо прямо в комнате, а остальную пищу готовить в самых сокровенных углах его апартаментов. Вся кухня находилась под наблюдением Кутайсова, его доверенного камердинера, который

когда-то сопровождал Павла в Париж и теперь неотлучно находился при его персоне. Кутайсов был безгранично предан императору, и этой верности не могла поколебать даже ревность. Павел же сыграл с ним злую шутку, отняв у Кутайсова любовницу, самую красивую актрису Петербургского театра. Эту женщину звали госпожа Шевалье; ее лицо и голос были очаровательны, она с успехом выступала в комических операх и пела с бесконечной грацией и чувством. Кутайсов любил ее страстно, когда же в нее влюбился и император, это повергло беднягу в такое отчаяние, что он почти потерял разум. От этого немало пострадала и его служба, так что впоследствии с ним случилась ужасная вещь.

Павел был уродлив. Курносый нос и слишком большой рот с очень длинными зубами делали его лицо похожим на череп. Взгляд его был более чем сердит, хотя иногда в глазах появлялось какое-то доброе выражение. Он не был ни полон, ни худ, ни высок, ни мал ростом, и хотя его фигура не лишена была благородства и элегантности, надо признать, что лицо императора бесконечно походило на карикатуру. Добавим, что какими бы опасностями ни грозило это занятие, карикатур на Павла появлялось все же огромное количество. Одна из них представляла императора держащим в руках по рескрипту. На одном было написано: «Распорядок», на другом — «Отмена распорядка», а на лбу императора — «Беспорядок». Даже упоминая об этой карикатуре, я все еще испытываю легкую дрожь: как известно, она могла стоить жизни не только ее автору, но и каждому, кто имел ее у себя.

Тем не менее, для художника все описанное выше не делало пребывание в Петербурге менее приятным или полезным. Император Павел любил и поощрял искусства. Большой ценитель французской литературы,

он привлекал в Петербург и удерживал у себя всех актеров, которые доставили ему удовольствие представлением наших шедевров; каждый, кто обладал талантом в музыке или в живописи, мог с уверенностью полагаться на его расположение. Исторический живописец Дуайен, друг моего отца, о котором я уже много раз говорила, был отличен Павлом I, так же как раньше Екатериной. Хотя он и был уже очень стар, но, взяв себе за правило образ жизни скромный и умеренный, проживал лишь часть щедрых подарков императрицы. Император продолжил по отношению к нему те же милости и заказал Дуайену плафон для нового Михайловского замка, еще не отделанного в то время. Зала, в которой тот работал, находилась очень близко от Эрмитажа; направляясь к обедне, Павел и весь двор проходили через нее, и редкий раз император не останавливался, чтобы долго или коротко побеседовать с художником в очень любезном тоне. Это напомнило мне, как однажды один из сопровождавших Павла вельмож подошел к Дуайену и задал следующий вопрос: «Позвольте высказать вам одно соображение, — сказал он, — вы изображаете Часы, танцующие вокруг колесницы Солнца, я вижу, что одна фигура, та, что дальше всех, меньше остальных, между тем все часы равны между собою». «Вы безусловно правы, — ответил ему Дуайен, — но та фигура, о которой вы говорите, это только полчаса». Сделавший замечание вельможа одобрительно кивнул головой и удалился, чрезвычайно довольный собой.

Я не должна забыть сказать и о том, что император, желая заплатить за плафон до окончания работы, передал Дуайену банковский билет на значительную сумму — какую, я сейчас не помню. Этот билет был завернут в бумагу, на которой Павел собственноручно написал: «Это на краски. Что же касается масла, то его еще достаточно в лампе».

Если старый друг моего отца и был вполне удовлетворен своей петербургской судьбой, то я была довольна своей не меньше. С утра до вечера я работала без остановки, и только по воскресеньям позволяла себе терять два часа, уделяя их тем, кто желал посетить мою мастерскую. В числе других у меня множество раз бывали великие князья и княгини. Кроме картин, о которых я уже говорила, и бесконечно следовавших друг за другом портретов, я приказала перевезти из Парижа написанный мною парадный портрет Марии-Антуанетты, тот, на котором она изображена в платье из синего бархата. Всеобщий интерес, который он вызвал, доставил мне живейшую радость. Принц Конде, приехавший тогда в Петербург, тоже пришел в мастерскую и стоял перед ним, не говоря ни слова, — он плакал.

Что же касается привлекательности общества, Петербург заставлял забывать самые смелые мечтания. В свете встречалось столько французов, что можно было представить себя в Париже. Я вновь увиделась там с герцогом Ришелье и графом Ланжероном; правда, они не проживали в столице постоянно, поскольку один был губернатором Одессы, а другой — всегда в дороге и на военных смотрах. Мне встречалось также множество других наших соотечественников. Например, я завязала знакомство с любезнейшей и добрейшей графиней Дюкре де Вильнев, которая была не только очень красива и прекрасно сложена, но и излучала какое-то особое очарование чрезвычайной доброты. В Петербурге, как и в Москве, я виделась с ней очень часто; в связи с этим мне вспомнилось, как однажды, когда я направлялась к ней на обед, со мной приключилось происшествие, не редкое для России, но тем не менее чрезвычайно меня испугавшее. Господин Дюкре де Вильнев приехал за мной на санях; было так холодно, что по дороге я совершенно отморозила себе

лоб. «Как я буду теперь думать! Как буду рисовать!» — закричала я в ужасе. Господин Дюкре поспешил завести меня в какую-то лавку, где растер мне лоб снегом, и это средство, употребляемое в подобных случаях всеми русскими, тут же устранило причину моего отчаяния.

Французские знакомства не заставили меня пренебречь местными жителями, оказавшими мне такой любезный прием. Всякий день расширял круг моих связей с русскими семьями. Кроме тех друзей, о которых я уже говорила, я часто виделась с господином Демидовым, самым богатым человеком России. Отец оставил ему в наследство железные и ртутные рудники, такие доходные, что колоссального размера поставки, которые он делал правительству, бесконечно увеличивали его состояние. Это огромное богатство было причиной того, что в жены ему досталась девица Строганова, наследница одного из самых благородных и древних родов России. Их союз был вполне благополучен. Хотя госпожа Демидова была очаровательна и все существо ее излучало какую-то прелесть, думаю, что муж никогда не любил ее по-настоящему; однако жизнь, которую она прожила с ним, была от этого не менее счастлива. У них было двое сыновей, один из которых чаще живет в Париже и, как и его отец, является большим любителем живописи.

Павел I заказал мне портрет императрицы, своей жены; я представила ее в полный рост, одетой в парадное платье и в алмазной короне на голове. Кисть не в состоянии передать игру бриллиантов, и я очень не люблю их рисовать. Несмотря на это, взяв фоном большой занавес малинового бархата, я добилась глубокого тона, необходимого, чтобы высветлить корону, и она блестела, насколько это только возможно. Когда картина была перенесена ко мне домой, чтобы я могла закончить отделку аксессуаров, мне предложили взять вместе с парадным платьем и все бриллианты,

которые его украшали. Стоимость их, однако, была так велика, что я отказалась от этого знака доверия, который внес бы в мою жизнь столько беспокойства, и предпочла рисовать драгоценности во дворце, велев перенести картину обратно.

Императрица Мария была очень красива. Дородность позволила ей сохранить свежесть лица, а высокий рост и благородная осанка дополнялись прекрасными светлыми волосами. Помню, как однажды я увидела ее на большом балу. Великолепные вьющиеся волосы падали ей на плечи; сверху прическа была увенчана бриллиантами. Высокая и красивая фигура императрицы величественно возвышалась рядом с Павлом, который подавал жене руку; контраст между ними был разителен. Красота соединялась у императрицы Марии с прекрасным характером; она была по-настоящему благочестива, и ее добродетели были так хорошо известны, что она, возможно, была единственной женщиной, которой не смела коснуться клевета. Признаюсь, я гордилась тем, что удостоилась ее расположения, и всегда высоко ценила ту благосклонность, которую она оказывала мне при каждом удобном случае.

Наши сеансы проходили тотчас вслед за парадными обедами, так что император Павел и его два сына, Александр и Константин, обычно присутствовали на них. Высочайшие посетители ничуть не стесняли меня, потому что император, единственный, кто мог меня напугать, был со мной очень любезен. Однажды, когда я сидела за мольбертом, подали кофе. Император сам принес мне чашку и, подождав, когда я допью, отнес обратно. Правда, в другой раз он заставил меня стать свидетельницей своего странного, шутовского поведения. Я велела расставить ширмы позади императрицы, чтобы обеспечить более спокойный фон. В один из моментов, когда мы решили передохнуть,

Павел принялся скакать и гримасничать, совершенно как обезьяна царапать ширмы и делать вид, что карабкается на них. Эта забава продолжалась довольно долго. Мне казалось, что Александр и Константин сильно страдали, видя, как их отец выделяет перед иностранкой подобные фортели. Да я и сама чувствовала себя не слишком удобно.

Во время одного из сеансов императрица велела позвать двух своих младших дочерей и великих князей Николая и Михаила. Никогда мне не приходилось видеть ребенка красивее, чем великий князь Николай, будущий император. Его очаровательное лицо, все черты которого говорили о греческой красоте, привело меня в такое восхищение, что я, кажется, и сегодня могла бы писать его по памяти.

С той поры я храню воспоминание и еще об одном типе красоты, уже совершенно в другом роде, поскольку речь идет о старом человеке. Хотя император в России является верховным главой не только правительства и армии, но и церкви, исполняет церковную власть под его началом главный священник, которого называют великий архимандрит и который для русских является тем же, чем для нас папа римский (здесь имеется ввиду митрополит Петербурга Гавриил) . Во время пребывания в Петербурге мне часто приходилось слышать о достоинствах и добродетелях того лица, что было облечено тогда этим саном. Поэтому, когда однажды мои знакомые пригласили меня поехать к архимандриту вместе с ними, я тотчас согласилась. Никогда еще в жизни я не бывала в обществе человека, самый вид которого внушал такое почтение. Его высокий рост и величественная осанка, его прекрасное лицо, все черты которого были безукоризненно правильны, создавали впечатление одновременно мягкости и достоинства, которое невозможно передать кистью и красками; а длинная

борода, спускавшаяся ниже груди, придавала ему еще более почтенный вид. Наряд архимандрита выглядел просто и благородно, на нем было длинное белое платье, которое спереди сверху донизу разделяла широкая полоса черной материи, превосходно оттенявшая белизну его бороды; походка, жесты, взгляд — все в нем внушало уважение с первого взгляда.

Великий архимандрит был выдающимся человеком, необыкновенного ума и прекрасно образованным. Он говорил на многих языках, а его добродетели и доброта снискали любовь окружающих. Значительность его сана не мешала ему быть милостивым и любезным. Однажды одна из княжон Голицыных, которая была очень красива, увидела его в саду. Она поспешила к нему и встала перед ним на колени. В ответ старец сорвал с куста розу и подарил ей вместе со своим благословением. До сих пор меня гложет сожаление, что, покинув Петербург, я так и не написала портрет архимандрита, потому что лучшей модели не мог бы повстречать ни один художник.

В то же время, о котором я начала говорить, в Петергофе с большой пышностью отмечались именины императрицы Марии. Правда, нужно сказать, что великолепию праздника много способствовала и сама местность, где он проходил, — бесконечный парк, прекрасные фонтаны, великолепные аллеи, одна из которых, образованная огромными деревьями, шла вдоль моря со многими кораблями на его глади. Все эти природные красоты, к которым искусство так восхитительно присоединило свою лепту, сделали из Петергофа волшебный край. Погода стояла прекраснейшая, и поскольку я приехала уже после полудня, то нашла парк полным гостей. Словно на карнавале, все были одеты в костюмы, однако в масках никого не было, за исключением самого императора,

который надел розовое домино. Особенно выделялись богатством и разнообразием наряды придворных, соперничавших друг с другом в пышности и оригинальности. Никогда в жизни мне не приходилось видеть одновременно столько вытканых золотом шлейфов и такого количества бриллиантов и перьев.

В разных уголках парка невидимые музыканты услаждали наш слух звуками восхитительной роговой музыки, услышать которую можно только в России. Били все великолепные петергофские фонтаны; особенно мне вспоминается чудесная водяная стена, которая низвергалась в канал с огромного утеса. Падая, она образовывала широкий свод, под которым можно было пройти, не замочив платья. Вечером дворец, парк и корабли осветили фонариками; не забыли и этот утес. Заметить лампионы, огни которых сверкали на огромном своде светящейся и низвергавшейся с ужасным шумом воды, было невозможно, и эффект создавался магический. Воспоминания об этом дне остались со мной навсегда, как память о самом красивом празднике, который только мог устроить монарх».

Но странности императора все увеличивались. На документе, предлагающем различные варианты, он пишет: «Быть по сему». Принц Евгений Вюртембергский, побывавший в Петербурге в 1801 г., пишет:

«Павел доказал всем совершенную неспособность царствовать, и его печальное состояние грозило государству очевидную опасность... Следы его душевного расстройства проявились и во внешних сношениях, так что глас всей Европы и его народа слились в одном мнении, что не может далее царствовать сумасшедший, внутри государства приводящий в беспорядок все отрасли управления, а во

внешних делах сегодня враждующий с союзниками, которых вчера усердно приветствовал».

Русский посланник в Лондоне получил от Павла указание не давать паспорт ни одному иностранцу, пожелавшему отправиться в Россию. Был запрещен ввоз каких-либо книг из-за границы. Уже в последний день жизни Павел издал указ, чтобы никаких российских товаров «выпускаемо никуда не было без особого высочайшего повеления».

Вот что писал Кочубей в Лондон к Воронцову:

«Страх, в котором все мы живем, неопишимо. Люди боятся своей собственной тени. Все дрожат. Доносы — дело обычное: верны они или неверны, но верят всему. Все крепости переполнены арестантами. Всеми овладела глубокая тоска...»

Воронцов же характеризовал Павла так:

«Я убежден, что покойный государь имел несчастье быть душевнобольным; я считаю его столь же маловменяемым, как маленького ребенка, который себя и других ранит бритвой, так как раньше не видел бритвы и не знает ее употребления...».

При императоре Павле вышел приказ выслать всех извозчиков из Петербурга, поскольку один из них задавил прохожего. Но без извозчиков обойтись было невозможно, поэтому их вернули, но запретили иметь дрожки, а велели ездить на колясках. Извозчики сняли подушку с дрожек, навязали сверху из лозы верх — вот и вышла коляска.

Между тем даже самое малое сомнение в уме императора безусловно рассматривалось бы как государственная измена. Ни в каких русских законах сумасшествие царя не предусматривалось, и как быть — не знали.

Можно сказать, что Павел погиб от несовершенства законов.

Граф Пален, адмирал Рибас, граф Панин и командир гвардейцев генерал Талызин составили план свергнуть императора и возвести на престол молодого великого князя Александра. Павла убивать не предполагали. Следовало заручиться поддержкой великого князя. Но Александр, постоянно оскорблявшийся отцом, тем не менее не хотел даже и слушать о перевороте. Наконец его убедили. Обещали, что Павел будет по-прежнему жить во дворце, иметь все, что пожелает.

Но умер Рибас, Панин впал в немилость и был выслан. Пален привлек братьев Зубовых и генерала Беннигсена. О заговоре знали некоторые сенаторы, генералы... Был известен даже день переворота. Среди многих гостей за ужином у княгини Белозерской камергер Загряжский поглядел на часы и сказал:

— Великому государю в эту минуту не очень-то по себе.

Все замолчали и разъехались.

Заговорщики собрались у Талызина, пили для бодрости шампанское. Потом двинулись к Михайловскому замку: братья Зубовы, Беннигсен, начальник гвардейской артиллерии князь Яшвили, офицеры Аргамаков, Татаринов и другие. Батальон Преображенского полка не знал, куда и зачем его ведут. Было около полуночи.

Перешли Марсово поле, Летний сад. В саду ночевало множество ворон, они подняли дикий крик.

Заговорщики перебрались через замерзшие рвы к дворцу. Палена они там, как ожидалось, не встретили.

Их вызвался провести Аргамаков, адъютант Преображенского полка. Когда подошли к запертой двери передней, из 40 человек осталось около десяти — самых пьяных. Даже Платон Зубов заколебался, но Беннигсен закричал:

— Как, вы завели нас сюда, а теперь хотите уйти?! Мы слишком далеко зашли, чтобы последовать вашему

совету!

Сонный лакей отпер дверь. Аргамаков сказал камердинеру, что шесть утра и он явился к государю с докладом.

Покои императора охраняли двое камер-гусаров. Аргамаков постучался и взволнованно прокричал им, что во дворце пожар. Зная его голос, гусары отворили. Но когда увидели толпу людей, стали кричать. Яшвили ударил одного саблей, и тот упал. Второй убежал крича.

Солдаты-преображенцы находились в зале. Они начали что-то подозревать. Один выступил вперед и потребовал, чтобы их вели к царю. Поручик Марин приставил свою шпагу к его груди.

Беннигсен, Зубовы бросились в императорскую спальню. Павла на постели не было.

— Мы погибли! — закричал Платон Зубов.

Но сразу же они заметили Павла — он стоял за ширмой. Беннигсен подошел к нему и сказал:

□ Государь, вы арестованы!

Павел растерянно посмотрел на него и обратился к Зубову:

□ Что вы делаете, Платон Александрович?

Комната заполнилась заговорщиками из коридора. Они были пьяны и взбудоражены.

— Я арестован? Что это значит?! — вскричал Павел.

— Уже четыре года следовало бы с тобой покончить! — закричал кто-то.

— Что же я сделал? — Павел громким голосом стал звать на помощь.

На него набросился Яшвили, они оба упали на пол. Павел пробовал сопротивляться, но Николай Зубов ударил его золотой табакеркой в висок. Все бросились на Павла, который лишь слабо защищался; он заметил среди офицеров одного похожего, как ему показалось, на великого князя Константина и сказал ему:

— Как, ваше высочество здесь?

Кто-то сорвал с себя шарф и накинул на шею Павлу. Тот успел лишь сказать по-французски:

— Господа, именем Бога умоляю вас, пощадите меня...

Через минуту его не стало.

Полковник Саблуков напишет позже: «Мне противно называть имена кровопийц, которые отличились во время катастрофы своим варварством. Хочу только сказать, что я знал многих из них и знаю наверное, что их смертный час был особенно ужасен страшными душевными и физическими страданиями».

Пален появился во дворце, когда все было кончено. Но он предпринял меры помешать сторонникам царя вступить за него. Вызванного Павлом Аракчеева задержали у городской заставы, генерала Кологривова просто арестовали...

О первых минутах после убийства известно следующее. Павла положили на постель. Беннигсен объявил слугам и караулу, что «государь скончался апоплексическим ударом». Солдаты встретили это известие довольно хмуро. Офицерам, выражавшим радость по поводу смерти тирана, они отвечали: «Нам он был не тиран, а отец».

Великий князь Константин вспоминал спустя четверть века:

«Я ничего не подозревал и спал, как спят в двадцать лет. Платон Зубов, пьяный, шумно вошел в мою комнату (со времени смерти моего отца прошел час) и грубо дернул мое одеяло, говоря мне дерзким тоном: «Вставайте и ступайте к императору Александру; он ожидает вас». Я глядел на Зубова, еще полусонный, и думал, что вижу сон. Платон сильно дернул меня за руку, чтобы заставить меня встать. Я надел брюки, сюртук и сапоги и совершенно машинально пошел за Зубовым... Прихожу в переднюю моего брата и вижу там толпу шумных, сильно

возбужденных офицеров... Я захожу в гостиную брата и застаю его лежащим на диване, обливающегося слезами, точно так же и императрицу Елизавету (супругу Александра); только здесь узнал я об умерщвлении отца. Я был так ошеломлен этим ударом, что сначала думал, что заговор направлен против всех нас...».

Иначе вела себя супруга Павла, императрица Мария Федоровна. Графиня Ливен сказала ей, что с императором удар. «Он умер! Его убили!» — закричала она, соскочив с постели и бросившись, босая, к дверям, ведущим в покои Павла. Беннигсен уже поставил там часовых с приказом никого не пускать. Тридцать солдат с офицером Полторацким не пустили императрицу. Она закричала, бросилась на пол. Солдаты плакали. Придя немного в себя, Мария Федоровна вернулась в комнаты. Утром к ней пришел Уваров: «Именем императора и императрицы (Александра и Елизаветы) прошу вас пожаловать к ним». Мария Федоровна ответила:

— Скажите моему сыну, что я не признаю его моим государем до тех пор, пока не увижу тела моего супруга.

Тридцать часов приводили тело в приемлемый вид, и только вечером следующего дня императрица увидела покойного.

Через несколько дней она с сыновьями Александром и Константином отправилась в часовню св. Михаила и заставила их поклясться, что они ничего не ведали о намерении убить отца.

Все сословия вздохнули с облегчением. На улицах Петербурга и Москвы царил восторг. Люди поздравляли, обнимали друг друга.

Набальзамированное тело было выставлено в Михайловском замке: на шее широкий галстук, надвинутая шляпа. Потом прах торжественно погребли при участии Александра и Константина.

Казалось бы, новое царствование вознесло виновников события 11 марта. Пален готов был стать советником молодому императору. Но под влиянием матери Александр отставил его от службы и велел отправиться в свои курляндские имения. Вскоре был отослан из столицы и Платон Зубов. Позже — Беннигсен, Панин...

Продолжает г-жа Виже-Лебрен:

«12 марта 1801 года, на полпути из Москвы в Петербург, я узнала о смерти Павла I. На почтовой станции я встретила множество курьеров, ехавших оповестить об этой новости разные города империи. Из-за того, что они забрали себе всех лошадей, я не смогла получить смену и была вынуждена оставаться в карете, которую поставили на обочину дороги, близ берега реки. Дул такой холодный ветер, что я совершенно заоченела, и мне не доставало только провести таким образом всю ночь. Наконец удалось раздобыть наемных лошадей, но в Петербург я прибыла только в восемь или девять часов утра следующего дня.

Я нашла город в исступленном ликовании; на улицах пели, плясали и обнимались. Многие знакомые дамы подбегали к моей карете, пожимали мне руки и восклицали: «Ну, с избавлением!» Мне сказали также, что накануне вечером дома были иллюминированы. Это всеобщее веселье было вызвано смертью несчастного государя...

Хитрость, с которой от Александра добились молчаливого согласия на свержение его отца (а никакой иной мысли он и не держал в голове), была доподлинным фактом. Мне это известно от графа Строганова, одного из честнейших и умнейших людей, которых я знала, и к тому же человека, находившегося в курсе абсолютно всех происшествий русского двора. Он не сомневался в легкости, с которой Павла уговорили подписать приказ о заключении

императрицы и ее детей, потому что знал об ужасных подозрениях, раздиравших душу и разум бедного государя. Накануне самого убийства, вечером, при дворе состоялся большой концерт, на котором присутствовала вся императорская семья. В один момент император, разговаривая в стороне с графом Строгановым, сказал ему: «Вы, верно, считаете меня счастливейшим из людей, мой друг? Я живу в этом замке, который построен и украшен по моему вкусу; впервые тут собралась вся моя семья; жена еще красива, старший сын тоже хорош собой, дочери очаровательны... Все они рядом со мной, и все же, когда я смотрю на них, то в каждом вижу моего убийцу». Граф Строганов, в ужасе отступив, воскликнул: «Вас обманывают, государь, это чудовищная клевета!» Павел остановил на нем свой угрюмый взгляд, потом, пожав ему руку, ответил: «Все, что я сказал, — правда».

Несчастливого монарха преследовала мысль о смерти. Граф Строганов рассказал мне также, что накануне того дня, о котором я только что говорила, Павел, разглядывая себя в зеркале и увидев, что ему перекосило рот, сказал: «Ну раз уж так, дорогой граф, то пора на тот свет».

Я твердо убеждена, что Александр не знал о предполагавшемся покушении на жизнь его отца. Но даже все то, что было мне по этому поводу известно, не доказывает его неведения так ясно, как знание натуры самого государя, которое и придает мне уверенность в сказанном. Александр I обладал благородным и великодушным характером, в нем чувствовались не только какое-то особое благочестие, но и открытость, не позволявшая ему употребить коварство и ложь даже в делах политических. Узнав, что Павла больше нет, он впал в такое отчаяние, что никто из окружающих больше не сомневался в его неведении относительно свершившегося убийства. Лукавейший из людей не смог

бы вызвать у себя тех слез, которые были пролиты им при этом известии. В первые минуты скорби он хотел отказаться от царствования, и я доподлинно знаю, что его жена Елизавета бросилась перед ним на колени, умоляя принять бразды правления. Тогда он направился к матери-императрице, которая, завидев его еще издали, закричала: «Уйдите, уйдите, я вижу на вас кровь вашего отца!». Александр воздел к небу полные слез глаза и сказал с тем выражением, что исходит из самой души: «Бог свидетель, матушка, что я не виновен в этом ужасном преступлении». Эти несколько слов прозвучали так искренне, что императрица согласилась его выслушать. Узнав же, каким образом заговорщики обманули ее сына, скрыв цели их предприятия, она поднялась и сказала: «Я приветствую моего императора». Александр, в свою очередь, встал перед ней на колени и, сжимая ей руки, горячо уверял в своем уважении и нежности...».

Царствование «самого мистического русского императора» Павла I завершило собой XVIII век. Вспомним слова поэта Адама Мицкевича: «Необходимо нечто большее, чем талант, чтобы понять настоящее, нечто большее, чем гений, чтобы предвидеть будущее, а между тем так просто объяснить минувшее».

ПЕТЕРБУРГСКИЕ   ОБЫЧАИ   ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Живем, хлеб жуем, а ино и посаливаем.

Поскольку наши соотечественники, жившие в XVIII столетии, не очень-то любили вести дневники и вообще делать какие-либо записи, приходится обращаться к различным воспоминаниям иностранцев, посещавших Санкт-Петербург. Конечно, в основном они описывали придворную жизнь, с ее развлечениями, балами,

обедами... Но иногда в этих записях проглядывает и жизнь города, с установившимися обычаями и правилами. Большею частью иностранцы рассматривали наши обычаи как нечто экзотическое, не понимая и не чувствуя глубины русской народной культуры. Но нам небезынтересны их впечатления.

Вспоминается одна сцена из романа хорошей польской писательницы Элизы Ожешко. Сидят в захолустье два шляхтича, выпивают. Один рассуждает об Африке: экзотика, дескать, и т. д. Другой лениво возражает: «Ты африканца сейчас в нашу Березовку притащи, уж какой она ему экзотикой покажется!».

Весьма удивлялся знаменитый Казанова петербургским обычаям. Ничего в них, конечно, не понял. Да, пожалуй, и врет много.

«...Еще присутствовал я зимою, в день Богоявления, при особенном обряде: я хочу сказать, при водосвятии на реке Неве, покрытой в это время толстым слоем льда. Церемония эта привлекает бездну народа, ибо после водосвятия крестят в реке новорожденных и не посредством обливания, а чрез погружение нагих младенцев в прорубь на льду. Случилось в тот день, что поп, совершавший крещение, старик с белою бородой и трясущимися руками, уронил одного из этих бедных малюток в воду, и ребенок утонул. Встревоженные богомольцы приступили с вопросом: что значит такое предзнаменование?

— А это значит, — отвечал с важностью поп, — это значит... вот что: ...подайте мне другого».

Более всего удивила меня радость родителей бедной жертвы. Потерять жизнь при самом крещении, говорили они с восторгом, значит прямо войти в рай.

Не думаю, чтобы православный христианин мог сделать какое-нибудь возражение на подобный аргумент.

...Русские — суевернейший народ в целом свете. Святому Николаю, их патрону, одному воздается более молитв и земных поклонов, чем всем остальным святым календаря в совокупности. Русский молится не Богу: он поклоняется св. Николаю и ему возносит свои моления. Вы найдете здесь везде образ этого святого; его икону я видел и в столовых залах, и в кухнях, и, одним словом, всюду, где бы ни было. Гость, приехав в дом, должен сперва поклониться изображению святого, а потом уже поздороваться с хозяином. Я видел, как москвиты, при входе в комнату, где, по какому-либо исключительному случаю, не было этой иконы, проходили в другие комнаты искать ее. На исподе всех этих обычаев лежит язычество, точно так же, как и на дне всех верований, преувеличенно-воспринятых, доведенных до крайних проявлений. Самая забавная несообразность оказывается еще в том, что язык московитский есть чисто татарское наречие, а между тем, литургия отправляется на греческом, так что православные всю свою жизнь твердят молитвы и славословия, в которых сами не понимают ни слова. Перевод молитв на язык общеупотребительный сочтен был бы за дело нечестивое, что внушается духовенством, с целью сохранить собственное влияние и употреблять его в свою пользу».

Такой же поверхностный характер носит описание похорон, изложенное уже известной нам Элизабет Джастиш:

«Я не видела похорон, пока не пробыла там два года, хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора, — пишет она. — И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьей компании я была, рассказал мне, что

русские кладут в гроб пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний — чтобы покойника впустили, но я не знаю куда. Полагаю, русские считают, будто существуют несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действенность зависит от цены».

Упоминание о «пропуске» для покойника встречается и в некоторых других сочинениях иностранцев, побывавших в Петербурге. И это несмотря на то, что еще в начале XVIII в. датский посланник при Петре I Юст Юль выявил несуразность данного мнения. Вот что пишет по этому поводу датский автор. «Когда отпевание закончилось, под руку покойного была подложена записка с обозначением его имени, возраста, звания, дня его смерти и того, что все грехи ему отпущены по власти, данной священнослужителям. Такая записка кладется в гроб не в качестве паспорта для пропуска покойника в рай, как ошибочно утверждают в своих описаниях почти все путешественники по России, а для того, чтобы в случае, если откапывают какое-либо неистлевшее тело, можно было узнать (из этой записки), что похоронен христианин и кто он такой».

Однако вернемся снова к запискам Элизабет Джастис. Завершая описание жизненного пути православных петербуржцев, она упоминает о древней традиции молитв за умерших: «В религии русских есть еще одна примечательная особенность — обряды в церквах за упокой душ. Душу императора Петра они поминают каждый вечер и каждый день в монастыре, находящемся приблизительно в двух милях от Петербурга. Если умирает какая-либо знатная особа, они делают то же самое в течение одного года и одного дня».

Датчанин Петер фон Хафен о православных похоронах сообщает следующее:

«Обычно похороны и проводы умершего простолюдина не производят большого впечатления. Правда, тех, кто сколько-нибудь благороден, все еще по старому обычаю, хотя и вопреки установлению императора Петра Первого, сопровождают плакальщицы, которые должны плакать, провожая покойного. Однако я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на доске почти совершенно нагое и на плечах примерно так же, как носят муку к пекарю. Либо же в лучшем случае в выдолбленном бревне, если покойный был сколько-нибудь благородным человеком. При этом не было никакого сопровождения или церемонии».

А вот как хоронили в Петербурге знатных вельмож. В 1720 г. скончался князь Яков Федорович Долгоруков, сенатор при Петре I, с 1714 г. — председатель Ревизион-коллегии. Интересно, что в юности он получил хорошее образование под руководством польского наставника, и вот после его кончины дом покойного посетили члены польского посольства, отправленные королем Августом II в Россию для рассмотрения курляндского вопроса. По сообщению одного из членов посольства, у гроба усопшего «немало было митрополитов, епископов, архимандритов и разного другого высшего духовенства... Посол выразил соболезнование архиерею Стефану (Яворскому)... После обычных отпеваний духовенство направилось с гробом, по старшинству — на конце уже младшие; не так, как у нас, что епископ идет после всех. Один взял святую икону, чтобы отдать ее в монастырь, — такой здесь обычай после каждого покойника».

Яворский Стефан (1658 — 1722) — писатель и церковный деятель, с 1700 г. местоблюститель патриаршего престола, а затем, с 1721 г. президент синода, который был создан Петром I взамен упраздненного патриаршества для

подчинения церкви государству. Автор панегириков, элегий, проповедей, а также полемиического (против лютеранства) сочинения «Камень веры» (1728), излагающего православное вероучение.

Интересные сведения содержатся в сочинении профессора Иоганна Георги. Он в 1770 г. приехал в Россию и прожил здесь 30 лет. Его перу принадлежит книга «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного». Вот что говорится в ней о русских традициях в северной столице:

«В то время, когда тела погребаемы бывали в церквах, отпевание усопших производилось в самых тех церквах, — пишет Георги. — Теперь же, исключая одних токмо царских гробниц, в Петропавловской и Александроневской церквах почивающих, и тел, погребаемых на кладбище монастыря святого Александра Невского, происходят все погребения вне города, при определенных нарочно для того церквах у Волковой деревни за Ямской частью, у Охты, близ церкви Сампоония Странноприимца в Выборгской части и на Васильевском острове также вне города. Здесь, у Волковой деревни и Тентулы, погребаются также и иноверцы».

В отношении Великого поста у большинства иностранных авторов, живших в России, имеются лишь краткие упоминания, и это снова вынуждает приводить «богословские» рассуждения Элизабет Джастис. Красочно описав те развлечения, которыми сопровождалось встарь празднование масленицы, английская гувернантка переходит к «анализу» великопостных традиций.

«В понедельник, предшествующий Пепельной среде, с которой начинается Великий пост, веселье заканчивается, — пишет любознательная англичанка. —

Во вторник при встрече они (русские) целуются, объявляют: «Прощай, завтра я умру!» — и продолжают умерщвлять свою плоть до Пасхи. Русские ходят в церковь вечером, как и днем. Отправление обрядов состоит в том, что они крестятся, кланяются и бьются головой о пол, повторяя часто и быстро, как только возможно, слова: «Господи, помилуй нас». И те, кто проговаривает это быстрее всех, считаются самыми набожными. В домах у русских есть многочисленные живописные и резные изображения; перед всеми горят восковые свечи со времени ухода хозяев в церковь и до возвращения домой. Они очень строго соблюдают посты в смысле воздержания от пищи, но не в такой степени — от питья. Я не видала, чтобы кто-то хоть раз отказался от вина. Однако во время этого поста надо откупаться. Например, одна знатная дама выбрала русскую женщину в няньки своему ребенку (кормилицу), но не одобряла ее пост. И та, чтобы не потерять место, отправилась к священнику; он дал разрешение на определенных условиях, она их выполнила, и этот грех был ей отпущен».

Особенно строгим воздержанием от скоромной пищи в православной России было на первой и на последней (Страстной) неделе Великого поста. Эта традиция настолько прочно была укоренена в повседневном обиходе, что ее нарушение могло грозить потерей благорасположения православных жителей столицы. И наоборот — ревностное исполнение всех великопостных предписаний возвышало авторитет тех лиц, которые в этом нуждались. В связи с этим можно привести любопытное замечание маркиза Шетарди, французского посланника при русском дворе в 1740 — 1742 годах. Вот что он сообщает в донесении из Петербурга: «Царица не удовольствовалась самым строгим, каким только можно себе придумать, выполнением поста и соблюдением в продолжение

Страстной недели всех требуемых тогда обрядов, и должно думать, что она считала необходимым показать своим народам пример уважения, должного Церкви. Если суеверие или частные виды нисколько не входят сюда, то, конечно, такой образ действий заслуживает похвалы».

Вот еще одно наблюдение о постах; оно принадлежит английскому автору, жившему в Петербурге в екатерининскую эпоху, графу Джону Гобарту, британскому послу в Петербурге в первые годы царствования Екатерины II.

«Масленица кончилась, — пишет он. — Девы, жены и вдовы в трауре. На смену оживленным танцам, красивым туалетам, веселым пиршествам и галантным офицерам явились грибы, соленые огурцы, молитвы и священники. На первой неделе поста правочерные русские воздерживаются от всего земного, к чему тянет врожденная человеку чувственность. Всех больше страдают женщины: им нельзя носить никаких украшений, нельзя надевать ничего такого, что хотя бы слабо напоминало красный цвет; все розы их должны увянуть. Для поддержания жизни им оставлены только вера, надежда и размышления».

Наблюдения Джона Гобарта дополняет И. Георги:

«На столах знатных особ бывает, кроме как во время поста, по большей части совсем французское кушанье и большое число малых блюд, приготовленных французскими поварами, — пишет он. — В пост и у знатного духовенства всегда бывает отборное постное кушанье; но в большей части хороших домов есть для чужих или тех, которые не постничают, также мясное кушанье на столе или учреждаются два отдельных стола, и всякому предоставлено сесть за постный или скоромный стол».

Очень нравился иностранцам пасхальный праздник. Элизабет Джастис пишет: «В Пасху примерно между

часом и двумя ночи много стреляют из пушек; палят все орудия, установленные вокруг крепости. В этот день, как и всю эту неделю, у русских принято наносить визиты англичанам и дарить каждому яйцо, говоря при этом, что Христос воскрес». И если в записях английской гувернантки встречается много неверных суждений, касающихся православных традиций, то в случае, когда речь идет о пасхальных яйцах и кулинарии, она более пристальна.

«Очень любопытны эти яйца, — писала Джастис по возвращении в Англию. — Я привезла с собой одно, все фигуры на нем двигались, если потянуть снизу за кисточку. Это яйцо индейки, высосанное, покрашенное в кремовый цвет и покрытое лаком. Яиц у них очень много — одни сделаны из воска, другие — из дерева, а третьи — настоящие, сваренные вкрутую и затем окрашенные в красный цвет. Затем перочинным ножом так соскабливают эту краску, что получается фигура нашего благословенного Спасителя на кресте или Его Вознесение на небо; это у русских получается чрезвычайно любопытно. Такими яйцами восхищаются более всего, но сохраняются они недолго. Слуги пекут кекс или пирог и, украшенный яйцами, дарят своим хозяевам или же подносят каравай хлеба. Хозяевам принято что-нибудь дарить, хотя те и отнекиваются. Эта неделя повсюду полностью посвящена развлечениям; в это время трезвый или ведущий себя сдержанно человек выглядел бы странно».

Один из членов Мальтийского ордена, посетивший Петербург в годы правления Павла I, побывал в православных храмах в праздничные дни. «Богослужение совершается на народном языке, и это — его хорошая сторона, — писал он. — Праздники крайне многочисленны. Кроме воскресений, есть еще праздники, в которые никакие работы не производятся.

Выходит 121 день в году, посвященный праздности». Комментарии излишни...

Одним из самых ярких впечатлений, которые получали иностранные гости в Петербурге, было водосвятие, ежегодно совершавшееся 6 января, в день праздника Богоявления.

Первое описание водосвятия на Неве принадлежит неизвестному автору, присутствовавшему в Петербурге в день этого торжества зимой 1710 — 1711 гг.

«В сказанный праздник в их церквах с раннего утра начался учащенный благовест, и божественная служба была совершена с особенным благоговением, — пишет он. — Между тем на Неве-реке, покрытой толстым слоем льда, был поставлен, насупротив крепости, полк пехоты в виде большого каре, а посредине занятого им пространства было вырублено во льду, еще накануне, большое четвероугольное отверстие, окруженное решеткой на возвышенном рундуке. Над этим рундуком, который был обтянут алым сукном, возвышалась дощатая, крестообразной формы сень, а под нею висел на ленте деревянный голубь, изображавший, по всему вероятно, Святого Духа; внизу же у проруби стоял стол, или алтарь, для предстоявшей церемонии. По окончании богослужения в крепостной церкви все духовенство вышло оттуда в полном облачении и в сопровождении царя, министров и нескольких тысяч человек свиты и простонародья направилось к упомянутому рундуку, где по пропетии нескольких молитв первенствующий архимандрит совершил водосвятие, после чего окропил предстоявших, которым также подавалась вода в особых сосудах и для испития; в продолжение церемонии палили из пушек с крепости, и бывшее в строю войско стреляло из ружей».

Новые подробности о празднике можно почерпнуть из записок испанского посла герцога Хосе де Лириа, бывшего в Петербурге в 1727 — 1730 гг. «Января 6-го, в

день Крещения, был обряд водосвящения на реке, — сообщает герцог. — Гвардия и весь петербургский гарнизон выстроились на Неве, где было устроено здание арками, а в нем прорубь со ступенями до самой воды. Его величество (Петр II) вышел из дворца в 11 часов и, прибыв к реке, стал в первый ряд перед Преображенским полком, которого он был полковником, после чего пошел в Троицкую церковь, где обедню служил архиепископ Коломенский с двумя другими епископами. По окончании божественной службы его величество пришел опять к своему полку и стал перед ним, а духовенство все в процессии пришло к месту водоосвящения, которое совершил архиепископ Коломенский. По окончании сего обряда все войско сделало залп, и вместе с тем была пушечная пальба с крепости, и царь вел свой полк, с еспоптопом в руке, до самого дворца».

Водоосвящение — делится на великое и малое. Первое совершается накануне Богоявления в конце литургии или вечерни, также в самый праздник после литургии на реках, источниках. Малое совершают в августе, в день Преображения, в дни храмовых праздников перед литургией и во всякое время на дому по желанию верующих.

Надолго запомнился праздник и фон Хавену. Но прежде чем приступить к его описанию, датчанин упоминает, что в России «в обычае у духовенства ходить на Рождество по знатым и богатым людям и петь, как это у нас делают певчие. Это пение было запрещено Петром Первым, но впоследствии опять возобновилось и доставляет священникам значительный доход». Об этой традиции упоминает и камер-юнкер Берхгольц: «Так как в первый день Рождества Христова русские певчие их величеств имеют обыкновение ходить к вельможам с вокальной

музыкой и поздравлением, то они тотчас после обеда явились и к нашему двору в числе сорока человек».

Возвращаясь к повествованию фон Хавена, приведем его замечание о том, что «в праздник Крещения был совершен один из главных обрядов — освящение вод по всей России... Как только в 11 часов закончилась утренняя церковная служба, императрица Анна Иоанновна со знатнейшими придворными и большим числом высших священников вышла из церкви, направляясь к сооруженному на реке Неве театруму, так плотно обнесенному столбами, что его сквозь них трудно было рассмотреть, — пишет он. — Высокий епископ произнес там краткую речь перед присутствующими, затем совершил освящение, сопровождаемое немногими обычными обрядами. Как только это кончилось, выстрелили пушки, расставленные вокруг крепости. Каре из 6 полков, или 10—11 тысяч человек, и стоявшая на реке Неве вокруг театрума в карауле пешая гвардия также салютовали троекратным залпом. Тем временем императрица прежней процессией направилась в свой дворец. После освящения можно было видеть, как священники крестили на Неве множество новорожденных. Другие, молодые и старые, обнаженными прыгали в ледяную воду; два стоявших над прорубью парня их сразу вытаскивали обратно. Кроме того, некоторые люди черпали из реки воду и тут же ее выпивали или уносили домой, чтобы сохранить».

Элизабет Джастис добавляет к этому описанию ряд живописных деталей. Во многом бредовых..

«Наблюдения убедили меня, — пишет она, — что вера у русских очень велика: на двенадцатый день священник освящает воду, на льду для этого воздвигается постройка вокруг проруби, и отовсюду сходятся люди, часто — чтобы окунать своих детей в эту холодную стихию, хотя при такой церемонии

некоторые тонут. Однако русские не принимают это во внимание и утешают себя словами: они ушли ко всемогущему Богу! Очень многие, как старые, так и молодые, приходят с кувшинами и бутылками, дабы набрать этой святой воды. Ибо если и она их не исцелит, они никогда уже не ищут иного лечения. По окончании церемонии появляется большая бадья, покрытая малиновым бархатом с золотым шитьем и длинной бахромой; бадью тащит шестерка прекрасных лошадей, украшенных лентами; ее наполняют водой для конюшни ее величества».

Можно сравнить повествования датского публициста и английской гувернантки с тем, как описывает это действие английский врач Дж. Кук, присутствовавший на «Иордани» в 1737 г. По его словам, «во льду проделана квадратная прорубь, каждая сторона которой длиной примерно шесть футов; около нее постлано много ковров наподобие пола, огороженных вокруг кольями, чтобы не подпускать толпу. Сверху устроен полог. По окончании службы духовенство выходит из главной церкви и образует процессию, следуя друг за другом соответственно сану, и идут по четыре или пять в ряд, всего числом в несколько сот человек. Идущие несут большую хоругвь, большой фонарь и большое изображение нашего Спасителя или какого-то святого. Они шествуют в таком порядке, сопровождаемые знатными и простыми людьми, и весь путь до реки поют молитвы. Священники вступают за ограду всего с несколькими знатными людьми и там совершают другие части церемонии. Когда находят, что вода достаточно освящена, подается сигнал 1200 гвардейцам, которые окружают все это тремя рядами и тут же дают частые залпы, повторяемые трижды; затем стреляют большие пушки с крепости, и также троекратно салютуют около 300

орудий. Так заканчивается эта церемония, совершаемая почти одинаково по всей России».

В Куке говорит врач: «Много больных фанатиков приходит, чтобы окунуться в эту святую воду, стремясь избавиться от своих недугов, и действительно многие из них достигают желаемого, но не так, как хотели. То есть их убивает холод, ибо церемония совершается в середине зимы. Многие невежественные глупцы несут своих детей, в том числе новорожденных, чтобы их окунуть. Детей передают священникам, которые трижды погружают их в воду с головой. Некоторые захлебываются, некоторые выскальзывают из рук священника, и течением их затягивает под лед. Когда такое случается, говорят: «Бог взял их к себе». Но еще больше умирает от холода».

Теперь посмотрим, что пишет об этом шведский граф Гордт. Будучи лютеранином, он воспринял это действо как «церемонию освящения полковых знамен, что обычно бывает в царские дни».

«Все войска были в строю, — пишет граф. — Государь, верхом на лошади, находился впереди первого гвардейского полка. Государыня, предшествуемая духовными лицами в числе до двухсот человек, шла пешком со всем двором до самого берега Невы, где на льду обычно выстраивается для этой церемонии особое здание. От каждого полка были отряжены знамена с барабанщиками и полковой музыкой. Затем духовенство начало священную службу, а митрополит освятил знамена, погружая каждое из них в реку. Из крепости и Адмиралтейства было сделано триста пушечных выстрелов, а полки произвели тройной ружейный залп. По окончании церемонии государыня возвратилась со всею свитою во дворец, а государь, оставаясь впереди первого гвардейского батальона, прошел церемониальным маршем со всеми полками».

В 1800 г. в Петербурге было 220 тыс. человек: 68,3% мужчин и 31,7% женщин. Он являлся вторым городом по величине после Москвы, за ним шли Вильно (56 314), Казань (53 90), Тула (52 084) и Астрахань (37 820).

А теперь предоставим слово пастору французской церкви Абелю (1770-е гг.):

«В день Богоявления на льду рядом с берегом устраивается церемония, привлекающая не меньше народа: это освящение воды, совершаемое под окнами дворца императрицы. Высшие священники господствующей Церкви располагаются на льду, где заранее проделана прорубь, тут же заполняющаяся водою. Они освящают эту воду, с множеством молитв погружая в нее крест; жители приносят своих детей, и священники их крестят, окуная в воду реки. Рядом со священниками находятся самые видные лица двора. На льду и на берегу выстроены рядами целые полки солдат, чтобы приобщиться к благословению одновременно с рекой. По окончании церемонии солдаты разряжают свои ружья, а пушки с крепости и Адмиралтейства им отвечают... После церемонии священники собираются у духовника императрицы, чтобы откусать с ним».

Так Запад мало-помалу узнавал неведомую ему во многом Россию, а России нужно было выходить на другие, еще неизвестные горизонты. И велся этот диалог при помощи славного города Санкт-Петербурга...

НАЧАЛЬСТВУЮЩИЕ ЛИЦА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — с 1703 генерал-губернатор Петербурга. Сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Сын придворного конюха. С 1693 бомбардир

Преображенского полка, участник Азовских походов. Руководил военными действиями в Северной войне. С 1703 генерал-губернатор Ингерманландии, руководил строительством Петербурга. При императоре Петре II в ссылке.

Апраксин Петр Матвеевич (1659—1728) — с мая 1724 по январь 1725 петербургский генерал-губернатор. Сподвижник Петра I, брат царицы Марфы — супруги царя Федора Алексеевича. В 1696—1699 и 1701—1705 воевода в Новгороде. В 1705—1708 астраханский губернатор. В 1708—1713 казанский губернатор. В 1702—1704 одержал ряд побед над шведами, в 1757 — над прусскими войсками.

Миних Бурхард Кристоф (1683—1767) — в 1728-1734 главный начальник Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии, в то же время генерал-полицмейстер Петербурга. Генерал-фельдмаршал. На русской службе с 1721. Участник строительства Петербурга.

Мануков Федосей Семенович (?—после 1738) — в 1736—1738 воевода Санкт-Петербурга. С 1690 подъячий, с 1708 ландрат, выборный представитель лужских дворян в петербургской канцелярии. В 1711—1719 ландрихтер Санкт-Петербургской губернии, составитель карты Ингерманландии. С 1719 по 1720 помощник воеводы, с 1722 вице-президент Вотчинной коллегии.

Сабуров Василий Иванович (1686—1749) — воевода Санкт-Петербурга с апреля по май 1738. Бригадир. В 1731—1738 прокурор в Сыскном приказе. С мая 1738 по 1740 товарищ вице-губернатора.

Головин Николай Федорович (1695—1745), С февраля по декабрь 1742 генерал-губернатор Петербурга, потом командующий Балтийским флотом. Адмирал, генерал-адъютант. Участник Северной войны,

капитан кораблей. С 1737 член Комиссии строений, отвечал за застройку Адмиралтейского острова.

Ласси Петр Петрович (1678—1751) — с сентября по декабрь 1743 генерал-губернатор Петербурга. Генерал-фельдмаршал, сенатор. Участник Северной войны. В 1729—1733 рижский генерал-губернатор. В шведской войне командует корпусом (1733—1755), в войне с Турцией — армией.

Репнин Василий Аникитович (1696—1748) — с января по июнь 1744 генерал-губернатор Петербурга. Князь, генерал-аншеф, генерал-адъютант. Участник Северной войны, войны с Турцией; отличился при взятии Очакова. Возглавлял пограничные комиссии между Россией и Турцией, Россией и Швецией. Обер-гофмейстер двора Петра III.

Игнатьев Степан Лукич (1688—1747) — с июня по декабрь 1744 генерал-губернатор Петербурга. С 1704 солдат лейб-гвардии Семеновского полка, впоследствии генерал-поручик. С 1734 по 1747 петербургский обер-комендант. В 1737 председатель комиссии по проверке Канцелярии строений. С 1741 вице-президент Военной коллегии.

Юсупов Борис Григорьевич (1695—1759) — с декабря 1748 по декабрь 1749 генерал-губернатор Петербурга. Камергер, сенатор. С 1738 по 1740 московский вице-губернатор, с 1741 президент Коммерц-коллегии. Инициатор строительства в России суконных фабрик. С 1742 директор Ладожского канала.

Голицын Михаил Михайлович (1685—1764) — с декабря по май 1752—1754 генерал-губернатор Петербурга. Князь, генерал-адмирал, сенатор. Участник Северной войны, командует отрядом гребных галер. С 1728 советник Адмиралтейств-коллегии, с 1727 президент Юстиц-коллегии. С 1740 по 1741 астраханский губернатор, в 1744—1748 посол в Персии.

С 1749 командующий флотом, с 1750 президент Адмиралтейств-коллегии

Голтштейн-Бек Петр Август Фридрих (1697—1775) — с 1743 с небольшими перерывами ревельский генерал губернатор, одновременно с 1761 по 1762 Санкт-Петербургский генерал-губернатор. Герцог, генерал-фельдмаршал. На русской службе с 1734 в чине полковника. Участник русско-турецкой войны.

Несвицкий Василий Федорович (1704—1771) — в 1761—1764 гражданский губернатор Петербурга. Князь, вице-адмирал. Командовал различными кораблями, участник русско-турецкой войны. Руководил строительством верфи.

Неплюев Иван Иванович (1693—1773 — с сентября 1762 по июнь 1763 и в июне-июле 1764 генерал-губернатор Петербурга. Действительный тайный советник, сенатор. Служил на флоте, участник русско-турецкой войны, в 1721—1734 посланник в Константинополе. С 1730 контр-адмирал, в 1740—1741 правитель Малороссии, в 1742—1758 оренбургский генерал-губернатор

Ушаков Степан Федорович (1705—1780) — в 1764—1773 гражданский губернатор Петербурга. Тайный советник, сенатор. С юности на военной службе, участник войн. Член Вольного экономического общества. С 1761 по 1764 новгородский губернатор,

Глебов Иван Федорович (1705—1774) — с февраля по декабрь 1767 генерал-губернатор Петербурга. Генерал-аншеф, сенатор. С 1721 в армии, с 1749 генерал-майор, наблюдающий за контрабандой в России. Участник Семилетней войны 1757—1762.

Перфильев Степан Васильевич (1734—1793) — в 1773—1774 гражданский губернатор Петербурга. Генерал-поручик. Возвысился при Петре III, впоследствии воспитатель наследника Павла Петровича.

Унгерн-Штернберг Карл Карлович (1730—1797) — в 1774—1779 гражданский губернатор Петербурга, председатель приказа Общественного призрения. Барон, генерал-адъютант. Отличился в русско-турецкой войне 1768—1774, командир бригады, потом корпуса. Выйдя в отставку, передал одно из своих имений Обществу благородных девиц.

Голицын Александр Михайлович (1718—1783) — . с января 1775 и в 1780—1783 генерал-губернатор Петербурга. В 1782 командовал церемонией открытия «Медного всадника». Князь, генерал-фельдмаршал, сенатор. С молодых лет в армии, с 1744 бригадир, камергер вел. княгини Екатерины, будущей императрицы. В 1748—1754 посланник в Гамбурге и Нижней Саксонии. Участник Семилетней войны, позже командует войсками в Финляндии и Петербурге. В русско-турецкой войне командует армией по декабрь

Тарбеев Петр Петрович (1744—1796) — в 1784-1785 гражданский губернатор. Тайный советник, сенатор. С юности в армии. С 1783 генерал-майор, петербургский обер-полицмейстер. В 1797—1803 возглавлял Экспедицию государственного хозяйства и опекунов сельского домоводства. Стоял у истоков первых сельскохозяйственных школ.

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — с мая по июль 1785 генерал-губернатор Петербурга. Генерал-фельдмаршал, сенатор. Из казачьей семьи. С 1746—1765 президент Академии наук. С 1747 по 1764 гетман Украины. С 1762 командующий петербургским и Выборгскими гарнизонами.

Коновницын Петр Петрович (1744—1796) — в 1785-1793 гражданский губернатор Петербурга. Генерал-поручик. Служил в Преображенском полку. В 1772—1777 ахтырский воевода, затем обер-кригс-комиссар при Украинской дивизии и в 1780—1781 вице-губернатор Москвы. В 1782—1784 тамбовский и в 1784—

1785 новгородский губернатор. Занимался строительством дорог, городскими рынками. В 1793—1796 архангельский и олонецкий губернатор.

Брюс Яков Александрович (1732—1791) — граф, генерал-адъютант, сенатор. С юности в армии, участник Семилетней войны 1756—1763. В 1767 производит надзор за производством и продажей вина в России, в 1768 руководит строительством Исаакиевского собора. Участвует в русско-турецкой войне, командует дивизией. В 1771 по поручению Екатерины II предупреждает приход чумы в Петербург. Командует Финляндской и Лифляндской дивизиями, в 1782—1784 новгородский и тверской генерал-губернатор, в 1784—1786 главнокомандующий в Москве, в 1786—1791 генерал-губернатор Петербурга. Закрыв типографию Новикова, арестовал Радищева.

Рылеев Никита Иванович (1749—1808) — тайный советник. Служил в Преображенском полку. В 1783—1784 петербургский полицмейстер. В 1793—1797 гражданский губернатор. Одобрив, не читая, книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1793 издал знаменитый приказ, по которому предписывалось извещать полицию о пожаре за три дня.

Архаров Николай Петрович (1740—1814) — генерал от инфантерии. С 1755 рядовой Преображенского полка, с 1772 полковник, по 1782 московский обер-полицмейстер. Участник следствия по делу Пугачева, распорядитель его казни. В 1782—1784 московский гражданский губернатор. В 174—1795 генерал-губернатор Тверской и Новгородской областей. В 1795—1796 генерал-губернатор Петербурга.

Александр Павлович (1777—1825) — великий князь, с 1801 император. В конце ноября 1796 Павел I назначил сына генерал-губернатором Петербурга, дав

ему в помощники Аракчеева и Архарова. Следует отметить усердие А. П. в управлении столицей.

Алексеев Иван Алексеевич (1750—1816) — тайный советник, сенатор. Из солдатской семьи, начинал писарем. С 1765 в канцелярии фельдмаршала Н. В. Репнина. С 1774 секретарь Репнина. В 1787—1792 первый директор Государственного Заемного банка. В 1793—1796 вице-губернатор Петербурга, в 1797 тамбовский губернатор. С июня по август 1797 гражданский губернатор Петербурга. В 1803—1804 член комитета по межеванию малороссийских земель. С 1810 член Государственного совета.

Гревенс Иван Ильич (1752—?) — статский советник. С юности в армии, участник русско-турецкой войны. С 1774 флигель-адъютант графа А. Орлова. В 1777—1779 воевода в Енисейске. В 1779—1784 председатель палаты уголовных и гражданских дел Колыванской области. С 1784 полковник и обер-кригс-комиссар Военного департамента. В 1795—1797 архангельский губернатор, в 1797—1798 гражданский губернатор Петербурга.

Глинка Дмитрий Федорович (1749—1808) — тайный советник, сенатор. После кадетского корпуса в пехотном полку, участвует в военных действиях в Польше; после взятия Кагула в русско-турецкой войне премьер-майор. В 1779—1780 прокурор Санкт-Петербургской губернской канцелярии. С 1788 советник казенной палаты. В 1795—1797 вице-губернатор Вознесенского наместничества. В небольшие сроки архангельский и новгородский губернатор. С декабря 1798 по март 1800 гражданский губернатор Петербурга.

Мещерский Прокофий Васильевич (1736—1818) — гофмаршал, генерал-лейтенант. Участник Семилетней войны, с 1764 в отставке в чине капитана. Участвовал в русско-турецкой войне 1765—1777, отличился в сражении под Кагулом; с 1771 — подполковник, с 1793

полковник. В 1796 подает Павлу I жалобу на обход его чинами, в результате чего получает генерал-майора и петербургский драгунский полк. С 1798 в императорской свите, генерал-лейтенант и член Военной коллегии. С марта по июнь 1800 петербургский гражданский губернатор. С ноября по март 1800, как знаток и ценитель театра, управляющий театральной дирекцией и гофмаршал. По вступлении на престол Александра I уволен, жил в монастыре.

Хотяинцев Николай Иванович (?) — действительный статский советник. С 1768 на военной службе, с 1798 по 1800 петербургский полицмейстер, с 1798 надворный советник, с 1799 коллежский советник, с 1800 статский советник и гражданский губернатор Петербурга по 1801. Далее в отставке.

Панкратьев Петр Прокофьевич (1757—1810) — тайный советник. Окончил Киевскую духовную семинарию, затем служил в гусарском полку, участвовал в русско-турецкой войне. С 1782 подпоручик, с 1784 флигель-адъютант генерал-аншефа Репнина. Участвовал в осаде Очакова, Измаила, Аккермана. С 1794 в отставке в чине полковника. В 1794—1795 первый директор Государственного Заемного банка, в 1795—1796 обер-комендант Нерчинска. В 1796—1797 вице-губернатор Петербурга, с 1801 по 1802 петербургский гражданский губернатор. В 1802—1810 киевский губернатор, тайный советник.

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — военачальник, генерал-фельдмаршал. С юности на военной службе. Участвует в польских событиях 1764, в русско-турецкой войне, в Крымских войнах. После взятия Измаила (1790) — комендант города, генерал-поручик. Командует корпусом в войне с турками, в подавлении польского восстания. В награду получает имение на Волыни с 2667 крепостными и должность казанского и вятского генерал-губернатора

(1793). В 1797—1798 с дипломатической миссией в Пруссии. В 1799—1801 литовский генерал-губернатор, в 1801—1802 петербургский генерал-губернатор и Выборга. В 1802 отстранен из-за неприязни к нему Александра I и отправлен в свое имение. В 1805 командует русскими войсками в войне с французами. В 1806—1808 киевский генерал-губернатор. В 1808 в действующей армии на турецком фронте. В 1809—1811 вновь литовский губернатор. С 1811 командует русской армией в войне с турками. С 1811 граф, князь, член Госсювета. Командующий русской армией в Отечественной войне 1812.

Кушников Сергей Сергеевич (1765—1839) — сенатор, член Госсювета, племянник Н. М. Карамзина. Окончил кадетский корпус, участвовал в турецких войнах, за Очаков получил чин ротмистра. С 1791 адъютант московского главноначальствующего генерал-аншефа А. А. Прозоровского, по его приказу сжигал книги известного просветителя Н. И. Новикова. С 1798 подполковник, старший адъютант А. В. Суворова, участвует в Итальянском походе, получает чин полковника и ордена; доставил в Петербург донесение Суворова о победе при Нови. В пору опалы Суворова находился с ним в имении. В 1800 прокурор Берг-коллегии, московский вице-губернатор, статский советник. В 1802—1804 — петербургский гражданский губернатор. С 1807 сенатор, председатель Госсювета Молдавии. В 1815—1820 ревизует Казанскую губернию. С 1823 директор московской Павловской больницы. В 1832 — 1839 возглавляет комиссию прошений на высочайшее имя, с 1839 председатель департамента гражданских и духовных дел Госсювета. Автор анонимного памфлета «Разговор в царстве мертвых Екатерины II».

Каменский Михаил Федотович (1738—1809) — генерал-фельдмаршал. С юности — в армии, участвовал

в Семилетней войне, с 1765 командир пехотного полка. Послан Екатериной II в Пруссию для изучения военного дела. В русско-турецкой войне 1768—1774 командир бригады, отличился при взятии Хотина; генерал-майор. В 1772 участвует в подавлении польского восстания. В 1774 в армии Суворова, участвует в битве при Козлуджи; генерал-поручик. С 1779 на службе в прусской армии. В 1783—1786 рязанский и тамбовский генерал-губенатор; генерал-аншеф. Участвует в русско-турецкой войне 1787—1791. В опале, но с приходом Павла I возвращен на службу и назначен в августе 1802 петербургским генерал-губернатором. За грубость с подчиненными в ноябре 1802 в отставку. В 1806 после Аустерлицкого поражения и удаления Кутузова из армии, назначен командующим армией и членом Госсовета. В этом качестве пробыл всего семь дней, затем бросил армию и уехал. В возрасте 71 года соблазнил крепостную девушку и был убит ее братом.

Толстой Петр Александрович (1770—1844) — сенатор, член Госсовета. С 1755 в Преображенском полку. Участник подавления польского восстания, заграничных походов Суворова. С 1800 генерал-лейтенант, сенатор. В октябре 1802 военный губернатор Выборга, с ноября 1802 по август 1805 генерал-губернатор Петербурга; пользовался доверием Павла I. При нем построена Университетская набережная, улучшено городское освещение. В 1805 командир корпуса в заграничном походе против Франции, с 1806 посланник в Пруссии, с 1807 по 1808 посол в Париже, потом в отставке. В 1812 занимается ополчением, командует корпусом в действующей армии. С 1823 член Госсовета, с 1826 во главе департамент военных дел Госсовета, в 1827 управляющий Главным штабом и командир Московского пехотного полка, в 1828—1836 организывает и управляет военными поселениями, с 1829 командир

гвардейских петербургских частей. В 1831 командует 3-й армией при подавлении польского восстания. При нем закончилось строительство Исаакиевского собора.

Пасевьев Петр Степанович (1759—1810) — статский советник. Окончил кадетский корпус, служил в армии, с 1781 в отставке в чине капитана. В 1783—1790 экзекутор в Сенате. В 1790—1804 новолadoжский депутат, петербургский уездный предводитель дворянства. В 1804—1808 петербургский гражданский губернатор. В 1806 по просьбе Александра I организовывает петербургское ополчение — на случай войны с Францией. С 1808 в отставке. В 1812 —1813 провиантмейстер петербургского ополчения.

Бакунин Михаил Михайлович (1764—1837) — сенатор. Служил в армии, участвовал в русско-шведской войне 1788—1790, выполнял поручения Г. А. Потемкина. С 1797 генерал-майор, командир полка. С 1801 по 1808 гражданский могилевский губернатор, в 1808—1816 петербургский гражданский губернатор. Активно участвовал в организации ополчения 1812. Много занимался благоустройством улиц, парков. В 1818 обвинен в казнокрадстве, оправдан, но отправлен Николаем I в отставку.

Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — генерал-адъютант, член Госсювета. С 1775 на военной службе, после Пажеского корпуса — поручик в гвардии, с 1799 — генерал-майор, комендант Омской крепости. В 1800—1804 ревельский генерал-губернатор, в 1804—1807 московский обер-полицмейстер, в 1807—1808 главный интендант русской армии, в 1808—1809 петербургский обер-полицмейстер, в 1809—1812 петербургский генерал-губернатор и одновременно министр полиции. С 1810 член Госсювета. В 1812—1818 выполнял поручения Александра I: в частности ездил к Наполеону накануне войны. В 1819—1828 генерал-губернатор орловский, тамбовский, рязанский,

тульский, воронежский — одновременно. При нем закончен Казанский собор, открыт Лицей в Царском Селе.

Вязмитинов Сергей Козмич (1744—1819) — сенатор, член Госсювета. С 1759 на военной службе, в 1777 — полковник. Участник русско-турецкой войны 1787—1791, генерал-майор. В 1790—1794 во главе Могилевского наместничества, одновременно командир корпуса. С 1794 симбирский и уфимский генерал-губернатор, с 1796 оренбургский. С 1797 комендант Санкт-Петербургской крепости и одновременно возглавляет интендантский комиссариат. В январе 1801 расследовалось дело о пропаже 11 мешков серебра. Как возможного халатного виновника поминали и Вязмитинова; отстранен от должности, но возвращен Александром I; с 1801 генерал-губернатор Малороссии, затем вице-президент Военной коллегии. С 1802 по 1808 военный министр, затем отстранен за халатность. В 1811 член Госсювета, с 1812 по 1819 председатель Кабинета министров и министр полиции, с 1812 по 1818 генерал-губернатор Петербурга. При нем началось строительство нового здания Адмиралтейства, открыты новые мосты.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал-адъютант, член Госсювета. В 9 лет записан сержантом в Измайловский полк. Учился в Кенигсбергском (слушал лекции Канта), Геттингенском университетах, в военной французской школе. Участник русско-шведской войны 1788—1790, с 1798 по приказу Павла I — генерал-майор и шеф мушкетерского полка. Участник заграничных походов Суворова, войны с Францией 1805, русско-турецкой 1806—1812; генерал от инфантерии, награжден многими орденами и золотой шпагой. В 1812 киевский генерал-губернатор. В Бородинском сражении командир пехотных и кавалерийских корпусов, при отступлении русских

войск прикрывает их от неприятеля. В 1814—1818 командир гвардейского корпуса. В 1818—1825 генерал-губернатор Петербурга. Смертельно ранен декабристом Каховским на Сенатской площади в 1825. Умирая, дал вольную всем своим крепостным. Отличался бескорыстием, добротой. При нем открыт Ботанический сад, основан университет, начато строительство Михайловского дворца (Русский музей).

Щербинин Семен Александрович (1770—1836) — сенатор, тайный советник. С юности на службе в армии, с 1802 полковник. В 1802—1804 в Геральдическом департаменте, в 1805—1807 служит в Сенате, статский советник. В 1808—1816 правитель Белостокской области, в 1816—1826 петербургский гражданский губернатор, сенатор с 1826. Особым вниманием к нуждам города не отличался.

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843)— генерал-адъютант, член Госсовета. С 1794 на службе в армии, с 1798 полковник, затем, понравившись Павлу I, генерал-майор и командир гусарского полка. Примыкал к заговору против Павла. Участвует в русско-турецкой войне 1806—1812. В 1810—1811 обер-полицмейстер Петербурга; тогда же в городе появилось слово «кутузка». Участвует в Отечественной войне 1812, с кавалерийским отрядом неоднократно разбивает французов, освобождает от них Тильзит и Кенигсберг; награжден чином генерал-лейтенанта и золотой саблей. В 1823—1826 директор военных учебных заведений. В 1825—1830 генерал-губернатор Петербурга, член Следственной комиссии по делу декабристов. С 1831 инспектор кадетских корпусов, в 1836—1839 председатель совета военных учебных заведений.

Безобразов Александр Михайлович (1783—1871) — сенатор. С юности на службе в армии, с 1800 в отставке. С 1801 переводчик в Коллегии иностранных дел,

коллежский асессор, с 1806 надворный советник. В 1808 вступает в новгородское ополчение, организует стрелковый батальон. С 1809 камер-юнкер при дворе, статский советник. В 1811—1815 интендантский генерал-директор в действующей армии. В 1815—1820 тамбовский губернатор, в 1820—1826 ярославский губернатор, тайный советник. В 1826—1829 петербургский гражданский губернатор, с 1827 сенатор. В Крымскую войну 1853—1856 отказался от сенаторского жалованья в пользу армии. Почетный член Московского ун-та и Петербургской АН. Автор книг «Краткое обозрение подвигов русских войск против французов в 1812 году» и «Краткое обозрение подвигов российского дворянства на поле брани и на поприще гражданском».

Храповицкий Иван Семенович (1786—1864) — камергер. С юности на военной службе, участник войны 1805—1807. С 1810 в отставке в чине ротмистра. С 1812 в ополчении. С 1818 в Московском архиве Иностранной коллегии, камер-юнкер. С 1820 служит в Министерстве финансов. В 1821—1824 орловский вице-губернатор. В 1824—1827 московский вице-губернатор, камергер. В 1827—1829 нижегородский губернатор, в 1829—1835 петербургский гражданский губернатор. При нем пущена городская конка.

Эссен Петр Кириллович (1772—1844) — генерал от инфантерии, член Госсовета. С юности на военной службе, в 1790 генерал-майор, шеф Выборгского пехотного полка. С 1800 Выборгский военный губернатор, в 1805—1814 в действующей армии, награжден орденами, двумя золотыми шпагами. В 1817—1830 генерал-губернатор Оренбургского края, в 1830—1842 петербургский генерал-губернатор. Организовывал борьбу с холерой, при нем открылась первая железная дорога Петербург — Царское Село, построены новые мосты и пр.

Жемчужников Михаил Николаевич (1788—1865) — сенатор. После кадетского корпуса адъютант А. А. Аракчеева, затем в действующей армии на Кавказе; награжден орденами. Участник Отечественной войны 1812, командир артиллерийской роты. С 1820 в отставке. С 1827 подполковник III Отделения в Орле. С 1829 подполковник, участвует в подавлении польского восстания 1831—1832, полицмейстер Варшавы. В 1832—1840 костромской гражданский губернатор, в 1833—1835 в Министерстве внутренних дел, в 1835—1840 петербургский гражданский губернатор, статский советник. С 1840 тайный советник, сенатор. Уделял большое внимание петербургским больницам и госпиталям.

Шереметев Василий Александрович (1795—1862) — камергер, член Госсовета. В 1810 титулярный советник, в 1812 поручик Ахтырского гусарского полка. С 1819 ротмистр, в отставке. С 1830 мценский уездный предводитель дворянства, с 1833 орловский губернский предводитель дворянства, с 1834 коллежский советник, камергер. В 1838—1839 харьковский гражданский губернатор; ушел из-за несогласий с генерал-губернатором. С 1839 черниговский гражданский губернатор, в 1841—1843 петербургский гражданский губернатор. В 1843—1846 министр юстиции. С 1847 член комиссии по принятию прошений на высочайшее имя, с 1848 управляющий казной опекунского совета. В 1856—1857 министр государственных имуществ.

Кавелин Александр Александрович (1793—1850) — генерал-адъютант, сенатор. После Пажеского корпуса служил в гвардейском полку, участник Бородинской битвы, награжден золотой шпагой «За храбрость». В 1818—1825 адъютант вел. князя Николая Павловича (будущего императора Николая II). С 1827 генерал-майор свиты его императорского величества. В русско-турецкую войну 1828—1829 участвует в сражении под

Варной. В 1830—1834 директор пажеского корпуса, генерал-лейтенант. В 1834—1841 воспитатель вел. князя Александра Николаевича (Александра II), сопровождает его в путешествиях по Европе. С 1843 генерал от инфантерии. В 1842—1846 генерал-губернатор Петербурга. При нем начато строительство Московского вокзала.

Жуковский Николай Васильевич (1793—1852) — сенатор. С 1802 в челябинском уездном суде, с 1804 в канцелярии оренбургского губернатора, в 1808 губернский секретарь. В 1822 управляющий тобольской губернаторской канцелярией, с 1823 председатель тобольского губернского правления. В 1827—1828 тобольский губернатор. В 1829 в Министерстве внутренних дел, затем чиновник по особым поручениям при оренбургском военном губернаторе. С 1823 оренбургский гражданский губернатор, с 1835 волынский губернатор, с 1837 калужский губернатор, в 1843—1851 петербургский гражданский губернатор.

Храповицкий Матвей Евграфович (1784—1847) — генерал-адъютант, член Госсовета. Окончил кадетский корпус, с 1797 камер-паж вел. князя Константина Павловича, с которым участвует в суворовских походах; отмечен орденами за храбрость. С 1803 полковник, командир батальона в Аустерлицком сражении. В Бородинском сражении командир бригады, тяжело ранен. Позже участвует в сражениях под Люценом, при Кульме. В 1818—1830 командир гренадерской дивизии, в 1830—1831 виленский и гродненский генерал-губернатор, в 1832—1835 командир гренадерского корпуса, в 1835—1838 инспектор оружейных заводов России, в 1839—1847 председатель попечительского совета общественного призрения в Петербурге. В 1846 командующий армейским резервом, в 1846—1847 петербургский генерал-губернатор.

Донауров Петр Михайлович (1801—1863) — сенатор, камергер. Окончил Пажеский корпус, служил в армии, участник подавления польского восстания. С 1832 на гражданской службе, коллежский советник, с 1833 камергер, с 1835 статский советник. С 1836 чиновник по особым поручениям при военном министре. В 1842—1851 владимирский гражданский губернатор; за деятельность на этом посту получил орден св. Владимира. В 1851—1855 петербургский гражданский губернатор, тайный советник. С 1856 товарищ государственного контролера, сенатор, с 1863 в отставке по болезни.

Шульгин Дмитрий Иванович (1785—1854) — член Госсовета. На военной службе, участник русско-французской войны 1805—1807, русско-шведской войны 1808—1809, Отечественной войны 1812; награжден орденами. С 1824 генерал-майор, командир гренадерской бригады. В 1825—1830 московский обер-полицмейстер. С 1830 командир пехотной дивизии, участвует в подавлении польского восстания, с 1840 командир гренадерской дивизии, генерал-лейтенант. В 1846—1847 петербургский комендант, в 1847—1854 петербургский генерал-губернатор. При нем началось движение поездов Москва—Петербург.

Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879) — генерал-адъютант, член Госсовета. На военной службе, в 1819—1820 директор полковой солдатской школы. Участник русско-турецкой войны 1828—1829, полковник. В 1830—1834 в свите принца Ольденбургского, в 1834—1846 директор Пажеского корпуса, в 1846—1848 дежурный генерал Главного штаба. С 1848 попечитель Медико-хирургической академии, с 1852 член Госсовета, в 1853—1854 генерал-губернатор витебский, могилевский и смоленский, в 1854—1861 петербургский генерал-губернатор. Отличился решительностью при студенческих

волнениях 1861, за что отстранен императором от должности. С 1864 председатель комиссии прошений на высочайшее имя, в 1872—1879 глава Кабинета министров.

Смирнов Николай Михайлович (1807—1870) — сенатор, камергер. Служил в Иностранной коллегии, в 1825—1828 при русской миссии в Италии, с 1829 в Министерстве иностранных дел. В 1835—1837 в российской миссии в Берлине. С 1839 церемониймейстер императорского двора, с 1842 в Министерстве внутренних дел, статский советник. В 1845—1851 калужский губернатор. В 1851—1855 в Министерстве внутренних дел. В 1855—1861 петербургский гражданский губернатор и член попечительского совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882) — генерал-адъютант, член Госсвета, внук А. В. Суворова. Учился в Швейцарии, в Сорбонне. В 1824 вернулся в Россию, зачислен юнкером в гвардейский полк. Проходил по делу декабристов; отправлен служить на Кавказ. Участвует в русско-персидской войне 1826—1828, награжден золотой саблей, орденами. С 1828 флигель-адъютант Николая I. Участник русско-турецкой войны 1828—1829, подавления польского восстания 1831—1832. В 1831—1832 командир гвардейского батальона, с 1833 при императоре. В 1839—1842 командир гренадерского полка, затем командир бригады, с 1846 генерал-адъютант. В 1847—1848 костромской губернатор, в 1848—1861 генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, в 1861—1866 петербургский генерал-губернатор. При нем начал работать городской водопровод, открылся Зоологический сад.

Бобринский Александр Александрович (1823—1903) — обер-гофмейстер, член Госсвета, правнук

Екатерины II и Г. Орлова. После окончания Петербургского ун-та в губернском правлении, помощник столоначальника. С 1848 титулярный советник, на службе в Министерстве внутренних дел. С 1852 вице-директор хозяйственного департамента. В 1812 в ополчении. С 1856 коллежский советник, в канцелярии петербургского гражданского губернатора. С 1858 церемониймейстер императорского двора. В 1861—1864 петербургский гражданский губернатор. С 1864 шталмейстер императорского двора, в 1869—1872 губернский предводитель дворянства, с 1890 обер-гофмейстер императорского двора. Автор книги «Дворянские роды, внесенные в гербовник Всероссийской империи».

Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — генерал-фельдмаршал, член Госсовета. На военной службе, участник Крымской войны. В 1862—1866 в императорской свите, в 1866—1869 командир гусарского полка, в 1869—1875 командир гвардейского конно-гренадерского полка, с 1875 командир гвардейской кавалерийской дивизией. Отличился в русско-турецкой войне; награжден многими русскими и иностранными орденами, золотой саблей «За храбрость». В 1879—1880 генерал-губернатор Петербурга. В 1882—1883 одесский генерал-губернатор, в 1883—1894 варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа.

Скарятин Владимир Яковлевич (1812—1870) — тайный советник. С 1832 в Московском архиве, с 1834 камер-юнкер, в императорской канцелярии. С 1836 губернский секретарь при М. М. Сперанском. В 1846 в чине коллежского советника уходит со службы, живет в своем орловском имении. В 1848—1857 губернский предводитель. В 1858—1861 статский советник, в почтовом ведомстве. В 1862—1864 новгородский

губернатор, в 1864—1865 петербургский гражданский губернатор, тайный советник. Случайно убит на охоте.

Перовский Лев Николаевич (1816—1890) — статский советник, отец народоволки Софьи Перовской. С 1832 служит в Ин-те инженеров путей сообщения, занимается исследованиями Ладожского канала. С 1834 в инспекции городских дорог. С 1835 на военной службе, в 1839—1844 адъютант командующего гвардейским корпусом. С 1845 в отставке в чине штабс-капитана. С 1846 помощник столоначальника почтового департамента, в 1847—1854 в таможне, в 1854—1857 в Министерстве финансов, коллежский советник. В 1857—1858 псковский вице-губернатор. В 1858—1860 таврический вице-губернатор, в 1861—1864 петербургский вице-губернатор, января 1865 по июль 1866 петербургский губернатор.

Левашов Николай Васильевич (1828—1888) — генерал-адъютант. После Пажеского корпуса на службе в кавалергардском полку. С 1847 флигель-адъютант свиты его величества; с 1852 штаб-ротмистр. Участвует в Крымской войне, с 1859 полковник, командир лейб-гвардии стрелкового батальона. В 1861—1866 генерал-майор, орловский губернатор: в этом качестве описан Н. Лесковым. В 1866—1871 петербургский гражданский губернатор. В 1871—1874 помощник шефа жандармов и управляющий III Отделением. При нем построены Финляндский вокзал, несколько новых больниц.

Лутковский Иосиф Васильевич (1814—1891) — действительный статский советник. После окончания Горного училища — в инженерной команде, прапорщик. С 1844 командир эскадрона, с 1848 штабс-капитан. В 1849—1851 в Министерстве иностранных дел, с 1851 в Министерстве императорского двора, надворный советник. В 1852—1857 управляющий Костромской удельной конторой, в 1857—1862 управляющий Старорусской удельной конторой, коллежский

советник, статский советник. В 1862—1865 управляющий Новгородской удельной конторой, затем в отставке. В 1868—1871 петербургский вице-губернатор, в 1872—1873 и. о. петербургского губернатора, в 1874—1889 петербургский губернатор. При нем проводился интенсивный ремонт мостовых, окончен Свирский канал.

Трепов Федор Федорович (1809—1889) — генерал-адъютант. В 1828—1831 в департаменте государственных имуществ — копиист, губернский регистратор. В 1831 поступает рядовым в Новгородский кирасирский полк, участвует в подавлении польского восстания 1831—1832. С 1831 унтер-офицер, награжден солдатским Георгием, с 1834 поручик. С 1835 в жандармском полку, с 1836 в Одесском уланском, с 1838 командир эскадрона. В 1839—1844 адъютант командира дивизии. С 1844 командир эскадрона в жандармском полку, в 1854—1860 командир полка. В 1860—1861 варшавский обер-полицмейстер; за наведение порядка в городе награжден пожизненной пенсией. В 1863—1866 генерал-полицмейстер Царства Польского. В 1866—1873 петербургский обер-полицмейстер, в 1873—1878 петербургский градоначальник. Разогнал демонстрацию на Казанской площади. Инициатор первой антиалкогольной кампании. На него покушалась В. Засулич, которую впоследствии оправдали.

Зуров Александр Елпидифорович (1837—1902) — генерал от кавалерии. После Пажеского корпуса в лейб-гвардии, с 1859 поручик. С 1860 адъютант петербургского генерал-губернатора. С 1861 адъютант начальника Генштаба, в 1867—1870 офицер по особым поручениям при начальнике Генштаба, полковник. В 1870—1878 гродненский губернатор, генерал. В 1878—1880 градоначальник Петербурга. С 1880 служит в Министерстве внутренних дел, неоднократно выезжает

в губернии, пострадавшие от стихийных бедствий. В 1889—1899 управляющий Петербургским воспитательным домом.

Федоров Александр Владимирович (1838—?) — генерал-майор. С 1854 в лейб-гвардии, участвует в Крымской войне. С 1863 адъютант начальника жандармского управления Ярославской губернии. С 1866 управляющий делами Варшавского жандармского округа, с 1869 командир варшавского жандармского дивизиона, 1875 командир петербургского жандармского дивизиона, полковник. С 1878 помощник петербургского градоначальника, в 1880—1881 петербургский градоначальник.

Баранов Николай Михайлович (1837—1901) — сенатор, генерал-лейтенант. После Морского корпуса участвует в Крымской войне, находится в длительном плавании, служит на торговых судах. С 1863 командир батареи в Кронштадте, с 1864 начальник модельной мастерской петербургского порта, в 1866—1876 начальник Морского порта. С 1877 командир военного корабля на Черном море, участвовал в русско-турецкой войне. С 1879 адъютант генерал-губернатора Петербурга И. В. Гурко, с 1880 в Министерстве внутренних дел. С 1880 ковенский губернатор. По рекомендации Победоносцева в марте 1881, после убийства Александра II, назначается градоначальником Петербурга, но пробыл им недолго — до сентября. В 1881—1882 архангельский губернатор, в 1882—1897 нижегородский губернатор.

Козлов Александр Александрович (1837—после 1916) — генерал-адъютант. После Пажеского корпуса в лейб-гвардии. С 1861 адъютант генерал-губернатора А. А. Суворова. В 1867—1869 полицмейстер Риги. В 1869—1877 помощник петербургского обер-полицмейстера, затем помощник градоначальника. В 1878—1881 московский обер-полицмейстер. В 1881—1887

петербургский обер-полицмейстер. С 1888 попечитель Московского коммерческого училища. При нем начала работу первая в России телефонная станция на 128 номеров.

Гресер Петр Аполлонович (1832—1892) — генерал-лейтенант. После кадетского корпуса участвует в Крымской войне, с 1862 старший адъютант штаба полка. В 1870—1871 чиновник по особым поручениям при киевском губернаторе. С 1871 волынский губернатор, с 1878 член Совета по управлению Болгарией. В 1880—1882 харьковский губернатор, в 1882—1883 петербургский обер-полицмейстер, в 1883—1892 градоначальник Петербурга. При нем началось электрическое освещение Невского проспекта.

Валь фон Виктор Вильгельмович (1840—1915) — генерал от кавалерии, член Госсовета. После Инженерного училища служит в инженерных войсках. С 1863 адъютант главнокомандующего Варшавским военным округом, участвует в подавлении польского восстания. С 1875 в Министерстве внутренних дел, в 1875—1878 ярославский вице-губернатор, в 1878—1879 гродненский губернатор, в 1879—1880 харьковский губернатор, в 1880—1884 витебский губернатор, в 1884—1885 волынский губернатор, в 1889—1891 курский губернатор. Его бросали, как говорится, «на прорыв». В 1892—1895 петербургский градоначальник. Ревизовал заводы и фабрики на предмет санитарного и пожарного состояния. В 1896—1901 управляющий институтом для девиц-сирот. В 1901—1902 виленский губернатор; ранен террористом. В 1902—1904 товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов.

Клейгельс Николай Васильевич (1850—после 1916) — генерал-адъютант. После кадетского корпуса и кавалерийского училища — в лейб-гвардии, участник русско-турецкой войны, награжден орденами и золотой

саблей. В 1888—1895 обер-полицмейстер Варшавы, в 1895—1904 петербургский градоначальник. При нем уволены все рабочие фабрики Штиглица — за забастовку, отселены на окраину все публичные дома. В 1904—1905 киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. С 1905 в Военном министерстве.

Толь Сергей Александрович (1848—1918) — обер-егермейстер, член Госсовета. После Петербургского училища правоведения титулярный советник в Министерстве юстиции. С 1872 помощник столоначальника, с 1874 помощник обер-секретаря Сената, камер-юнкер. С 1877 чиновник по особым поручениям при министре юстиции, с 1878 консультант в министерстве, коллежский советник. Женитьба на дочери обер-прокурора Синода Д. А. Толстого способствовала карьере: с 1883 камергер, действительный статский советник, егермейстер. В 1889—1903 петербургский гражданский губернатор. При нем открыто 12 больниц, увеличено количество сельских школ. С октября 1914 работает в Российском Красном Кресте. В мае 1917 отправлен на пенсию. В сентябре расстрелян по приговору ЧК. При нем открыт памятник Пушкину в Царском Селе.

Фуллон Иван Александрович (1844—1920) — генерал-адъютант. После Николаевского гвардейского юнкерского училища — в лейб-гвардии, участвует в подавлении польского восстания. С 1863 на службе в Варшавском военном округе. С 1874 в военно-походной императорской канцелярии, с 1883 командир пехотного полка, с 1884 член петербургского военно-окружного суда. В 1887—1890 командир Двинского пехотного полка, в 1890—1895 командир петербургского гренадерского полка, в 1895—1899 командир гвардейской пехотной бригады, с 1899 — дивизии. В 1900—1904 помощник варшавского генерал-губернатора. С февраля 1904 по январь 1905

петербургский градоначальник. Способствовал созданию Собрания русских фабрично-заводских рабочих под руководством Гапона. В 1906—1911 командир пехотного корпуса, в 1906—1914 в Отдельном корпусе жандармов. С 1915 в отставке.

Дедюлин Владимир Александрович (1858—1913) — генерал-адъютант. После Пажеского корпуса служит в лейб-гвардии, участник русско-турецкой войны. В 1880—1883 слушатель академии Генштаба, затем в армии. С 1898 помощник начальника отдела Генштаба, в 1900—1903 начальник управления военных сообщений. С 1902 начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, с 1904 командующий Отдельным корпусом жандармов. С января по декабрь 1905 петербургский градоначальник. С 1906 командующий Отдельным корпусом жандармов. В 1907—1913 дворцовый комендант.

Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — генерал-майор. После Пажеского корпуса в лейб-гвардии, участник русско-турецкой войны в отряде генерала И. Гурко, награжден орденами. С 1893 ротмистр, командир эскадрона. С 1895 полковник, помощник командира полка. В 1896—1905 обер-полицмейстер Москвы, генерал-майор. С января по октябрь 1905 генерал-губернатор Петербурга и товарищ министра внутренних дел. Участвует в составлении конституционного манифеста. Известен как противник тогдашнего либерализма — «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!».

Лауниц фон дер Владимир Федорович (1855—1906) — генерал-майор. После Пажеского корпуса служит в лейб-гвардии, участник русско-турецкой войны в отряде генерала И. В. Гурко, награжден орденами. В 1878—1880 при главнокомандующем русской армией в Болгарии. С 1887 в чине полковника в отставке. В 1895—1900 харьковский уездный предводитель. В 1901—1902 архангельский вице-губернатор, в 1902—1905

тамбовский губернатор, шталмейстер. С декабря 1905 по декабрь 1906 петербургский градоначальник. Убит эсером Кудрявцевым.

Зиновьев Александр Дмитриевич (1854—1931) — шталмейстер, член Госсовета. После Петербургского университета в лейб-гвардии, в 1880 поручиком выходит в отставку. В 1884—1902 служит по выборам, с 1892 камер-юнкер.. С 1896 член совета Госбанка, в 1897—1902 предводитель петербургского губернского дворянства, с 1897 шталмейстер. В 1903—1911 петербургский гражданский губернатор. С 1911 член Госсовета, с 1913 член комиссии по Царскому Селу, с 1914 главноуполномоченный Красного Креста. В декабре 1917 в отставке, дважды арестовывался ЧК, в 1918 выслан в Эстонию. При нем улучшено городское освещение, открыто семь бесплатных читален.

Драчевский Даниил Васильевич (1858—1918) — генерал-майор. После артиллерийского училища участвует в русско-турецкой войне, далее руководит перемещением войск, в 1903—1905 директор управления Финляндских казенных железных дорог. В 1905—1907 градоначальник Ростова-на-Дону, с 1907 по июль 1914 градоначальник Петербурга. При нем пущены первый трамвай и первый автобус, начата перестройка многих мостов. С 1914 в отставке по болезни, годом спустя на него заведено уголовное дело по растрате казенных денег.

Адлерберг Александр Васильевич (1860—1915) — шталмейстер. После Пажеского корпуса на службе в лейб-гвардии. С 1890 советник Уральского правления, коллежский советник, с 1891 уфимский вице-губернатор, надворный советник. С 1893 псковский вице-губернатор, в 1898—1903 пензенский губернатор, в 1903—1910 псковский гражданский губернатор. В 1911—1915 петербургский гражданский губернатор.

Обращал внимание на сохранения памятников архитектуры.

Оболенский Александр Николаевич (1872—1922) — генерал-майор. После Пажеского корпуса на военной службе; 9 января 1905 командует ротами преображенцев, стрелявшими в демонстрантов. В 1906 вследствие политической ситуации отстранен от должности, лишен звания флигель-адъютанта. С 1907 в Министерстве внутренних дел, коллежский асессор, затем делопроизводитель в Тамбовской губернии. В 1908—1910 костромской вице-губернатор, в 1910—1914 рязанский губернатор, в 1914—1916 петербургский градоначальник. Поддерживал «Союз русского народа».

Медем Николай Николаевич (1867—1916) — камергер. После Училища правоведения работает помощником следователя, с 1889 следователь Варшавского окружного суда. С 1893 товарищ прокурора в Митаве, с 1896 товарищ прокурора петербургского окружного суда. В 1902—1903 черниговский вице-губернатор, в 1902—1911 псковский вице-губернатор, в 1911—1915 псковский губернатор, с декабря 1915 по май 1916 петроградский губернатор, но из-за болезни практически не работал.

Балк Александр Павлович (1866—1957) — генерал-майор. После кадетского корпуса и военного училища служит в пехотном полку. В 1903—1916 помощник обер-полицмейстера Варшавы, с 1912 генерал-майор. С 1915 помощник московского обер-полицмейстера. С ноября 1916 по февраль 1917 петроградский градоначальник. В феврале 1917 арестован, в июле освобожден. Эмигрировал. Умер в Югославии.

Сабуров Александр Петрович (1871—1919) — статский советник, церемониймейстер. После Пажеского корпуса на военной службе. В 1901 в чине ротмистра в отставке, чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел. В 1902—1905 московский

вице-губернатор, в 1905—1915 служит в Геральдическом департаменте, в 1915—1916 вице-директор департамента общих дел Министерства внутренних дел, с мая 1916 по апрель 1917 петроградский гражданский губернатор. Уволен по своей просьбе.

Яковлев Евгений Иванович (1888—?) — губернский комиссар Временного правительства с марта 1917 по июль 1917. Помещик. На государственной службе с 1870. В начале 1890-х в чине надворного советника назначен земским начальником 1 участка уезда, к 1910 коллежский советник и мировой судья, а в январе 1905 председатель уездной земской управы. С 1914 председатель губернской земской управы, редактировал журнал «Петроградский земский вестник». За безупречную службу награжден пятью орденами. После июльского кризиса в отставке.

Авчинников Александр Александрович — губернский комиссар с июля 1917 по декабрь 1917. Помещик Шлиссельбургского уезда, член Петроградской земской управы.

Зиновьев (Апфельбаум, Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936) — из семьи мелкого предпринимателя Херсонской губернии. Участник революции 1905—1907, избирался членом Петербургского комитета РСДРП. С 1908 по 1917 в эмиграции. В апреле вместе с Лениным и другими политэмигрантами возвратился в Петроград. В июльские дни 1917 по решению ЦК скрывался вместе с Лениным в Разливе. На заседаниях ЦК в октябре выступил совместно с Каменевым против курса на вооруженное восстание. С декабря 1917 по март 1926 председатель Петроградского Совета. Одновременно в годы гражданской войны председатель Комитета революционной обороны Петрограда, председатель СНК Петроградской трудовой коммуны, член РВС 7-й армии.

В 1919—1926 председатель Исполкома Коминтерна. В 1927 за оппозиционную деятельность был исключен из ВКП (б), но в 1928 восстановлен. В последующие годы работал в правлении Центросоюза, в Наркомпросе РСФСР, занимался литературной деятельностью. В 1932 вновь исключен, в 1933 опять восстановлен. В декабре 1934 арестован и в январе 1935 осужден по делу о «Московском центре». В 1936 по делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра» приговорен к расстрелу. В 1988 реабилитирован.

Кубяк Николай Афанасьевич (1881—1937) — из рабочей семьи. Начиная в Бежице рабочим паровозостроительного завода. С 1902 член Брянского комитета РСДРП. Участник революции 1905—1907. Вел нелегальную революционную деятельность в Петербурге, Сестрорецке. Неоднократно арестовывался. С 1908 по 1915 в тюремном заключении и ссылке. В 1917 — председатель Сестрорецкой земельной управы, секретарь райкома РСДРП(б), депутат Петроградского Совета. В 1918—1921 председатель Петроградского губкома партии, заместитель председателя губисполкома, комиссар земледелия Северной области, председатель ЦК Союза работников земли и леса. С июня 1921 по сентябрь 1922 работал в аппарате ЦК РКП (б). В 1922—1926 секретарь Дальбюро ЦК РКП (б). В феврале 1927 избран секретарем ЦК ВКП(б). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1927—1930. С 1928 нарком земледелия РСФСР, в 1931—1934 председатель Ивановского облисполкома, в 1934—1937 председатель Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 необоснованно репрессирован, в ноябре того же года расстрелян. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956.

Залуцкий Петр Антонович (1888—1937) — из рабочих. В социал-демократическом движении с 1904.

Примыкал к социал-революционерам. Участник революции 1905—1907. Работал в Петербурге, затем уехал в Сибирь. Вел подпольную революционную деятельность в Чите, Владивостоке. Неоднократно арестовывался, ссылался. С 1911 вновь в Петербурге. Работал на Франко-русском заводе, входил в Исполнительную комиссию городской организации большевиков. Участвовал в создании газет «Звезда» и «Правда». Сосланный властями на Север, потом в Сибирь, дважды бежал и возвращался в Петроград. В 1917 член Петросовета, член Петербургского комитета РСДРП (б), в составе Петроградского военно-революционного комитета. В 1918—1920 на ответственных должностях в Красной Армии. С 1921 член Президиума, секретарь ВЦИК. В 1922—1925 секретарь Уральского, затем Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), Петроградского (с 1924 — Ленинградского) губкома РКП(б). XV съезд партии исключил его из рядов ВКП(б). В 1928 был восстановлен. С 1928 по 1934 председатель Нижневолжского крайсовнархоза, начальник строительства Шатурской ГРЭС, управляющий трестом «Строймашина». В декабре 1934 был арестован. Расстрелян в 1937. Реабилитирован в 1962.

Евдокимов Григорий Еремеевич (1884—1936) - из крестьянской семьи. В 15 лет начал трудиться матросом на речном судне. Вел революционную работу среди населения Омска и Павлодара. Спасаясь от преследования полиции, в 1913 уехал в Петербург. Работал на заводах, участвовал в забастовочном движении. Неоднократно подвергался арестам, ссылался. С 1917 вновь в Петрограде. Участвовал в создании отрядов Красной гвардии, установлении советской власти в районах северо-запада России. В годы Гражданской войны был начальником политотдела 7-й армии, затем на профсоюзной и

советской работе: председатель Петроградского совета профсоюзов, заместитель председателя Петросовета. С сентября 1925 первый секретарь Ленинградского губкома РКП(б), с 1 января по апрель 1926 секретарь ЦК ВКП(б). В 1927 выведен из состава ЦК и исключен из рядов ВКП(б). Восстановлен ЦКК ВКП(б) в партии в 1928. В 1927—1928 член правления Центросоюза, заместитель председателя Ульяновского губплана. С 1929 председатель облсоюза сельхозкооперации в Самаре, затем работал начальником Главного управления Наркомата пищевой промышленности СССР. В 1934 репрессирован, в 1936 расстрелян. Реабилитирован в 1988.

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1934) — революционер, из мещанской семьи. В 1904 окончил Казанское механико-техническое училище. В том же году переехал в Томск, работал чертежником в городской управе. В 1905 избран членом Томского комитета РСДРП. Вел партийную работу в различных городах Западной и Восточной Сибири. Неоднократно арестовывался, подвергался тюремному заключению. Скрываясь от преследований полиции, уехал на Северный Кавказ, где продолжил подпольную революционную деятельность, легально работая в редакции буржуазно-либеральной газеты «Терек» (г. Владикавказ). В 1917 член Владикавказского Совета. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1918—1920 гг. один из руководителей обороны Астрахани, член РВС армии, Южной группы войск Красной Армии. В 1920 направлен полпредом РСФСР в меньшевистскую Грузию. С 1921 по 1925 секретарь ЦК КП Азербайджана. В 1926—1934 первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) ВКП(б). Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. 1 декабря 1934 г. погиб, став жертвой террористического акта.

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — революционер, из семьи инспектора народных училищ. С 16 лет участвовал в социал-демократическом движении. Член Тверского комитета РСДРП в 1916. Был мобилизован в армию. В 1917 вел революционную работу на Урале в г. Шадринске: избирался председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, председателем комитета РСДРП(б). В 1918—1921 на политической работе в Красной Армии, затем в Твери — член губкома партии, председатель губисполкома. В 1922—1934 заведующий отделом, первый секретарь Нижегородского губкома, Горьковского крайкома партии. С 1934 по 1948 секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно — с декабря 1934 до конца 1944 первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны — член военных советов Северо-Западного направления, Ленинградского фронта. Один из организаторов обороны Ленинграда. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980) — из рабочей петербургской семьи. В 15 лет в Красной Армии, служил до 1921. После кооперативного техникума работал в сибирской кооперации. В 1935 окончил Ленинградский текстильный ин-т. Работал в Ленинграде мастером, начальником цеха, директором прядильно-ткацкой фабрики. С 1939 зав. отделом обкома ВКП(б), председатель исполкома Ленгорсовета. С 1939 нарком текстильной промышленности, с 1940 заместитель Председателя СНК СССР, одновременно (в 1943—1946) Председатель СНК РСФСР. Далее — на ответственных должностях в Совете министров СССР. В 1964—1980 Председатель Совета министров СССР, Член Политбюро в 1948—1952 и 1960—1980.

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) — из рабочей семьи. Был бракером-сортировщиком

лесопильного завода. В 1924—1932 на комсомольской работе: секретарь Ореховского волисполкома, инструктор, заведующий отделом, секретарь Боровичского укома, затем секретарь Маловишерского укома, заведующий отделом Новгородского окружкома, секретарь Чудовского райкома комсомола, в аппарате Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ. С 1932 партийный работник: инструктор Ленинградского горкома, второй секретарь Смольнинского, первый секретарь Дзержинского райкомов партии г. Ленинграда. В 1937—1938 заведующий отделом, второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). В 1938—1945 второй секретарь Ленинградского горкома партии. В годы Великой Отечественной войны — заместитель председателя комиссии по вопросам обороны Ленинграда, член Военного совета Северного и Ленинградского фронтов. Возглавлял Комиссию по строительству оборонных сооружений, участвовал в формировании отрядов народного ополчения, партизанских отрядов. В 1945—1946 первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С марта 1946 секретарь ЦК ВКП(б). В августе 1949 арестован в связи с «ленинградским делом», 1 октября 1950 расстрелян. В 1954 реабилитирован.

Попков Петр Сергеевич (1903—1950) — из рабочей семьи. С 1939 председатель Ленсовета, один из активных организаторов обороны города в 1941—1944. Занимался эвакуацией населения, системой ПВО. С 1946 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Арестован прямо в приемной Маленкова — проходил по «ленинградскому делу». Обвинялся в том, что скрыл факты голосования против партийного руководства Ленинграда на партконференции 1948. Расстрелян, реабилитирован в 1956.

Андрианов Василий Михайлович (1902—1978) — из крестьянской семьи. В 13 лет стал учеником портного,

был батраком, чернорабочим на железной дороге. В 1924—1925 служил в Красной Армии. После демобилизации работал председателем правления кредитного товарищества в Бежицком уезде. В 1928—1931 учился на рабфаке в Московском институте имени Карла Либкнехта. Одновременно избирался секретарем парткома этого института. В последующие годы работал в аппаратах райкомов партии Москвы и Московской области, Московского горкома ВКП(б), был студентом МГУ. С 1937 вновь на парторботе: секретарь Ковровского горкома, в аппарате ЦК ВКП(б), секретарь Сталинградского обкома, первый секретарь Свердловских обкома и горкома ВКП(б). В 1946—1949 заместитель начальника Управления ЦК партии по проверке парторганов, заместитель председателя Совета по делам колхозов при правительстве СССР. С февраля 1949 первый секретарь Ленинградского обкома партии, с конца 1953 по август 1956 заместитель министра Госконтроля СССР. На пенсии с 1956.

Козлов Фрол Романович (1908—1965) — из крестьянской семьи. В 1923 рабочий-текстильщик на фабрике в Касимове. В последующие годы — на комсомольской работе. В 1936 окончил Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. Работал инженером, начальником бюро Ижевского металлургического завода. С 1939 секретарь парткома завода, секретарь Ижевского горкома ВКП(б). В 1944—1947 в аппарате ЦК ВКП (б). В 1947—1949 второй секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б). С 1949 работал в Ленинграде: парторг ЦК ВКП (б) на Кировском заводе, секретарь горкома, второй секретарь обкома партии. В 1953—1957 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. С декабря 1957 Председатель Совета Министров РСФСР, с марта 1958 первый заместитель

Председателя Совета Министров СССР. В 1960—1964 секретарь ЦК КПСС. Умер от последствий инсульта.

Спиридонов Иван Васильевич (1905 —1992) □ из крестьянской семьи. В 1925 слесарь на одном из ленинградских заводов, с 1927 начальник ОТК цеха, главный технолог, директор промышленных предприятий в Орле, Кузнецке, Ленинграде. В 1939 окончил Ленинградский заочный индустриальный институт. С 1950 — на партийной и советской работе: первый секретарь Московского райкома партии в Ленинграде, заместитель председателя исполкома Ленинградского областного Совета, заведующий отделом, секретарь обкома. В 1956—1957 первый секретарь Ленинградского горкома КПСС. В 1957—1962 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, одновременно в 1961—1962 секретарь ЦК КПСС. С 1962 по 1970 Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. С 1970 г.— на пенсии.

Толстиков Василий Сергеевич (1917—?). С 1934 десятник, техник, прораб на шахтах. После ин-та главный инженер строительного управления. В 1940—1946 служит в армии, участник войны. С 1946 начальник участка, начальник производственно-технического отдела треста, главный инженер строительного треста. С 1952 зам. заведующего, заведующий Ленинградского обкома КПСС, первый секретарь Гатчинского горкома, первый зам. пред. Ленгорисполкома, второй секретарь обкома. С 1962 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. С октября 1970 посол в Китае.

Романов Григорий Васильевич (р. 1923) □ из крестьянской семьи. В годы Великой Отечественной войны на фронте. В 1946—1954 работал конструктором, начальником сектора Центрального конструкторского бюро Министерства судостроительной промышленности. В 1953 заочно окончил Ленинградский кораблестроительный институт. В 1954

—1961 секретарь парткома завода, секретарь, первый секретарь Кировского райкома партии Ленинграда. В 1961—1963 секретарь Ленинградского горкома, секретарь обкома партии. С 1963 по 1970 второй секретарь, с 1970 по 1983 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1983—1985 секретарь ЦК КПСС. Член Политбюро в 1976—1985. С 1985 на пенсии.

Зайков Лев Николаевич (р. 1923) — из рабочей семьи. В 1940 ученик лекальщика на заводе в Ленинграде. Работал слесарем на оборонных предприятиях, затем начальником группы, мастером, старшим мастером, заместителем начальника, начальником цеха, начальником производства на заводах Саратова, Москвы и Ленинграда. В 1961—1974 директор завода, генеральный директор производственно-технического объединения. В 1963 окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. В 1974—1976 генеральный директор научно-производственного объединения в Ленинграде. В 1976—1983 председатель исполкома Ленгорсовета. С июня 1983 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, с июля 1985 секретарь ЦК КПСС. Одновременно в ноябре 1987—ноябре 1989 первый секретарь Московского горкома КПСС. Член Политбюро в 1986—1990. С 1990 на пенсии.

Соловьев Юрий Филиппович (р.1925) — из рабочей семьи. В 1943—1944 служил в армии. Был ранен на фронте, демобилизован, работал военруком средней школы. После окончания в 1951 Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта — начальник смены, участка, главный инженер, начальник управления строительства Ленинградского метрополитена «Ленметрострой». В 1973—1974 заместитель председателя Ленинградского горисполкома. С 1974 на партийной работе: секретарь,

второй секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1978—1984 первый секретарь Ленинградского горкома партии. В 1984—1985 министр промышленного строительства СССР. С июля 1985 до середины июля 1989 первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Кандидат в члены Политбюро в 1986—1989. С 1989 на пенсии.

Гидаспов Борис Вениаминович (р. 1933) — доктор наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Ленинской и Государственной премии. Директор оборонного института. В 1989 избран народным депутатом СССР, через полгода стал первым секретарем горкома КПСС, а вскоре и первым секретарем обкома. Был одним из инициаторов «коммунистического» митинга 22 ноября 1989. Столкнувшись с плюралистической вольницей политической жизни города, не смог найти новые средства управления городом, овладеть новыми методами политической деятельности в условиях демократизации политической жизни и избрал знакомые, привычные ему методы. В управлении городом был переходной фигурой.

Собчак Анатолий Александрович (1937—2000) — юрист, окончил юридический факультет Ленинградского ун-та. Работал адвокатом и заведующим юридической консультацией в Ставропольском крае. Преподавал право в Ленинградской школе милиции, в Ленинградском технологическом институте. С 1982 заведующий кафедрой хозяйственного права юридического ф-та Ленинградского ун-та. Народный депутат СССР (1989—1991), член Верховного Совета СССР (1989—1991). В 1990 избран депутатом, затем председателем Ленсовета. В 1991 избран мэром Петербурга. С 1994 председатель правительства Петербурга. В 1996 баллотировался на пост губернатора Санкт-Петербурга,

но не прошел. Один из инициаторов демократических реформ в России. Лауреат «Премии памяти» (Франция) «за наибольший вклад в восстановление и сохранение исторической памяти народа». В феврале 2000 был назначен доверенным лицом кандидата в президенты РФ Владимира Путина и возглавил Политический консультативный совет демократических партий и движений Петербурга. В том же феврале скончался в Светлогорске.

Яковлев Владимир Анатольевич (р. 1944) — из рабочей семьи. Родился в якутском г. Олекминске, куда из блокадного Ленинграда была эвакуирована его мать. Закончил Ленинградский монтажный техникум, а позднее — Ленинградский политехнический ин-т. Работал мастером на стройке, управляющим ремонтно-строительным трестом, затем — главным инженером территориально-производственного жилищного хозяйства. С 1993 первый заместитель мэра Петербурга, возглавлял комитет по управлению городским хозяйством. После июньских выборов 1996 — губернатор Петербурга, член Совета Федерации России, председатель Комитета по экономической политике Совета Федерации. В 2000 переизбран на второй срок. Кандидат экономических наук, профессор кафедры горного хозяйства в Политехническом ун-те, академик Международной инженерной академии.

ХРОНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА XVIII СТОЛЕТИЯ

16 мая 1703 Заложена крепость Санкт-Питербурх (Петропавловская)

май 1703 Возведение домика Петра I

август 1703 Первое наводнение в Петербурге

осень 1703 Окончательная постройка крепости

октябрь 1703 Строительство деревянного собора св.

Троицы

1703 Образование Троицкой площади

1703 Иоанновский наплавной мост
1704 Строительство Адмиралтейской верфи
1704 Открытие первой аптеки
1705 Сооружение Адмиралтейской крепости
1706 На воду спущено первое военное судно
1706 Каторжный двор при Адмиралтействе
август 1708 Последний поход шведов на Петербург
1708 Сооружение петропавловского кроенверка
1710 Основание Александро-Невского монастыря
1710—1712 Строительство Меншиковского дворца
1710 Начало работ по мощению улиц
1710 Строительство Летнего дворца Петра I
1711 Возник Сытный рынок
1711 Возведен первый Зимний дворец
1711 Открыта первая типография на Троицкой
площади
1711 Основание пушечно-литейного двора
1711 Первые публичные спектакли
1711 Возведен Екатерингофский дворец
1712 Первая типография
1712 Переезд царского двора в новую столицу
1712—1732 Строительство Петропавловского собора
1712 Начало работ по устройству каналов
1713 В Лейцпиге вышел первый путеводитель по
Петербургу
1713 Открыта бумажная мануфактура
1713 Открыт первый свечной завод
1713 Отлиты первые медные пушки
июнь 1714 Указ о постройке домов
1714 Строительство Кикиных палат
1714 Первый подъемный мост через Неву
1714 Учрежден Почтамт
1714 Основан Аптекарский огород
1714 Школа словесной науки
1715 Образована Морская академия
Строительство Аничкова моста

1715 Строительство порохового завода на Охте
Строительство Партикулярной верфи
1715 Открыт первый стекольный завод
1716 Открыт первый пивоваренный завод
Основана шпалерная мануфактура
1716—1719 Строительство второго Зимнего дворца
Строительство Исаакиевской церкви
Генеральный сухопутный госпиталь
Прорыт Адмиралтейский канал
1717—1722 Строительство Благовещенской церкви
1718 Первые уличные фонари
1718 Учреждение Главной полицмейстерской канцелярии
1718 Организован яхт-клуб «Невский флот»
1718 Морская академия
Начало возведения соборов и корпусов лавры
Генеральный адмиралтейский госпиталь
1719 Лебяжий канал
Открыт кожевенный завод на Выборгской стороне
Строительство Ладожского канала
1718 Учреждена Главная полицмейстерская канцелярия
1718—1734 Строительство Кунсткамеры
Инженерная школа
1720 Крюков канал
1720 В Петропавловской крепости казнен царевич Алексей
Открыт первый сахарный завод
Постройка подъемных мостов
Строительство Сестрорецкого оружейного завода
1721 Артиллерийская школа
1721 Лиговский канал
Школа Феофана Прокоповича (Карповская)
Заложена Галерная гавань
Основание Волковского лютеранского кладбища
Строительство Двенадцати коллегий

Размещение Преображенского и Семеновского полков

1723 Построено здание музыкального театра

Указ о сословных местах в городе

1724 Открыт Монетный двор

1724 Основание университета при Академии наук

1724 Основана Академия наук

1726 Гимназия при Академии наук

Заложен дворец Петра II

1727 Открытие Кунсткамеры

1727 Исаакиевский мост

Начало навигации на Ладожском канале

Выход газеты «Ведомости»

Открытие первой общественной библиотеки

1730—е Открытие Малой перспективы (Средний проспект)

1730-е Основана Троице-Сергиева пустынь

1730-е Основано Смоленское православное кладбище

1730-е Основание Большого проспекта Петроградской стороны

1730-е Основание Малого проспекта Васильевского о-ва

1730-е Вознесенский мост

1730-е Возникновение Загородного проспекта

1730—1760-е Строительство шляхетского кадетского корпуса

1732 Сухопутный шляхетский корпус

Строительство церкви св. Симеона и Анны

Строительство Главной аптеки

Медико-хирургическая школа

Строительство Чернореченского завода

Строительство дома Апраксина

Строительство церкви св. Пантелеймона

Строительство дома Воронцова-Дашкова

Танцевальная (хореографическая) школа

1737 Возникновение Сенного рынка
1737 Административное деление города на 5 частей
1738 Измайловский мост
Строительство церкви Трех святителей
1740 Сооружение Ледяного дома
1741—1750-е Строительство Аничкова дворца
Открыт фарфоровый завод
Строительство якорного и медного заводов на
Ижоре
1747 Основано Смоленское лютеранское кладбище
Строительство Крестовоздвиженской церкви
Строительство Смольного монастыря
Строительство Воронцовского дворца
Строительство Шереметевского дворца
1752 Морской шляхетский корпус
1752—1754 Строительство Строгановского дворца
1753 Открыта Красносельская ситценабивная
мануфактура
Строительство Шуваловского дворца
Строительство дворца Вяземского
Строительство Никольского Морского собора
Строительство Зимнего дворца
1756 Учрежден Русский театр
1757 Учреждена Академия художеств
1759 Пажеский корпус
1760-е Строительство Юсуповского дворца
1760-е Прокладка Владимирского проспекта
Строительство дома Куракина
Строительство Владимирской церкви
Строительство Гостиного двора
Строительство дворца Разумовского
Строительство костела св. Екатерины
1764 Императорское общ-во благородных девиц
(Смольный)
Строительство Малого Эрмитажа
Строительство Андреевского собора

Строительство Академии художеств
1764—1790 Екатерининский канал (Грибоедова)
Открыт Каменный мост
Вольное экономическое общество
Строительство Князь-Владимирского собора
Вторая ситценабивная мануфактура
1766 Эрмитажный мост
1766 Казанский мост
Построен Верхне-Лебяжий мост
1768—1785 Строительство Мраморного дворца
1768 Оспопрививальный дом
1769 Построен Прачечный мост
1770—1780 Строительство Арсенала
Строительство Старого Эрмитажа
1771—1780 Армянская церковь св. Екатерины
Городской магистрат
Горное училище
1775 Лютеранская церковь св. Петра
Строительство Каменноостровского дворца
Самое сильное наводнение Петербурга
1777 Каменный мост
1778 Церковь Рождества св. Иоанна Предтечи
1779 Открыта Обуховская больница
1779 Вышел первый русский путеводитель по
Петербургу
1779 Создание Вольного российского театра
Исаакиевское училище
1780-е Формирование пл. Александра Невского
1780-е Построен дворец Безбородко
1780-е Построен Елагин дворец
1780-е Прорыт Бумажный канал
1781 Малый (Деревянный) театр на Царицыном лугу
1782 Установка Медного всадника
1782 Учреждена Управа благочиния
1782 Первое представление комедии «Недоросль»
Главное народное училище

Аларчин мост
1783 Открытие Каменного театра
1783 Мало-Калинкин мост
Строительство Эрмитажного театра
Строительство здания Академии наук
Строительство Таврического дворца
1783—1789 Разбит Таврический сад
Первая городская больница
Строительство Старо-Калинкинского моста
Выборы в Общую и Шестигласную думы
1785 Торговый мост
1785 Пикалов мост
1785 Симеоновский мост
Учительская семинария
1786 Матвеевский мост
1786 Старо-Никольский мост
1786 Учреждена Городская дума
Литовский замок
1787 Троицкая церковь
1787 Старо-Калинкин мост
1787 Построено торговое здание «Серебряные
ряды»
1789 Издание журнала «Почта духов»
1789 Построен Никольский рынок
1790-е Строительство Юсуповского дворца
1790-е Строительство дворца Бобринских
1790-е Основание Большеохтинского кладбища
Никольский рынок
1790 Троицкий собор Александро-Невской лавры
Основано Армянское кладбище
1795 Основана Российская национальная
библиотека
Строительство Михайловского (Инженерного) замка
Строительство Воскресенского канала
Издание «Санкт-Петербургского журнала»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. XVIII век

Литература

Августин. Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995

Авсеенко В. Г. История города С.-Петербурга в лицах и картинах. СПб., 1995

Агеева О. Г. Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века. СПб., 2000

Агеева О. Г. Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII в. М., 1981

Академия художеств СССР. 200 лет. М., 1959

Анекдоты о Петре Великом. М., 1830

Бакмейстер И. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого. СПб., 1786

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1841

Бартенев И. А. Зодчие и строители Ленинграда. Л., 1963.

Бастарева Л. И. Петропавловская крепость. Л., 1989

Беккер И. И. Академия художеств. Ист. очерк. Л., 1964

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958

Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997

Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991

Богданов И. А. Гостиный двор. Л., 1988

Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб., 2000

Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. П., 1918

Божерянов И. Н. Невский проспект. 1703-1903. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. СПб., 1903

Божерянов И. Н. Петербург в Петрово время. СПб., 1911

Божерянов И. И. Петербургская старина. 24 очерка. СПб., 1909

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1872

Булах А. Г. Каменное убранство центра Ленинграда. Л., 1987

Бумаги императрицы Екатерины II. СПб., 1872

В зеркале времен и судеб. СПб., 1997

Васильев В. Н. Старинные фейерверки России. М., 1960

Вейдемейер А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII века. СПб., 1846

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875

Вешняков В. И. Энциклопедия государственного хозяйства. 1797-1803. СПб., 1902

Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1990

Военная энциклопедия. СПб., 1910-1914

Воскресенский П. А. Законодательные акты Петра I. М., 1945

Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр от истоков до середины XVIII века. М., 1957

Высоцкий И. П. Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903

Георги И. Г. Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794

Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951

Герцен А. И. Былое и думы. М., 1982

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909

- Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 1-12. М., 1788-1789.
- Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957
- Голь Н. М. Первоначальствующие лица. СПб., 2001
- Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. М., 1957
- Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1947
- Девятисильная Д. Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого. Киев, 1918
- Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. СПб., 2001
- Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Ч. I-IV. М., 1857—1860
- Долгоруков П. В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1909
- Дубяго Т. Б. Летний сад. М.; Л., 1951
- Дягилев С. П. Русская живопись в XVIII в. СПб., 1902
- Еремина Н. С. Летний сад. Л., 1976
- Жидков Г. Русское искусство XVIII века. М., 1951
- Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М., 1947
- Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864
- Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865
- Записки фельдмаршала Миниха. СПб., 1874
- Записки Юст Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1899
- Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с

1703 по 1761 г., сочиненное Г. Богдановым, а ныне дополненное и изданное В. Рубаном. СПб., 1779

Итс Р. Кунсткамера. Л., 1989

Каганович А. Медный всадник: История создания монумента. Л., 1975

Канн П. Я. Петропавловская крепость. Л., 1955

Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений. СПб., 1889

Карлсон А. Летний сад при Петре I. Пг., 1923

Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990

Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников. М., 1913

Кнабе Г. С. Русская античность. М., 1999

Коваленская Н. Н. История русского искусства XVIII века. М.; Л., 1940

Корнилович К. В. На берегах Невы. Л., 1964

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992

Крестовский И. В. Монументальная и декоративная скульптура XVIII-XIX вв. Л., 1951

Кудрявцев А. И. Александро-Невская лавра. Л., 1986

Кузнецов С. С. Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л., 1955

Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1986

Культура и искусство петровского времени. Л., 1977

Лансере Н. Е. Летний дворец Петра I. Л., 1929

Лебедев Г. Е. Русская живопись первой половины XVIII века. М., 1938

Липман А. И. Петровская Кунсткамера. Л., 1945

Лисовский В. Г. Академия художеств. Л., 1982

Лонгинов М. Н. О петербургских дворцах XVIII века. М., 1873

Лукомский Г. К. Старый Петербург. Пг., 1917

Лукоянов С. Н. Природа Ленинграда и его окрестностей. Л., 1957

Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957

Любомиров П. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947

Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1978

Мацулевич Ж. Летний сад и его скульптура. Л., 1936

Москва — Петербург: Pro et contra. СПб., 2000

Мурзанов Н. А. Правительствующий Сенат. 1711-1911. СПб., 1911

Наука и культура России XVIII в. Л., 1984

Нежиховский Р. Река Нева. Л., 1973

Осьмнадцатый век. М., 1869

Отечественная история. Т. 1-3. М., 1994

Очерки истории Ленинграда. Л., 1955

Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т. 1-3. Л., 1980

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984

Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Л., 1925

Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1969

Пекарский Н. История Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870

Пекарский П. Н. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862

Петербург как феномен культуры. СПб., 1994

Петербург петровского времени. Л., 1948

Петербургские чтения-93. СПб., 1993

Петербургские чтения-97. СПб., 1997

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885

Петров П. Н. Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств. СПб., 1864

Пилявский В. И. Главное Адмиралтейство в Ленинграде. М., 1945

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Л., 1967

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1-12. Л., 1946-1977

Платонов С. Ф. Из бытовой жизни петровской эпохи. М., 1926

Покровская Т. В. Климат Ленинграда и его окрестностей. Л., 1967

Политические деятели России 1917. М., 1993

Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981

Природа Ленинграда и окрестностей. Л., 1964

Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913

Пушкарев И. Описание Санктпетербурга и уездных городов С.-Петербуржской губернии. СПб., 1839

Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990

Розадеев Б. А. Смольный. Таврический дворец. М.; Л., 1957

Россия в период реформ Петра I. М., 1973

Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990

Рудницкий В. С. Пожарное дело в Санкт-Петербурге. СПб., 1903

Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра: 1713-1913. СПб., 1913

Русская академическая художественная школа в XVIII веке. М.; Л., 1933

Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954

Русская культура последней трети XVIII века. М., 1997

Русское декоративное искусство: Восемнадцатый век. М., 1968

Русский биографический словарь. М., 1898-1918

Русский быт XVIII века по воспоминаниям современников. СПб., 1914

Салов В. В. Исторический очерк петербургских наводнений. СПб., 1898

Самусьев Г. Е. С.-Петербургский почтамт и его строители. Пг., 1923

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград.
Энциклопедический справочник. М., 1992

С.-Петербургская губерния. Список населенных мест. СПб., 1864

Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703-1903. СПб., 1903

Сашонко В. Н. Адмиралтейство. Л., 1982

Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1888

Семевский М. И. Слово и дело! 1700-1725. СПб., 1885

Семенова Л. Н. Быт и население Петербурга. XVIII век. СПб., 1998

Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974

Семенцов С. В. Судьба Санкт-Петербурга: рядовой областной город или одна из мировых столиц? СПб., 2000

Синявер М. М. Адмиралтейство. М., 1948

Соллогуб В. А. Петербургские страницы воспоминаний. СПб., 1993

Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. Л., 1953

Старый Петербург. Историко-этнографическое исследование. Л., 1982

Столетие Санкт-Петербургского городского общества. 1785-1885. СПб., 1885

Столпянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. Л., 1925

Столпянский П. Н. Петропавловская крепость. Пг., 1923

Столпянский П. Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989

Суслов А. Зимний дворец. Л., 1928

Терновец Б. Русские скульпторы. М., 1924

Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901

Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907

Туркистанов Н. Губернаторские списки. М., 1894

Указы Петра Великого с 1714 по 1725 г. СПб., 1739

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1-4. СПб., 1859-1863

Феномен Петербурга. СПб., 2000

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVIII столетиях. СПб., 1894

Шварц В. Ленинград. Художественные памятники. Л., 1958

Шкуринов П. С. Философия России XVIII века. М., 1992

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1903

Шумигорский Е. С. Император Павел I. СПб., 1907

Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1898

Щеголев П. Е. Алексеевский равелин. Л., 1929

Успенский А. И. Императорские дворцы. СПб., 1913

Этнография Петербурга — Ленинграда. Л., 1987

Яцевич А. Г. Крепостные в Петербурге. Л., 1933